

Я г ъ я с е н и

Р о ж д е н н а я и з
п л а м е н и

П р а т и б х а Р а й

- п е р е в о д с
а н г л и й с к о г о -

(с) Пратибха Рай

Пер. с ория: Прадип Бхаттачарья
Пер. с англ.: Кришна-карттिका даси (главы 1-12),
Авадатта деви даси (главы 12-57)
Редактура: Авадатта деви даси

Днепропетровск, 2011 год

О б а в т о р е

Пратибха Рай – выдающаяся орисская писательница-романист. В своих произведениях она пытается выявлять то, что скрыто от широких масс завесой тайны. Она пишет на разные темы; в ее романах находят отражения бесконечные противоречия современной жизни, людская отчужденность, философия гедонизма, коррупция в узких политических кругах и падение нравов.

В Ориссе (Индия) книга Пратибхи Рай «Ягьясени» стала бестселлером и неоднократно переиздавалась.

Г л а в а 1

«В о т и в с ё . Т в о я д о р о г а я
с а к х и »

Рукопись моя подходит к концу, но, кажется, мысли так и не нашли достойного выражения. Повествование жизни, полной смеха и слез, подобно неоконченному свитку трепещет на груди неумолимого Времени.

Паломник в страну Смерти оставляет позади все, но потери эти – лишь мнимые; в действительности он не теряет ничего. Лишь распадающееся тело остается позади, да и то – его ли? Душа улетает. И даже она принадлежала ли ему?

У небес нет ни конца, ни края; океан не выходит из берегов и не иссыхает; солнце не садится и не встает. Желания сердца и не исполнились, и не обмануты. Наши отношения также не имеют ни имени, ни конца. Чем завершу я свою небольшую повесть? Даже рассказав о жизни все, последнее слово мы непременно оставим при себе. Когда все желания исполнены, остается удовлетворение. После того, как все кончилось, остается благое начало. Начало и конец чего? Творение есть разрушение; начало также является концом. Таково могущественное Время, вечное и безграничное.

Ветерок разносит аромат цветов, и я задумываюсь: чье благоухание влечет к себе душу, покидающую тело? Куда направляется она, и откуда пришла?

Вожделение, гнев и жадность – врата в преисподнюю. Господи, неужели ад – это конец всему? Успеют ли сомнения рассеяться окончательно, прежде чем ледяные руки смерти заморозят душу сияющего произнести последнее слово?

Золотая пыль горы Меру скользит под одеревеневшими ногами. Люди, следуя за которыми всю жизнь, эти нежные стопы истекали кровью и болели, ушли Бог весть куда. Никто

из них ни разу не обернулся назад, чтобы посмотреть, каково мне. Неужели жалость стала бы для них непреодолимым препятствием на пути в рай? Кто из нас мечтал вознестись на небеса? Кто желал обрести царство? Кто хотел войны? Несмотря на то, что в действительности я была не причем, они вылили полную чашу вины на мою голову и ушли, бросив меня одну на пороге смерти. Это все равно, что дать невинному ребенку игрушку и через минуту отнять, заставив его плакать. К чему было устраивать этот изощренный спектакль - брать меня в последнее путешествие? Забавно шутить над тем, кто сам напрашивается на это. Но тот, кто не желает ничего, – зачем потешаться над ним? Что это, если не жестокость?

Тот, кто далек от брэнного, предвечный Пурушоттама, – первопричина и Владыка всего сущего. Что за игру Он затеял? Кому Он дает и у кого забирает?

Жизнь ускользает. Те, кто были моими спутниками, ушли вперед по дороге, ведущей в рай. В бескрайнем голубом небе все кажется незначительным. Сейчас, на пороге смерти, сдерживаемые доселе гордость и боль изливаются из сердца, подобно плавящемуся воску. Вопрос за вопросом разбивается о берег моего ума, и все же последнее слово останется недосказанным. «*Конец*» относится лишь к написанному. С каждой секундой я все отчетливее чувствую дыхание смерти. Я перечитываю свое письмо. Возможно, вселенская тайна – это вопрос о том, что такое жизнь. Именно поэтому, несмотря на опыт множества, жизнь окутана покровом тайны, где – радость и печаль, процветание и нищета, любовь и потери, рождения и смерти. Это письмо, начертанное кровью – мой единственный и последний спутник. Пусть не суждено мне дочитать его до конца, – знай, что я писала его Тебе – *прия-сакхе*, Говинде! О лучший из людей, Кришна! О Мадхусудана! Кришна склоняется к Твоим, подобным нежным лотосам, стопам.

Сейчас, в последние минуты жизни, я изливаю перед Тобой все печали, все молчаливо сносимые обиды. Я

сожалею о многом. Чего только не довелось претерпеть мне во имя *дхармы*! Я полагала, что приверженность *дхарме* и целомудрию позволит мне сопровождать мужей в рай, однако, едва мои стопы коснулись золотой пыли склона Гималаев, я поскользнулась и упала! Ни один из пятерых моих супругов даже не оглянулся; напротив, Дхармарадж Юдхиштхира, защитник справедливости, сказал Бхиме: «Вперед, не оглядывайся!»

Эти слова разбили мне сердце. Как призрачны брачные узы! Привязанность, любовь, самопожертвование и верность... Если человек и впрямь пожинает плоды собственных поступков, почему же тогда, посвятив себя стопам пятерых супругов во имя *дхармы* Юдхиштхиры, всю свою жизнь я была вынуждена нести бремя насмешек, оскорблений, презрения и клеветы?

Двапара-юга подошла к концу. В тот самый день, когда сын Абхиманью, Парикшит, взошел на престол Хастинапура, началась эпоха Кали. Говорят, меня сочтут одной из пяти *сати*, – прославленных своим целомудрием. Женщины и мужчины Кали-юги станут глумиться: «Если Драупади, у которой было пятеро мужей, называют *сати*, то к чему хранить верность одному супругу? Почему же тогда женщины Кали-юги, меняющие мужей одного за другим, не могут называться *сати*?» В глазах развращенных людей эпохи Кали Драупади станет посмешищем. Поймут ли они, что супруга пятерых мужей была обречена дюйм за дюймом сгорать в огне своего целомудрия? Царица Хастинапура, Драупади, станет героиней сплетен. О Кришна! О Васудева, Ты всемогущ! Только по Твоей воле Драупади прошла свой долгий жизненный путь. По Твоей воле глаза Драупади видели этот мир и грудь ее дышала. Неужели Ты разделишь с ней только добрую славу?

Сегодня, кровью, истекающей из сердца, Драупади излагает историю своей жизни на каменистых склонах священных Гималаев. Однажды, чтобы спасти мир, Ты вернешься на Землю, прочтешь эту повесть, написанную

несмываемыми, кровавыми буквами, и ахнешь. Довольно; для Драупади этого достаточно.

Ты – знаток сердец, от которого ничего не утаишь. Однако вопль израненного сердца достигает Твоих ушей лишь тогда, когда обращен к Тебе с молитвой. Поэтому ныне я открываю Тебе сердце.

Возможно, со временем меня обожествят, но я пришла в этот мир в теле человека. Наш учитель, великий мудрец Кришна Дваипаяна, считал меня небожительницей. В его глазах я святая. Мое многомужество он объяснил благословением Господа Шивы. Но я не богиня и не знаток предыдущих жизней. Поэтому сегодня, чувствуя дыхание приближающейся смерти, я буду говорить только правду. Моя история – это история простой смертной. Прочти же несмываемые строки этого письма! Пусть, узнав об ужасах моей жизни, люди Кали-юги сами решат, доводилось ли кому-нибудь из женщин когда-либо сносить подобные оскорбления. О Господь, пусть никогда и никому не придется страдать так же!

О *сакха*, в тот день, когда меня оскорбили во дворце Кауравов, потеряв веру в пятерых мужей, отбросив стыд, воздев руки к небесам, это к Тебе я обратилась с мольбой! Ныне, когда мужья опять бросили меня на произвол судьбы, я снова обращаюсь Тебе. Я посвящаю Тебе все – свои страдания и беды, оскорбления и боль разбитого сердца. Теперь я уже не принадлежу себе; почему же мое горе должно остаться со мной?

О Кришна, знаток сердец! Что укроется от Тебя? Тем не менее, я излагаю историю своей жизни. Горе можно облегчить, излив душу. Когда я открою Тебе сердце, все мои слабости, ошибки и заблуждения станут очевидны. Если мир обвинит меня, смогу ли я оправдаться? Я не сумела преодолеть свои слабости и тем самым избежать ошибок – возможно, поэтому путь на небеса для меня закрыт.

Время уходит. Тело измучено. Из разбитого сердца сочится кровь; это ею написано мое письмо. В смертный час

человек перестает владеть собой. Пусть же все страдания, накопленные за долгие годы, хлынут к Твоим лотосным стопам. Пусть мир увидит... О Говинда! Прошу Тебя, дай мне возможность досказать мою историю, не лишай меня памяти, – на пороге смерти я молюсь лишь об этом.

С чего же начать? Рождение? Но мое рождение не было обычным. Я родилась юной девушкой. Моя мать – жертвенный алтарь. Мой отец – Ягьясена. Так что я – Ягьясени.

Ягьясени! Царевна Панчалы – Панчали! Дочь царя Друпасы – Драупади!

Г л а в а 2

В Двапара-югу земли, принадлежавшие Куру и Панчалам, были сердцем Арьяварты. Потомки династии Бхараты, Куру, сделали Хастинапур, что на берегах Ганги, столицей своего царства. В то время он был гордостью и славой страны. Потомки царя Панчала не были подвластны Куру, – скорее, они были их соперниками.

Другом детства моего отца был Дрона, который позже стал учителем Пандавов. Некогда Дрона обратился к царю Друпасе за помощью, напомнив о давнишней дружбе. Сгоряча отец воскликнул: «Нищий брахман не может быть другом царя! Дружить могут только равные».

Оскорбленный Дрона немедленно покинул дворец. Позже он получил должность при дворе Куру, но его сердце по-прежнему жгла обида. Завершив учебу, Пандавы спросили Дрону о вознаграждении, и ответом было: «Свяжите царя Друпасу и бросьте к моим ногам!»

Третий из Пандавов, Арджуна, был любимым учеником Дроны и в совершенстве владел искусством стрельбы из лука. Во всей Арьяварте лишь Радхей Карна мог осмелиться бросить ему вызов. Для Пандавов задача была пустяковой – Арджуна пленил моего отца и бросил его к ногам Дроны.

Желая отомстить за нанесенное ему оскорбление, Дрона произнес: «Другом царя может быть только царь, однако теперь у тебя нет царства. Отныне северная часть Панчала принадлежит мне. Ты будешь владеть южными землями на берегах Ганги. Теперь мы равны. Ничто не мешает нашей дружбе».

Друпада, потерявший полцарства, был оскорблен. Северные земли Панчала были гораздо плодороднее, и Дрона забрал себе именно их. Воин-*кшатрий* не способен снести обиду. За подобное оскорбление можно было отомстить лишь смертью, но на стороне Дроны были великие воины: Бхишма, Карна, Шалья, Дурьйодхана с сотней своих братьев и огромная армия Хастинапура! Кто во всем Панчале мог справиться с ним? Дабы обрести сына, способного на это, царь Друпада умилился подвижника Упаягью, потомка мудреца Кашьяпы, и тот вместе с братом Ягьей согласился провести огненное жертвоприношение. Из священного пламени жертвенного огня появился сияющий юноша, мой брат Дхриштадьумна, а из самого алтаря родилась я – жемчужина цвета голубого лотоса, Ягьясени.

Люди перешептывались: «О, какая изысканная красота! Изумительно! Ее лик цветом напоминает лепестки голубого лотоса! Густые волосы струятся океанскими волнами, а большие, очаровательные глаза излучают мудрость! Своим безупречно красивым лицом и прелестной фигурой она подобна скульптуре, изваянной лучшим из мастеров. О, как она высока и стройна, какую красивую форму имеет ее грудь, как тонка ее талия, как округлы и упруги ее бедра! Пальцы ее рук и ног напоминают лепестки цветка *чампака*, ладони и стопы подобны розовым лотосам, зубы – жемчужинам, ногти – лунам, а улыбка ослепительнее, чем всполох молнии. Аромат, исходящий от нее, подобен благоуханию лотоса и даже сбивает с толку пчел». Красота моих волос, извивающихся подобно змеям, приводила в замешательство даже ветерок. В белых одеяниях, увенчанная белой короной, с белым лотосом в руке, я, подобная цветущему голубому

лотосу, появилась из жертвенного алтаря. Все мое тело источало красоту юности. Восхищенные поэты твердили, что при виде меня даже мудрецы, сидевшие вокруг алтаря, в совершенстве владевшие своими чувствами, были ошеломлены и смущены. Их губы, произносившие звуки ведических *мантр*, задрожали, а голоса прерывались. Некоторые юные подвижники упали без сознания. Даже листья деревьев перестали шелестеть; даже пламя жертвенного огня, казалось, застыло в воздухе. Возможно, само всемогущее Время остановилось в то мгновение. Это не самохвальство; я лишь повторяю то, что говорили люди. Придворные поэты восклицали: «Смуглокожая красавица, Шьяма! Невозможно достойно восславить ее очарование. Даже слагая стихи всю свою жизнь, не найти достойное сравнение ее непревзойденной красоте. Кришна бесподобна!» Тут прозвучало предсказание: «Эта женщина рождена, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное Друпде. Она появилась на свет, дабы исполнить его клятву. Она пришла, чтобы защитить *дхарму* и уничтожить *кшатриев*. Она станет причиной гибели Кауравов!»

Господь одарил меня несравненной красотой и великодушным сердцем. Открыв прекрасные глаза и взирая на Его удивительное творение, внимала я словам мудрецов и подвижников, совершавших *ягью*: я рождена не из семени, а в результате жертвоприношения, чтобы помочь отцу исполнить клятву. Еще до рождения судьба моя была predetermined – я должна была отомстить за обиду, нанесенную моему отцу! Я должна была стать орудием для того, чтобы защитить *дхарму* и очистить землю от грешников. В этом заключалась моя миссия.

Может ли женщина быть орудием сохранения *дхармы* и оружием, с помощью которого по мере надобности изгоняют зло? Неужели именно женщина – причина созидания и разрушения? Сита должна была стать орудием для того, чтобы покорить Ланку и утвердить власть Господа Рамы. Ей пришлось оставить все радости жизни и стать лесной

отшельницей. Затем ее похитил Равана, который мучил и оскорблял ее в ашоковом лесу. В конце концов *дхарма* восторжествовала. Миссия Господа Рамы была исполнена. Но что случилось с Ситой? Ее изгнали в лес, ее целомудрие подвергли испытанию! Не в силах слышать подобную клевету, земля разверзлась, чтобы приютить безупречную Ситу и скрыть ее печали, стыд и обиду. Одна мысль об этом пронзает мое сердце болью. Подумать только: смысл моей жизни – сохранение *дхармы* и уничтожение Кауравов! Замечтавшись о светлом будущем, внезапно я содрогнулась от дурного предчувствия. Сложив ладони, закрыв глаза, я взмолилась: «Господи, если мне суждено защищать *дхарму* на земле, я согласна терпеть все причитающиеся мне оскорбления и злословие, но, пожалуйста, дай мне сил, чтобы вынести это!»

Заметив задумчивое выражение моего лица, отец обрадовался. Благословляя, он коснулся моей головы:

– Ягьясени, ты рождена, чтоб отомстить за своего отца. Именно для этого вы с братом появились из священного огня. Моя жертва принята.

Я коснулась его стоп:

– Мой долг – исполнить твою волю. Да пребудут со мною твои благословения.

Отец промолчал. Глаза его наполнились слезами – сердце все еще терзала обида на Дрону. Я поклялась: «Если потребуется, я буду гасить этот огонь слезами всю свою жизнь!»

Провели обряд наречения именем. Брат родился в доспехах и сиял благородством. Мудрец Упаягья сказал отцу:

– Твой сын родился из огня. Он прославится тем, что сразит Дрону. Пусть же имя его будет – Дхриштадьумна.

С любовью глядя на меня, он произнес:

– Пусть дочь Друпеды, смуглоликая красавица, зовется Кришна.

«Кришна!.. Кришна и Кришна! Чудесно!» – отец просиял от удовольствия и обратил взор к небесам. Его счастье передалось мне. Я стала размышлять: «Кто такой Кришна? Одно Его имя столь сладостно...»

Отец с нежностью продолжал:

– О Кришна! Я предложу свою Кришну Тебе, ведь Ты – лучший из мужчин Арьяварты, великий герой! К тому же, Твоя миссия – утвердить *дхарму*. Ты – разбивающий гордость Говинда. Отдав Кришну Тебе, я верну себе честь. Кришна появилась на свет именно для этого.

Незнакомое чувство потрясло меня. Каждая клеточка моего тела наполнилась счастьем. Лучший из героев Арьяварты! Величайший воин и защитник *дхармы*! Кто бы не возжелал Его? Я поклялась отцу, что буду принадлежать Кришне. А иначе, зачем было мудрецу Упаягье называть меня Кришной?

Кришна и Кришна! Нектарный поток неземной, чистой любви наполнил мое сердце. В глазах блеснули слезы. Кто же это, величайший из людей, Кришна? Я не знала.

Г л а в а 3

Нитамбини была моей лучшей подругой. Однажды вечером, когда мы наслаждались легким ветерком в саду, я по секрету спросила ее:

– Кто такой Кришна?

Сакхи искоса взглянула на меня и, поджав губы, захихикала:

– Какое дело Кришне до Кришны?

Я рассмеялась:

– Отец говорит, что Кришна нужен всем, не только Кришне.

– Быть может, Кришна более других нуждается в Нем? – Нитамбини все еще озорно улыбалась.

Сохраняя спокойствие, я сказала:

– Я слышала, что Кришна пришел на Землю с какой-то особой миссией.

Нитамбини коснулась моего подбородка:

– *Сакхи*, забудь о Кришне!

– Почему? – спросила я в замешательстве.

– Послушай меня. Да, это правда, – Он мудр и благороден. Он дальновиден. Он опытный политик, Он могуч и бесстрашен. Он привлекателен подобно цветущему лотосу и столь же чист. Он отвечает на молитвы несчастных и на чувства любящих. За самую незначительную услугу Он вознаграждает сторицей. У Него большое, благородное сердце. Он несравненный герой, лучший из людей, но все же...

– Что? – удивилась я.

– Признаться, Он распутник. Он влюблен в шестнадцать тысяч *гопи*. Он так умело покоряет женские сердца, что, услышав чарующий звук Его флейты, девушки бросали все на свете ради свидания с Ним на берегу Ямуны. Правда, все это было в юности. Сейчас Он – правитель Двараки, защитник *дхармы*.

«Он самый достойный представитель рода человеческого... естественно, что женщины сходят по Нему с ума, забывая о мужьях, семьях и обо всем остальном. Однако, даже если бы сотни тысяч женщин были влюблены в Него – в чем Его вина? О, как бы мне хотелось хотя бы одним глазком увидеть Его, лучшего из людей! Интересно, как Он выглядит? Если я спрошу Нитамбини, мне не избежать насмешек. Она станет сплетничать с другими *сакхи*, непростительно преувеличивая мой интерес. Они станут нещадно дразнить меня», – подумалось мне. Я перевела разговор на другую тему:

– Знаешь ли ты о Его родословной?

Нитамбини расхохоталась:

– Семей да родословной интересуются только родители. Девушек же волнует внешность. Если ты узнаешь, как

выглядит Кришна, то сойдешь с ума! Ты скажешь: «Без Кришны моя жизнь напрасна!.. Немедленно приведите Его сюда, не то я умру!» Что тогда мне делать?

Я стала грезить, представляя себе, как выглядит Кришна. Его образ преследовал меня. Кто не предается мечтаниям в таком возрасте? Сколько радости несут в себе мечты! К сожалению, не все они исполняются. Но как жить, не мечтая?

Мы сидели в увитой лианами тенистой *тамаловой* роще. Отблеск закатного солнца окрасил небо и мои стопы алым. В прозрачных водах пруда благоухали голубые лилии. Случайные облака время от времени игриво скрывали лунный свет; завидев их, мой ручной павлин расправил хвост и приготовился к танцу. Нитамбини продолжала восхвалять красоту Кришны, а мое сердце танцевало в такт с павлином.

Я размышляла: «Как же выглядит Кришна? Наверное, Он такого же цвета, как это голубое *тамаловое* дерево или свинцовые тучи. Должно быть, очи Его подобны голубым лилиям, а волосы имеют оттенок голубого сапфира, как павлиньи перья. Очертания губ напоминают цветок *агастья*, руки и ноги – стебли лотоса, грудь - необъятное небо, а голос - пение кукушки весной. Его тело, источающее аромат *хенны*, смуглое и стройное, как дерево *чампака*...»

Я слушала Нитамбини, как зачарованная, она же искоса наблюдала за мной. После небольшой паузы она заговорила опять, на сей раз описывая сладкие объятия Кришны и упоение любви к Нему...

Опьяненная рассказом подруги, я лежала на ее коленях. Все мое тело трепетало, а сердце переполняли удивительные чувства. Никогда ранее я не испытывала ничего подобного. Что это было? Почему это произошло?

Нитамбини шептала мне в ухо: «Любовь к Кришне!.. Я вижу ее признаки. Боже мой, что же делать?..» Она уложила меня под деревьями на ковер лесных цветов и направилась к пруду за водой, чтобы привести меня в чувство. Я была в сознании и все понимала, но при этом словно перенеслась в какой-то волшебный мир. Куда бы я ни взглянула – Кришна...

голубое сияние... Кришна... голубое сияние... Весь мир был полон Кришны... полон любви... полон нектара... Кришна заполнил Собою весь мир!

Прежде чем Нитамбини успела принести воды, свинцовые тучи уронили несколько дождевых капель. Они упали на мое трепещущее тело с синего, как Кришна, *тамалового* дерева. О, чудо за чудом! Павлин овеивает мое лицо своим хвостом! Постепенно я собралась с силами и попыталась сесть. Мне было стыдно. Боже мой, что подумает обо мне *сакхи*? Нитамбини возвращалась с водой, и я смущенно закрыла лицо. Вместе с водой она принесла две лилии.

– Зачем ты сорвала цветы? Они бы всю ночь упивались лунным светом... Какая же ты жестокая, Нитамбини!

Не обращая внимания на мои слова, она окропила мое лицо водой. Я покорно сидела, не в силах вымолвить ни слова, сгорая от стыда и сожалея о сорванных лилиях.

Она коснулась моего лица лепестками лилии и прошептала:

– Я знаю, без целительного прикосновения Кришны эта болезнь неизлечима. Но как же привести сюда жителя Двараки? Посему с именем Кришны на устах я просто положу эти две лилии тебе на грудь. Пусть это исцелит тебя и даст тебе силы подняться. В противном случае твой отец пошлет за придворным лекарем. Ниланджана уже донесла ему обо всем. Что я скажу царю о твоей болезни?

С этими словами Нитамбини положила цветы мне на грудь. Я нежно обняла их: «Зачем же ты сорвала их, Нитамбини?» Я осторожно поднялась и села, пытаюсь собраться с мыслями.

Нитамбини взволнованно воскликнула:

– Царь прибыл! И не один...

Услышав о моей болезни, не на шутку встревоженный отец прибыл в сопровождении придворного лекаря. Что же я скажу ему? Что я потеряла рассудок, слушая о Кришне? Как смогу я смотреть отцу в глаза, если Нитамбини проболтается?

Стыд сковал меня. Гнев на Ниланджану начинал закипать. Зачем было докладывать отцу о таком пустяке? Я ненавидела лекарства и к тому же опасалась: что подумает о моей болезни придворный лекарь?

Приблизившись ко мне, отец с любовью сказал:

– Есть ли нужда в услугах придворного лекаря, когда с нами целитель всех недугов, Сам Кришна? Дочь моя, ничего не страшись!

И вновь сад наполнился ароматом *хенны*. Порывом ветра сорвало несколько цветков *тамалового* дерева, и они упали на меня. Тот же ветер принес мне павлинье перо, хотя павлина в саду давно уже не было. Не чудо ли это? Меня охватило неопишное волнение.

Я слышала ласковый голос отца:

– Дочь моя, прими благословения Кришны! Его присутствие здесь – знак твоей великой удачи.

Опасаясь лишиться чувств от прикосновения к павлиньему перу, я не стала поднимать его. Поняв меня, Нитамбини сказала:

– Я положу его с твоими стихами.

Боже мой, Нитамбини совсем потеряла стыд! Упомянуть в присутствии Кришны о том, что я пишу стихи, было совершенно неуместно. Что Он подумает, когда узнает об этом – Он, пыль с чьих лотосных стоп заставлял целый мир говорить стихами? Что подумает мой отец?

– Дочь моя, ты не желаешь прикоснуться к лотосным стопам Кришны? Он только что прибыл из Двараки. Узнав о твоей болезни, Он пожаловал сюда, в сад, вместе со мной.

Я все еще сжимала в руках две недавно сорванные лилии. Рядом со стопами моего отца красовались стопы, подобные голубым лотосам. Даже величайшие поэты мира не смогли бы описать их красоту. Не знаю, что за чары кроются в них... Я положила лилии к Его стопам. Сверху брызнули мои слезы.

Во время нашей первой встречи я видела только Его стопы. Кришна вернулся во дворец вместе с отцом. Я

неподвижно глядела им вслед, пока оба не скрылись из виду. Нитамбини привела меня в чувство:

– Что ты наделала! Предложила Кришне цветы, лежавшие на твоей груди! Что теперь будет?

Я растерянно повторила:

– И правда, что теперь будет?..

Всю ночь я видела перед собой эти стопы. Уж не знаю, сколько стихов я сложила. Однако я не была удовлетворена этим. Если мне не под силу описать очарование Его стоп, то как же воспеть красоту Его лица, глаз и уст, думала я. А коль скоро это невозможно, что проку в моих стихах?

Поэтичность живет в сердце каждого человека. Одни изливают свои чувства в стихах, другие – нет. Что же до меня, то я выражала в стихах все, что было у меня на уме.

Отец позаботился о моем образовании. И он, и мой учитель в один голос твердили, что моя жажда знаний неутолима. Я быстро овладела многими науками. Я преуспела в математике, музыке, живописи, кулинарии, цветочной аранжировке, в искусстве гостеприимства и во многих других предметах. Кроме того, я была одержима желанием писать стихи, и этому научилась сама, не дожидаясь отцовских благословений.

В нашем дворце нередко обсуждались писания, в том числе и поэзия. На эти собрания приглашали многих ученых, поэтов и мудрецов. Отец устраивал дискуссии ради моего удовольствия; он знал, что это привлекало меня больше, нежели пение и танцы. В такие часы я могла получить ответы на свои вопросы. Это было попыткой утолить мою ненасытную жажду знаний.

Как-то, во время дискуссии с Кришной Дваипаяной Вьясой, я спросила:

– Чтобы усвоить все знание, записанное в книгах, и изучить все науки, не хватит и жизни. Что же делать?

Ведавьяса рассмеялся:

– Тебя нужно было назвать не Кришна, а Тришна (Жажда). Дочь моя, жажда мучительна, однако жажда знаний есть источник блаженства. Ее не утолишь и за многие тысячи жизней, что уж говорить об одной? Обычную жажду можно утолить водой, однако жажда знаний по мере обучения лишь усиливается. Утолить *эту* жажду – значит закрыть врата постижения. Жизнь-поиск многоцветных раковин знания с берегов вечного времени – славная жизнь.

Восхищенная, я воскликнула:

– Я уже прочла все книги, которые дали мне учителя. Что же мне читать теперь?

Ведавьяса улыбнулся:

– Есть ли недостаток в книгах знания? Эта бескрайняя вселенная – суть библиотека. От атомов и молекул до планет и звезд – все это книги о творении Божьем. На их страницах – опыт каждого мгновения, пережитого этими пылинками. Посему каждый миг – предмет для изучения. Ученым, поэтам, мыслителям, провидцам - всех и не перечесть - не разгадать тайну бытия. Дочь моя, к чему книги? Изучай жизнь. Докажи, что в ней есть смысл. Бог сотворил каждого из нас с особой целью. В будущем тебя ждет немало испытаний – они станут главными уроками твоей жизни. Приготовься же к ним и пройди их с честью.

Провидец Ведавьяса безошибочно предсказал мое будущее. Я погрузилась в мечты, которые находили выражение в стихах.

Но как описать пережитое в тот день? Происшедшее оставило неизгладимый след в моем сердце. Как облечь это в слова? Размер каждой строки, запечатленной на странице того дня, был неповторим.

Г л а в а 4

Солнце еще не встало, когда чудесный звук разбудил меня. Чей-то сладкий голос у порога моей спальни повторял:

«Кришна! Кришна!» Кто бы это мог быть – в столь ранний час? Я прислушалась...

«Кришна... Кришна... Кришна...» Звучал ли тот голос в моем сердце или кто-то повторял это имя у закрытой двери моей спальни? Возможно и то, и другое. Я приоткрыла дверь. Внутренний дворик был залит алым светом утренней благодати. Несомненно, этот восход был непохож на прочие, в нем было что-то особенное... Но кто же пел имя Кришны?

«Кришна... Кришна... Кришна...» – сладкий голос доносился из позолоченной клетки. Это был мой ручной черный дрозд Ниламани. Накануне вечером Нитамбини рассказывала мне о Кришне – о Его рождении, детских подвигах, об играх с *гопи* и Радхарани в юности, о похищении Рукмини... Она пересказывала и множество других событий Его жизни. Чем больше она осуждала недостатки Кришны, тем большим уважением я к Нему проникалась. Я думала: «Если двенадцати лет от роду Он был героем Гокулы, что удивительного в том, что Он стал возлюбленным всех *гопи*? Хотя в Двараке у Него, помимо Рукмини и Сатьябхамы, множество жен, Он стал их мужем единственно ради *дхармы*, чтобы спасти их честь. Кришну, чье сияние превосходит блеск голубого сапфира, невозможно очернить. Если чарующий целый мир похищает женские сердца, что в этом дурного?»

Несомненно, Ниламани подслушал нашу беседу. С самого раннего утра он, вторя моему сердцу, принялся напевать имя Кришны. Открыв дверцу позолоченной клетки, я нежно погладила его:

- Ниламани!
- Кришна! Кришна! – отозвался он.
- Ниламани!!
- Кришна! Кришна!
- Ниламани!!!
- Кришна! Кришна!

Сколько бы раз я ни называла его по имени, ответом мне было имя Кришны. Тем самым Ниламани будто бы возвращал мне любовь. Я дивилась: откуда было птице знать, что, повторяя имя Кришны, она доставляет мне величайшее удовольствие?

Я притворилась рассерженной:

– Ниламани, немедленно прекрати!

Словно дразня меня, он снова ответил:

– Кришна! Кришна! Кришна! Кришна!

– Ниламани! Ниламани!

– Кришна! Кришна!

– О Ниламани, ты сведешь меня с ума!

Раздался смех. Неужели Ниламани научился смеяться? Но нет, это смеялась моя подруга, Нитамбини. Прикоснувшись к моим распущенным волосам, она сказала:

– С самого раннего утра ты повторяешь имя Кришны! А между тем, впереди целый день...

Вздвогнув, я обернулась и раздраженно бросила:

– Это не я, это Ниламани! Я всего-навсего пыталась остановить его.

Нитамбини скорчила гримасу и покачала головой:

– О да. Воистину, сокровище твоего сердца – Кришна, сияющий, подобно голубому сапфиру. Это Его любовно называют Ниламани. Не успев проснуться, ты повторяешь «Ниламани! Ниламани!»

Смутившись, я прикусила язык:

– Господи, откуда же мне было знать? Мою ручную птичку тоже зовут Ниламани. Ну и что с того?

– Ты сама назвала так своего питомца, – многозначительно глядела на меня Нитамбини.

Я призналась:

– Да, это я дала ему имя. Уж не знаю, чем оно мне так понравилось. Придворный поэт предложил длинный список имен, из которых я выбрала это.

– О да, моя дорогая царица, так оно и бывает... Иначе почему бы из всех известных имен тебе выбрали имя Кришна? О, как сладко ты произносишь имя Ниламани!

Я твердо сказала:

– Что на тебя нашло? Неужели ты впервые слышишь его? Я повторяю это имя изо дня в день!

– Да, ты права, мне слышать его не впервой, однако это будет сюрпризом для нашего высокого гостя, все еще отдыхающего в Своих покоях. Неужели ты хочешь потревожить Его?

– О чем ты? Я могу потревожить чей-то сон?

Нитамбини озорно взглянула на меня:

– Твое любовное повторение «Ниламани» и щебетание твоего дрозда «Кришна...Кришна...» разносится по Его покоям. Настоящий Ниламани, бедняжка, взволнован, подобно шмелю, опьяненному ароматом цветов. Он не может понять, кто же зовет Его с такой любовью. Право, царица, голос дрозда весьма напоминает твой... Когда я проходила мимо, Кришна спросил меня: «Чей это голос?» – и я ответила: «Это царица». Он рассмеялся. О, этот смех!.. Тебе повезло, что ты не слышала его! Он поверг меня в трепет!..

«О, что подумает обо мне Кришна?» – подумала я, смутившись, и сказала:

– Я всего-навсего звала птицу. Ты могла бы сказать об этом Кришне.

Нитамбини улыбнулась:

– Я всего лишь отвечала на Его вопрос. Как могла я осмелиться сказать что-то еще такому важному гостю?

Я осторожно поинтересовалась:

– Спрашивал ли Кришна о чем-нибудь еще?

– Да. Он спросил: «Почему царица не спит по ночам? Солнце еще не встало, как она уже начала повторять имя Ниламани, и голос у нее совсем не сонный. Он так приятен!»

Я хотела было упрекнуть Нитамбини, но сладкая иллюзия окутала меня, проникла в самые потаенные уголки сердца и наполнила счастьем все мое существо.

Нитамбини сказала:

– Это еще не все! Но как я могу продолжать, если ты уже почти потеряла рассудок?

Я взяла себя в руки. Поджав губы, Нитамбини вела дальше:

– «Я счастлив, что царевна помнит обо Мне. Пожалуйста, передай ей Мою благодарность».

Я сгорала от смущения. В какое неловкое положение поставил меня Ниламани! Как же мне теперь взглянуть Кришне в глаза? Разгневанная, отворила я дверцу клетки и выпустила Ниламани на волю: «Улетай, улетай! Теперь ты свободен!» Ниламани направился к балкону. Я ожидала, что, как это бывало прежде, он передумает. Однако, немного подождав, он улетел, распевая «Кришна...Кришна...», и вскоре скрылся в голубом небе. Казалось, Ниламани принял мою показную досаду за чистую монету и решил покинуть меня. Как же прожить этот день без Ниламани? Кто будет забавлять меня, озвучивая на ухо сердечные тайны?

Нитамбини поняла мои опасения:

– Не волнуйся, царевна, Ниламани никогда не предаст тебя. Он просто дразнится. Возможно, он нашел себе подругу. Если это так, то обратно в золоченую клетку его не заманишь – мысли о возлюбленном прогоняют сон даже на постели, расшитой драгоценными камнями. Царевна, ты не спала всю ночь. Глаза твои слипаются, ты все еще видишь сны. Если кто-то не отдыхает как следует, ему приходится грезить наяву.

Нитамбини коварно улыбалась, зажав в зубах кончик своего сари. Как ловко ей удалось перевести разговор на другую тему! Однако теперь ее шутки не забавляли меня. Я беспокоилась о Ниламани. Вдруг Ниламани влетел в комнату, уселся мне на плечо, воткнул нечто мне в волосы и громко закричал: «Кришна!.. Кришна!.. Кришна!..»

Нитамбини наблюдала за происходящим с изумлением. Что же это? Ниламани знал, как успокоить меня: обычно он приносил цветок, чтобы украсить мои волосы. Но никогда ранее он не называл меня Кришной. Обычно, подражая Нитамбини, он говорил: «Царевна! Ты сердишься? Царевна!» Кто же научил его говорить «Кришна»?

Нитамбини воскликнула:

– Это проделки Кришны!

– Что?!

– Он научил Ниламани произносить «Кришна». Ты без усталости твердишь «Кришна-Кришна», а Он повторяет «Кришна-Кришна». Именно в Его покоях птица услышала это имя!

Иногда озорные выходки Нитамбини раздражали меня. Вот и теперь я разозлилась:

– Ниламани был у Кришны? Не выдумывай!

– Смотри, в твоих волосах – перо павлина, источающее аромат сандала! – она вынула перо из моих волос, покачала им перед моим носом и приложила к моей груди:

– Теперь ясно?

Я зачарованно смотрела на перо. Оно действительно не было похоже на перья моих ручных павлинов. Оно было свинцовым, как тучи в прекрасном необъятном вечернем небе. К тому же, откуда было взяться аромату сандалового дерева?

Выходит, Кришна повторял мое имя. Что значила для Него я? В Двараке Его ждали любимые жены, восемь главных цариц – Сатьябхама, Рукмини... С чего бы Ему думать обо мне? Я предалась Ему и помнила о Нем. Но почему же Он думал обо мне?

Голос отца прервал мои размышления:

– Приготовься к встрече с Кришной! Даровав тебе Свои благословения, Он вернется в Двараку.

Я быстро собралась. Сорвав в саду лучшие цветы, я сплела из них гирлянду. Отец хотел, чтобы Кришну всегда

приветствовали цветочными гирляндами. Ему не было дела до моего смущения. Откажись я – и он бы разгневался, ведь все уже было готово. Однако моя внешность и одежда не нравились мне. Если Его стопы так привлекательны, то как прекрасны, должно быть, Его глаза! Смогут ли они вытерпеть мой вид, мою одежду и украшения? Стоя перед зеркалом, я примеряла сари за сари, украшение за украшением, и не могла остановить свой выбор ни на чем. Я думала: «Если я рождена затем, чтобы на меня взирали такие прекрасные глаза, почему Создатель не наделил меня достойной внешностью?»

Г л а в а 5

«В воздухе чувствовалось приближение весны. Деревья *арджуна* пламенели головокругительной красоты цветами. Каждый глоток теплого воздуха пьянил душистым напитком. Наступил месяц пхалгун. Прелестная Кунти, дочь царя Бходжи, воспользовавшись благословением мудреца и мистика Дурвасы, дрожащим от волнения голосом призвала громовержца Индру. Мог ли тот устоять перед чарами весны? Божественный ребенок, рожденный в лесу на берегу Ганги из лона благочестивой Кунти, был Арджуной. Наделенный доблестью царя небес Индры, он стал известен под именами Пхалгуни, Вишну, Кирити, Шветасван, Вибхатсу, Виджая, Савьясачи, Дхананджая...» Нитамбини умолкла. Дав сладостным образам пройти через мое сердце, она сказала:

– *Сакхи*, ты наверняка запомнила все многочисленные имена своего суженого. Как тебе повезло! Каким величием должен обладать герой, имеющий столько имен – сколько подвигов, должно быть, он совершил, как он мудр и разумен! Забудь о Кришне и отдай свое сердце Пхалгуни!

Я ответила:

– *Сакхи*, та, кто короновала Кришну на престоле своего сердца, теперь может поместить туда только Савьясачи, поскольку он очень дорог Кришне. В конце концов, в нем я

найду Самого Кришну. Если Кришна счел, что лишь Арджуна достоин моей руки, я уверена, что Арджуна – лучший из героев.

Нитамбини рассмеялась:

– *Сакхи*, неужели молва о героизме Арджуны еще не дошла до тебя? С самого раннего детства он проявлял доблесть. Он – лучший ученик Дроны. Только Арджуна смог пройти удивительное испытание, устроенное Дроной. На расстоянии двадцати восьми тысяч восьмисот двадцати восьми миль находился холм. На вершине холма стояла крепость, на башне которой было воткнуто копьё. На его острие находилось горчичное зернышко. Учитель хотел, чтобы зернышко было расщеплено надвое...

Слушая Нитамбини, я поражалась: вот так задача! Да она просто невыполнима! Видя мое изумление, Нитамбини рассмеялась:

– Выдержать подобное испытание под силу было лишь Самому Кришне или Его *сакхе*, Арджуне.

– Действительно, пройти подобное испытание, явив миру свои чудесные способности в военном искусстве, мог только ближайший друг Кришны...

Нитамбини прошептала:

– По приказанию Дроны Арджуна пленил твоего отца. Подумать только, какое совпадение: именно ему, по указанию Кришны, суждено завоевать руку дочери царя Друпеды!

Я ответила:

– Что же поделать? Отец исполнит любое желание Кришны. Мой долг – подчиняться воле отца. Если я пренебрегу *дхармой*, в чем же тогда смысл моей жизни?

Нитамбини улыбнулась:

– Тебе досадно, что не удалось заполучить Кришну? Не переживай, ты обретешь того, кто – Его жизнь и душа.

– Как это возможно? – удивилась я.

Нитамбини объяснила:

– Знай, что Арджуна дороже Кришне собственной жизни. Если Арджуна – твой, то с тобой всегда дыхание Кришны, а значит – и Он Сам. Если ты завоюешь сердце Арджуны, то Кришна окажется в твоей власти. Какое горе может коснуться тех, в чьем распоряжении находится Сам Кришна?

Я не выдержала:

– Возможна ли жизнь без печали, Нитамбини? Кришна не там, где тишь да гладь. Он там, где горе и кажущаяся безысходность. Его называют другом несчастных.

Тогда я еще не знала, что предрекаю собственное будущее.

Г л а в а 6

Столица нашего царства Панчалы готовилась к *сваямваре* царевны Драупади. Город гудел. Все были наслышаны о героизме и доблести Арджуны. В прошлом ему удалось пленить даже моего отца! Поэтому для того, чтобы получить руку Драупади, Арджуна должен был продемонстрировать совершенство своего мастерства.

Особые условия *сваямвары* служили двум целям. Во-первых, никто, кроме Арджуны, в принципе не мог выйти победителем из состязания. Следовательно, только Арджуна может стать царем Панчалы. Во-вторых, таким образом отец, в прошлом униженный Арджуной, мог оправдать себя в глазах своих подданных.

Сакхи Нитамбини рассказала мне об условиях *сваямвары*. Слушая ее, я поражалась. Кто выдержит подобное испытание? Даже натянуть тетиву лука, приготовленного для *сваямвары*, под силу далеко не каждому. Для состязания был сооружен красивый помост. Посередине установили шест с быстро вращающимся на нем диском и мишенью в виде рыбы, которые отражались в водной глади бассейна. Задача стрелка заключалась в том, чтобы, глядя на отражение мишени в воде, пятью стрелами пронзить глаз рыбы. В этом

случае мишень должна была упасть вниз. Таковы были условия *сваямвары* Драупади.

Услышав об испытании, придуманном отцом, я подумала, что, должно быть, в глубине души он хотел оставить меня в старых девах, чтобы я помогала ему исполнять религиозные обязанности и защищать *дхарму*. Иначе к чему было придумывать условия, которые не под силу выполнить Самому Богу? Однако я была наслышана о том, что Арджуна, *сакха* Кришны, – непревзойденный лучник, не знающий поражения. Возможно, отец не хочет видеть своим зятем никого, кроме Арджуны, – вот почему он поставил такие условия.

Я никогда не видела Арджуну. Узнав об условиях *сваямвары*, я стала гадать о его доблести и героизме. В глубине души я была признательна Кришне, уверившись, что не стоит сомневаться в Его указаниях, – ведь Он наш друг и доброжелатель.

Почти все уже было готово к церемонии. В течение двух недель перед *сваямварой* по всей Панчале проходили празднества. Царство, казавшееся отстроеным заново, переполняло весеннее ликование. Краску на стенах дворцов и домов обновили, а двери убрали ветвями манго. У порогов выставили кувшины с водой – на счастье. Все подданные облачились в подаренные царем новые одеяния – нарядные мужчины и женщины умножают славу государства. Ночами столицу укутывал мягкий свет фонарей. Повсюду круглосуточно выступали танцоры, звучала музыка, гремели фейерверки.

Многочисленные художники и дизайнеры превратили дворец собраний в произведение искусства. Яркое освещение, искусные декорации и великолепное убранство делали его похожим на дворец Индры. Он был сооружен в соответствии со специально разработанным планом – так, чтобы состязание могли видеть все присутствующие. Над головами зрителей был натянут шитый золотом и серебром балдахин. Зал утопал в цветах, благоухание которых разносилось по

всей столице. Для всех гостей, богатых и бедных, готовилось бесчисленное множество изысканных яств. Некоторым из гостей подумалось, что если бы церемония растянулась на годы, жизнь превратилась бы в рай. И правда: глядя на великолепие дворца собраний, можно было подумать, что готовится свадьба небесной *ансары*. Отовсюду стекались цари, царевичи, великие герои, священнослужители, ученые. Столицу переполняло веселье: куда бы ни отправились гости, их ждали всевозможные игры и развлечения.

А я готовилась к свадьбе. Я уже знала, кто станет моим мужем – единственный герой, способный выполнить условия *сваямвары* – поэтому в сердце не было ни тени волнения. Оно трепетало бы в том случае, если бы я выходила замуж за своего героя, Кришну. Я никогда не видела Арджуну, до меня лишь доходили слухи о его красоте, мужестве, героизме и силе характера. Поэтому мой ум был спокоен и наполнен радостью.

Прогуливаясь в саду, я обсуждала с Нитамбини личность Арджуны. Она по привычке дразнила меня:

– *Сакхи*, не верь Кришне! Он такой обманщик! Сомневаюсь, что в душе Он способен расстаться с такой женщиной, как ты, уступив тебя Арджуне. Не забывай, что Арджуна всегда в сердце Кришны. Поэтому, принадлежа Арджуне, ты будешь принадлежать и Кришне. У Него есть все основания наравне с Арджуной владеть твоим сердцем. Право, когда я смотрю на все эти приготовления к *сваямваре*, меня одолевают сомнения...

Я вздрогнула:

– Почему? Арджуна без труда выполнит поставленные отцом условия. Сам Кришна одобрил их.

Нитамбини прошептала:

– До меня дошла новость, что пятеро Пандавов не в Хастинапуре. Ходят слухи, будто с ними что-то случилось. Надеюсь, это неправда. Однако, если это действительно так, боюсь, тебе придется готовиться к тому, чтобы остаться в старых девах.

Мой левый глаз дрогнул. Сердце наполнилось тревогой. Дрожащим голосом я спросила:

– Неужели может случиться, что братья Пандавы не придут на *сваямвару*? Они в Варанавате и Шри Кришна, несомненно, известил их о торжестве.

Нитамбини пробормотала:

– Я не знаю, правда это или нет...

– Что? – тревожно спросила я. В этот момент из дворца послышался громкий плач и причитания слуг. Мы были огорошены: что за трагедия посреди радостного праздника?

Вот и брат Дхриштадьумна. Он бледен и чем-то подавлен. Возможно, неожиданно слег отец. Я взволнованно спросила:

– Почему они плачут?

– Прибыл Шри Кришна, – ответил Дхриштадьумна, повесив голову.

Я удивленно воскликнула:

– Что же в этом дурного?

Брат прохрипел:

– Мы оба рождены из жертвенного алтаря, чтобы защитить *дхарму*. Словно возливаемое в священный огонь *гхи*, мы должны пожертвовать собой, чтобы искоренить в мире порок и положить конец страданиям других. Кришна, известно ли тебе, что Пандавы отправились в Варанават?

Я кивнула:

– Да, я слышала, что они отдыхали в Варанавате на лоне природы. Но что же случилось?

Дхриштадьумна присел рядом. Его голос дрогнул:

– На самом деле это был заговор. Под этим предлогом Кауравы выслали Пандавов из царства. Покинув Хастинапур, те отправились в Варанават. После того, как Пандавы завершили свое образование, слепому царю Дхритараштре пришлось провозгласить Юдхиштхиру наследником престола. Люди доверяли ему и искали его покровительства. К тому же, Юдхиштхира был старшим из братьев. Никто иной не мог

притязать на престол. Пандавы славились мужеством, силой, пронзительностью, праведностью и дружелюбием. Старейшины династии Кауравов – Дрона, Крипачарья, дед Бхишма, министр Видура и другие поддержали решение Дхритираштры. Когда Юдхиштхира взошел на престол, все сто его двоюродных братьев, во главе с Дурьйодханой и Духшасаной, исполнились черной зависти.

Меня охватило дурное предчувствие:

– А дальше?

– Стучилось неизбежное...

– Что ты имеешь в виду?

Дхриштадьюмна пояснил:

– В Варанавате устроили празднество, и под этим предлогом отправили туда Пандавов. Как мог миролюбивый, чистосердечный Юдхиштхира заподозрить подвох? Кауравы намеренно преувеличивали красоты Варанавата. Братья вместе с матерью отправились отдохнуть в этом живописном местечке. Для них возвели отдельный дворец. Пандавам понравились его великолепное убранство и роскошная обстановка. Откуда им было знать, что этот дворец раскроет перед ними врата в царство смерти?

Я пронзительно вскрикнула от ужаса. Брат взял меня за руку:

– Да, Кришна! Этот дворец был построен из шеллака. При участии Пурочаны, коварного министра Дхритараштры, Кауравы устроили заговор с целью уничтожить Пандавов. Ночью Пурочана поджег дворец. Все они – Пандавы, Кунти и Пурочана – сгорели в пожаре. Эту новость принес Кришна. Все убиты горем. Вот почему слуги причитают. Если это правда, то как же нам исполнить миссию своей жизни? *Дхарма* в мире, где нет Пандавов, подобна цветению лотоса в пересошем пруду.

Я неотрывно глядела на брата. Что же теперь будет со мной? Я уже возвела Арджуну на престол своего сердца. Я знала, что кроме него никто не сможет выполнить условия *сваямвары*. Тому, кто зависит от Кришны, приходится терпеть

насмешки обывателей, и моя жизнь должна была послужить тому примером. Я горевала не столько о своей участи, сколько о судьбе, постигшей пятерых благородных братьев. Какое несчастье! Почему же Кришна, их близкий друг и защитник *дхармы*, не помог им? Но что теперь поделаешь? Со всего мира съезжались царевичи, и дома, специально возведенные к предстоящей церемонии, были полны гостей. Многочисленные родственники, друзья и просто зрители из других царств прибыли по нашему приглашению. Люди толпились во дворцах, в харчевнях, гостиницах, уголках отдыха, на улицах и рынках. С разных концов царства съехались ученые и священнослужители, чтобы вместе петь ведические гимны. В надежде завоевать мою руку, забыв о еде и сне, многочисленные царевичи упражнялись в стрельбе из лука во внутренних двориках. В таких обстоятельствах отменить *сваямвару* не представлялось возможным, но исход ее был предрешен. То, что во всем мире не нашлось достойного меня мужа, не упрочит мою репутацию, а, напротив, запятнает ее. Не к добру это, ведь я женщина, и к тому же та женщина, которая вольна сама выбирать себе мужа. Если никому не удастся поразить мишень, отец ни за что не смягчит условия *сваямвары*. Но, даже если он и решит пойти на уступку, почему я должна молча терпеть это? Сначала он предложил меня Кришне. Тот не принял меня, сказав, что я должна принадлежать его *сакхе*, Арджуне. Я, не раздумывая, приняла его решение, поскольку Арджуна дороже Кришне собственной жизни. В Арджуне я ценила не красоту, а сердце, в котором всегда пребывает Кришна; другими словами, я думала, что, покориw сердце Арджуны, я обрету Кришну. Но если отец смягчит условия состязания, я должна буду выйти замуж за другого. Как такое возможно?

Мой голос прерывался и дрожал:

– Можно ли отменить *сваямвару*?

Дхриштадьумна недоуменно посмотрел на меня:

– Как ты себе это мыслишь? Дурьйодхана со своими многочисленными братьями, Карна, Шакуни, Ашваттхама,

Джаядратха, Шалья, Критаварма, Сатьяки, Шишупала, Джарасандха и многие другие расположились в гостиницах. Вскоре пожалуют Бхишма, Дрона, Крипачарья, Баларама и другие почетные гости. Прибыли ученые из Анги, Ванга, Калинги, Чола, Пандьи, Магадхи, Кошалы, Хастинапура, Мадры, Камбоджи, Гандхары и других царств. Отменив *сваямвару*, мы нанесем им тяжкое оскорбление. Панчале придется потерпеть поражение от их объединенных военных сил. Поэтому, ради благополучия царства и из уважения к гостям, торжество должно состояться в назначенное время. Выхода нет.

Благополучие царства куда важнее моего собственного. Ради блага царства мне придется подвергнуть себя опасности. Кому дано понять, что творилось у меня на душе?

Я тяжело вздохнула:

– От судьбы не уйдешь. Я останусь старой девой, поскольку никто не сможет выполнить условий состязания. Но я согласна участвовать в церемонии, чтобы отвести опасность от нашего царства. Пусть же враги покинут его с миром.

Дхриштадьюмна сказал:

– Надеюсь, что так оно и будет, и они, вместе со своими вооруженными силами, вернутся домой. К чему нам испытывать их воинскую доблесть?

Я промолчала. Жизнерадостность, мечты, желания, фантазии и волнение, связанное с приближающимся торжеством, умерли в моем сердце. Теперь я должна буду вести суровую жизнь отшельницы, лишённую мирских радостей и печалей. В конце концов, к чему беспокоиться? Как мое прошлое, так и будущее предопределены не мной.

Но как же царевич моей мечты? Мысль о неожиданной, безвременной утрате не покидала меня. Как совладать с отчаянием? Я даже не заметила, как мои голубые глаза наполнились слезами. Увидев их, брат опечалился. Чтобы отвлечь меня от грустных мыслей, он сказал:

– Идем же, Кришна, отец ждет. Нужно поприветствовать Кришну, лучшего из героев Арьяварты и мудрейшего из людей. Он – наш друг, как в радости, так и в печали. Не следует пренебрегать долгом гостеприимства.

Я попыталась остановить слезы:

– Не бросит ли на Кришну тень приветствие такой женщины, как я? Уж лучше не смотреть на Него – я приношу лишь несчастья. Едва мой союз с Его любимым другом получил одобрение, смерть унесла Арджуну. Неужели после этого Кришна захочет видеть меня?

Внезапно меня затопил поток нектара, проникающий в самые глубины сердца. Чей же это нежный смех? Обернувшись, я увидела рядом Кришну – самого желанного из всех. Прекрасные желтые одежды на смуглом теле, благоприятные знаки на лбу, серьги, очаровательные глаза, затмевающие красоту голубого лотоса, ожерелье из драгоценных камней и гирлянда лесных цветов на широкой груди вкупе с нежной улыбкой делали Его просто неотразимым. Я мгновенно позабыла все печали и беды. Право, Кришна был просто волшебником! Как зачарованная, я поднялась, чтобы поприветствовать Его.

Он улыбнулся:

– Твое опечаленное лицо нравится Мне даже больше, чем радостное приветствие. Должно быть, ты не знаешь, как красит тебя печаль. Не сообщи Я всем новость о гибели Пандавов – будь она правдой или вымыслом – Я лишился бы возможности созерцать бесподобное выражение печали, подчеркивающее очарование твоего лица. Наблюдая твою красоту, Я позабыл даже Свою скорбь по Пандавам.

Давно сдерживаемые слезы покатались по моим щекам. Я подумала: «Кришне нравится смотреть на мои страдания! Как Он жесток!»

Кришна посерьезнел:

– После того, как Я увидел тебя, предчувствие подсказывает Мне, что Пандавы живы. Тот, кому суждено получить твою руку, не может исчезнуть так бесславно. Если

бы Пандавов удалось так легко обмануть и заживо сжечь во дворце из шеллака, то это свидетельствовало бы лишь об их глупости. А если друг Кришны – глупец, то каким же глупцом тогда должен быть Он Сам? Кришна, неужели Я похож на глупца?

Одним Своим видом Кришна вселил в мое сердце уверенность: Арджуна жив, он придет, чтобы исполнить клятву и спасти Кришну от величайшей опасности... Закрыв глаза, я погрузилась в молитву.

Наступил долгожданный, шестнадцатый день праздника. В благоприятное время до восхода солнца я искупалась в нашем садовом озере и вместе с подругами отправилась в храм Парвати для поклонения этой могущественной богине. Неукрашенная, с рассыпавшимися по спине волосами, я походила на аскета. Все мое внимание было приковано к лотосным стопам богини Парвати. Предложив светильник, я безмолвно склонилась перед нею: «О Девы, пожалуйста, спаси мою честь! Отказавшись поощрять оскорбления в адрес своего мужа, ты оставила тело в жертвенном огне. Я же *родилась* из жертвенного огня. Если того, кого я всем сердцем приняла своим мужем, сожгли заживо, разве это не оскорбление? Зачем мне теперь жизнь? Если кто-то другой, кроме Арджуны, победит в этом состязании, отец, несомненно, сделает своим зятем его, но как же смогу я принять его своим мужем? Пожалуйста, защити мое целомудрие и *дхарму!*»

В это мгновение с головы Девы упал цветок. Священнослужитель подобрал его и протянул мне: «То, о чем ты молилась, исполнится. Это хороший знак. Девы улыбнулась тебе. Она отвечает лишь на искренние молитвы. Ее улыбка приносит удачу».

Я возликовала: Арджуна придет! Да, он, конечно же, придет!

Прикоснувшись цветком ко лбу, я вернулась в сад. Вспомнилась история о *сваямваре* Ситы. Возвращаясь домой после поклонения Парвати, она увидела Раму. Их глаза

встретились... Возможно, я тоже, возвращаясь из храма Парвати, встречу Арджуну. Но кто знает, жив ли он?

Я не встретила Арджуну. Сердце наполнилось тяжелыми предчувствиями. Я непрестанно успокаивала себя: «Арджуна придет и наши глаза встретятся... Моя жизнь будет счастливой...» Но он не пришел.

Целомудренная Сита была моим идеалом. Прочитав ее жизнеописание, я стала боготворить ее. Вместе с ней я переживала ее многочисленные испытания и счастье любви. Но сравнивать себя с нею было неуместно. Способна ли я столь же безропотно выносить все испытания? Она была великой героиней, возлюбленной Господа Рамы, звезды династии Рагху. Я – всего лишь царевна Панчалы, Ягьясени, которая даже не знает, выйдет ли замуж вообще. С чего я взяла, что повторю ее судьбу? Удрученная, возвращалась я из храма, с надеждой озираясь по сторонам. Улицы Панчалы переполняло веселье. Цари, императоры и другие почетные гости уже прибыли. О судьбе пятерых Пандавов не было известно ничего. Изысканно украшенный дворец, приготовленный для них, пустовал. Торжество должно было состояться этим утром, поэтому никакой надежды на их участие не оставалось. Если бы Пандавы были живы, они бы, несомненно, уже прибыли на *сваямвару*.

Аллея, по которой я шла, пролежала в сени деревьев. Сверкающие великолепием молодой листвы и цветов, изобилующие фруктами, они походили на разукрашенных столичных дев. Кукушки, длиннохвостые попугаи, скворцы и дрозды, прознав о торжестве, вторили музыке сладкими, чарующими голосами. Перед гостиницами в прудах, наполненных кристально чистой водой, грациозно плавали лебеди, восхищая прохожих. Небо было безоблачным, но павлины все равно танцевали, присоединившись к общему веселью и словно соревнуясь с танцорами.

Возвращаясь из сада, мы с *сакхи* проходили мимо дворца Пандавов. В конце концов, вскоре станет ясно, прибыли они или нет. Сквозь арку листвы их дворец выглядел весьма

привлекательно; украшенный радужными светильниками, он сиял великолепием. В гостиних выступали танцоры. Многочисленные входы дворца были украшены пестрыми цветами. Хорошенькие девушки до сих пор стояли, держа в руках золотые подносы с цветочными гирляндами для приветствия гостей. Все надеялись: пятеро Пандавов появятся с минуты на минуту. Даже деревьям и другим растениям Панчала не верилось, что они погибли. Глядя на убранство дворцовых палат, можно было подумать, что Пандавы вот-вот придут... конечно же, они придут!

Чья это фигура виднеется в гостинице? Кто этот юноша с кожей цвета голубого лотоса? Арджуна? Я не могла как следует рассмотреть его. Мое сердце забилося. Одна из *сакхи* сказала: «Ах, Шри Кришна не спал всю ночь, ожидая прибытия Арджуны! Кришна, подобный цветущему голубому лотосу, побледнел от волнения, ожидая Арджуну и его братьев. Только посмотри, какой Он грустный! Просто сидит и ждет».

Глаза мои наполнились слезами, а опасения насчет того, что поклонение богине Парвати не принесло желанных плодов, усилились. Заслышав перезвон ножных колокольчиков, Кришна приблизился к нам:

– Кришна, Земля – юдоль страданий. Даже в счастливые мгновения человека снедают тревоги о будущем. Пораженные горем, люди продолжают надеяться на то, что их ожидает счастье. На самом же деле в горе уже сокрыто счастье, и слезы на твоих глазах подтверждают это.

Я подняла мокрые глаза на Кришну, который с улыбкой продолжал:

– В твоих наполненных слезами очах отражаются алые лучи восходящего солнца, которые подчеркивают красоту твоего лица и умножают ценность твоих слез. Лучи солнца, прекрасные сами по себе, отражаясь на твоём лице, становятся еще краше! Поэтому даже слезы имеют смысл – в них есть особое очарование. Точно так же, печаль имеет смысл, поскольку за нею следует счастье. Чему бывать – того

не миновать. К чему плакать и воображать себе возможные беды, когда можно вкушать счастье?

Мне нечего было сказать Ему в ответ. Я выразила Ему почтение со сложенными ладонями. В тот день я могла предложить Ему лишь печаль своего сердца. Однако слова Кришны, похоже, облегчили бремя скорби и безысходности.

Участники соревнования, богато разряженные цари, занимали места на тисненном золотом возвышении. Над залом собраний был натянут роскошный балдахин, увешанный декорациями, расшитыми золотом и серебром, отражавшими свет огней. Лица царей сияли самодовольством – каждый из них был уверен в том, что только он достоин руки Кришны. Ученые и священнослужители восседали отдельно. Для брахманов, для женщин и для рядовых горожан были отведены особые места. Подданные были нарядно украшены. Их разместили так, чтобы они могли наблюдать за происходящим, сами при этом оставаясь незамеченными. Но я – я должна была предстать перед взором всех присутствующих, поскольку это была моя *сваямвара*. Я должна была выставить себя напоказ перед всеми. Моя красота и блеск должны были вдохновлять на состязание.

Подруги искусно нарядили меня, убрали цветами мои безупречно белые одеяния. Глядя на свое отражение в зеркале, я думала: почему же в саду эти цветы не казались столь прекрасными? Меня умастили сандалом и ароматическими маслами. Их благоухание смешивалось с ароматом лотосов, который исходил от моего тела и разносился по всему залу собраний. Мне всегда нравились белые одежды и цветы. Все мои украшения сияли бриллиантами. Взглянув в тот день в зеркало, я впервые осознала, насколько привлекательна моя смуглость. Сопровождаемая *сакхи* и братом, я появилась в зале собраний в украшенном паланкине. У помоста я сошла с паланкина по указанию брата. По залу пробежал шепот восхищения. Стар и млад, брахманы и *кишатрии*, мужчины и женщины в изумлении созерцали мою изысканную красоту. Потупив

взор, я медленно шествовала к отведенному мне месту. Приковав к себе множество похотливых взглядов, я сгорала от стыда. Мне хотелось спрятать лицо. Вдруг, словно исполняя мое желание, пчелы оставили цветы, которыми был украшен зал, и стали виться вокруг меня, синей завесой скрывая меня от похотливых взоров царевичей. Опьяненные ароматом моего тела, пчелы кружились, создавая легкий ветерок. Я не знала, что заставило их покинуть цветы, украшавшие зал собраний, – запах ли, исходивший от моего тела и волос, умащенных благовониями, или же аромат украшавших меня цветов. Возможно, они сочувствовали мне, хотя были всего лишь насекомыми. Я была признательна им за их великодушие. Похоже, только они понимали, что чувствует девушка, красоту которой выставляют напоказ. Мне казалось странным, что ученым и священнослужителям это невдомек...

Наконец я заняла свое место на помосте. Дхриштадьумна обратился к собравшимся с приветствием: «О благородные цари и царевичи! Перед вами – моя сестра Кришна. Все вы видите, сколь прелестна эта первая из красавиц Арьяварты. Она наделена и другими достоинствами: сладкоречива и разумна, проникательна и образована, искусна в музыке и похожа на богиню. Миссия ее жизни – восстановить справедливость и защитить *дхарму*. Сегодня она изберет себе в мужа того из вас, кто окажется достойным ее руки. Вам известны условия соревнования. О собравшиеся герои, все вы прибыли сюда в надежде добиться руки Драупади. Перед вами – лук, стрелы и мишень. Пятью стрелами, одной за другой, нужно пронзить глаз золотой рыбы, закрепленной на вращающемся диске, после чего она упадет вниз. Победитель получит руку Кришны. Однако герой должен быть знатных кровей».

Дхриштадьумна стал одного за другим представлять участников состязания, однако я была настолько смущена происходящим, что едва могла поднять на них глаза. Имя

героя моего сердца так и не прозвучало. Я погрузилась в невеселые мысли о будущем.

Под пение ведических *мантр*, под гул раковин, звон колокольчиков и звучание других музыкальных инструментов самоуверенные участники состязания пытались поразить мишень. Все они, один за другим, терпели неудачу и становились посмешищем. Одни не могли натянуть лук, другие были не в силах даже поднять его. Обиженные, опечаленные и потрясенные цари один за другим возвращались на свои места. Зрители думали: «Почему, зная о гибели лучшего из героев, Арджуны, царь Друпата не смягчил условий *сваямвары*? Неужели он хочет, чтобы царевна осталась старой девой?» Все мои *сакхи* горестно стенали, разделяя эти мысли. Однако я думала иначе: «Мать Парвати слышала мои молитвы. В ответ на них она пришлет сюда Арджуну. Спасая честь сей несчастной девушки, она не позволила никому из участников победить в состязании. Что случилось бы со мной, если бы кто-то из них победил? Из уважения к отцовской клятве мне пришлось бы стать женой победителя, изменив тем самым собственной *дхарме*». Рассуждая таким образом, я немного успокоилась. В зале раздавались тяжкие вздохи разочарованных, опозорившихся царей. Некоторые из расстроенных гостей начали строить планы; кое-кто хотел силой похитить меня, даже в том случае, если кому-то из участников соревнования все же удастся поразить цель. Их слова рассмешили моих подруг, но мое сердце сжалось от страха. Я проклинала себя за то, что в течение столь долгого времени была вынуждена выставлять себя напоказ перед исполненными похоти царевичами. Я чувствовала себя оскверненной.

Брат, отец и другие старшие родственники безмолвно наблюдали за происходящим, беспокоясь о моем будущем. Я заметила, что Кришна, сидевший рядом с Баларамой среди Ядавов, наблюдал за всем с улыбкой. Казалось, Его нисколько не волновала участь Кришны. Мне стало ясно, что судьба сыграла со мной злую шутку. Я ждала окончания торжества.

Оставалось еще несколько участников, желавших испытать свои силы.

В эту минуту, посреди всеобщего разочарования, на сцене появился героического вида юноша, с кожей цвета заходящего солнца, в великолепных доспехах и серьгах. Увидев безупречную красоту юноши и сияние, исходящее от него, зрители замерли. Некоторые даже, позабыв о собственном вождении, желали победы ему. Восхищенная Нитамбини прошептала: «Вот и пробил твой час, *сакхи!* Этот герой, прекрасный, как сам бог любви Камадева, одержит победу и завоюет твою руку!»

Сердце учащенно забилося. Если юноша сумеет поразить цель, то тогда он никто иной, как сам Арджуна. В самый последний момент Парвати исполнила мое желание. Несомненно, это сын Кунти. Кто, кроме сына Кунти, способен поразить мишень? В течение нескольких мгновений я желала герою победы.

Легким, изящным движением руки он поднял лук и приготовился выпустить стрелу. Зал огласился радостными криками и овациями, вдохновившими юношу. Перед тем, как выстрелить, он выразил почтение богу Солнца. Зрители облегченно вздохнули: «Ну, наконец! В последнюю минуту этот юноша появился, чтобы одержать победу и получить руку Драупади».

Внезапно прозвучал чей-то голос:

– Как зовут героя? Согласно условиям *сваямвары*, даже тот, кто сумеет поразить мишень, получит руку Кришны лишь в том случае, если он знатного происхождения.

Дхриштадьюмна громко объявил:

– Правила состязания были предельно ясно изложены в самом начале церемонии. Моя сестра не может выйти замуж за человека низкого происхождения. Каким бы великим воином ни был Карна, сын колесничего Адхиратхи и Радхи, ему не быть мужем моей сестры.

Карна безмолвно опустил лук и в отчаянии обратил взор к небу, на склоняющееся к западу полуденное солнце.

Внезапно, будто не в силах вынести немой укор своего почитателя, солнце скрылось за облаком. Карна вернулся на свое место и украдкой взглянул на меня. Его взгляд, хотя и полный печали, был столь пленителен, что без труда покорило моих подруг. Я чувствовала себя виноватой. В том, что Карне пришлось терпеть унижение на глазах у огромной толпы зрителей, была доля и моей вины. Я была причастна к тому, что состоялась *сваямвара*, в силу особых условий которой множество царей потерпели поражение, а Карна вдобавок был унижен. Сколько героев пострадало из-за меня! Меня мучила совесть, особенно потому, что Карне напомнили о его низком происхождении. Зачем была нужна эта *сваямвара*?

Все знали, что отец хотел выдать меня замуж. Однако всем также было известно, что выполнить условия *сваямвары* мог только Арджуна или Кришна. Арджуны не было в живых, Кришны же не было среди участников состязания, поэтому исход был предрешен. Даже если бы Карна победил, он не мог стать моим мужем, поскольку не был благородного происхождения. Зачем же было устраивать публичное представление и дразнить царей?

Красота привлекает каждого. Всеми правдами и неправдами человек стремится завладеть красивой вещью. При этом, охваченный жадностью, он не всегда способен соизмерить свои силы. Потерпев поражение, несмотря на все предпринятые им попытки, он сокрушается. Я стала причиной разочарования многих царственных особ.

Солнце выглянуло из-за облака и засияло снова. Некоторые зрители подливали масла в огонь, отпуская желчные реплики:

– А, да ведь это правитель Анги, друг Кауравов, царь Карна! Он – единственный герой, способный сравняться силами с Арджуной. Но кто же его отец? Поскольку это никому неизвестно, ему приходится терпеть оскорбления. Даже колесничий Адхиратха – не его родной отец. Говорят, он приемный сын Адхиратхи.

– Другими словами, Карна – незаконнорожденный, – добавил кто-то.

– Совершенно верно! Он даже имени собственного отца не знает, – прозвучал еще чей-то язвительный голос.

Карна молча сносил все оскорбления. Некоторым нравится мучить других, даже если сами они при этом ничего не выигрывают. Большинство зрителей злорадствовало при виде униженного Карны. Но если рождение и смерть человека predeterminedены, то в чем здесь его вина? В моем сердце проснулась жалость и симпатия к Карне. Мысленно я обратилась к нему: «О герой, если я виновата в том, что тебе пришлось терпеть оскорбления и злословие, пожалуйста, прости меня! Я сочувствую тебе всем сердцем. Теперь мой черед сносить оскорбления и позор. Неужели это не оскорбление, что во всем мире не нашлось мужа, достойного Кришны?»

После Карны поразить мишень пытались Шишупала, Шалья, Джарасандха и другие герои. Все как один потерпели поражение и проклинали судьбу. Зрители стали осуждать моего отца за то, что он выдвинул подобные условия *сваямвары*. Среди *кшатриев* все уже испробовали свои силы. Теперь можно было распустить собрание. Отец и брат были раздосадованы, однако Кришна улыбался, и лицо Его сияло, словно только что распутившийся цветок. Он показался мне воплощенным бессердечием. В критический момент *сваямвары*, когда будущее невинной царевны под угрозой, Кришна нисколько не волновался. Неужели Он ничего не знал? Если Арджуне была отпущена такая короткая жизнь, то почему Он выбрал мне в мужа именно его?

Зрители уже собирались расходиться. Пение и танцы прекратились. Неожиданно все заметили, что Кришна, улыбаясь, смотрит в ряд, где восседали брахманы. Сияющий юноша-брахман просил разрешения принять участие в состязании. Знать и зрители видели явный признак успеха в его могучих плечах, длинных руках, спокойном лице, статной

фигуре и сияющих солнцем лотосных очах. Кто-то из зависти возразил:

– Как может он одержать победу там, где опытные воины и герои потерпели неудачу?

Некоторые в гневе воскликнули:

– Присоединившись к состязанию, этот нищий брахман оскорбит все сословие *кишатриев*! Мы против его участия, хотя и без того ясно как день, что его поражение неизбежно.

Но тут в спор вмешались священнослужители и ученые:

– Несомненно, *кишатрии* искусны в военном мастерстве, потому что привыкли сражаться. Подобным же образом, поскольку брахманы обычно поют ведические гимны, они осведомлены в священных писаниях и могут произносить *мантры* совершенным образом. Однако это не означает, что *кишатрий* не может преуспеть в произношении ведических *мантр*, а брахман – овладеть искусством стрельбы из лука. Если Господь Парашурама смог одолеть всех *кишатриев* мира, то почему же этот юноша не может поразить цель? Достоинства человека определяется не родословной, а делами и поведением. Поэтому, вне всякого сомнения, этот честолюбивый, небесной красоты юноша-брахман имеет право участвовать в состязании.

Юноша выступил вперед, ближе к мишени. Глядя на него, я почувствовала, как мое исполненное отчаяния сердце затрепетало. Казалось, я давно знаю этого уравновешенного и благородного юношу, но я никак не могла вспомнить, где и когда видела его.

Он встал рядом с мишенью и выразил почтение матери Земле и *дхарме*, а затем низким, глубоким голосом произнес:

– Мое почтение Кришне и Кришне.

Все изумились: «Кришна – наделенный божественными достоинствами лучший из героев Арьяварты, поэтому неудивительно, что юный брахман поприветствовал Его. К чему, однако, выказывать почтение царевне, которая через несколько минут может стать его женой?» Увидев, что юноша не знаком с простейшими правилами приличия, зрители

усомнились в его доблести. Некоторые не сдержались и стали насмехаться над брахманом, который поставил себя в неловкое положение, выразив почтение будущей супруге.

В тот самый миг Кришна во всеуслышание заявил:

– Поприветствовав Кришну, юноша доказал, что обладает недюжинным разумом. До тех пор, пока никому не удалось выполнить условий состязания, Кришна – незамужняя царевна Панчалы. Каждой женщине, независимо от ее возраста, происхождения, религии и подданства необходимо оказывать почтение как представительнице Шакти. Не поклоняясь богине Шакти, никому не стать героем. Поприветствовав Кришну, этот мудрый юноша тем самым выразил почтение матери Шакти.

Зрители были удовлетворены объяснением Кришны. Мое сердце исполнилось уважения к мудрому юноше. Но почему Кришна так сочувствует этому брахману?

Внезапно зал разразился криками и аплодисментами. Изумленно, ошеломленно, восторженно взирали все на исполненного уверенности неизвестного брахмана, который, еще раз поприветствовав всех, изящно выпустил пять стрел и, пронзив глаз золотой рыбы, закрепленной наверху диска, сбил ее наземь.

Зал огласился ликованием. *Сакхи* приготовили поднос с подношениями. Гул раковин, улюлюканье, звучание ведических *мантр* и музыка сотрясали небеса и землю. Мне велели сойти с возвышения, чтобы увенчать победителя гирляндой. Однако я помолвлена с Арджуной, обещана ему! Как же я могу выйти замуж за кого-то другого? Это запятнает мое целомудрие. Сбитая с толку, я не могла представить себе, что кто-то кроме Арджуны сможет поразить цель.

Я осторожно спросила:

– Брат мой, я уже давно отдала свое сердце Арджуне. Как же я могу выйти замуж за другого?

Не терпящим возражений тоном Дхриштадьумна ответил:

– Ты рождена не для того, чтобы выйти замуж за Арджуну, а для того, чтобы защищать *дхарму*. Ты отдана *дхарме*. Обязанность сына или дочери – разделить *дхарму* отца. Вот почему Господь Рамачандра отправился в лес. Царь Друпада хотел, чтобы лучший из героев Арьяварты стал мужем его дочери. Сегодня был определен лучший из героев Арьяварты. Он перед тобой, так что без промедления выполни обещание отца и исполни свой долг перед ним.

Дхриштадьумна был прав. Если обещание, данное отцом, противоречит моей женской *дхарме*, так тому и быть. Я должна сделать правильный выбор и следовать *дхарме* отца даже в ущерб своей собственной.

Медленно продвигаясь вперед со свадебной гирляндой в руках, я увидела Кришну, стоящего рядом с юным брахманом и улыбающегося Балараме. Смутившись, я опустила глаза. Я стеснялась посмотреть в глаза юноше, поэтому, глядя на его стопы, вытянула руки с гирляндой вперед. *Сакхи* Нитамбини тихо предупредила меня:

– Царевна, что ты делаешь? Кого ты собираешься увенчать гирляндой? Это же Кришна!

Полная стыда и смущения, я отпрянула и увидела перед собой стопы, как две капли воды похожие на стопы Кришны. Что за поразительное сходство! Я не могла понять, где чьи. Не посмотрев на лица, я не смогла бы различить их. Я была вынуждена поднять свои глаза. Мне показалось, что Сам смуглолицый, лотосоокий Кришна влюбленно смотрит на меня. Лицо героя несколько отличалось от лица Кришны, но глаза! Они были точно такими же! Даже это было чародейством Кришны. Мысленно я поклялась: «О Кришна, Ты присутствуешь во всем, в Арджуне и в этом юноше. Поэтому я буду считать его Арджуной. С этого момента он – мой Арджуна. Того, к кому благоволит Кришна, я буду считать Арджуной». Я решила, что попрошу своего мужа называть Кришну *сакхой*.

Заметив на моем лице признаки смущения и досады, он нежно улыбнулся. Я осознала, что лицо юноши понравилось

мне тем, что напоминало Кришну. Именно этим он привлек меня с самого начала. Обаяние Кришны имело такую силу, что при виде любой части Его тела улетучивались все горе и печали. Вот почему, несмотря на то, что подчас меня раздражали поступки Кришны, при виде Его вся моя досада исчезала.

Кришна остановил поток моих мыслей:

– Кришна, неблагоприятно допускать такую грубую ошибку на пороге супружеской жизни! Если бы ты не подняла глаза, то увенчала бы свадебной гирляндой Меня. В ту же минуту этот таинственный юноша отомстил бы Мне, стерев с лица земли. Ты прозорлива и должна думать о будущем. Поэтому смело взгляни в глаза будущему и прими этого юношу своим мужем. Сколько бедняжке ждать?

«Как может Кришна выставить меня на посмешище перед всеми?!» – подумала я раздраженно и незамедлительно увенчала героя гирляндой. Зал огласился звуками ведических мантр, музыкой, улюлюканьем и радостными возгласами.

Мои сомнения были разрешены. Несмотря на то, что мой муж был бедным брахманом, Кришна одобрил наш союз. Поэтому в течение всей своей жизни я должна быть ему верной спутницей. Но возможна ли жизнь без разногласий? Будет ли спокойной жизнь той, кто рождена из жертвенного огня?

Внезапно разочарованные, обезумевшие от вожделения цари стали наступать на юношу, желая силой похитить меня. Тогда старший брат моего мужа стал вырывать с корнями деревья и вращать ими, подобно палице. Опасаясь за свою жизнь, цари отступили. Дурьйодхана, Карна, Ашваттхама, Джарасандха и остальные, потерпев поражение, бросали на нас свирепые взгляды, кусая губы и скрежеща зубами: «Берегись, настанет час расплаты!»

Волнения быстро улеглись. Мой муж вместе со своими братьями и я отправились в Экачакру, где они жили с матерью. Свадебные обряды завершатся после того, как она благословит нас.

Отец распорядился, чтобы для нас было приготовлено пять колесниц, однако мой муж возразил:

– Мы – нищие брахманы – питаемся подаянием и странствуем пешком. Кришне придется разделить со мной мою *дхарму*. Возможно, царевне путешествие покажется утомительным, однако в лесу ей бояться нечего: с ней я и четверо моих братьев.

Дхриштадьюмна, обескураженный тем, что мне придется брести через лес пешком, хотел было возразить, однако я успокоила его:

– Брат, позволь мне следовать *дхарме*. Это долг каждой женщины, и я не исключение. Следуя *дхарме*, дочь Джанаки, Сита, была вынуждена провести в лесу четырнадцать лет. Я же отправляюсь не в ссылку, а домой к мужу. Не стоит так беспокоиться. Та, кто родилась из пламени жертвенного огня, при необходимости положит жизнь ради *дхармы*. Просто пожелай нам счастливого пути.

Услышав мои слова, все онемели от изумления. Я заметила, как глаза отца наполнились слезами, – возможно, от досады: вместо того, чтобы сделать своим зятем принца Хастинапура, третьего Пандава, Савьясачи, он вынужден был выдать меня замуж за нищего юношу-брахмана неизвестного происхождения. Не могу сказать, что сама была рада этому, однако я не хотела показывать свои чувства, усугубляя тем самым горе отца и брата. Родители всегда желают счастья дочери и хотят, чтобы она вышла замуж за лучшего из мужчин. Но, к сожалению, такой жених достается не каждой; более того, если кому-то и посчастливится выйти замуж за величайшего из людей, одно это само по себе – еще не залог счастья. Какой смысл показывать горе, которому невозможно помочь? Со счастливым выражением лица я отправилась в Экачакру. Прощаясь с отцом, я сказала:

– Ты хотел, чтобы твоим зятем стал лучший из героев Арьяварты. Так оно и случилось. Все, в том числе и я, очень рады. Да пребудут со мною твои благословения!

Отец тихо ответил:

– Долг каждого – терпеливо исполнять обязанности. Что бы ни случилось, никогда не пренебрегай своим долгом, и ты защитишь *дхарму*. Прими же мои благословения!

Тогда я не знала, что мне придется исполнять весьма необычные обязанности и что сценарий моей жизни будет вечно меняться.

Два старших и два младших брата шли впереди, мы с мужем следовали за ними. Вскоре я увижу мать своего мужа, нищего брахмана, мою пожилую свекровь. Если я предстану перед ней в царском убранстве, она, конечно же, сочтет меня не членом семьи, но гостьей. Поэтому я оставила во дворце все свои украшения, за исключением небольшой бриллиантовой пуссеты в носу и пары брачных браслетов, инкрустированных жемчужинами. Мне нравились цветы, украшавшие мои волосы, запястья, стопы и шею. На мне было белое сари с синим шитьем, простое и удобное для ходьбы. Время от времени муж поглядывал на меня; возможно, его восхищала моя красота и он гордился тем, что добыл такой трофей. Глядя на него, я также невольно восхищалась. Он был обаятелен, как сам Камадева, бог любви. Статный, прекрасно сложенный, он напоминал Кришну. Его широкая грудь и стройное тело были необыкновенно привлекательны. Ясные, похожие на лепестки лотоса, глаза – подлинное зеркало души – красноречиво свидетельствовали о глубине и чистоте оной. Казалось, в целом мире моему герою не было равных в благородстве и терпении. Я не заметила, как эти мысли овладели мной, и была счастлива, обретя такого мужа. Каждая женщина ценит в мужчине героизм, красоту, мужество, ум и богатство. Я получила все, кроме богатства. На первый взгляд могло показаться, что он был беден; однако, заглянув глубже, можно было понять, что все богатства мира, равно как и все подлинно мужские добродетели, принадлежали ему. Одно его желание – и он мог бы стать императором всей Земли, покорить всех царей и завоевать все сокровища мира. Он выполнил особые условия *сваямвары*. Не было сомнений, что

с той же легкостью он мог бы обрести что угодно, однако его не прельщали богатства. Лишенный всяких украшений, он был подобен йогу или подвижнику. Он был нищим брахманом, чья бедность лишь подчеркивала его благородство и свидетельствовала о душевном величии. Так рассуждала я, идя по лесу, пытаясь доказать себе, что он – лучший из героев, желая возвести его на трон своего сердца.

Следуя лесными тропами, я устала и начала спотыкаться. Мои стопы были изранены лесными колючками и кровоточили. Кровь смешалась с алой краской, которой были выкрашены мои стопы – возможно, поэтому муж ничего не заметил. Терпя боль, я не проронила ни слова. Через некоторое время, заметив капельки пота, выступившие у меня на лбу, он сказал:

– Мне больно видеть тебя такой уставшей. Не подобает нищему брахману жениться на царевне. По правде говоря, я не собирался участвовать в состязании; мы прибыли на *сваямвару* в надежде получить подарки и пищу. Я решил испытать свои силы только потому, что завоевать тебя не сумел никто другой. Что за причуда судьбы – мне досталась царевна! Порази мишень кто-нибудь другой – и тебе не быть моей...

От природы я весьма сдержана, к тому же мне не хотелось уподобляться болтливой девчонке с человеком, которого я едва знала:

– На все воля Божья. К чему печалиться о том, что могло бы случиться? Разумнее думать о настоящем и довольствоваться тем, что Бог послал.

Муж с любовью сказал:

– О дочь Друпеды, я благословлен тем, что ты стала моей!

Я смущенно ответила:

– Я тоже.

Споткнувшись о камень на лесной тропинке, я чуть было не упала. Протянув руки, он поддержал меня. Я смутилась. Он виновато сказал:

– Деви Кришна! До сих пор, следуя обычаям, я не прикасался к тебе. Наша свадьба состоится лишь после того, как мы получим благословения моей матери. Однако, если ты не против, можешь опереться на мою руку, чтобы преодолеть этот долгий и нелегкий путь.

С этими словами он подал мне свою красивую сильную руку. Я не колеблясь ухватила за нее. Что не отдашь тому, кто завоевал тебя по всей справедливости?

Мы шли по лесу, взявшись за руки. Я начала понимать, почему Деви Джанаки предпочла дворцовой жизни лесную ссылку с Господом Рамачандрой. Она, несомненно, знала, как романтично бродить по лесным тропам за руку с мужем! Я чувствовала себя счастливой и умиротворенной.

Муж сказал:

– Я слышал, что царь Друпادا намеревался выдать свою дочь за третьего Пандава, и царица дала свое согласие. К несчастью, пятеро Пандавов оказались в объятиях смерти, поэтому царь был вынужден выдать свою дочь за нищего брахмана. Все граждане Панчалы горюют об участи, постигшей Кришну. Ты тоже?

Юноша явно проверял меня. Он каким-то образом узнал о моей привязанности к Арджуне. Неужели он ревновал? По всей видимости, да. Что же в этом удивительного? Мужчина ревнует любимую даже к столбу. Эта маленькая слабость в сердце моего героя не осталась сокрытой от меня. Без колебаний я ответила:

– Да, я опечалена. Однако я горюю не о себе, а о нем. Какой ужасный конец постиг этого доблестного героя, защитника справедливости! Даже не верится... Однако, видимо, так уж было предначертано судьбой. А что толку жалеть себя? Я знала, что поразить мишень может только лучший из героев Арьяварты, то есть Арджуна. Я знала, что Арджуна – это тот, кого любит Кришна. Поэтому тот, кого я приняла своим мужем, в моих глазах является Арджуной, поскольку он – лучший из героев Арьяварты, заслуживший благосклонность Кришны. Не так ли?

Он серьезно ответил:

– До меня дошли слухи, что, предупрежденные Кришной о грозящей им опасности, пятеро Пандавов сумели избежать смерти. Что будешь делать ты, если Арджуна до сих пор жив и в один прекрасный день появится на пороге твоего дома?

Мое сердце наполнилось радостью, и я не задумываясь ответила:

– Нужно ли мне говорить о том, каковы обязанности домохозяйина? Если в мой дом пожалует столь высокий гость, я приму его по всей правилам гостеприимства. Гость – это Сам Нараяна. Если я не окажу ему должного приема, то нарушу *дхарму* домохозяйки. И, конечно же, я попрошу его подружиться с моим мужем.

– Почему? – удивленно спросил он.

– В моих глазах мой муж выглядит как Арджуна. Поэтому будет естественно, если два Арджуны станут друзьями.

Муж рассмеялся и нежно сжал мою руку:

– Я слышал, что царица знает *шастры*. Раньше я считал, что сведущие в писаниях женщины просто повторяют заученное, как попугай. Но теперь я вижу, что ты не просто запомнила, но и поняла букву писаний. Ты не только учена, но и мудра. Я признаю твое превосходство.

Мы продолжили путь. Братья далеко опередили нас. Глядя на них, я думала: «Какое чудесное благословение иметь двух старших и двух младших братьев! Старший брат учтив, умиротворен и терпелив, как полубог. Он внушает уважение и благоговение. Другой, идущий рядом с ним, столь же огромен, как и красив. Рядом с ним любой покажется карликом. Его вид просто устрашающ. Третий брат, также наделенный исключительной красотой и чувством юмора, жизнерадостный, с первого взгляда вызывает желание подружиться. И, наконец, младший брат чрезвычайно привлекателен. Стеснительный и неразговорчивый, он вызывает желание пролить на него любовь.

Мы шли позади братьев, взявшись за руки. Они ни разу не обернулись, и, казалось, стремились как можно скорее скрыться у нас из виду. С первого взгляда я прониклась уважением к каждому из них. Мне хотелось любить их и заботиться о них.

Наконец они скрылись из виду. Казалось, в этом диком лесу мы остались одни. Какого счастья искала я, бродя по лесным тропинкам?

Внезапно мой муж романтично сказал:

– Знаешь, царевна, чего я хочу сейчас больше всего? Я хотел бы затеряться с тобой в этом лесу, пропасть в нем без вести, чтобы никто не нарушил счастье нашего уединения.

Я ласково ответила:

– В уединении есть своя прелесть. Однако избегать встречи с противником – значит потерять свою честь. Обязанность героя – карать грешников.

Дразня меня, он сказал:

– В лесу опасность подстерегает путника на каждом шагу. Не убивая свирепых хищников, здесь не выжить.

Я уверенно парировала:

– Коварные двуногие хищники гораздо опаснее лесных тварей. Звери убивают, чтобы добыть себе пропитание, человек же делает это в угоду самолюбию. Поэтому, дабы защищать *дхарму*, на земле рождаются герои. Арьяпутра, твоя доблесть – отрада матери-Земли. Дав рождение подобным тебе героям, она прославится.

Муж вел меня за руку через лесной ручей:

– Даже если мне действительно придется жить в лесу, я спокоен, ведь, вдохновляя защищать *дхарму*, со мною будешь ты.

Г л а в а 7

Наконец, мы прибыли к дому моего мужа. Его братья уже давно ожидали нас, чтобы всем вместе сообщить матери

хорошие новости. Для того, чтобы попасть внутрь ветхой хижины, пришлось нагнуться. Боже мой! Какое странное, грязное, убогое обиталище! Даже лошадь или собака при нашем дворце постеснялись бы жить в таких условиях. Нет сомнений в доблести моего мужа, но какое невообразимо жалкое существование он влачит! Поистине, бездонная пропасть лежит между мечтами и реальностью! Дворец в Хастинапуре и эта хижина в Экачакре – какой разительный контраст! И мне придется провести здесь всю свою жизнь! Однако я тут же взяла себя в руки: «Не паникуй. Веди себя достойно. Царевна Кришна не должна терять рассудок и бунтовать. Кришна сможет жить счастливо даже в хижине гончара».

Я посмотрела на пятерых братьев. Это не Пандавы. Один из них будет мне мужем, а остальные – братьями. Хорошо, что они такие дружные – как в радости, так и в печали, в опасности и в нужде. Брат Дхриштадьумна не баловал меня вниманием. К тому же, он был моим близнецом – не старше и не младше меня – и разительно отличался от меня характером. Я завидовала тем, у кого несколько братьев. Если бы у меня был старший брат, мечтала я, он относился бы ко мне с отеческой нежностью, а к младшему я сама питала бы материнскую любовь. Глядя на пятерых братьев, я думала: «Господь услышал мои молитвы. Посреди нищеты я буду баснословно богата – у меня будут двое старших братьев и двое младшими, к которым я стану относиться как к сыновьям! Чего уж более? Их геройство – мое богатство и гордость. Чего еще желать дочери *киштрия*?!»

Я старалась оставаться счастливой независимо от обстоятельств, в которые меня неожиданно поместила судьба. Возможно, это было мое врожденное качество. Стоя на пороге убогой хижины гончара, я пыталась быть счастливой и считать себя богатой.

Старший брат бросил на меня спокойный, нежный взгляд. Он постучал в дверь, предупреждая мать о нашем появлении. Его взгляд наполнил мое сердце такой любовью,

что я подумала: этот великий, благородный человек достоин поклонения.

Старший брат радостно воскликнул:

– Мама! Сегодня мы добыли редкую драгоценность. Открой дверь и взгляни! Твои сыновья вернулись не с пустыми руками.

Смутившись, я опустила голову. Старший брат назвал меня драгоценностью, наполнив ликованием мое сердце! Из хижины донесся спокойный, но твердый голос матери:

– Сыновья мои, что бы вы ни принесли, разделите поровну.

Ошеломленный ответом матери, старший брат замер, мечтательно глядя на меня. Остальные молча переглянулись. На лице моего мужа отразилось уныние и разочарование. Я же, придя в еще большее замешательство, удивление и смущение, накрыла голову *анчалом*.

Дверь хижины отворилась. Передо мной стояла красивая, добросердечная и любящая мать. Она показалась мне олицетворением гармонии и спокойствия, напомнила всепрощающую мать-Землю. В ее удивленном взгляде смешивались жалость и восхищение.

Я прикоснулась к ее стопам. Она подняла меня. Руки ее были нежны, как лепестки лотоса. Тихим, полным раскаяния голосом она сказала:

– Что же я натворила! Я думала, сыновья вернулись домой с пожертвованиями. Но это царица неземной красоты!

Старший брат потупился:

– Да, так оно и есть: это дочь царя Друпеды, царица Кришна. Выполнив условия *сваямвары* и поразив мишень, твой третий сын завоевал ее руку. Она пришла сюда, чтобы получить твои благословения. Только после этого свадьба может состояться.

– Боже мой, что же нам теперь делать? Если вы не последуете моему указанию, значит, я сказала неправду, что само по себе – тяжкий грех. Не последовав указанию матери,

все вы также нарушите *дхарму*. Однако если вы все, следуя моему указанию, женитесь на ней, это будет для нее величайшим оскорблением и несмываемым позором. Как же сдержать слово, сохранить *дхарму* и спасти честь Драупади?

Старший брат сказал:

– Мама, быть послушными тебе – наша первейшая обязанность. Пусть слова твои останутся в силе: на Драупади женимся мы все.

Вероятно, молчание остальных братьев было знаком согласия. Всех, кроме моего мужа... Все мое существо воспротивилось такому повороту событий. Неужели мне самой придется отстаивать свою честь? Тогда к чему вся эта *сваямвара*? Зачем отцу понадобилось придумывать особые условия? С какой стати братья моего мужа, завоевавшего мою руку в справедливом состязании, тоже вознамерились жениться на мне? Я уже увенчала свадебной гирляндой моего избранника. По закону и согласно *дхарме* он должен быть моим единственным мужем. Чего ради должна я принимать своими мужьями его братьев? Сама мысль казалась нелепой – выйти замуж за пятерых! Ни о чем подобном я и слыхом не слыхивала. Почему я должна молчаливо сносить подобное оскорбление? Я что, статуя? Почему я должна соглашаться с обезумевшими от вожделения братьями?

Отвращение к старшему брату возрастало во мне с каждым вдохом. Его глаза горели вожделением. Я была в ярости на моего мужа: куда подевался весь его героизм? Почему он не возразил, услышав, что его жена должна превратиться в объект наслаждения для его старших и младших братьев? Почему он не вмешался в эту нелепую драму? Какой мужчина согласится делить жену с другими? Да и вообще, мужчина ли он?

Никто не заметил моего нарастающего гнева. Мать печально молвила:

– Я знаю, все вы последуете моему слову. Все вы верны *дхарме*. Но царевну Кришну завоевал третий брат. Поэтому он – ее законный муж. Мы должны спросить его мнения.

Старший брат спокойно и ласково сказал:

– Да, это он добился руки Кришны. Поэтому он имеет полное право быть ее мужем. Он должен жениться на Кришне, но в то же время мы не можем пренебречь указанием матери. Брат мой, тебе решать...

Муж опустил голову:

– Моя *дхарма* – следовать указанию матери и старшего брата. Я был бы счастлив остаться единственным мужем Кришны. Но в таком случае я нарушил бы *дхарму*, пренебрегнув указанием матери и старшего брата. Ты уже сказал, что все мы должны жениться на Кришне. Я не хочу навлечь на себя грех, возразив тебе. Смею ли я жениться раньше старшего брата? Уж лучше я буду несчастен, чем нарушу *дхарму*. Все мы должны наравне наслаждаться царевной. Пусть, согласно *дхарме*, она станет нашей общей женой.

Я вспыхнула. Мне хотелось испепелить и пятерых братьев, и целый мир; без тени сожаления обратила бы я мужа в горстку пепла. Тот, кто не колеблясь отдает свою жену другому мужчине, лишь бы сохранить свою собственную *дхарму*, может считаться добродетельной душой, но не сможет быть настоящим мужем ни для одной женщины, если только она не сумасшедшая. Меня сжигало пламя душевных терзаний, но я не проронила ни слова. Похоже, мое смятение не осталось незамеченным для матушки. В конце концов, чисто по-женски она могла меня понять. Нежно, с любовью она произнесла: «Я слыхала, что царевна Кришна мудра, разумна, что она знает писания. Позвольте ей самой принять решение. Мы не должны навязывать ей свою волю».

И тут появился сведущий в писаниях Господь Вьяса. Мне подумалось: что связывает Вьясадеву с этой брахманской семьей? Как он здесь очутился? В любом случае, раз уж он по Божьему промыслу пожаловал сюда, мы должны попросит его рассудить нас. Предоставляя мне право решать самой, матушка хочет сложить с себя ответственность за отданный вслепую приказ. Старший из братьев с самого начала печется

о том, чтобы все остались довольны. Муж мой боится порицания. Что же остается делать мне?

Выслушав все, Вьясадева погрузился в глубокие раздумья. Матушка нежно сказала: «Пусть все знают, что, едва Кришна переступила порог нашей хижины, все трудности позади. Теперь же, пожалуйста, позаботься о том, чтобы слова мои оказались правдой и сыновья не ослушались моего наказа, а царевна Кришна не впала в грех».

Я недоумевала: как можно исполнить оба условия? Казалось, старший брат нарочно сообщил матушке о моем появлении так, чтобы получить от нее желанный ответ. Он знал, что каждый день они поровну делят между собой собранную пищу и средства. Почему бы ему не сказать: «Матушка, твой третий сын, завоевав царевну Кришну на *сваямваре*, привел ее сюда. Твоя невестка у дверей в ожидании благословений»? Раз он не сказал все как есть, значит, ему было что скрывать. Матушка была вынуждена отвечать из-за двери и посоветовала разделить прекрасный трофей поровну. Так вот почему он представил меня именно так! Похоже, как и все прочие, он был покорен моей красотой и имел на меня виды! Остальные братья тоже испытывают ко мне влечение и теперь-то своего не упустят. Голова шла кругом...

Вьясадева обратился к матушке: «Тебе известно, что это я посоветовал отправить на *сваямвару* царевны Панчалы всех пятерых братьев. Ты знала, что условия *сваямвары* невыполнимы ни для кого, кроме твоего третьего сына. Если, зная все это, ты дала сыновьям такое указание, что еще остается? Тебе известно также, что даже если земля развернется, они ни за что не пренебрегут твоим распоряжением. Что случилось – то случилось. Не стоит жалеть о сказанном. Окончательное решение за царевной Кришной. У ариек есть право выбирать себе мужей. Смеем ли мы вмешиваться?»

Слова Гурудева Дваипаяны потрясли и застали меня врасплох. Полагаю, никому не хотелось оказаться виновным.

Каждый был озабочен тем, чтобы переложить ответственность на чужие плечи. Я знала, чего хочет матушка, чего желает старший брат, что предполагает Гурудев. Мне хотелось раз и навсегда дать им понять, что у меня только один муж – тот, кто завоевал меня. Он – мой единственный избранник. Но это будет непочтением к словам матери. Братья – и муж мой в том числе – окажутся повинны в том, что пренебрегли ее указанием. Поистине, его грех окажется самым тяжким. Смогу ли я в этом случае наслаждаться семейной жизнью? С самого начала я стану объектом неприязни за то, что не уважила слова матери и старшего брата. В конечном счете муж мой тоже обвинит меня в том, что я восстала против свекрови. При таких обстоятельствах могу ли я откровенно говорить то, что думаю? А если это невозможно, то что мне остается? Никогда ранее женщины не выходили замуж за пятерых. Это не принесет доброй славы. До скончания века Драупади будет известна миру как презренная, заслуживающая порицания женщина легкого поведения. Коль скоро люди Кали-юги будут называть падших, доступных женщин «Драупади наших дней», я стану предметом насмешек. Откуда им знать, почему Панчали вышла замуж за пятерых? Я разгневалась на матушку. Во мне проснулась враждебность к ней, хотя, глядя на нее, я забывала тоску по собственной матери. Она же все знает, зачем тогда ведет такие речи? Она сама отправила сыновей в Панчалу. Ей наверняка было известно, что меня завоюет третий ее сын. Так почему же она сказала то, что сказала?

Любая свекровь хочет, чтобы ее невестка была красивой и, если не мудрой, то хотя бы рассудительной и знающей, безупречного нрава, целомудренной и благочестивой, чтобы она посвятила всю себя лотосным стопам единственного мужа. Но здесь все наоборот: ради того, чтобы ее слова не оказались напрасными, эта женщина склоняет свою невестку выйти замуж за пятерых! Мне казалось, что все не так просто. Здесь какая-то тайна, думала я. Быть может, за этим

кроется грандиозный замысел. Но, какими бы благими ни были их намерения, – могу ли я выйти замуж за пятерых? Я уже выбрала мужа!

Вспомнив Кришну, я мысленно излила Ему все свои опасения. Будь Он сейчас со мною, думала я, Он спас бы меня от беды. Каждый из собравшихся хотел использовать меня в своих целях, не желая сознаваться в этом. Кришне такие настроения не по нраву. Он мог бы намекнуть мне – хотя бы жестом – как поступить правильно. Что важнее: мое женское достоинство или слово матери, *дхарма* моего мужа и его братьев? Должна ли я пожертвовать собой во имя чужой *дхармы*, или же мой долг – принять одного мужа, чтобы сохранить собственное достоинство и счастье? Сердцем я взывала: «О Говинда, Ты – мой *сакха*. Я вручила себя Тебе. Ты – мудрейший, достойнейший и самый рассудительный во всей Арьяварте. Неужели Ты не знаешь, что эти брахманы разыграли спектакль, дабы принести Кришну в жертву на своей *дхарма-ягье*? Я жду Твоего совета. Что мне делать?»

Стоило мне вспомнить Говинду, как двери распахнулись, и перед нами предстали Кришна с Баларамой! Оба поклонились матушке, а та нежно обняла Их:

– Говинда! Спасибо Тебе за предусмотрительность – нам удалось скрыться от Дурьйодханы и завоевать царевну Кришну! Теперь же посоветуй, как сохранить *дхарму*.

По коже побежали мурашки. Меня захлестнуло ликование, удивление и нежданное счастье. Так это третий Пандава, Арджуна, завоевал меня! Говинда поставил этот спектакль, зная все с самого начала! Именно Он был главным режиссером. Как же мне выразить Ему свою признательность?

Кришна озорно улыбался:

– Кому же не понравится прекрасная Кришна? Тот, кто не испытывает к ней влечения – не мужчина, это евнух или мертвец. Кришна уже разожгла вражду, которая закончится лишь с гибелью династии Бхараты. Кришну завоевал Арджуна. Остальные царевичи не могут примириться с этим.

Движимые ревностью и стыдом, они ищут возможность отомстить, и в том нет их вины: любой, кому довелось увидеть Кришну хотя бы единожды, уже не успокоится, покуда не сделает ее своей. Она может стать причиной братоубийственной войны между пятерыми Пандавами. Они могут не признаваться в этом из стыда, но кто из них поклянется, призвав в свидетели Дхарму, что уже не влюбился в Кришну по уши? Если Кришна будет принадлежать одному лишь Арджуне, не станет ли она предметом зависти? Бхима, не проклянешь ли ты свою судьбу, сравнивая с нею *ракшаси* Хидимбу? Не завидуешь ли ты Арджуне? Похоже, слова, слетевшие с уст Матушки, принесут благо каждому. Юдхиштхира устроил все это, приняв во внимание вышесказанное и ради *дхармы*. В действительности, если Пандавы не сплотятся, им не совладать с подлыми Кауравами. Главная *мантра* учредительства и успеха – единство. Семьи рушатся из-за женщин, посему во имя единства пятерых Пандавов Юдхиштхира решил сделать Кришну супругой всех пятерых. Мне нечего добавить к этому. Я определенно не могу поручиться за каждого из пятерых братьев. Тот, кто возьмет на себя такую ответственность, должен действовать наверняка.

Моя стойкость, мудрость, разум, рассудительность и целомудрие – всему этому был брошен дерзкий вызов. Какая неразрешимая задача! Я ликовала – ведь это Арджуна оказался моим мужем! И все же я волновалась, ведь наряду с Арджунной мне предстояло принять пятерых его братьев. Чтобы сплотить пятерых Пандавов, я должна была стать женой каждого из них. Им предстояло установить на Земле *дхарму*. Если между ними не будет согласия, *дхарма* нарушится. Моя роль была очевидна.

Некогда во имя *дхармы* на Земле явился Господь Рама. У Него было три брата. Целомудренной Сите не довелось оказаться в подобном положении. Ей не пришлось выходить замуж за всех четверых – Раму, Лакшмана, Бхарату и

Шатругхну – чтобы сплотить братьев. Но Сита была самой Создательницей, матерью Лакшми, а я – всего лишь простая смертная, вот почему на мою долю выпало это тяжелое испытание – выбор жениха. Несмотря на то, что Сита не стала их женой, Лакшман, Бхарата и Шатругхна остались Раме преданными братьями. Неужели пятеро Пандавов неспособны на это? Как бы поступила на моем месте Сита? Думаю, ей бы хотелось сквозь землю провалиться со словами: «О мать-Земля! Приюти меня на коленях, избавь от позора!» Но у меня не столько терпения, сколько у многострадальной Ситы: могу взбунтоваться, а то и отомстить... Я лихорадочно искала решение. Все взоры были обращены на меня. Насколько я поняла, Кришна намекал на то, что в интересах большинства можно пожертвовать интересами меньшинства. Если я откажусь стать женой пятерых, то прославолюсь как *сати*, но тем самым проявлю непочтение к словам Матушки, а Пандавы окажутся неспособны отстаивать правду. На Земле будет трудно установить *дхарму*. Поэтому мне придется пожертвовать собственными интересами. Меня зовут Ягьясени; я появилась на свет из жертвенного алтаря, чтобы защищать *дхарму*! Если, сжигаемые страстью к этому брэнному телу, герои-Пандавы связали себя клятвой своей матери, тогда пусть это тело станет подношением на их *дхарма-ягье*! Что такое это тело на самом деле? Из чего оно создано и во что обратится? Я знаю, что им не являюсь; мои руки, ноги, другие части тела – это не Кришна. Так пусть же оно подарит счастье каждому, пусть сплотит братьев! Почему я должна препятствовать этому? Тело создано из пяти начал – огня, воды, земли, воздуха, эфира. Останусь ли я *сати*, отдав его пятерым мужьям? Насколько мне известно, целомудрие – это верность мужу. Я буду верной пятерым мужьям. Каждому из них я посвящу всю себя без остатка, – в противном случае потеряю целомудрие. Человеческий ум столь недоверчив и загадочен, что сам не может понять, вручает ли он себя полностью или нет. Так что если меня назовут нецеломудренной в этом смысле, нет причин горевать. Среди

пятерых братьев есть Арджуна – одно это рассеет все мое уныние и печаль.

Я спокойно сказала:

– Я готова стать женой пятерых Пандавов.

Матушка просияла:

– Да покроет тебя слава!

Ее слова заставили меня глубоко задуматься. Возможно ли, чтобы мужчины и женщины будущего славили супругу пятерых мужей, Панчали?

Вся моя жизнь – это драма: с того самого дня и до конца жизни мне приходилось играть пять ролей, приводя свой ум и тело, созданное из пяти элементов, в соответствие со вкусами и предпочтениями пятерых мужей.

Г л а в а 8

То была моя первая ночь с мужьями и свекровью. В гончарной лачуге была только одна комната. Мужья улеглись на ложе из травы и один за другим уснули. Свекровь легла у изголовья своих сыновей, а меня уложили у них в ногах. Никогда бы не подумала, что мое тело будет служить подушкой для пяти пар мужских ног. Ужели в этом – моя женская *дхарма*? До боли стыдно ложиться в постель больше чем с одним мужчиной, прикасаться одновременно к стопам пятерых!

С грустью я размышляла о том, что мой брак противоречит всем предписаниям. Поэтому, решила я, мое место – у стоп матери. Я потянулась к ней и всю ночь крепко сжимала ее стопы. Мои слезы ручьями текли с ее стоп на пол лачуги. Матушку это не беспокоило, хотя она знала, что я плачу. Она прошептала: «Я понимаю тебя. На *сваямваре*, избирая себе в мужья твоего свекра, я тоже мечтала о счастье. Даже печать лежавшего на нем проклятия не ввергла меня в уныние. Я никогда не сетовала на судьбу за то, что та омрачила мое материнство. Сосредоточившись на служении

мужу, я жила для него. Но ради династии, для сохранения царства, для рождения благоприятного потомства он попросил меня зачать сыновей от различных полубогов – Дхармы, Ваю, Индры и Ашвини-Кумаров. Иногда надо мной смеялись, некоторые презирали. Я утешала себя тем, что моего греха в этом нет, что я совершила праведный поступок на благо всего мира. То, что случилось с тобой сегодня, необходимо для сохранения *дхармы* на Земле. Поэтому считай, что ты заслужила награду. Многим ли выпадает счастье пожертвовать собой ради блага всего мира?»

Мне показалось, что мать нарочно поставила меня в это затруднительное положение. Хотя именно по просьбе мужа она зачала сыновей от разных полубогов, тем не менее, временами она чувствовала угрызения совести, стыд и сомнения. Она чувствовала вину. Возможно, как раз в эти минуты насмешки и презрение злонравных людей терзали ее сердце. Чтобы стать матерью, ей пришлось быть со многими мужчинами. Зачем она призналась мне в этом? Чтобы я тоже стала презирать ее? Или же для того, чтобы я поняла – она пошла на это, дабы трон достался ее сыновьям, а не сыновьям ее невестки Гандхари? Она понимает, насколько важно, чтобы ее сыновья оставались вместе, вот почему она поставила меня в столь затруднительное положение. В любом случае, это признание было сделано не просто так.

Мой отважный брат тайком подслушивал нас. Отец послал его узнать, кем же были эти пятеро брахманов. Разузнав все, он благополучно возвратился в столицу. На следующее утро отец послал за нами паланкины, лошадей и слуг. Пятеро Пандавов, мать их Кунти и я отправились во дворец. Отец был вне себя от радости, узнав, кем же они были на самом деле. Его мечта близилась к осуществлению.

Отец сделал роскошные приготовления к свадьбе. Но когда Кунти велела воздвигнуть пять свадебных алтарей, он весьма удивился:

– Неужели у Вашего третьего сына еще три невесты? Или Вы нашли невест для остальных четырех сыновей?

Мать Кунти тихо ответила:

– Ваша дочь, царевна Драупади, избрала себе в мужа всех пятерых моих сыновей. Поэтому состоится традиционная церемония бракосочетания для каждого из них.

Отец был ошарашен:

– Что?! Как такое возможно? Я знаю, брак нескольких женщин с одним мужчиной допустим, но если одна женщина выйдет замуж за нескольких мужчин, то нарушит *дхарму*. Если моя дочь заключит такой брак, над ней станет глумиться весь белый свет!

Дхриштадьумну переполнял гнев:

– Если старшие велят делать что-то несусветное, неужели даже в этом случае *дхарма* младшего – исполнять их волю?

Юдхиштхира ответил спокойно и твердо:

– Мать Кунти – ученая арийка, мудрая и преданная *дхарме*. Ее указания не бывают вздорными.

Заметив, что дело принимает серьезный оборот, отец вмешался:

– Старший Пандав! Я горжусь тем, что Арджуна завоевал Кришну на *сваямваре*. Но согласится ли сам Арджуна делить жену со всеми вами? И помнит ли история что-либо подобное?

Юдхиштхира привел отцу в доказательство пураническую историю Джатилы, у которой во имя *дхармы* тоже было несколько мужей. Из сказанного следовало, что в том не было греха.

Тут появился мудрец Вьясадева. Заметив, что отец встревожен, он сказал:

– Царь Друпада, жемчужины и цветы превращаются в ожерелье и гирлянду, когда нанизаны на прочную нить. Для сохранения *дхармы* в Арьяварте пятерым Пандавам необходимо быть вместе. Только твоя прекрасная дочь Кришна способна сплотить их. Цветочная гирлянда на шее Божества приковывает взоры своей красотой, но нельзя недооценивать значение скрытой цветами нити. Благородная

роль Кришны войдет в анналы истории. Рожденная из жертвенного алтаря, Кришна проживет исключительно яркую жизнь. Позволь же Пандавам восстановить *дхарму* в Арьяварте.

Слова Вьясадевы положили конец всем разногласиям. Чтобы скрепить пять цветов, я стала тонкой нитью, которую никто не увидит, о чьей боли никто не узнает, а стоны никто не услышит.

Г л а в а 9

Свадебное пиршество длилось пять дней. Царский жрец Дхаумья вручил мою руку по очереди всем пятерым братьям Пандавам. Я была обручена с каждым из них, и огонь стал тому свидетелем – пять раз я клялась: «Мое тело, ум и речь принадлежат тебе и только тебе. Я буду хранить тебе верность. Трижды я повторяю: да будет так!» Уж не самообман ли это?

Сперва жрец вручил меня Юдхиштхире. Той ночью я должна была встретиться с ним. По распоряжению отца в пяти дворцах были приготовлены пять роскошных спален, в которых я должна была провести брачную ночь с каждым из Пандавов. В первую ночь я предложила Юдхиштхире свою преданность; чем еще могла я порадовать его?

Юдхиштхира был необычайно красив. Лицо его излучало умиротворение и покой. Стоило мне взглянуть на него, как все мое негодование испарилось. Разве можно было винить его в том, что из-за влечения ко мне он устроил все это? Винить можно было лишь того, кто сделал женское тело юным и прекрасным, а мужчину - алчущим красоты.

Я почтительно поклонилась ему. Он сказал спокойно и ласково:

– Дочь Друпеды, я надеюсь, ты не жалеешь о случившемся? Не думаешь ли ты плохо обо мне, ведь именно

я настоял на необычности твоего брака? Не пала ли ты духом?

Я потупилась. Какой смысл говорить об этом сейчас? Даже если я и подавлена, – все равно ничего изменить нельзя.

– Ты – господин *дхармы*. Ею продиктованы все твои поступки. Тот, кого они приводят в уныние, не уважает *дхарму*. Я родилась из жертвенного алтаря *дхармы* и глубоко привязана к ней.

Юдхиштхира был рад слышать такие слова. Теперь его лицо лучилось детским восторгом и стало еще краше. С неподдельным восхищением он воскликнул:

– Ягьясени! Всякий раз, когда бы мне ни доводилось слышать о причине твоего появления на свет, меня влекло к тебе. Я знал: без тебя сохранить *дхарму* невозможно. Поэтому ты должна была стать моей. Огонь тому свидетель, ты вышла за меня замуж – и этого достаточно. Мне не нужно ничего большего. Арджуна завоевал тебя на *сваямваре*, поэтому я не возражаю, чтобы вы жили вместе. Пусть ничто не омрачит наш союз. Слова матери не окажутся напрасными, а ты сохранишь честь. Братья согласятся со мной. Что ты думаешь на этот счет?

Раздираемая досадой, я пронзила его взглядом:

– Тебя будут прославлять как господина *дхармы*, в то время как я, проживая всю жизнь во лжи, навлеку на себя грех. Огонь тому свидетель, что ты стал моим мужем, и я должна буду исполнить свои обязанности. Пусть меня винят в том, что я не целомудренна, но почему я должна быть непреданной и лживой по отношению к моим мужьям, всю свою жизнь терзаясь угрызениями совести?

Возможно, именно этого ответа и ждал от меня Юдхиштхира:

– Кто не питает к тебе влечения? Но тебе будет очень нелегко удовлетворить всех нас пятерых. У каждого из нас свои привычки и пристрастия. То, что нравится мне, может не нравиться другим. Им не понравится видеть тебя такой, какой хотелось бы видеть мне. Если я отошлю тебя в храм, то Бхима

отправит тебя на кухню, Арджуне захочется поехать на охоту, Накула предпочтет прокатиться верхом по лесу, а Сахадеву ты найдешь в саду, где он уединится, чтобы молча любоваться звездами, обдумывая их положение и размышляя о будущем. Что ты будешь тогда делать? Чьей ты будешь? Чьи требования ты будешь выполнять?

Слова Юдхиштхиры застали меня врасплох, но виду я не подала:

– Прежде всего я исполню твою волю, ибо остальные братья тоже подчиняются тебе.

Юдхиштхира ответил:

– Это не так просто, Ягьясени, и тебе придется туго. Ты еще не знаешь мужчин. Для мужчины невыносимо, если кто-то еще пытается властвовать над той, кого он любит. Тебя на самом деле любят все пятеро братьев. Никто из нас не захочет выпустить тебя из виду даже на секунду, никто не потерпит ни малейшего пренебрежения. Каково придется тебе?

Я постоянно задавалась этим вопросом и не находила ответа. Меня принесли в жертву материнскому слову Кунти. Вспыхнувший было гнев стал разгораться. Юдхиштхира устроил так, чтобы я стала женой всех пятерых братьев, и он знает, что уже ничего не изменишь. К чему тогда эта болтовня?

– Не переживай за меня. Клянусь, что каждому буду принадлежать сполна. Хотя Кришна не такая терпеливая как мать-Земля. Единственное, чего я не потерплю, – измен и лицемерия.

Будто ожидая и этого ответа, Юдхиштхира положил руку мне на плечо:

– Ягьясени, будь мне спутницей жизни в *дхарма-ягье*, стань моей женой в *дхарме*, – ты первая женщина в моей жизни.

Я превратилась в натянутую струну. Мне подумалось о многочисленных царевнах Арьяварты, которые предавались подвижничеству, чтобы получить в мужья его, Юдхиштхиру, господина *дхармы*. Я же совсем не стремилась к этому.

Передо мною мой муж, – душа праведности и спокойствия, мужества и мудрости, царевич Хастинапура! Сегодня наша первая с ним ночь, но я не могу отдаться ему: брачные торжества еще не окончены, мне предстоит поклясться в супружеской верности перед священным огнем еще четверым Пандавам. До тех пор пока я не обручусь с каждым из них, я должна хранить невинность. То, что выпало на мою долю – неслыханно, и вряд ли кому-то придется пережить нечто подобное. Это был вызов всему моему существу, но все же я взяла себя в руки и ласково сказала:

– Прости меня, господин *дхармы!* Брачные торжества еще не окончены. Перед рассветом я снова взойду на свадебный алтарь. Только девственница имеет право выйти замуж по ведическому обряду. Я очень надеюсь на твое понимание.

Юдиштхира разразился смехом, в котором не было ни притворства, ни жалости, ни досады. Полушепотом он произнес:

– Ты с легкостью выдержала первое испытание. Ягьясени, я высоко ценю твою преданность *дхарме*. Скажи мне, как мы проведем эту ночь?

Мне было очень жаль мужа. Легко ли было ему совладать с желанием? Не затаит ли он на меня обиду?

Я нежно ответила:

– Пожалуйста, отдохни. Чтобы сон твой был приятен, я стану растирать тебе стопы. Так и пройдет эта ночь.

Но он возразил:

– Лучше ты отдохни немного. Должно быть, долгий путь через лес утомил тебя. А обо мне не волнуйся, я буду играть.

– Играть?

– Да, в кости.

– С кем?

– С самим собой, – улыбнулся он.

Я была совершенно сбита с толку:

– С самим собой?..

– Каждый играет, включая тебя, меня, всех живущих – даже насекомых. В своих играх мы не одиноки – нами кто-то движет. В этом мире каждый живет своей жизнью, живет для себя.

Чувствуя, как он взволнован, я прошептала:

– Но в кости не играют в одиночку...

– Ягьясени! Сегодня, в нашу первую брачную ночь, я должен признаться тебе в своей слабости. Игра в кости – моя пагубная страсть. Я могу владеть собой во всем кроме этого, и тому есть причина.

Я смотрела на него с любопытством. Я считала игру в кости роскошью и царской забавой. Но почему вдруг она стала его слабостью? Завоевывать чужие земли, забирать себе ценности поверженных врагов, питать слабость к женщинам и вину – все это естественно для царей. Но почему у царя – олицетворения *дхармы* – слабость к игре в кости? Возможно, виной тому – ошибки юности. Обучаясь у Дронаचारьи, пятеро Пандавов никогда и ни в чем не знали поражения. Неизменно оставаясь любимцами учителя, с достоинством выдержали они все испытания. Из-за этого сто братьев Кауравов во главе с Дурьюодханой исходили завистью и враждебностью по отношению к ним. Пандавы во всем опережали их, поэтому последние прибегли к игре в кости. В ущерб учебе Кауравы сделали искусными игроками. Они знали: какими бы смелыми и умными ни были Пандавы, им никогда не удастся обыграть их в кости. Они не могли соперничать с Бхимой, который во время купания мог утянуть под воду одновременно десять или даже двенадцать братьев-Кауравов и не давал им вынырнуть, пока те не начинали захлебываться. Брошенный силачом Бхимой мяч мог нанести увечья. Кауравам нравились жестокие развлечения. Забираясь на деревья, они разоряли гнезда и душили птенцов. Хруст нежных косточек доставлял им удовольствие; злобный смех выдавал в них варваров. Тогда Бхима тряс дерево с такой силой, что Кауравы падали на землю и больно ударялись оземь. Иногда, в отчаянии, он мог вырвать дерево вместе с

сидящими на ветвях Кауравами и швырнуть его в реку. Но для азартных игр сила была не нужна. Улучив минуту, Кауравы бросали Пандавам вызов. Бхима и другие братья были равнодушны к игре в кости, но Юдхиштхира, весьма щепетильный в вопросах чести, принимал вызов и неизменно проигрывал. Однако, несмотря на поражения, он вновь и вновь принимал вызов, когда Кауравы обвиняли его в трусости и боязни проиграть. Всякий раз он надеялся, что выиграет. Стыд от этих проигрышей стал его бичом еще в юности, и с тех пор он каждую свободную минуту он упражнялся, играя сам с собой.

Слушая признания Юдхиштхиры, я размышляла над тем, что недостатки и слабости есть у каждого, и страсть моего мужа к игре – не такой уж тяжкий грех для будущего царя Хастинапура. Более того, признаваясь в этом жене в первую брачную ночь, он проявляет неслыханное благородство. Да, Юдхиштхира – образцовый муж!

Мне хотелось выразить ему свое восхищение, но он ласково сказал:

– Отдохни, царевна. Перед рассветом я разбужу тебя. Сегодня мне уже не уснуть. Радость оттого, что я обрел тебя, прогнала мой сон. Когда через четыре дня мы встретимся снова, мне уже не придется играть с самим собой.

Он рассмеялся, мне же было не до смеха. Первая, вернее, вторая ночь *моей* игры была на исходе. Сменить тело не в моей власти, поэтому придется изменить свой характер, преобразиться внутренне. И это преобразование было ничем иным как игрой!

Бхима отличался от Юдхиштхиры внешностью, характером, привычками, поведением, манерой говорить. Он с порога торжественно вручил мне свой шлем, украшение и плащ:

– Знаешь, меня не волнует ничего, кроме моего желудка. Я не беспокоюсь ни о здоровье, ни насчет одежды. Поэтому первым делом позаботься о моем желудке, а уж потом можешь думать обо всем остальном. Всегда помни: я очень

люблю поесть. Кроме того, я питаю слабость к женщинам. Но не путай это со склонностью к многоженству! Хидимбы здесь нет, и она никогда не приедет в Хастинапур. Мы с ней условились об этом. Твоя необыкновенная красота пленила меня с первого взгляда. Я уверен, что одно твое прикосновение превращает пищу в нектар. Чего уж более? Вкусная еда для меня все. Понятно? По наставлению матери я всегда получал больше, чем все мои братья. Поэтому и тобой я должен владеть в большей степени, чем они. Я – средоточие голода, и ответственность за его удовлетворение лежит на тебе.

Он рассмеялся, и в глазах его мелькнуло что-то недоброе. Я расстроилась. Как же перестать считать себя телом? Как одновременно удовлетворять ненасытного Бхиму и должным образом исполнять обязанности перед остальными мужьями?

Бхима не обращал внимания на мое настроение. Поглощенный собой, он говорил и говорил, не давая мне вставить ни слова:

– Слушай, Драупади, я довольно вспыльчив. Я не выношу угрюмости и гнева ни в ком. Стоит мне заметить, что кто-то пренебрегает обязанностями – принимаю меры, и выглядит это пугающе. Я беспощаден, но отходчив, камня за пазухой держать не стану. Что на уме – то и на языке. Тебе придется мириться с моей горячностью. Я знаю, ты высокообразованна и разумна. Ты терпелива; именно такими и должны быть женщины, иначе это ослабляет семейные узы. Не стерпишь моей горячности – тебе же хуже: я буду покидать тебя, чтобы навещать мою жену Хидимбу. Она *ракшаси*, но как жена она предана мне и боится меня прогневить, ведь я убил ее брата прямо у нее на глазах. Ха-ха, кто не боится за свой живот?

Чрезвычайно довольный собой, Бхима расхохотался. Я промолчала. Мне было неприятно слушать рассказы мужа о его второй жене, грубый тон также резал ухо. Женщина должна уметь терпеть. Если я сорвусь и Бхима уйдет к Хидимбе, простит ли мне это Юдхиштхира? Мой первый

долг – сплотить пятерых братьев. Если Бхима покинет Хастинапур, у Пандавов не будет достаточно сил, чтобы противостоять тирании и несправедливости Кауравов. Но с другой стороны, если из-за страха перед гневом и раздражительностью Бхимы я буду уделять ему больше времени, чем другим, или больше заботиться о нем, это возмутит остальных братьев. Между ними и Бхимой возникнет отчуждение, и единство опять-таки может быть нарушено. Что тогда со мною будет? Похоже, я зашла в тупик.

Бхима игриво потянул меня за край сари:

– Чего молчишь, как статуя? Не понимаю! Считается, что образованная женщина должна быть немногословной. Но моя жена не обязана быть ученой! Какой в этом прок? Достаточно того, что она мила. Хочу, чтобы мои жены умели вкусно готовить, служить, смеяться и беседовать со мной, петь для меня и незамедлительно исполнять все мои желания. Ясно? Если нет, я уйду к Хидимбе. Она всегда мне рада. По первому моему требованию она развлекает меня танцами. А ты так сможешь? Да не сиди ты с такой миной! Твое хмурое лицо раздражает меня! Что, боишься?!

Бхима разразился хохотом. Он кипел весельем и любопытством. Мои же глаза были полны слез. Какое тяжелое испытание! Юдиштхире нужна праведница – образованная и проникательная женщина, способная пожертвовать всем ради *дхармы*. Вкусы Бхимы прямо противоположны. А ведь у меня еще три мужа, чьи склонности и пристрастия только предстоит узнать... Тело, созданное из пяти начал, будет принадлежать пятерым. Возможно ли это? Задача казалась неразрешимой, однако ночь все же подошла к концу.

Г л а в а 10

Дом наполнял аромат одного лишь Кришны. Он только что был здесь, по-дружески напутствуя Арджуну перед тем, как мы с ним должны были подняться к свадебному алтарю...

Это была наша с Арджуной первая брачная ночь. В моей жизни было пять неповторимых брачных ночей, и каждая из них начиналась с глубоких внутренних противоречий и попыток сохранить самообладание. Но эта ночь была неповторимой, она была особенно желанна моему сердцу. О, если бы Арджуна был моим единственным мужем! Все в моей жизни напоминало сцены из какой-то драмы! Происходило ли подобное где-либо еще?

Я надеялась, что третья брачная ночь станет самой незабываемой. В разных обстоятельствах человек ведет себя по-разному. Ради страны, общества, *дхармы* человек идет против своей воли, совершая поступки, от которых становится не по себе. К нему приходит слава, признание; но кто знает, несет ли это мир и покой душе? Душа спокойна, когда совесть чиста. В те дни я искала согласия со своим внутренним «я». Я уже отдала сердце Арджуне, но теперь была вынуждена обручиться с каждым из его братьев. Зачем? Чтобы сохранить *дхарму*. Но сердце мое было связано клятвой только с Арджуной.

Моя подруга Нитамбини знала мое сердце. В тот день она мастерски увила нашу спальню, окна и двери гирляндами из лилий и других цветов, и все в комнате пропиталось их благоуханием. Была бы ее воля, она бы, конечно, инкрустировала бы все алмазами, жемчугами и прочими драгоценными камнями. Но она знала мой вкус: будучи царевной, я все же предпочитала самоцветам живые цветы. Возможно, в том был знак судьбы, – со временем царевне предстояло стать царицей леса. Впрочем, тогда я еще не догадывалась о том, что уготовано мне судьбой...

Несмотря на мои возражения, Нитамбини украсила меня драгоценностями: «С сегодняшнего дня твое подвижничество позади. Отныне ты, царевна Хастинапура, должна носить златотканые платья. Когда моя царевна войдет в опочивальню, на ней будут драгоценные украшения и ножные браслеты».

Сакхи ушла, прикрыв за собой дверь и оставив меня одну. Сквозь расшитый жемчугами занавес я увидела моего возлюбленного, героя Пхалгуни, застывшего в ожидании. Он был очарователен. Сначала я различила его силуэт – высокий и статный. Его подобные грозovým тучам локоны перетекали в белую цветочную гирлянду. Он сделал шаг мне навстречу; изысканная красота его лица и лучистые глаза, напоминающие синее море в штиль, приковали мой взгляд. Я стыдливо потупилась, но хотела бы вечность любоваться его чарующим ликом.

Очень осторожно Арджуна стал приближаться ко мне. Мое сердце трепетало, его стук отзывался в каждой клеточке тела. Если я отдамся ему, самому желанному супругу, то как же предстану невинной перед двумя другими мужьями? Но вот же мой возлюбленный, красивый как Кандарпа, бог любви, – как я могу прогнать его от дверей моего сердца? Тем самым я причиню ему невыносимую боль. Нет... прежде, чем я сделаю это, мое сердце разорвется на части...

Я опустила голову еще ниже. Как мне заставить сокрушенное сердце принять свою долю? Внезапно я вздрогнула. Чье это ненаглядное лицо на моей груди?! Как оно оказалось здесь? Ах, какая же проказница эта Нитамбини! Она подвесила к моему кулону маленькое зеркальце из блестящей жемчужины – в нем-то и отразилось лицо Арджуны! Его нежная улыбка смутила меня еще больше. Я отвела взгляд от зеркала и посмотрела на свои руки и ноги. Но и там я увидела то же самое: в драгоценных перстнях мерцало отражение Арджуны. В украшениях на лбу, в ушных и носовых серьгах – всюду отражался его образ. Я отражала его каждой клеточкой своего естества... На лбу моем выступил пот, и в его капельках тоже виделся Арджуна. Как же справиться с собой? Как не нарушить *дхарму*? Еще два брака предстояло заключить перед священным огнем – божественным свидетелем моей чистоты. Мне казалось, что от одного прикосновения Арджуны я потеряю сознание. Что тогда? Когда человек теряет веру в себя, он ищет другой путь.

Чтобы не мучиться, он будет обманывать себя, пока не пройдет его печаль.

Арджуна почувствовал мой внутренний разлад. Он нежно позвал:

– Кришна!..

О, этот голос... Чей он? Кришны? Такой нежный, ласковый голос мог принадлежать только Ему. Как Арджуна мог узнать об этом имени, и о том, как оно мне дорого?

Я растерялась. Арджуна спросил:

– Что с тобой? Я знаю про твой обет, обязанность мужа – разделять клятву жены. Пока свадебные церемонии не закончатся, никто из братьев и не подумает о том, чтобы запятнать твою невинность. Пандавы всегда были благородными людьми. Но Кришна...

Он запнулся. Свинцовые тучи сожаления затмили его приятное лицо. Неужели я чем-то опечалила его? Если это так, то какой смысл мне жить? Тяжко вздохнув, он произнес:

– Минуты моего высочайшего счастья с тобою позади. Время, когда ты принадлежала только мне – самое светлое в моей жизни. Всю оставшуюся жизнь мы проживем лишь во имя *дхармы*, ради благополучия мира. Теперь ты уже не принадлежишь себе – ты принадлежишь миру! Смею ли я винить тебя в том, что ты принесла себя в жертву *дхарме*?

Потрясенная, глядела я на мужа. Стыд и сомнения испарились. Куда девалась во мне полная желаний невеста? Что бы все это значило? В те минуты проснувшейся в нас нежности, в нашу первую ночь, совместная жизнь только начиналась. Более того, неужели ему было в чем меня упрекнуть?

Арджуна все понимал. Взяв за руку, он усадил меня на инкрустированное драгоценностями ложе:

– Когда мы возвращались со *сваямвары*, следуя рука об руку по лесной тропе, кто знал, что тебе не быть только моей?.. Тогда я чувствовал себя величайшим героем в мире. Я думал: если тебя коснутся солнечные лучи или лунный свет, я

отброшу их в сторону. Если животные, которых мы приручили, станут ластиться к тебе, я их обезглавлю. Я ревновал даже к твоему ожерелью. У меня только одна просьба к тебе, Кришна: пока ты со мной,ними эти серьги и ожерелье! Серьги целуют твои щеки, ожерелье покоится у тебя на груди. Могу ли я, твой муж, вынести это? Кто мог представить, что я увижусь с тобой лишь на третью ночь и буду вынужден ждать еще три ночи после того, как ты обручишься с Накулой и Сахадевой?

Я сказала с укоризной:

– Ты завоевал меня. И ты сказал, что никто, кроме тебя, не имеет на меня права. Зачем же ты предоставил решать мне?

Голос Арджуны был полон сожаления:

– Так велели брат и мать. Для них я всего лишь младший брат и сын. Так было предначертано судьбой, предопределено *дхармой*. Поэтому я не мог поступить иначе. Но твой ответ зависел только от тебя. Никто не навязывал тебе своего решения...

Меня охватил гнев. Оскорбленная, я всхлипнула от досады:

– Пятеро Пандавов, их мать, наш гуру Кришна Дваипаяна и ваш друг Шри Кришна ради *дхармы* готовы на все. А мне нужно было заботиться о своем собственном счастье, пренебречь их мнением ради спасения собственной чести и достоинства и тем самым навлечь на себя проклятия? Этого ты хотел? Случись так, и твое желание исполнилось бы: Кришна была бы брошена на произвол судьбы.

Я замолчала, пытаюсь совладать с охватившим меня гневом. Арджуна положил руку мне на плечо:

– Бесполезно оплакивать сбежавшее молоко. Разве судьба не улыбнулась нам, позволив хоть на некоторое время принадлежать друг другу целиком? Многие жертвовали своими личными интересами ради блага всего мира. Сейчас мир в опасности. Пойми, мы пришли на эту землю не ради себя, но с высшей целью. Я ничем не лучше братьев. И хотя я

горжусь тем, что завоевал тебя, это всего лишь мужское самолюбие. Кто я и кто ты? Кто четверо моих братьев? Откуда мы пришли, куда держим путь? Даже этого мы не знаем. Гости в этом мире, должны ли мы жалеть о том, что нам представилась возможность подарить кому-то счастье и благополучие? Подобное сожаление свидетельствовало бы лишь о крайнем самолюбии, ни о чем больше.

Я внимала его праведным рассуждениям. Успокаивая меня, он, в сущности, утешал самого себя. Он был более подавлен, чем я, и куда беспомощнее. Мое сердце наполнилось состраданием к Арджуна и гневом на Говинду. Арджуна был близким другом самого совершенного существа во всей Арьяварте, Личности, чьей воле подчинены остальные живые создания. За какие грехи Арджуна был наказан тем, что на его жену посягают другие, пусть они ему и братья?

Забыв о собственной скорби, гневе и муках, я так погрузилась в горе Арджуны, что у меня на глаза навернулись слезы и, подобно двум жемчужинам, упали на стопы. Голосом, исполненным боли, Арджуна сказал:

– Кришна, ты не просто прекрасная царевна, ты очень разумна и образована, ты поэтесса. Слезы необходимы в нашей жизни. Бывают минуты, – если не заплачешь, умрешь от горя. Поэтому не нужно тратить слезы понапрасну. Они наши лучшие друзья и помощники в беде.

Утерев слезы, я посмотрела на него. Как тучи не могут заслонить всю бескрайнюю ширь неба, так и красоту Арджуны не омрачала печаль и угрюмость. Напротив, тень сожаления лишь подчеркнула его мужественность. Забыв о своем горе, я не отводила глаз от лица мужа, замороженная его красотой и совершенством. Я думала: несмотря на то, что мне придется провести жизнь среди злословия и клеветы, в печали и распрях, – получить Пхалгуни в мужья было благословением. В тот же миг вся тьма сожаления рассеялась. Арджуна тоже попытался смириться и принять все как данность. Какой смысл оплакивать то, что не в нашей власти?

Арджуна сел подле меня словно давний и близкий друг:

– Знаешь, я хотел жениться на тебе по двум причинам. Во-первых, твое имя – Кришна – напоминает мне моего близкого друга Кришну. Я безумно влюблен в твое имя. Во-вторых, ты образована и слагаешь стихи. Я слышал, что многие из них ты посвятила моему *сакхе*. Могу ли я услышать какой-нибудь из них?

Съезжившись от смущения, я пробормотала:

– Кто сказал тебе об этом?

Арджуна рассмеялся:

– Мой *сакха* ясновидящий, есть у Него такой дар. Он не простой смертный, ведь еще ребенком Он совершил множество чудесных подвигов. Так вот, Он часто декламирует твои стихи...

По правде говоря, сочиняя стихи, я мечтала о Кришне. Но как они оказались у Него? Может, их показала Ему Нитамбини? Некоторое время мои стихи хранились у нее. Или она случайно оставила их в саду, а Кришна, прогуливаясь, нашел их там и прочитал. Оставив их на том же самом месте, Он ушел, и Нитамбини так ничего и не узнала. Как бы там ни было, в устах Арджуны мои стихи звучали удивительно сладко. Он оказался таким искусным чтецом! Я слушала его, потупившись.

– Кришна, поэзия прекрасна сама по себе, но если бы твои стихи были посвящены кому-то другому, а не Кришне, я бы тебе этого не простил! Но ты жаждала сердца моего друга. Для меня остается загадкой, как Ему удастся всех без исключения влюблять в Себя с первого же взгляда. Если бы ты желала не Его, между нами наверняка возникла бы неприязнь. Иногда может показаться, что, давая совет, Кришна толкает тебя в пропасть. Но если терпеливо обожждать, становится очевидным, что за этим кроется забота о нашем благополучии. Именно Он рассказал нам о твоей *сваямваре*. Теперь мы должны благодарить Его вечно, не правда ли?

Я кивнула:

– Похоже, Кришна тебе дороже Кришны.

Арджуна рассмеялся:

– Кришна дорог и мне, и Кришне. Потому Кришна особенно дорога мне.

Ночь прошла в прославлении Кришны.

Г л а в а 11

Близнецы Накула и Сахадева, сыновья Ашвини-Кумаров, были красивы, как бог любви Камадева: лица, подобные ясной, полной луне, безмятежные и полные сострадания глаза. Они во всем следовали за старшим братом Юдхиштхирой, радовали мать беспрекословным послушанием, были вежливы, утонченны, нежны и скромны. Они были рады волей матери и старшего брата получить меня в невесты.

Из этих двоих Накула выделялся особенной красотой и изяществом. Подобно цветам, распускающимся в утренних лучах солнца, его изящные черты пленяли сердце. Накула был прост как дитя. При первой же встрече он признался:

– Деви Панчали, желание взять тебя в жены проснулось в моем сердце с того дня, как я узнал о тебе, и знаешь почему?

Словно друг детства он взял меня за руку и потянул к окну.

– Панчали, видишь мою лошадь? Она – моя единственная страсть, я сам объездил ее. Я слышал, что ты очень любишь зверей и птиц. У тебя на родине прекрасный заповедник. Ты понимаешь язык животных. Даже бешеные слоны утихают, завидев тебя, ядовитые змеи отползают, забыв свою злобу. Я счастлив, что теперь ты тоже будешь ухаживать за моими лошадьми. Под твоей чуткой опекой они станут самыми прекрасными скакунами в мире. Если хочешь, перевези сюда свой зверинец. Если мы когда-нибудь вернемся в Хастинапур, ты станешь царицей, а твои питомцы будут жить в царской роскоши. Я слышал, что если они не едят, ты

тоже отказываешь себе в пище, и что ты не можешь жить без них.

- Откуда тебе все это известно? – удивилась я.

– Говинда рассказал нам все о твоей жизни, начиная с самого рождения. Слушая о тебе, мы будто пили нектар. По правде говоря, услышав от Него о твоих достоинствах и красоте, все мы тайно влюбились в тебя. А получив тебя в жены, оказались в вечном долгу перед Говиндой.

Мне стало любопытно: какую цель преследовал Говинда, так планомерно подготавливая мой брак с пятерыми братьями Пандавами?

Накула то и дело с восхищением поглядывал в зеркало. Надо же, собственное отражение зачаровывало его больше, чем невеста! Снова и снова он поправлял на себе платье и украшения. Наконец, взглянув на себя в последний раз, он остался доволен. Меня забавляла его детская самовлюбленность. Мне хотелось зачерпывать его несравненную красоту пригоршнями, ласкать ее и нежить. С этим мужем не будет ссор, чувствовала я.

– Лошадь, конечно, очень красива, и ты тоже очень красив.

Как приятно было ему слышать эти слова!

– Я надеюсь, что нравлюсь тебе. Ты и правда не разочарована моей внешностью? Я знаю, красивые женщины хотят мужей, которые не уступали бы им в красоте. Тебе решать, подхожу я тебе или нет.

Я уловила скрытый смысл его слов: Накула намекал, что он красивее своих братьев, и хотел слышать от меня подтверждение. В первую брачную ночь принято восхищаться внешностью невесты, но в моем случае восторг должна была выражать я:

– Твоя красота просто сводит меня с ума. Но скажи и ты: нравлюсь ли я тебе или нет? В конце концов, ты ведь женился не по своей воле, а по требованию Юдхиштиры и матушки. У тебя не было никакой возможности отказаться.

Накула не отводил от меня зачарованного взгляда. Переполненный чувством, он сказал:

– Кришна, я думал, что Господь вложил всю красоту мира в меня одного. Я боялся, что рядом со мной моя супруга померкнет. Но Создатель очень мудр, теперь я знаю: Он наделил меня такой редкой красотой лишь затем, чтобы я не померк рядом с тобой.

Я рассмеялась. Мне понравилась искренность и непосредственность Накулы. Открывать ему сердце, поверять свои мысли и переживания будет легко.

Как и его брат-близнец, Сахадева был покладист и скромн. Он был немногословен, но весь его облик пронизывала поэтичность. Погруженный в себя, одним своим видом он заставлял мысли складываться в стихи. Когда он увидел меня, в его мечтательных глазах сердечным пламенем вспыхнула поэзия. Некоторое время он, не моргая, смотрел на меня своими прекрасными, как бездонное небо, глазами. Охваченная смущением, я стояла, не в силах шелохнуться. Он продолжал смотреть – зачарованный и растерянный. Затем с легкой грустью вздохнул. Я обеспокоилась. Что его встревожило? Но он не проронил ни слова. Должна ли я начать разговор первой?

Но все же первым начал он:

– Кришна! Здесь, на Земле, только человек осознает неотвратимость смерти и думает о будущем. Поэтому он полон страха, тревог, мечтаний и мыслей о грядущем. Из-за этого он и страдает. Животное беспечно, оно живет только настоящим. В этом разница между животным и человеком. Человек, стремясь устроить будущее, то грешит, то совершает праведные поступки. С незапамятных времен человеческий ум полнится безудержным любопытством и тревогой о будущем. Твое будущее промелькнуло перед моими глазами, когда я увидел тебя на *сваямваре*. Оно так притягательно и романтично, что мне тотчас захотелось стать его частью. Нам, царевичам Хастинапура, предстоят суровые испытания. Только Говинде ясна цель твоего сочетания с нами. Я знаю

лишь одно: ты – достойная спутница жизни. Мое безумное желание получить тебя в жены сбылось. Но помни: я никогда не говорю от всего сердца, потому что с детства слишком ранним. Мы, близнецы, – сыновья Мадри. Накула красивее, энергичнее и сильнее меня, он с детства настолько опережал меня во всем, что даже родители любили его больше. Отец умер, когда мы были еще детьми, и мать Кунти заменила нам его. Ребенком я был робок и не самостоятелен. Один Бхима приносил матери столько беспокойств, что я не хотел лишней раз тревожить ее. Поэтому я довольствовался тем, что имел. Теперь ты моя жена, но остальные четверо братьев также имеют права на тебя. Если в соперничестве за твою любовь они выйдут победителями, я не стану винить в этом тебя. Я также не буду домогаться тебя силой. Мое кредо – довольствоваться тем, что есть. Но долг жены – относиться к мужу с пониманием. Если мне будет хорошо с тобой, я не буду говорить лишнего.

Я сидела тихо. Господь наделил меня столькими качествами, что все пятеро братьев нашли во мне то, что искали. А если я не оправдаю их надежд? Возможно ли угодить всем и каждому? Люди находят изъяны даже в Господе Боге. Если попытаться удовлетворить всех, в конечном счете все останутся недовольны. От таких мыслей тревога только нарастала, я теряла уверенность в себе и впадала в уныние. Кто поможет мне? На кого мне надеяться? Какую злую шутку сыграл со мной Говинда! Теперь-то Он счастлив? Так и быть, Говинда, если на то Твоя воля, мне тоже не на что жаловаться: ведь Ты дорог моим мужьям, и они счастливы, когда доволен Ты.

Г л а в а 12

Свадебные торжества длились пять дней. Музыка, фейерверки, танцы и песни наполняли столицу Панчалы, напоминавшую дворец Индры. Наконец, празднество подошло к концу; настало время уезжать. Судьба сыграла с

нами злую шутку: мои мужья должны были покинуть царство и скитаться по лесам, чтобы спасти жизнь. Где, в каком лесу будут они хранить подарки тестя? Каждому из зятьев он подарил по тысяче инкрустированных драгоценностями колесниц со знаменами, тысячу слонов, украшенных золотом, повозки, груженные драгоценностями, молодых слуг и служанок, роскошные наряды. Мне в приданое отец дал тысячи колесниц, горшков с цветами, мой зверинец, библиотеку, музыкальные инструменты, платья и украшения. Много даров преподнесли и доброжелатели отца. Кришна, правитель Двараки, тоже проявил щедрость. Среди Его подарков был перстень с синим сапфиром и служанка по имени Майя.

Кришна сказал:

– Из всех Моих подарков эти два – самые ценные. Я вручаю тебе этот перстень с синим сапфиром в знак Моего благословения. Это самый дорогой из Моих перстней. Я Сам его носил и знаю его особые свойства. Сосредоточенно взглядываясь в синеву сапфира, можно найти ответы на многие вопросы.

Указывая на служанку Майю, Говинда сказал:

– Она заботилась обо Мне с самого детства. Она так крепко любит Меня, что не терпит, когда Мне служат другие. Чтобы никто не потревожил Меня, она всегда настороже. Если кто-либо привлекается ею, она обволакивает его такой любовью, что он не замечает никого, кроме нее. Эта Моя служанка способна повергнуть в горе и избавить от него. Она всегда помогала Мне, и без нее было бы трудно избежать многих сложностей в Двараке, в Хастинапуре, да и между самими Пандавами. Арджуна – Мой младший брат и дорогой друг. Как его жена с этого дня ты тоже особенно дорога мне. Поэтому Мой первый подарок тебе – Моя дорогая служанка Майя.

Я была благодарна Кришне:

– Она провела с Тобой так много времени и помогала находить выходы из многих затруднительных ситуаций. Как

же Ты проживешь без нее? Кто позаботится о Тебе и Твоих нуждах?

Говинда серьезно ответил:

– Поживем – увидим. Ты в гораздо более затруднительном положении, нежели Я. Тебе предстоит жить с пятерыми мужьями. Надеюсь, Майя станет тебе верной служанкой и помощницей. Бремя забот о пятерых мужьях рано или поздно вызовет в тебе желание уйти в лес и стать подвижницей, – тогда-то и понадобится тот, кто не даст тебе натворить глупостей.

Говинда улыбался ласково и загадочно. Его улыбка заставляла забыть обо всем на свете. Стоя за спиной Майи, я неотрывно глядела на Него. Я была благодарна Говинде – Он один по-настоящему сознавал мою беспомощность. Какой бы самоуверенной ни казалась я внешне, *сакха* Говинда знал, в сколь затруднительном положении я оказалась, выйдя замуж за пятерых. И хотя Нитамбини была самой дорогой моей подругой, разумом она уступала Майе.

Но куда податься со столькими дарами? Поразмыслив, отец сказал: «Пятеро Пандавов и их мать Кунти могут оставаться в нашем царстве, сколько пожелают. Принимать таких гостей – честь для Панчалы». Мысль о том, что Пандавы останутся в нашем царстве, грела его. Но могла ли я согласиться с ним? Это уязвляло мою гордость. Если мы останемся в Панчале, я перестану уважать себя. Я буду чувствовать, что будто ищу убежища в царстве отца и по-прежнему завишу от отца и брата. Если раньше это царство было мне домом, теперь я здесь гостя. Какие странные законы правят человеческим обществом! Долго ли гость может оставаться гостем? Я переживала за честь мужей, понимая, что однажды люди начнут презирать их, – так уж принято в этом мире. Теперь моей задачей стало следить за тем, чтобы в царстве отца не появилось и намек на пренебрежительное. Я не вынесу этого! Пока я жила с отцом, я следовала *дхарме* дочери. Пришло время следовать *дхарме* жены. Потеряв царство, пятеро моих мужей стали бедняками,

но в их отваге, доблести и силе воли не было ни малейшего сомнения. Как можно было не гордиться ими?

Богатство может вдохновлять на подвиги и приносить славу, но когда его добывают нечестным путем, это не вызывает восхищения. Кауравы, хитростью лишив Пандавов царства, правили теперь всем Хастинапуром, но это не значило, что они превосходили Пандавов доблестью. Вся Арьяварта осуждала Кауравов, лишённые же богатства Пандавы стали образцом праведности. И хотя я не стала царицей, это ничуть не омрачило мою славу. Я по праву гордилась своими пятерыми мужьями.

Но одно дело гордиться геройством супруга, а другое – быть с ним счастливым. А делать счастливым мужа еще труднее. В этом была моя беда. После свадебных торжеств наступили суровые будни. Выйти за пятерых – дело нехитрое, но как сложно было наладить со всеми ними благополучную совместную жизнь! Уму непостижимо, как женщины прошлого ради *дхармы* выходили замуж за семь или одиннадцать мужчин одновременно. Но в мое время во всей Арьяварте я была единственной, у кого было более одного мужа. Целых пятеро! Арьяварту разбирало любопытство: всем не терпелось узнать, как сложится мое замужество. Неужели моя жизнь превратится в посмешище? Мне придется исполнять желания каждого супруга. Я и представить себе не могла, что на мои плечи ляжет такая ответственность, а желания, склонности, надежды и характеры пятерых мужей окажутся такими разными. Теперь же, оценив ситуацию изнутри, я чувствовала совершенную беспомощность. Если бы даже каждому из мужей я посвятила по три часа ночью, это значило бы, что один останется без внимания. Что же делать? Как распределить время, чтобы не разорваться на части?

Первый день моей супружеской жизни. Поутру, омывшись и одевшись, как подобает новобрачной, я выразила почтение матушке Кунти. Матушка сказала:

– Кришна, да хранит тебя Господь! Ты стала мне дочерью. Заботься о мужьях всем сердцем. Сосредоточься на их лотосных стопах, служи гостям как святым. Получить в невестки такую разумную и образованную девушку, как ты, – особое благословение.

Матушка велела мне выразить особое почтение Кришне. Из покоев Юдхистхиры, куда я направилась прежде всего, до меня доносился разговор: «Но Говинда, какую цель Ты преследуешь, ставя Деви Кришну в столь затруднительное положение? В обители полубогов все с нетерпением и любопытством ждут возможности посмотреть драму ее семейной жизни. Зачем Ты обрек ее на такой позор? У полубогов принято многоженство, что свидетельствует об их доблести. Но представляешь ли Ты Себе, какие угрызения совести и стыд будут мучить женщину, вышедшую замуж за нескольких мужчин? Это оскорбляет ее женское достоинство. Неужели Господь Двараки не знает об этом?»

Мои ноги окаменели. Кем бы ни был этот гость, рассуждавший о моем позоре, мне будет стыдно смотреть ему в глаза... Я вернулась к себе и бессильно опустила на ложе. Мое отражение мерцало на мраморных стенах. Я была подавлена отчаянием, стыдом и беспокойством. В это мгновение в сердце новобрачной Кришны, Ягьясени, появившейся на свет из огня, вспыхнуло негодование. Она восстала против богов, согласно чьим законам мужчина может иметь более одной жены, но женщина, у которой более одного мужа, становится грешницей. Кто начертал эти законы? Наверняка бог, а не богиня! Почему то, что является грехом для женщины, не становится грехом для мужчины? Все обряды и правила зиждутся на различии между богатыми и бедными, высшими и низшими, брахманами и чандалами, мужчинами и женщинами. Вопиющая несправедливость, чинимая под прикрытием рассуждений о грехе и благочестии – вот против чего предстояла мне война длиною в жизнь.

В сущности, мое пятикратное замужество бросало вызов всему прекрасному полу. Я должна была доказать, что, даже

имея несколько мужей, женщина может оставаться чистой и безупречной. Если женщина заточена во внутренних покоях и не видит других мужчин, кроме своего супруга, в ее целомудрии все же можно усомниться. Но если она остается верна сразу нескольким мужьям, она определенно *самти*. Похоже, именно поэтому, вопреки их неоднократному замужеству, Тару и Мандодари считают *самти* и ежедневно славят их на рассвете. Супруга Лакшманы Урмила вела жизнь затворницы, четырнадцать лет ожидая мужа во внутренних покоях, и все же стольный град Айодхья не разразился прославляющими *самти* Урмилу возгласами. Равана похитил Деви Ситу и держал ее под стражей в ашоковом лесу. Она жила среди демонов из окружения царя Раваны и вдоволь наслушалась их похотливых уветов, - вот что сделало ее *самти*. Хотя, конечно, Урмилу обошла стороной и дурная молва. Быть благочестивым, когда иначе действовать просто невозможно, – разве это подвиг? Настоящий подвиг в том, чтобы устоять перед соблазном. В этом мире двойственности невозможно оценить добродетель, если не сравнивать ее с грехом. Не будь греха, в чем тогда состояла бы слава добродетели? Если нет *адхармы*, как установить *дхарму*? Не зная, что такое тьма, пойдем ли мы, что такое свет? В конце концов, Господь нисходит на землю из века в век ради спасения грешников. Полагаю, именно греху добродетель обязана своим благородством. Величие святых в том, что они разительно отличаются от грешников. На этот счет я имела свое собственное, не характерное для большинства царевен, мнение. Когда я видела или слышала о том, что многочисленные царицы, украсив себя, каждая в своих покоях, ждут единственного царя, который выбирает, кого же из них осчастливить на сей раз, я думала: а почему не наоборот – одна царица на тысячу царей? Пусть бы они ждали ее ночами! Фаворит стал бы ее Императором. Слушая меня, *сакхи* смеялись: «Царевна, оставь свое мнение при себе, иначе опозоришься! Любой решит, что царевна не целомудренна – если не телесно, то морально. Мыслимо ли –

одна женщина на многих мужчин... Выдумываешь, тоже...» Я начинала злиться: «Целомудренная женщина... Нецеломудренная женщина... Почему писания не говорят о целомудренных и нецеломудренных мужчинах? Неужели у мужчин золотые сердца, которых не касается грех? Или писания перечисляют грехи только для женщин?»

Перед глазами предстают некоторые картины. Разлив Ямуны; великий мудрец Парашара, которому нужно пересечь реку, пленившись красотой рыбачки Матсьягандхи, заклинает ее соединиться с ним. Вопреки неоднократным отказам юной Матсьягандхи великий мудрец силой взял ее прямо в лодке. На обоих берегах полноводной Ямуны толпились люди. Чтобы скрыть свои похождения, кудесник Парашара в мгновение ока напустил туман, окутавший лодку со всех сторон, под покровом которого и удовлетворил свое желание. Так был зачат пророк Кришна Дваипаяна. Великий мудрец забрал сына с собой и ушел, благословением превратив пахнущую рыбой Матсьягандху в Йоджангандху. Тело Йоджангандхи Сатьявати перестало вонять рыбой – теперь на *йоджаны* вокруг от нее исходило благоухание. Со временем та же самая Йоджангандха стала женой царя Шантану из династии Куру. У них родились сыновья Читрангада и Вичитравирья. Мудрейшая из матерей, Сатьявати, страдала от колкостей и насмешек по поводу своего прошлого. А что Парашара? Его почитали все. Когда я слушала от Господа Вьясадевы рассказы о его рождении, во мне поднималась волна протеста, а лицо багровело от гнева. Нисколько не смущаясь, Вьясадева смеялся: «Женщина подобна многострадальной Земле. Куда уж мужчине до ее выносливости! Если бы и мужчины были такими же обидчивыми, на земле воцарились бы жестокость и насилие. Видимо, поэтому никто не отваживается обижать мужчин. Терпеливо снося пересуды, порицание и бесчестье, мать Сатьявати стала живым воплощением женского благородства».

Весть о *сваямваре* трех дочерей царя Каши – Амбы, Амбики и Амбалики – достигла ушей Девавраты, сына Шантану и Ганги. Клятва Бхишмы была нерушимой! Читрангада умер холостым, а Вичитравирья был уже в летах. Бхишма отправился на *сваямвару* царевен Каши вместе с Вичитравирьей, где собрались многие цари Арьяварты. Воспользовавшись своим положением *кшатрия*, он похитил царевен из зала собраний с намерением отдать всех трех в жены Вичитравирье. В страхе перед удалью Бхишмы никто не решился остановить его.

В Хастинапуре Амба прямо заявила Бхишме, что помолвлена с Шалвой, царем Мадры, который уже давно обещал жениться на ней. Увидев его на *сваямваре*, она отдала ему свое сердце. Согласно *дхарме*, они с Шалвой обязаны были пожениться. Проявив благородство, Бхишма с почетом отправил царевну Амбу в сопровождении придворного жреца и верных служанок к суженому. Но царь Шалва ханжески отверг непорочную Амбу, высмеял ее: «На глазах у всех Бхишма победил царей и похитил тебя. С того самого мгновенья ты принадлежишь ему. Как в таком случае ты надеешься стать моей женой? Я больше не хочу тебя».

Какие грубые, жестокие слова! Несчастливая Амба пыталась было объяснить Шалве, что Бхишмадева дал обет безбрачия. Он поклялся перед отцом: «Я никогда не женюсь!» Ни одна женщина не заставит его нарушить обет. Бхишма сделал все это не ради себя, но ради младшего брата. Амбе он желал блага и питал к ней одно лишь уважение без малейшей примеси похоти. Но... перед мужским самолюбием женщина бессильна: Шалву будущее Амбы не волновало, и он грубо отказал ей.

Царевна Амба осталась без пристанища. Скитаясь по лесным чащам, она спрашивала совета у мудрецов и отшельников. Она не находила для себя приемлемым вернуться в отчий дом. В том, что она оказалась в столь плачевном положении, был виноват Бхишма. Дабы отомстить ему, она предалась суровому подвижничеству. Никто из

героев Арьяварты не вступился за нее. Только бог богов, Махешвара, откликнулся. Но Бхоланатха не позволил мстить Бхишме в этой жизни – он благословил Амбу расквитаться с обидчиком в следующем воплощении. Прежде чем настало время расплаты, беспомощной, никому не нужной, отверженной Амбе пришлось ждать долгие годы. Долго ли протянет юная царевна на одном лишь благословении Шивы? Потеряв терпение, Амба сожгла себя заживо.

В следующей жизни Амба столкнулась с не меньшей трудностью. Могла ли женщина сразить Бхишму? Родившись от моего отца, теперь она была гермафродитом. Царь Друпادا объявил, что младенец появился на свет безголовым уродом. Торжество по поводу рождения сына не состоялось.

Смотреть на моего брата Шикханди было не просто жалко – поистине мучительно. Под его нежными, благородными чертами была явственно различима отверженная царевна Амба. Ни в чем не повинная, она вынуждена была страдать две жизни подряд, – и все потому, что была женщиной! Испив до дна чашу несправедливости, Амба сожгла себя заживо. А я родилась из огня, чтобы искоренить *адхарму*. Могла ли я оставаться равнодушной к самопожертвованию Амбы? Она бежала из тела женщины, покончив с собой. Но две ее сестры, Амбика и Амбалика, остались в живых, и жизнь их была еще более трудной.

Вичитравирья умер бездетным. Единственный наследник династии Куру, Бхишма, поклялся не жениться. Кто же продолжит род? По совету матушки Сатьявати Амбику и Амбалику фактически вынудили зачать сыновей от другого мужчины. Приводя в пример истории из Пуран, Сатьявати внушала им: «Без детей жизнь бессмысленна. Если женщина не может зачать сына от мужа, у нее есть восемь других общепринятых способов сделать это. Один из них – забеременеть от другого мужчины. Стало быть, хотя Вьясадева приходится вам старшим деверем, вам надлежит принять его семя для продолжения правящей династии Хастинапура». Сказано – сделано: Амбика и Амбалика

родили от Вьясадевы слепого Дхритараштру и болезненного Панду. Сатьявати пригласила Вьясадеву оплодотворить Амбику еще раз, но той с самого начала не понравился такой способ продолжения рода, поэтому вместо себя она послала к Вьясадеве по-царски разодетую служанку, и та родила от него исключительно разумного и праведного сына Видуру. Запуганная, мучимая совестью Амбика утопилась в Ямуне. Так Амбика и Амбалика стали предметом насмешек. Из-за того, что им пришлось забеременеть от другого мужчины, люди презирали их. Когда Кунти, следуя указаниям мужа, родила сыновей от разных богов, ей тоже пришлось терпеть оскорбления. Размышляя над всеми этими историями, приходишь к выводу, что если бы критерии благочестия и греха для мужчин и женщин были равными, последние не страдали бы от самодурства первых. Беседуя со спутницами, я частенько заявляла: «Если будет нужно, я тоже выйду замуж неоднократно и докажу, что даже в этом случае женщина может остаться заслуживающей доверия, покорной и целомудренной». Эти слова слетали с моих уст сгоряча и через некоторое время стали для меня привычными: я выпаливала их всякий раз, когда меня охватывал гнев. Слыша мои доводы, Вьясадева улыбался. Тогда я еще не знала, какую шутку сыграет со мною судьба.

Оказавшись в затруднительном положении, я сочла его испытанием на женственность. Это был вызов всей прекрасной половине человечества. Я безропотно приняла волю Юдхиштхиры и матушки Кунти. Но теперь, на пороге семейной жизни, я чувствовала, что огульно приравнять женщину к мужчине не имеет смысла. Ум женщины, так же как и ее тело, отличается от мужского. Поэтому из века в век общество устанавливает для полов разные правила. Если у мужчины несколько жен, они соперничают за его сердце. Он может выбрать себе любимую и уделять ей больше внимания. Но что происходит, если у женщины несколько мужей? Ей приходится покорять их сердца, учитывая вкусы и предпочтения каждого. Иначе жизнь становится трудной.

Теперь, оказавшись именно в таком положении, я не знала, что и думать...

Сакхи Нитамбини сообщила: «К нам пожаловал Махариши Нарада. Он беседует с Юдхиштхирой и Говиндой. Готовится игра в кости. Тебя вызывает Юдхиштхира». Не успела я дослушать Нитамбини, пришла весточка от Бхимы: он ждет в опочивальне. За завтраком он объелся и теперь ему нездоровится. Я нужна ему, чтобы отдохнуть как следует. Что же делать? Чьи желания исполнять? Внезапно появилась *сакхи* с посланием от Арджуны: он ожидает меня в библиотеке. Прибыл какой-то ученый, чтобы обсудить писания, и Арджуна счел мое присутствие уместным. Я обдумывала услышанное, когда *сакхи* явилась с приказанием Накулы: он в конюшне, осматривает полученных в приданое лошадей. Ему нужна я. В ту же минуту я получила приглашение Сахадевы обсудить с ним, не лучше ли было бы задержаться в Панчале: Вясадева сообщил ему, что я провидица.

Трудности только начинались. Мне предстояло исполнить волю пятерых мужей, оказать почтение каждому из них. Пренебречь хотя бы одним из них – нежелательно и непростительно.

Итак, сперва – Юдхиштхира. Он старший, глава семьи. Я уже направилась было в его покои, когда путь мне преградила новая *сакхи*, Майя: «*Сакхи*, Бхима заждался! Испытываешь его терпение? Арджуна очень обидчив, хотя и не подает виду. Как ты собираешься извиняться перед ним? К Юдхиштхире пойдешь позже – советую в первую очередь удовлетворить Бхимасену. Близость, разлука, любовь и ненависть в супружеской жизни неподвластны никаким законам и правилам. Справедливость и несправедливость, *дхарму* и *адхарму* можно обсуждать в храмах, школах, залах собраний, однако в любви подобные рассуждения неуместны. Иногда человек сходит с прямого пути и пробирается окольным. Вам не удастся поровну разделить между братьями свою любовь, заботу и нежность». Взволнованная, я вошла в

покои Юдхиштхиры, поклонилась Махариши Нараде и Говинде. Нарада благословил меня в ответ. Говинда, с нежностью глядя на меня, выразил наилучшие пожелания.

Приготовив все необходимое для игры в кости, Юдхиштхира ждал с ласковой улыбкой на устах: – Присаживайся, Панчали! Сегодня мы с Говиндой будем играть в твоём присутствии. Говинда говорит, что мир кажется Ему игрой. В сравнении с этим, игра в кости – ничто. Он полагает, что одержит победу. Ну что ж, посмотрим!

Я почтительно сказала:

– Дай мне время. Меня вызывают твои младшие братья. Я зайду к ним, а после приду наблюдать за вашей игрой.

– Зачем тебя позвали братья? – осведомился Говинда.

Я объяснила. Выслушав меня, Он ухмыльнулся:

– Юдхиштхира, Панчали вышла за пятерых, чтобы сплотить братьев. Сдается Мне, сейчас происходит обратное: Драупади разжигает соперничество, вселяет в души ревность, возбуждает ненависть, сеет раздор, рождает споры и, в конечном счете, разобщает вас. Если она навестит каждого из мужей, то вернется не раньше вечера. Как же твоя игра в кости? И это только начало! Ежедневно каждый из пятерых братьев будет искать служения, общества и близости Драупади. В конце концов, это же так естественно! Но это поссорит вас.

Юдхиштхира твердо сказал:

– Братья чтут меня, как Бога, поэтому не возникнет между нами никаких прений. По моему слову братья не колеблясь станут даже изгнанниками, оставив царство, богатство, собственность – все.

Настал черед рассмеяться Нараде:

– Оставить царство, богатство и собственность легко, но погасить страсть к прекраснейшей из женщин, Драупади, куда труднее. Вам известна история Сунды и Упасунды. Оба брата наслаждались царством, делия трон, ели с одной тарелки и спали в одной постели. И все же их счастьем, миру и

согласию пришел конец: они убили друг друга из-за женщины – Тилоттамы.

От страха моя кожа покрылась мурашками. Говинда невозмутимо подтвердил:

– Нарада прав.

Мудрец задумчиво продолжал:

– Как только Кришна появилась на свет, я предсказал, что она погубит *кишатриев*. Уж не Пандавы ли это? Мне беспокойно. Расстроить других – еще куда ни шло, но если, чего доброго, Драупади не угодит Бхиме – он размозжит своей булавой голову не только ей, но и братьям. Гнев не считается с личностями. Что, если Бхима разгневется? Ладно, не будем об этом...

Я испугалась:

– Девариши, Ваши речи наполняют меня тревогой. Я тоже считаю, что угодить нескольким мужьям – задача непосильная. Поскольку в высшей степени мудрая Личность, такая как Говинда, здесь, эту опасность можно предотвратить, чтобы в будущем я не стала причиной распри между Пандавами. Иначе, разрываясь между ними, я сделаю нашу семейную жизнь несчастной и жалкой.

Нарада рассмеялся:

– Дочь моя, все это твое личное дело. В брачных делах третий – лишний. Более того, в вопросах домашних разбирательств и женских проблемах я – полнейший невежда. Говинда же опытен в этом. Его можно даже назвать знатоком в женских делах. Не исключено, что Он поможет найти правильное решение.

Я посмотрела на Говинду. Даже беспомощность в моих глазах забавляла Его – Он смеялся...

Я сказала:

– Говинда, я призналась Тебе в своих трудностях. Матушка говорила, что все, что бы Ты ни делал – ради нашего же блага. Пожалуйста, найди решение. Что мне делать?

Говинда сложил ладони:

– Прости Меня, Кришна! Все это между женой и мужем. Что могу посоветовать Я? Ты образованна. Поступай, как сочтешь нужным. Более того, Я отдал тебе Майю. Необходимость в Моих советах теперь отпала.

Майя! Она стояла по правую руку. Она следовала за мной по пятам, словно тень. Она помогала мне во всем. Я заметила, что Говинда жестами сказал что-то Майе, но ничего не поняла.

Майя посмотрела на меня:

– *Сакхи*, играть роль жены многих мужей одновременно – весьма болезненно и постыдно. Поэтому будь женой каждого из Пандавов поочередно в течение года. Женщина – мать, супруга и сестра. Для всех Пандавов всегда оставайся матерью и сестрой, но женой будь только для одного из них в течение года. Пятеро Пандавов – и все такие разные! В течение года у тебя будет возможность подготовиться душевно, привести себя в соответствие с природой каждого из них.

Все, в том числе и Юдхиштхира, согласились с Майей. Нарادا добавил одно условие: если, пока я живу с одним из братьев в качестве жены, другой брат потревожит наше уединение, он должен будет провести двенадцать лет в изгнании, соблюдая целибат. Это правило упорядочит и обезопасит нашу супружескую жизнь.

Решение было принято единогласно. Я была спасена. Хотя бы в течение некоторого времени я буду оставаться верной женой. Я поблагодарила Майю. С разрешения Юдхиштхиры я направилась к его братьям. Теперь я была для них матерью или сестрой. Мне стало легче противостоять их упрямству, отвечать на любовь, усмирять гнев, помогать преодолеть трудности, выслушивать жалобы, поднимать настроение, лелеять их и исполнять прихоти каждого из них. Но мое единение с Арджуной теперь было отсрочено на целых два года.

Поутру, завершив омовение, я стояла перед зеркалом в брачном наряде. Я отражалась в зеркале, а в сердце моем отражалась безмятежная красота Арджуны. Я сходила с ума, забывалась не в собственной красоте, но в мыслях о нем. Я мечтала: когда же наступит день нашего сладостного единения?

За завтраком Арджуна ласково сказал: «Я прождал тебя до третьей четверти ночи. Я страстно желал тебя, особенно в первый час. Но что делать, если судьба испытывает меня?» Я зарделась. Глядя на меня, Бхима пытался понять, как Арджуне удалось вогнать меня в краску. Он тут же потребовал себе лакомства. Похоже, Бхиме нестерпимо видеть мои сокровенные беседы с Арджуной. Теперь ему тоже придется ждать – пусть не два года, а всего один. Выдержит ли он? Так или иначе, он не единственный, о ком я пекусь. В конце концов, он может навестить свою первую жену Хидимбу. Кроткие нравом, смирные Накула и Сахадева, глубоко почитая своего старшего брата Юдхиштхиру, приняли все как должное. Но Арджуна! Каково ему? Как бы там ни было, ничего изменить нельзя. Все согласились с новыми условиями нашего супружества. Юдхиштхира принял эти правила, заручившись молчаливым согласием Говинды. Теперь я могла удерживать равновесие между пятерыми мужьями.

Г л а в а 13

Солнце удачи стояло в зените. Ни я, ни Пандавы и не мечтали о таких успехах. Со дня свадьбы не минуло и месяца. Из Хастинапура пришло почетное приглашение от деда Бхишмы и старшего брата моего свекра, Дхритараштры. В сопровождении колесниц и конницы, слуг и служанок, прибыл Видура, премьер-министр Хастинапура.

Пандавы остались в живых и женились на мне, чем весьма обрадовали Дхритараштру и матушку Гандхари. Матушка Сатьявати тоже передала нам свои благословения.

Жители Хастинапура, сотня братьев Кауравов, Гурудев Дрона, Крипачарья, друг Кауравов Карна с нетерпением ожидали нас. Были сделаны изысканные приготовления к встрече гостей. После случая с домом из шеллака все симпатии, поддержка и любовь народа были на стороне Пандавов. Теперь, после их возвращения, отец Дхритараштра намеревался отдать им полцарства. Конечно, подданные желали видеть на троне Хастинапура Дхармараджа Юдхиштхиру – под его защитой все в царстве было бы благополучно. Далеко превосходя всех прочих героев Арьяварты своим могуществом и мужеством, Пандавы завоевали меня, что стократно умножило их славу в глазах жителей Хастинапура. Поэтому они решили вернуться в столицу.

Дивясь удаче сыновей, матушка Кунти рассыпалась похвалами в мой адрес: как им повезло со мной! Я вернула удачу несчастным Пандавам! По всей Панчале только и разговоров было, что об этом.

Надо же: те, чьи козни должны были открыть перед Пандавами врата смерти, добровольно отправили колесницы, чтобы возвратить им полцарства! За всем этим стояло что-то чудесное – и что же это, если не моя удачливость? Майя твердила то же самое. Моим мужьям возвращали царство, а мне – царские почести. Восхитительно! Я забылась от счастья. Втайне я гордилась, что возвращаю Пандавам богатства и славу. Тогда мне было невдомек, что фортуна улыбалась мне насмешливо. Знать бы об этом – и я ни за что не позволила бы Юдхиштхире так безоглядно верить коварным иллюзиям Хастинапура. Если бы я не попала в Хастинапур, моя жизнь не обернулась бы трагедией. Но разве послушал бы меня Юдхиштхира? Прислушивался ли он хоть изредка к моим советам? Так было и в тот день. Как же все-таки наивны мужчины! Ради сиюминутного счастья, не придавая никакого значения дурным предзнаменованиям, он сам накликал на себя беду!

Не скрою: мне тоже очень хотелось проститься с отцом и переехать к мужьям. Я уже было потеряла всякую на это надежду; мысль о том, что мы навсегда останемся в моем отчем доме, пугала меня. Говинда и Баларама вот-вот должны были вернуться в Двараку. После свадебных торжеств, по просьбе отца, они задержались в Панчале. Арджуна тоже хотел поехать вместе с Говиндой и Баларамой. Я не могла понять, что так манило туда Арджуну – ради друзей он готов был оставить жену! Я спросила об этом Арджуну в присутствии Говинды. Казалось, Арджуна сам хотел бы знать ответ на этот вопрос. Тушуясь, он сказал:

– В Двараку меня не влечет ничто, кроме моего друга. Но сейчас мне все равно – в Двараку или еще куда. Теперь мне сам ад не страшен – лишь бы отвлечься на те два года, что ты не будешь моей.

Что я могла ответить? Естественно, Арджуна страдал. Я ничем не могла ему помочь, и потому сочла за благо отмолчаться. Говинда же с неизменной улыбкой сказал:

– Мой друг Бхима тоже говорил, что уйдет к Хидимбе. Но, получив приглашение из Хастинапура, он передумал. Кауравы только обрадуются тому, что им не придется встречать всех пятерых Пандавов вместе. Они решат, что те перессорились, и не упустят возможности сбить с толку горожан, распуская слухи: «Смотрите-ка, даже между собой они дружить не способны! Так сумеют ли они, правя царством, обеспечить единство подданных? Разрозненное царство не сможет отразить нападение извне». Поэтому ради общего блага Бхима изменил свое решение, сдержав гнев и проглотив обиду. Ужели ты, Арджуна, оставишь Пандавов, чтобы наслаждаться гостеприимством жен своих друзей? Люди скажут: «Какой же слабохарактерный этот Арджуна – бросив дом и жену, поселился у друга! А что подумает сама Кришна?»

Арджуна был глубоко задет:

– Кришна сама приняла это чудовищное решение, не подумав, каково придется нам. Нашего мнения кто-то

спрашивал? Мы должны молча соглашаться со всем, что взбредет ей в голову, и неважно, что мы сами думаем на этот счет.

Я спокойно ответила:

– Решала не я, а Говинда. Матушка сказала, что Говинда всегда поступает нам во благо. К Его решению нечего добавить, поэтому я согласилась с Ним. Если это оскорбительно с моей стороны, прошу меня простить.

Говинда притворился удивленным:

– Кришна! Арджуна – Мой *прия-сакха*. Ты стала моей *прия-сакхи*, выйдя за него замуж. И вот, вместо того, чтобы попытаться успокоить Моего ни в чем не повинного друга, ты обвиняешь его? Когда Я устанавливал «годовое право» твоей семейной жизни? Оно было предложено твоей любимой служанкой Майей, а Я вместе с остальными просто одобрил его. Позволь *сакхе* самому решать, насколько Я ко всему этому причастен.

Арджуна сурово произнес:

– Какую бы роль Ты ни сыграл, мое счастье отравлено. Пусть люди думают что угодно. Что мне делать в Хастинапуре? Мое место в Двараке. Кришну будут считать царицей Хастинапура. Стань она только моей женой – и не видать ей всего того почета, которым ее окружили нынче как будущую царицу. Уважив слова матушки, Кришна блеснула разумом.

Я поняла: этими словами обиженный Арджуна пытался отплатить мне. И все же глаза мои наполнились слезами боли. Как Арджуне понять мою беспомощность? Выходит, его волновала благосклонность Хастинапура? Пожалуй, к слухам прибавится еще один: Кришна рассорила Пандавов! Более того, зачем мне царский дворец Хастинапура, если там нет Арджуны?

Смягчить сердце Арджуны мог только Кришна. Было очевидно: без Него мне ни ступить ни шагу.

Майя пояснила:

– Если Кришна здесь, с нами, то зачем Арджуне уезжать в Двараку? Он, конечно же, последует за Кришной в Хастину. Он ни за что не согласится расстаться с *сакхой*.

Говинда, смеясь, принял мою просьбу:

– Просьба жены друга – прежде всего. Ради нее можно не посчитаться даже с собственной женой. Сегодня Хастина затмила Двараку.

Втайне я восхищалась: ну и остряк наш *сакха!* Теперь впросак попал Арджуна. Что ему делать в Двараке без Кришны? Про себя я славил разум Майи. Как без нее можно было уладить эти семейные вопросы? Она чудесно вписалась в наше общество.

Я не знала, что такое рай, но грезил о красотах и величии Хастинапура. Однако после того, как я обрела Пхалгуни, Хастинапур стал для меня чем-то призрачным. Я даже забыла о том, что могу стать царицей! И вдруг эти грезы сбываются прямо на глазах безо всяких на то усилий с моей стороны.

Богатый Хастинапур с его полными хлеба амбарами был подобен обители Индры; казалось, передо мной распахнулись райские врата. Чего могло не доставать этому царству? Если бы чего-то малейшего недоставало, тогда здесь была бы нужда и скорбь. Роскошно, с великими почестями приветствовали меня – будущую царицу; счастье казалось безграничным. Но не обернется ли все это тяжким бременем? Тогда я не знала, что счастье это призрачно, что за покровом неизвестности меня ждут беды и оскорбления; они будут жечь меня, как палящее солнце выжигает траву. Одета в белое, увенчанная белыми цветами, убранная шестью видами украшений, я царственно восседала на неспешно плывущей вперед колеснице. Со мной были мои близкие *сакхи*, Майя и Нитамбини. Впереди ехали Кришна и Баларама, сзади – пятеро мужей. Шествие заключала богато украшенная колесница матушки Кунти; она продвигалась по главной дороге сквозь толпы приветствующих нас женщин и мужчин, под музыку. Я думала: о чем тревожиться, если впереди –

достоинейшие из мужей Арьяварты – Кришна и Баларама, а позади – великодушные и доблестные супруги и свекровь, исполненная здравого смысла, мудрости, радости и сострадания? Как же счастлива была та женщина, Кришна! На мгновение я подсознательно позавидовала самой себе, но уже в следующий миг мне подумалось, что счастье и зависть непостижимо переплетены вместе: наша удача и успех могут быть чьим-то горем.

Празднично одетые горожанки приветствовали нас поклонами. Мы сошли с колесниц; со всех сторон в нас полетели цветы, словно бескрайнее небо слилось с цветочным покровом земли, чтобы, впервые ступив в столицу своего царства, я ощутила лишь мягкость и прохладу земли Хастинапура. Но на самом деле Хастинапур таил в себе боль и оскорбления. Какую же изощренную хитрость проявили Кауравы, тщательно скрывая это с самого начала! В блаженном неведении я ждала возможности поблагодарить каждого из них за прекрасный праздник. И вот, наконец, передо мною предстали все сто братьев. Возможно, они лицемерили, так как выглядели очень радостными, но при этом на лицах их лежала тень уныния. Один из них смотрел на меня особо пристально. Кто же это? Кто так грустит посреди всеобщего ликования?

Майя прошептала мне на ухо:

– *Сакхи*, это Васусена, Радхей Карна, сын колесничего Адхиратхи. Он победил бы на *сваямваре*, но Дхриштадьумна оскорбил его, сказав, что он не из сословия *кишатриев* и не царского рода. Бедняга! Разве родителей выбирают? Героизм, мужество и доблесть Карны были перечеркнуты его низким происхождением.

Слова Майи тронули меня, наполнили сочувствием к этому герою, на чьем лице лежала тень печали. Не зная, почему кто-то смеется, невозможно разделить его радость. Но, видя чужие слезы и горе, даже не ведая их причин, глаза наполняются слезами, а сердце состраданием. Так, от сердца к сердцу, передается грусть. Дожди наполняют землю влагой;

когда солнце заслоняют тучи, по земле пляшут темные тени. Таким же образом, хотя причина грусти Карны была мне неизвестна, сердце мое сжималось от боли. Ну почему он не *кшатрий*, не сын Кунти? Будь он *кшатрием* – неважно, завоевал бы он меня на *сваямваре* или нет, ничто не уязвило бы его достоинство. Оскорбление для любого человека хуже смерти. Мне хотелось извиниться перед благородным юношей за оскорбление, нанесенное ему в тот памятный день. Что проку в моей учености, если я непочтительна к героям?

Кришна и Баларама шли впереди, приковывая к Себе взоры всех собравшихся. Сто братьев Кауравов и другие с цветами в руках склонялись к Их стопам. Карна тоже стоял с букетом, но кого ждал он? В руках его были только что сорванные роз с длинными прекрасными стеблями. Мои глаза с восхищением остановились на них. Майя прошептала мне на ухо:

– *Сакхи*, откуда Карне известно, что тебе нравятся голубые розы? Посмотри, с каком тщанием он готовил этот подарок. Какие редкие розы!

Я ласково ответила:

– *Ари*, это не для меня. Все приготовили букеты для Кришны. Учтивый Карна, возможно, знает, что голубые розы будут весьма к лицу смуглокожему Кришне. Посмотрим, - возможно, он вставит эти цветы Ему в корону.

Я сама не верила в то, что говорю. А вдруг и правда эти цветы предназначены не мне? Я изо всех сил пыталась успокоить выскакивавшее из груди сердце. Если бы Майя знала о том, что со мной творилось, она бы вволю посмеялась!

Мне очень нравились белые наряды и белые цветы. Но голубые розы! Моя душа была в них! Откуда Карна узнал об этом? Может, подметил еще на *сваямваре*? Тогда я была в белом платье, украшенном белыми цветами, но в волосы мои был вплетен венок из цветов *маллики*, в который Нитамбини вставила бутоны голубых роз. Еще одна голубая роза

красовалась в моей гирлянде. В руках я тоже держала букет голубых роз. На собрании, с опущенной головой, я смотрела только на эти цветы. Тайно разговаривая с ними, я пыталась скрыть свою боль. Время от времени, замечтавшись, я касалась бутонами щек. Неужели Карна успел заметить, что, несмотря на мое белое убранство, больше всего мне нравились именно голубые розы?

Женщина мечтает о красивом и богатом герое, наделенном множеством прекрасных качеств. Но тот из мужчин, кто способен предугадывать тайные желания женщины, не только желанен, но и воистину достоин девичьих грез. Многие ли мужчины понимают, чего хочет женщина? Никто из мужей не знал о моем пристрастии к голубым розам. Уже прошло немало времени с тех пор, как мы с Юдхитхирой стали супругами, однако он и понятия не имел о некоторых моих тайнах. Хоть бы один из мужей за все это время подарил мне голубую розу! Неужели Карна принес их мне?

Кауравы кланялись Кришне и Балараме и славили Их, но Карна со своим букетом стоял как истукан, неотрывно глядя на меня широко раскрытыми глазами. От нерешительности и смущения я замедлила шаг. Со всех сторон сыпались цветы. Я попыталась пройти вперед, и в это мгновение букет голубых роз упал к моим ногам. Меня охватила растерянность. Я подумала, что нужно их подобрать, и тут наступила на букет. «Ой!» – тихо воскликнула я: не потому, что укололась, но из-за того, что нежные лепестки смялись у меня под ногами. В следующее мгновение я ощутила ноющую боль в стопе.

Воскликнув: «Что случилось?», Майя склонилась к моим ногам. Карна стоял взволнованный и пристыженный. Майя аккуратно извлекла шип, но в душе моей застыла капелька крови, а глаза наполнились слезами. Наклонившись к Майе, Карна сказал: «Я прошу прощения у царевны. Я не нарочно. Я знаю, каково быть униженным на глазах у других. Что ж,

телесная боль гораздо легче душевной, – учитывая это, она, возможно, простит меня».

Кроме Майи, в неистово бушующей толпе никто ничего не заметил. Карна дал понять, что считает меня единственной причиной нанесенного ему оскорбления; была бы моя воля – и я спасла бы его от позора. И он в чем-то прав. *Сваямвара* должна была выявить доблестных храбрецов. Почему же я дала молчаливое согласие на жесткие условия, которые выдвинул отец?

Майя сказала: «Слишком уж самолюбив этот красавец Карна. Он не способен забыть такое тяжкое оскорбление. Капелька крови из твоей стопы – лишь начало его мести. Каково же придется тебе, когда он расквитается сполна? *Сакхи*, если бы тогда ты соизволила избрать Карну, тебе не пришлось бы выходить за пятерых...» И хотя Майя была права, слова ее раздражали меня и бередили мне сердце. Почему Майя постоянно беспокоит меня? Почему она снова и снова тревожит мое сердце речами о несбыточном? Оторвав свой взгляд от Карны, я приковала его к стопам Кришны и, пройдя немного вперед, последовала за Ним.

Царица Кришна, не подобает тебе слушать и обдумывать все эти реплики! Карна самолюбив, но ты ничем не лучше. Он Васусена, ты – Ягьясени. Рожденная огнем – убоится ли пламени?

Г л а в а 14

Дхритараштра отдал Пандавам полцарства Хастинапура – Кхандавапрастху, где не было ни единой приличной хижины для жилья. Меня никогда не привлекала роскошь, великолепие и дворцы Хастины. Я хотела лишь, чтобы меня приняли как невестку правящей династии Хастины со всеми причитающимися почестями. Можно оставаться довольной даже в хижине Кхандавапрастхи. Мне не нужно было ничего большего.

Но долго ли превратить Кхандавапрастху в Индрапрастху с таким другом, как Кришна? Через несколько дней красота и великолепие нового города – Индрапрастхи – потрясли Хастину. А чудеснее всего был дворец собраний.

Во время пожара в лесу Кхандава Арджуна из сострадания спас *данава* Майю. В знак благодарности последний, посоветовавшись со Шри Кришной и испросив позволения у Юдхиштхиры, возвел дворец собраний. Никто другой в целом мире не сумел бы построить такое здание. Этот дворец, площадью в семьдесят квадратных локтей, был построен на участке земли в четыре тысячи локтей в длину и ширину. Стены и потолок были инкрустированы драгоценными камнями, а пол отделан хрусталем и жемчугами. Вкрапления самоцветов на потолке казались звездами и планетами, а сам потолок был сделан так мастерски, что в течение дня – от рассвета и до заката – вслед за небом менял цвет, и собравшиеся чувствовали себя под открытым небом. Хрустальный пол был прозрачен, как вода; иллюзию усугубляли отраженные в нем звезды и планеты из драгоценностей. В стены были вставлены зеркала – таким образом, что во время собрания каждый из присутствующих мог наблюдать отражение царя Юдхиштхиры рядом с собой.

Цветущие кусты дворцового сада перемежались с золотыми растениями, на ветвях которых были драгоценные цветы. Издали это казалось садом мечты с цветами счастья и самоцветами удачи. Посреди сада был пруд с золотыми берегами. К воде вели хрустальные ступени. В пруду цвели золотые лотосы и плавали бриллиантовые и сапфировые рыбки. Золотые столешницы с мраморными карнизами были инкрустированы мерцающими жемчужинами. Вода в пруду была кристально чистой и прозрачной до самого дна.

Красота и изящество трона, на котором Юдхиштхира восседал посреди зала собраний, не поддается описанию; сам Индра мог бы спуститься со *сварги*, мечтая завладеть им. Чтобы поддерживать прохладу, в самом дворце тоже росло множество благоуханных цветов и плодовых деревьев. Видя,

что дворец собраний Кхандавапрастхи не уступает дворцу Индры, народ стал называть город Индрапрастхой. Я же стала царицей Индрапрастхи.

Все пятеро братьев трудились на постройке города. Завершив строительство в кратчайшие сроки, они возликовали; Кауравы же исходили завистью. Влекомые удобствами, справедливостью и торжествами, множество ученых и простых граждан Хастины переселились в Индрапрастху, чтобы принять убежище в царстве праведного Юдхиштхиры. Был объявлен день открытия дворца собраний.

Наблюдая за изысканными приготовлениями к торжеству, я тревожилась. Меня не беспокоило, как накормить десять тысяч брахманов, подарить им новую одежду, коров и другие ценности. Но подспудно мне не хотелось приглашать Кауравов и их друга Карну, зятя Джаядратху и других родственников. Мудрые никогда не станут демонстрировать свои богатства подлым и завистливым людям – это лишь разжигает вражду. Праздники устраивают ради счастья, а не для того, чтобы мучить других. Не было сомнений: церемония открытия дворца собраний глубоко уязвит Кауравов. Тогда какой смысл в столь пышном празднестве, спросила я Юдхиштхиру. Он ответил: «Нельзя пригласить на церемонию открытия дворца других гостей, обойдя вниманием родственников. Что скажут люди, узнав, что Кауравов не пригласили? Могут ли должным образом общаться с другими те, кто не поддерживают отношения даже с родными и близкими? Неужели чья-то зависть может испортить праздник? Завистники вечно страдают. Даже если Кауравов не пригласить, они узнают обо всем, сидя у себя в Хастине, станут завидовать еще больше и будут уязвлены еще глубже. Поэтому я считаю правильным поддержать дружбу, пригласив их сюда».

Доводы Юдхиштхиры были неоспоримы. Что я могла поделаться? Приняв решение – неважно, верное или ошибочное – Юдхиштхира никогда не отменил бы его по совету женщины. Зная об этом, я умолкла. Но почему с Кауравами

должен быть их близкий друг Карна, правитель Анги? И даже если он приедет, почему я должна собственноручно стряпать для него? Кауравы – мои девери, кровные родственники моих мужей. Мы – одна семья. Я обязана подобающе встретить их. Но Карна – чужой. Если он приедет, пусть располагается в гостинице. Мы приставим к нему служанок. Не знаю почему, но мне не хотелось видеть этого человека, в чьих красивых глазах, казалось, поселилось все презрение мира и жажда мести. Совесть не позволяла мне видеться с ним. Мне не нравилось показное гостеприимство Юдхиштхиры к Карне. Я поделилась своим мнением с Майей, но та напомнила мне, что Карна Пандавам не посторонний; Юдхиштхира сделал все эти приготовления, чтобы порадовать Матушку. Слушая Майю, я вспомнила случай, происшедший несколькими днями ранее.

В Кхандавапрастхе полным ходом шло строительство. В один из дней матушка Кунти велела мне навестить подругу ее детства, тетюшку Радху. Я тут же собралась, хотя и не считала, что царице-матери Хастины подобает ходить в гости к Радхе, жене колесничего Адхиратхи. Пожелай Кунти, и она могла бы вызвать жену Адхиратхи во дворец. Но матушка Кунти лично отправилась к *сакхи* Радхе, позабыв свое царское величие, со сладостями и множеством подарков, прихватив с собою меня... было в этом нечто большее, нежели просто великодушие.

Тетушка была очень рада и благословила меня. Мы долго беседовали. Она велела Карне поклониться Кунти. Когда после беседы с нами Радха удалилась в другую комнату, Кунти шепнула мне: «Знаешь, у меня есть еще один сын. Он старше Юдхиштхиры. Он красив и отважен. Он хороший человек. Но, к сожалению, воспитанный Радхой, теперь он лишен многих своих законных прав. Вот почему ты не стала его женой».

Я ошарашенно уставилась на нее. Кто же этот отважный сын матушки Кунти? Неужели Карна? Но как такое возможно?

Матушка развеяла мои сомнения: «Да, Карна мой сын согласно *дхарме*, мой *дхарма-путра*. Он мой пасынок. Тебе надлежит считать Карну шестым Пандавом. Но, к сожалению, он приемный сын колесничего...» Матушка запнулась. Я молчала, пораженная услышанным.

Матушка продолжала: «Должно быть, ты удивлена, как такое возможно. Он – мой *дхарма-путра*. По положению *дхарма-путра* превосходит кровных сыновей. Поэтому я люблю его и желаю ему блага ничуть не меньше, чем Пандавам».

Я все еще была сбита с толку и не проронила ни слова. Зачем было матери пятерых сыновей усыновлять кого-то еще? Тем более – близкого друга Кауравов! Матушка Кунти понимала мое смущение. Голосом, полным расположения, она сказала: «Очевидно, бедный Карна – сын какой-то незамужней женщины. Опасаясь скандала и позора, эта неудачница вместо того, чтобы воспитать сына, бросила его в реку. Муж Радхи, Адхиратха, спас дитя и нарек Васусеной. Бесплодная Радха приняла Карну с материнской любовью, но из-за проклятия рождения Карны его на каждом шагу оскорбляют, презирают и лишают законных прав; его мужество ставят под сомнение, подвигов не замечают, а достоинство ущемляют. Преимущества, почет и уважение, которыми пользуются остальные сыновья Кунти – всего этого Карна лишен и по сей день, хотя ни в чем не уступает Пандавам. Слушая от Радхи об оскорблениях, которым подвергается Карна, о постоянно возводимой на него напраслине, мое сердце наполняется состраданием и нежностью. Уж не знаю почему, но с самого первого взгляда в моем сердце забил фонтан материнской любви к нему. Сердце говорит мне, что Карна, конечно же, царевич или низвергнутый на землю сын какого-то полубога. Это человеческое тело – его проклятие, ведь его божественный отец никогда не придет на землю, чтобы подтвердить свое отцовство. Ни разу в жизни Карне не придется назвать имени своего отца, и потому он обречен прозябать в бесславии.

Думая об этом, я чувствую его беззащитным дитем у себя на руках. У меня пятеро сыновей, вместе с Карной – шестеро. Что значит «слишком много»? Сердце матери – океан! Сколько бы отпрысков не прошло через ее руки, она, не различая, будет проявлять материнскую нежность к каждому из них. Но Карна слишком заносчив, горд и раним, чтобы садиться мне на колени. Он хочет доказать, что, хотя человек не властен над своим рождением, он волен поступать, как ему заблагорассудится. Он твердо решил стяжать славу и доказать свое мужество делами и преданностью долгу. Он хочет самоутвердиться без посторонней помощи, и ему не нужно, чтобы его считали сыном Кунти».

По мере того, как матушка Кунти продолжала свой рассказ, ее все больше захлестывали переживания; ее безмятежные глаза наполнились слезами, в которых отражалось благородство сердца. Какой нежной и благородной делается женщина, становясь матерью! Я тоже женщина. Грустная история Карны тронула мое сердце, но все же эти переживания меня не касались, я не жила ими, как матушка Кунти. У меня не было детей, так что поток чистой материнской любви не бил в моем сердце. Вот почему материнская нежность и сострадание матушки Кунти к Карне были мне чужды.

Неожиданно мне снова довелось выслушать историю Карны – на сей раз в пересказе Майи. Это было после того, как матушка Кунти приняла Карну *дхарма-путрой*. На глазах у всех она излила безудержную материнскую нежность и сострадание к Карне. Тогда я не поверила Майе. Сегодня же, вспоминая все это, я не перестаю удивляться, как же много Майя знала и понимала.

Царевичи завершили свое образование. На экзамене присутствовали знаменитые ученые мужи со всего царства. Были приглашены многие цари. Жюри восседали на высоких красивых помостах. Дед Бхишма, матушка Сатьявати, Гандхари, Кунти, Видура, советник Санджая, Дхритараштра, Крипачарья занимали отведенные им места на возвышении.

В этом состязании принимали участие не только царевичи, но и другие ученики. Среди них был Карна и единственный сын Дроны, Ашваттхама.

Возглавлял церемонию Дрона. Успехи учеников были его достижением. Кто бы с честью ни выдержал испытание, это был его успех и мировая слава. Вознеся молитвы, облаченный в новые одежды Дрона появился на месте состязания. Царевичи тоже явились в новых одеждах и украшениях, с улыбкой на устах. Лоб каждого из них, желая сыновьям победы, матери украсили знаками и поднесенной богине киноварью. Лицо каждого светилось твердой уверенностью в успехе. Все присутствующие встали и велегласно поприветствовали царевичей. Брахманы возлили подношения в священный огонь. Провели обряд поклонения оружию, и царевичи один за другим стали показывать свое воинское мастерство, сражаясь на мечах, булавах и других оружиях; борясь, скача на лошадях, стреляя из лука, поражая мишень с завязанными глазами и делая многое, многое другое. Бхима и Дурьйодхана схватились на палицах и врукопашную. Земля сотрясалась. Ни один не мог одержать победу над соперником. Опасность грозила даже тем, кто расположились на помосте, так что Дроне пришлось вмешаться и остановить поединок. Наконец вышел лучший воин Арьяварты, Арджуна. Собравшиеся разразились овациями и одобрительными возгласами. Правители мира собрались издалека, чтобы посмотреть, как искусен Арджуна в воинском деле. Прежде всего Арджуна с преданностью поклонился *гурудеву*, затем дотронулся до земли и поприветствовал всех собравшихся, и, наконец, начал демонстрировать свое мастерское владение оружием.

Это было так чудесно, так поразительно, что собравшиеся отказывались верить своим глазам. Казалось, Арджуна напустил на собравшихся чары. Некоторые усомнились: уж не обман ли это? Слишком уж невероятным, непостижимым было то, что предстало их взорам.

Когда Арджуна выпустил огненный снаряд, Хастину окружили языки пламени. Собравшиеся испугались пожара – быть может, царевичи Хастинапура сговорились избавиться от всех препятствий к тому, чтобы стать императорами всего мира? Многие воины завопили от страха, словно малые дети, и попадали без чувств. Тогда Арджуна выпустил водяной снаряд. Начался ужасный ливень и потоп. Жадно облизывая губы, смерть явила собравшимся еще один свой лик. Люди в ужасе взмолились своим богам. Тем временем Арджуна выпустил воздушный снаряд. Никто так и не понял, как воды потопа были высушены ветром. Зрители были не только поражены, но и благодарны, и разразились овациями. Тем временем в толпе начались беспорядки. Кто-то пытался удержаться за колонны и сиденья. Большинство повалились наземь. Порывы ветра сбивали с ног каждого, кто пытался подняться. Заметив панику, Арджуна применил облачный снаряд. Небо затянуло тучами, ветер утих. Зрители вздохнули с облегчением, волнения улеглись. Каждый прочувствовал мастерство Арджуны на себе; еще немного – и никого не осталось бы в живых, никто не досмотрел бы состязание до конца. Но Арджуна никогда не желал смерти невинным. Он тут же выпустил ароматное оружие. Легкий ветерок разнес благоухание. Откуда, из какого царского сада доносился он – не знал никто. Взмолвленные и довольные зрители поднялись, чтобы поздравить Арджуну. В то же мгновение Арджуна выпустил земляное оружие и скрылся в недрах земли. В следующую секунду выпущенное им оружие потрясло всех и каждого: вся Хастина оказалась на горном пике. Оставаясь на местах, зрители увидели Арджуну, приветствующего их с самой вершины. Они хотели было поднять руки, чтобы поприветствовать его в ответ, но тут, воспользовавшись разрушительным оружием, он исчез, а зрители остались на вершине горы. Внезапно он выпустил подземное оружие. Хастина опустилась пониже. Зрители были в ужасе, поднялась паника. Тогда он выпустил космическое оружие, и все поплыли в невесомости. Это было

немыслимо! Зная наперед, что окажется в таком затруднении, никто не рискнул бы приехать на состязания! Зрители начали жалеть о том, что попали туда, но тут Арджуна выпустил оружие самообладания, и все успокоились, хотя по-прежнему были ошеломлены увиденным.

Мастерство Арджуны наполнило глаза матушки Кунти слезами радости. Но уже в следующее мгновение, увидев перед собой яростное лицо Карны, она была убита горем. Она знала, что Карна – могучий герой. По благословию некоего полубога он был рожден в доспехах и с серьгами. Он взревел, бросая Арджуне вызов. Карна тоже был учеником Дроны, и как воин он был равен Арджуне. Но Карна был сыном колесничего, а Арджуна – царевичем Хастинапура. Сознательно или подспудно, Дроначарья притеснял Карну во время обучения. Ни Карна, ни Арджуна ни уступали друг другу. Карна и сам знал, что, поскольку он не является царевичем, *гуру* Дрона проливает на него милость не столь щедро. Дрона ежедневно давал своему сыну Ашваттхаме и своему любимчику Арджуне дополнительные уроки. Карна всегда говорил правду, и говорил ее невозмутимо и бесстрашно. Он даже осмеливался возражать против несправедливости наставника! Много раз он напоминал ему, что с ним тоже стоит заниматься чаще. *Гуру* отвечал: «Арджуне предстоит защищать Хастину, Ашваттхама же должен стать наставником воинского искусства для будущих царей Хастинапура. Поэтому им обоим нужно специальное образование. А тебе-то зачем? Тебе не быть царем». Карна не стал пререкаться с *гуру*, но день за днем в нем нарастала нетерпимость к Арджуне. Втайне мечтая о дне, когда сможет доказать свое над ним превосходство, он приступил к суровому подвижничеству.

И вот этот день настал. Сегодня Карна всем докажет, что судить о человеке нужно по делам, а не по происхождению!

Карна начал демонстрировать свое искусство владеть оружием. Он ни в чем не уступал Арджуне. Но после явленных Арджуной чудес зрители все еще были зачарованы,

и мастерство Карны не показалось им чем-то незаурядным. Тогда Карна прямо бросил Арджуна вызов: они должны были сразиться на глазах у всех. Пусть они сойдутся лицом к лицу, и его превосходство станет очевидным! Арджуна принял вызов и заявил во всеуслышание, что убьет Карну.

Кунти потеряла сознание. В схватке мог выжить только один – либо Карна, либо Арджуна. Арджуна был ее родным сыном, но Карну она любила не меньше! Зрители рукоплескали ее сердечному благородству.

В тот раз самолюбие и мужество Карны тоже были сокрушены. Зная, что поединок может оказаться роковым, гуру Дроначарья уколол Карну в самое сердце:

– Поединок возможен только между царевичами. Арджуна – царевич Хастины, а ты кто такой? Кто твои родители? Ты можешь быть воином, но куда тебе до Арджуны?

Карна промолчал. От горя и стыда ему хотелось провалиться сквозь землю. Какой смысл жить на земле, если мужество здесь ничего не стоит? Внезапно Дурьйодхана, наблюдавший за происходящим в оба, заявил:

– Я дарю другу Карне трон государства Анга!

В ту же минуту внесли инкрустированный драгоценностями престол, и судьба сына колесничего приняла неожиданный оборот. Но историю своего рождения Карна изменить не мог. Бхима заметил:

– Из жалости можно сделать царем кого угодно, но царскую кровь в жилы не вольешь. Теперь, вместо того, чтобы держать поводья лошадиной упряжки, Карна возьмет в руки бразды правления и тем самым станет вечным должником Дурьйодханы.

Чтобы предотвратить поединок между Арджуной и Карной, солнце село. Карна чувствовал, что сам Господь *дхармы*, Сурья, отвернулся от него. В этом мрачном мире утвердить славу мужества казалось несбыточной мечтой, миражом, и все же Карна не признавал поражения: как и

подобает герою, он не сдался, но всю свою жизнь продолжал отстаивать славу мужества.

По случаю того, что государство Анга обрело царя, Хастинапур гулял всю ночь. Дурьйодхана угощал всех желающих, и граждане Хастины навеселе славили его. Предполагалось, что самым счастливым на этом празднестве должен быть Карна, ведь еще на рассвете того дня он был сыном простого колесничего, теперь же стал правителем богатого государства Анга. Но где же он? Во дворце увеселений развлекались царевичи и другие гости, прибывшие зрителями на состязания, но самого Карны не было. Наевшись досыта и напившись, он перестал владеть собой. Никто и не подозревал, что виновник торжества вообще не присутствовал на празднике, хотя и без него гуляние удалось на славу.

Сидя в одиночестве, царь Карна ломал голову над тайной всей своей жизни: кто мои родители? И остроты Бхимы – его слова о том, что можно занять трон благодаря чьей-то жалости, но царскую кровь в жилы не вольешь – все еще звучали у него в ушах. От ярости все его тело пылало, а голова, казалось, раскалывалась на куски. Сделав его правителем, Дурьйодхана проявил великодушие, доказал собственное милосердие и... заслужил благодарность, в чем Карна был вовсе не заинтересован. Эти песни и пляски, этот праздник не делал чести Карне – скорее, он высмеивал его мужество. В каждой песне ему слышалось: «Хотя в твоих жилах течет не царская кровь, Дурьйодхана из сострадания и доброты пожаловал тебе царство. Будь же благодарен ему! К тебе благоволят, ты попал в зависимость!»

Отвергнуть возможность править страной Анга, царскую корону, трон? Но, сделай он это, люди скажут: «Карна не годится в цари. Он испугался занять трон; не к лицу ему и корона. Он недостойн этих подарков Дурьйодханы и оскорбляет их собою». Нет, он должен доказать миру: чтобы стать царем, необязательно родиться царевичем. Он имеет право занять престол. Трон достался ему не по наследству –

он сам заслужил право на него, исключительно собственным мужеством.

Карна снова погрузился в раздумья: «Кто мои родители? Пока я считал себя сыном возничего Адхиратхи и Радхи, я был счастлив, как и все непоседы этого мира. Я никогда не сожалел о том, что не родился царевичем. В конце концов, такое рождение достается далеко не каждому. Любые родители – царь и царица в глазах детей своих». Карна тоже был счастлив со своими приемными родителями, но однажды, еще в юности, ему случилось подслушать тайную беседу между матушкой Радхой и Кунти, и услышанное его потрясло.

Матушка Кунти сказала:

– У этого вашего сына полно царских отметин. Кто скажет, что он сын возничего? Ты только посмотри на него! Если поставить его рядом с царевичами Хастинапура, он затмит их всех! О, как прекрасны эти его серьги и доспехи! Не знаю, почему один взгляд на Карну рождает во мне желание заключить его в объятия... Если бы он был моим сыном! Воистину, он, должно быть, родился в царской семье.

– Когда он попрос, люди, отмечая его достоинства и внешность, стали говорить, что он не наш сын. Чего уж греха таить, он ведь действительно не наш, – какая-то неудачница, породив его, положила в ящик да и бросила в Ямуну. Обнаружив его во время купания, мы сочли это божественным благословением. Доспехи, делающие его неуязвимым, и серьги с самого рождения на нем.

– Увы, почему молния не поразила эту жестокую мать?

Мягкосердечная Кунти, невестка династии Сомы, прокляла черствую женщину и зарыдала.

Карна вернулся к себе. В тот день в жизни двенадцатилетнего Карны открылась новая страница: он начал искать своего отца. Конечно, он никогда не раскрывал родителям своих тайных мучений, так как не считал себя вправе рушить их счастье. Вытащив его из Ямуны, они спасли его от неминуемой смерти, сохранили ему

драгоценную человеческую жизнь, поэтому каждый шаг Карны был продиктован сыновним долгом. Иногда он думал: «Почему бы мне не стать царевичем? Матушка Кунти говорит об этом с первой же нашей встречи!» Карна продолжал искать свою бессердечную мать, и теперь слова Бхимы резали его ножом.

Радха позвала снаружи:

– Карна, сынок! Матушка Кунти лично пришла поздравить тебя. Открой дверь!

Карна поражался: Кунти потеряла сознание от одной мысли, что ее сын в опасности, она пролежала без чувств целый вечер, а когда наконец очнулась и услышала, что Карна стал царем, то, невзирая на слабость, пришла поздравить его! Она восхищалась тем, что заклятый враг ее любимого сына Арджуны стал правителем! Что это – проявление сердечного благородства или какая-то уловка?

Отворив дверь, Карна поклонился Кунти, а она обняла его. Плача и трепеща, слабым голосом она промолвила:

– Карна, сынок, живи и славься вечно! Я слышала, что, даже став царем, ты все еще не счастлив. Бхима высмеял и тем самым глубоко задел тебя. Поэтому я пришла попросить у тебя прощения. Не принимай это близко к сердцу.

Взволнованным голосом Карна сказал:

– Матушка, Вы вся пылаете. От слабости у Вас дрожат руки и ноги. Вы пришли сюда из-за такой чепухи! Издевательства Бхимы мне терпеть не в первой. С самого начала нашей совместной учебы Бхима не уставал напоминать мне, что я не царского рода, что во мне течет кровь возницы, и он прав. Глупо выходить из себя по пустякам.

Кунти не держалась на ногах. Карна подхватил ее, завел в дом и усадил. Голос матушки выдавал ее удрученность:

– С самого рождения Бхима причинял мне беспокойства. Снова и снова я без устали напоминала ему, чтобы он оставил тебя в покое. Но он безмерно горд тем, что он родился у Кунти. Вот почему он не упускал случая, чтобы поддеть тебя.

Я решила положить конец его бахвальству, усыновив тебя. С сегодняшнего дня ты – мой старший сын.

С этими словами Кунти положила Карне в рот *прасад* из храма Шивы. Притянув Карну к себе, она со слезами на глазах стала говорить:

– Если бы твоя мать не оказалась в отчаянном положении, она никогда не бросила бы такого сына, как ты. Как женщина я могу понять муки матери-одиночки. Если она жива, то, должно быть, невыносимо страдает всякий раз, когда вспоминает о тебе, и тем самым искупляет свою вину. Карна, мальчик мой, что может быть более тяжким наказанием? Ее муки хуже смерти – считай, что ты сирота. С сегодняшнего дня твоя мать – я. Теперь ты сын Кунти. Клянусь, я объявлю это Пандавам и собью спесь с Бхимы.

Однако Карна не выглядел удовлетворенным. Он был признателен Кунти за ее доброту и сострадание. Раньше он презирал жалость. Что будет с ним, если все станут одаривать его милостью и отрицать его мужество? Может, не стоит принимать милость от Кунти? Карна поднял на нее взор: бледное, скорбное лицо, измученное тело, подавленность и беспомощность во взгляде, глубоко опечаленные, полные слез глаза. Сбитый с толку, Карна продолжал растерянно смотреть на нее и не сумел сдержать слез. Мог ли он, получивший царскую благосклонность, но обделенный материнской лаской, отвергнуть воплощенное материнство?

Карна подумал: «Матушка Кунти, я ни на мгновение не сомневаюсь, что готов пожертвовать всеми достоинствами ради чести быть Вашим сыном». Но вслух он сказал:

– Матушка, я был бы благословен, если бы родился Вашим сыном. Но я презираю жалость и сострадание, хоть и тронут Вашей добротой. Я всегда буду относиться к Вам, как к матери, которая выносила меня в своем чреве. Возможно, это станет единственным утешением в моей нелегкой жизни.

Его слова причинили Кунти боль. Она заплакала:

– Карна, это не жалость и не игра... Это веление сердца. Сыну не дано измерить глубину материнского сердца, потому что он мужчина. В этом беда матери.

Карна мрачно произнес:

– Простите меня, матушка. Я не смог утаить от Вас свою боль и уязвленное чувство собственного достоинства.

С едва заметной улыбкой Кунти ответила:

– Только матери сын может открыть свою уязвленную гордость.

Напоследок она сказала:

– Сын мой, не пристало тебе сражаться с Арджуной. Это очень печалит меня. Пусть это никогда больше не повторится – большего счастья мне не надо.

Карна молчал. Не из-за беспокойства ли о безопасности своего сына Арджуны Кунти разыгрывала материнскую любовь к нему?

Тут мои мысли резко оборвались. Майя шепнула мне на ухо:

– Идет Карна.

Мать Кунти также сказала:

– *Баху*, Карна идет. Вырази почтение своему старшему деверю. Юдхистхира младше моего приемного сына Карны.

Я поправила *анчал* на голове, опустив глаза, хотя мне хотелось увидеть вблизи этого обделенного судьбой героя.

Карна выразил почтение матери и кротко сказал:

– К чему было так беспокоиться? Вы могли отправить мне весточку, и я бы сам приехал в Кхандавапрастху.

Матушка поцеловала Карну в лоб и благословила его. Ее голос был полон боли:

– Разве это беспокойства? Неужели матери трудно прийти куда угодно, чтобы увидеться с сыном? Я узнала, что ты приехал навестить родителей, и не могла удержаться, чтобы не повидаться с тобой.

Едва улыбаясь, Карна сказал:

– В этом самое большое мое счастье.

– Что ты! С матерью не говорят, как с царицей! Что подумает невестка? Дабы выказать тебе почтение, она тоже прибыла издалека. Ты ни разу не приезжал в Кхандавапрастху благословить ее, потому я привезла ее сюда, учитывая, что ты старший.

Карна рассмеялся:

– Та, у которой есть герои, подобные Пандавам, с которыми дружит и общается такой *сакха*, как Кришна, вряд ли нуждается в благословениях такого ничтожества как я.

Матушка одернула его:

– Перестань болтать чепуху. При виде меня твое сердце наполняется болью ущемленного достоинства. Ты никак не забудешь детских ссор и споров с Пандавами.

Знаком мать велела мне выразить почтение Карне. Перед тем, как поклониться Карне, я решила коснуться стоп матери. Я потянулась к ним, но стопы тут же отступили назад. Я была сбита с толку. Неужели матушка сердится на меня и не хочет, чтобы я выразила ей почтение?

В следующее мгновение раздался глубокий голос Карны:

– Царица Хастинапура, Кришна, выражает почтение сыну колесничего, дотрагиваясь до его стоп? Это оскорбительно для Хастинапура. Пятеро мужей также будут негодовать. Чтобы получить мои благословения, Вам не обязательно кланяться мне: мои благословения и без того с Вами.

Со стыда я попятилась назад. Оказалось, что вместо стоп матушки я бросилась к стопам Карны! Их стопы были так похожи – они отличались только размером! Не чудо ли это? На *сваямваре* меня сбило с толку сходство между Кришной и Арджуной...

Я простерла руки к матушке, а затем выразила почтение Карне. Боже мой, Карна подумал, что, воспользовавшись необходимостью выразить почтение, я нарочно захотела коснуться его стоп! Какой позор!

Майя понимала, каково мне:

– Ваши стопы так схожи со стопами матушки, что царская невестка, перепутав, едва не дотронулась до них. Хорошо, что Вы отпрянули: иначе, прикоснувшись к своему старшему деверю, царская невестка впала бы в грех.

Карна рассмеялся:

– Царица Кришна – и грех! Да она – образцовая дама Арьяварты! Кроме того, это в Сатья– и Трета-югу прикосновение к старшему деверю считалось грехом, а в Двапара-югу за деверей даже замуж выходят.

Остроты Карны пронзили меня стрелой. Сердце сжалось от боли; я едва сдерживала слезы. Придавать значение словам такого высокомерного и нетерпимого человека было недостойно царицы Кришны.

Вернувшись к себе, я сказала так, чтобы слышала матушка:

– Необходимо вернуться к вечеру.

Матушка посмотрела на солнце. Майя задумчиво произнесла:

– И правда, сходство между стопами матушки и Карны просто поразительное...

На что матушка ответила:

– Возможно, в какой-то из жизней Карна был моим сыном. Иначе как такое могло стать возможным?

Г л а в а 15

Церемония по случаю открытия дворца собраний была очень помпезной. Юдхиштхира приветствовал гостей, восседая на троне, красота и искусная отделка которого вызывала всеобщее восхищение. Конечно же, имела место зависть. Хитростью отправив Пандавов в обветшалую и заброшенную Кхандавапрастху, Кауравы ликовали. Но теперь, увидев отстроенную заново Индрапрастху и особенно дворец собраний, они сгорали от зависти. Если бы им удалось

как-нибудь избавиться от Пандавов, они смогли бы насладиться Индрапрастхой.

Исполняя волю матушки, я собственноручно готовила и прислуживала братьям Кауравам. Они приходились мне деверями, поэтому я должна была чтить их как членов своей семьи. С чем здесь можно было не согласиться? Служить и стряпать приятно, так что я со всем тщанием готовила изысканные яства. Майя и Нитамбини также оказали мне ощутимую помощь.

Сто Кауравов, пятеро Пандавов, а также Кришна с Баларамой восседали вместе. Матушка хотела, чтобы Карна тоже был здесь. Но правитель Анги остался в гостинице. Когда матушка пригласила его на ужин, Карна прислал записку, из которой явствовало, что он не желает вмешиваться в чьи-либо семейные дела. Кауравы и Пандавы живут вместе и едят за одним столом, скрепляя тем самым свою дружбу. А он может оказаться лишним.

Матушка поняла, что причиной отказа была уязвленная гордость. Карну считали ее приемным сыном, но он все-таки хотел подчеркнуть, что не принадлежит к клану Куру.

Матушка расспросила Радху, какие блюда любит Карна, и велела мне приготовить их. Принимая во внимание чувства матушки к Карне, я старалась приготовить все как можно вкуснее. Но Карна вежливо отказался даже от званого ужина, чем расстроил матушку. Казалось, празднество совсем не радовало ее. Меня раздирало чисто женское любопытство по поводу ее необъяснимой любви к Карне. Но как удовлетворить это любопытство? Я беспрекословно продолжала выполнять ее требования...

Сто Кауравов, пятеро Пандавов и Джаядратха, брат моей единственной золовки Духшалы, пировали за одним столом. Майя, Нитамбини и я прислуживали. Все нахваливали кушанья и не переставали просить добавки. Поднося угощения, мы выбились из сил, едоки же были неутомимы. Духшасана несколько раз прикоснулся к моей руке своей тяжелой ладонью. Принимая во внимание то, что он

приходился мне деверем, я не стала возражать. Когда я подавала *кхир* Джаядратхе, он улыбнулся:

– *Бхабхи*, если столь вкусна пища, приготовленная тобою, сколь же сладостна, должно быть, ты сама?

Духшасана не преминул добавить:

– Когда мы уедем отсюда, то обратимся в пепелище. Красота, которую мы узрели на *сваямваре*, по-прежнему жжет нас. Здесь же нашим глазам открылся целый ряд ее достоинств и качества прекрасной домохозяйки. Все это похоже на то, как если бы в давно тлеющие угли подлили масла!

Меня будто бы обожгло. Я побагровела и переменялась в лице. Но, поднося пищу гостям, не подобает давать волю гневу; я подавила в себе отвращение и ярость. Джаядратха все понял:

– *Бхабхи*, такие шутки между деверями и золовками вполне допустимы - ты должна была узнать об этом еще в отчем доме. Какой деверь удержится от шуток с прелестной золовкой вроде тебя?

Я подыграла ему и согласилась. Но непристойные намеки, таившиеся в их словах, ни в коей степени не были шуткой. Во время пира Дурьйодхана то и дело поглядывал на меня. У меня участилось дыхание. Пока я подавала еду, он смотрел на меня с ненасытной похотью и сожалением, цокая языком.

Мне подумалось, что приглашать проигравших *сваямвару* Кауравов и демонстрировать им мою красоту столь же оскорбительно, сколь увенчивать цветочной гирляндой поверженного врага. Кауравы всегда были нетерпимыми и завистливыми; неблагоприятно провоцировать их.

Непонятно почему моя удача и радость страшили меня. Ум переполняли тревоги, а тело устало. Мне необходимо было отдохнуть. Направляясь в свои покои, у дверей кухни я встретила матушку. Я зашла на кухню, поскольку подавать ей пищу – моя обязанность. Матушка отказалась от пищи и

отправила меня отдыхать. Неужели она завершила трапезу так скоро?

Нет, она даже не прикоснулась к еде. Удрученная, она стояла с отсутствующим взглядом. Я спросила:

– Матушка, что случилось? Вы ничего не ели.

Она скорбно ответила:

– Ты тоже голодна. Как же я могу есть?

Я была сбита с толку:

– Я поем позже, когда насытятся повара, слуги и домашние животные, а пока отдохну. Вы же знаете, что я ем последней.

– Но сегодня ты очень устала и выглядишь нездоровой. Почему бы тебе не поесть раньше? Наша обязанность – заботиться о теле.

Я совсем запуталась:

– Вы поститесь сегодня из-за меня? Тогда давайте разделим трапезу. Вероятно, все уже насытились.

Я накрыла на двоих.

– Не накормив гостей, хозяйка не смеет выпить и глотка воды.

Я не знала, что и думать:

– Кто из гостей остался голодным? Мы накормили всех.

Матушка ответила:

– В гостевых покоях остался голодным царь Анги. Его пригласили только сегодня, а подать ужин в покои для гостей не распорядились. Так подобает ли нам насытиться и отойти ко сну?

Слова матушки возмутили меня: она останется голодной только потому, что не ел Карна?! Я спросила:

– Что же теперь делать?

Матушка твердо сказала:

– Карне нужно подать еду в покои для гостей.

– Вы сделаете это сами? – простодушно спросила я.

– После того, как Юдхистхира стал правителем Индрапрастхи, хозяйка здесь ты. Карна твой гость, а не мой. Принимать гостей – твоя обязанность.

– Я должна пойти в гостевые покои?

– А что здесь такого? Карна – не просто гость, он твой старший деверь. Прихвати с собой Майю и Нитамбини. Кроме того, Карна остановился в палатах для личных гостей царской семьи, при дворце.

Скрывая неохоту и раздражение, я сказала:

– Как пожелаете. Я согласна.

Матушка с удовольствием собрала еду. Она накрыла больше, чем было необходимо для одного человека. Она стала разъяснять мне, что гость подобен Богу, и если доволен гость, то доволен Сам Бог.

– Если ты не подашь Карне пищу лично, он не прикоснется к еде. На тебе все домашнее хозяйство. Я знаю Карну: глубоко приверженный *дхарме*, долгу, нормам и правилам, он будет доволен, если пищу подашь ты.

Мне подумалось: доволен будет Карна или нет, но матушку мое послушание порадует. Майя взяла пищу, а Нитамбини напитки, и втроем мы направились к гостевым покоем.

Я осталась снаружи, а обе служанки вошли внутрь и попросили слугу передать, что у них послание от Кунти. Карна уже готовился ко сну. Он вышел в комнату ожидания и спросил:

– Что за послание в столь поздний час?

– Вам подали ужин, – ответила Майя.

Карна попятился:

– Полдник был столь сытным, что ужинать нет необходимости. Однако из уважения к стараниям матушки я должен принять немного.

– Нет-нет, почему же немного? Вы должны насытиться. За этим матушка нас и прислала. По ее распоряжению царица Кришна приготовила Ваши любимые блюда. Она и сама

пришла сюда. Наставление матушки таково: принимать гостей царица должна лично.

Карна помрачнел. С сомнением в голосе он заметил, что царице не подобает навещать гостей в столь поздний час; Матушка Кунти, верно, ослепла от материнской любви и позабыла, что правильно, а что нет.

Майя почти прошептала:

– Вы – приемный сын царицы-матери и почетный гость в этом дворце. Вы остановились в палатах, где селят только членов царской семьи, и никого более. Царица Кришна – хозяйка, и принимать гостей – ее обязанность.

Карна задумчиво произнес:

– Оказаться от пищи, поданной самой царицей, было бы оскорбительно. Я приму фрукты. Оставьте только фрукты, а остальное унесите.

– Почему же только фрукты? Вы соблюдаете какой-то обет? – удивилась Майя.

Карна ответил не сразу:

– Я все объясню. Но прежде я хотел бы попросить у царицы Кришны прощения. Мои речи продиктованы исключительно чувством долга... *Дхарма* женщины – служить одному-единственному супругу. При определенных условиях вдове позволено выйти замуж повторно. Но делить ложе с пятерыми мужьями недопустимо. Нет тому примера в прошлом, и ничего подобного не произойдет в будущем. Даже будучи замужем, такая женщина считается распутницей. Принять из ее рук даже воду – значит нарушить *дхарму*. Видите ли, в таких вопросах я очень строг и консервативен. Вашу царицу можно считать целомудренной, хотя у нее и пятеро мужей, ибо она – Ягьясени. Но на ее месте любая другая женщина была бы порочной. Могу ли я принимать пищу, которую она готовит? В таких делах я весьма щепетилен.

Я застыла на месте. Сколько оскорблений и клеветы!.. Я не могла вымолвить ни слова в ответ, ведь Карна – гость, а гость подобен Богу. Все мое естество дрожало от негодования

и боли, но косное тело по-прежнему стояло неподвижно. Майя сказала:

– Господин, Вы оскорбляете царицу! Не потому ли, что Вам не удалось завоевать ее руку?

Побледнев, Карна рассмеялся:

– Писания могут подтвердить каждое мое слово. Я слышал, что царица мудра и образованна. Если не верите мне, спросите саму царицу, согласуются ли мои речи с буквой писаний. Я не хотел никого уязвлять,

но привык говорить правду, пусть и горькую.

Оставив ему лишь блюдо с фруктами, я вернулась к себе. Казалось, что случившееся – предвестник целой череды грядущих унижений. Я стала винить во всем Пхалгуни, матушку, но особенно – Юдхистхиру. У меня пропал аппетит; боль и печаль слезами наворачивались мне на глаза. Мне не нравилось плакать по пустякам. Слезы – признак слабости, но порой они становятся друзьями беспомощных. Они облегчают бремя, томящее сердце, уносят прочь боль и подавленность, помогают собраться с силами. Я презирала слезы, но возможно ли сдержать их усилием воли? По крайней мере в тот день это было не в моей власти. Однако, матушка должна узнать обо всем... Я стояла на веранде ее комнаты.

– Матушка, Карна принял только фрукты, а остальное вернул.

– Почему? – расстроилась Кунти.

– Уже поздний вечер, а полдник был очень сытен, и он не успел проголодаться. Из уважения к Вам

он принял немного фруктов.

– Значит, на завтрак ты должна приготовить его любимые блюда. Завтра встань пораньше, а пока отдыхай.

Матушка так беспокоилась о Карне, что даже позабыла спросить, поела ли я. Не заметила она и моих слез...

Направляясь к себе, я думала, что утром не встану, сказавшись больной, иначе Карна откажется и от завтрака.

Оставить гостя голодным – тяжкий грех. Если я не буду готовить, это сделает матушка, а после завтрака Карна уедет к себе в царство. И тут я встретила Пхалгуни. Как же мне хотелось излить свои горячие слезы на его широкую щедрую грудь!

– Пхалгуни, за что мне такое наказание? Это бесчестье войдет в анналы истории. В чем здесь вина Кришны? Неужели Кришна хотела этого? За что ей суждено нести тяжкое бремя позора?

Встреча с участливым другом рушит плотины рек печали. Всклипывая, стояла я у дверей своей спальни, как статуя. На щеках моих блестели слезы. Пхалгуни приблизился ко мне, потупив глаза, не удостоив меня даже взглядом:

– Чего ты хочешь?

Из обоих моих глаз одновременно хлынули слезы:

– Пхалгуни, мне плохо, мое сердце тяготит печаль...

Я думала, что Пхалгуни обеспокоится, но он остался невозмутим:

– Ты просто устала. Что тут странного? Я сообщу старшему брату. Отдохни.

Украдкой посмотрев на меня, он направился к гостевым палатам. Он будто напоминал мне о насмешках Карны: «Кришна, в столь поздний час я тебе не помощник, ведь ты играешь роль супруги Юдхиштхиры. Я всего лишь сторонний наблюдатель».

Я вошла в опочивальню. Я не должна была ложиться спать раньше Юдхиштхиры, и потому ждала его, зная, что он не поймет моей боли. Он был отрешенным, невозмутимым; мирская суэта, гнев, ненависть никогда не касались его внутреннего естества. Он был как Бог и в каком-то смысле как камень.

Телу требовался отдых, а уму – утешение. У меня было пятеро мужей, но не один из них не мог мне этого дать...

Снаружи показались стопы Пхалгуни; прекрасные, словно два лотоса, которые откуда ни возьмись выросли на мраморном полу, остановились они по ту сторону двери: Пхалгуни не смеет войти в покои жены Юдхиштхиры, Кришны.

– Сейчас старший брат играет в кости с Дурьйодханой. Сегодня вечером удача – его неразлучная спутница. Он будет играть всю ночь. Выигрыш – не частое событие, и упускать такой случай неблагоприятно. Брат велел передать тебе, чтобы ты не ждала его и ложилась отдыхать.

Пхалгуни не мог зайти внутрь, но я могла выйти. Отодвинув занавес, я вышла к нему и твердо сказала:

– Пхалгуни, даже узнав о моем плохом самочувствии, он проведет ночь в игре, опьяненный победой. Неужели мне должно быть все равно? Не знаю почему, но игра в кости пугает меня. Любая страсть опасна. Из-за страсти к благотворительности Бали отправился в низшие миры. Кажется, Дурьйодхана никогда не простит Юдхиштхиру за те унижения, которые довелось ему пережить. Уж не знаю, какие планы мести он вынашивает...

Пхалгуни робко заметил:

– Игра в кости предназначена для удовольствия и развлечения. Что может быть общего между победой и поражением в жизни и в игре? Женщины по самой своей природе подозрительны и постоянно ошибаются. Потому и страдают они больше.

Я знала Пандавов: хотя сами они могли порицать брата, со стороны жены не терпели ни малейшего замечания в его адрес.

– Пхалгуни, я не лягу спать, пока не вернется твой брат. Давай поговорим немного о философии твоего *сакхи*. Почему Он уделяет чужим вопросам столько времени?

Пхалгуни строго посмотрел на меня; казалось, его голубые как озера глаза налились кровью. Возможно, было уже поздно, а может быть, он слишком много выпил.

– Кришна, с твоей легкой руки я вынужден хранить клятву два года. Зачем же тогда ты склоняешь меня преступить обет? Ты желаешь мне двенадцатилетнего изгнания?

Его слова застали меня врасплох. Откуда Пхалгуни мог знать, чего я хочу? Как он догадался, что я постоянно ищу его общества?

Словно расслышав шепот моей уязвленной гордости, он ласково продолжил:

– Я поклялся не желать тебя в течение двух лет, но это совсем не значит, что я бездеятельный аскет или евнух. Если этой ночью я побеседую с тобой наедине, то нарушу клятву. Мне ли не знать об этом? Прости меня, Кришна. Обсудим все завтра в полдень, в присутствии Самого *сакхи*.

Он невозмутимо отклонил мою просьбу и ушел, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, каково мне. Я чувствовала себя просто ужасно и решила послать с Майей весточку. Но не будет ли это ошибкой? Ее могут перехватить Кауравы. Но даже если Юдхиштхира придет, погасит ли он пламя этого оскорбления? Скорее, едва взглянув на него, я не выдержу и взорвусь. Это может испортить праздничную ночь. Упиваясь победой, Юдхиштхира пренебрег собственной женой. Радуюсь собственному успеху, он безразличен к чужому поражению...

Я не находила себе места. В ответ на свое послание я получила приглашение присоединиться к дворцовому торжеству по случаю его победы. Мне неоткуда было ждать помощи. Я вынуждена уважить просьбу мужа и следовать правилам хорошего тона, иначе опозорю Юдхиштхиру перед Кауравами. Превозмогая неохоту, я собралась и в сопровождении одной лишь Майи вошла во дворец. Юдхиштхира не заметил ни моей слабости, ни моего уныния. Полный ликования, он обратился ко мне:

– Ягьясени, без тебя победа не радует меня! Подойди, присядь! Впервые в жизни я выиграл! Но как насладиться этим счастьем без тебя?

Бхима был не менее воодушевлен:

– Завоевав Драупади, Пандавы станут победителями во всем, и доказательством тому – игра в кости! Так что это победа Драупади.

Проиграв, Дурьйодхана полыхал гневом. В этот самый момент Бхима напомнил ему о его неизбежном крахе. Дурьйодхана бросил на меня испепеляющий взгляд, в котором смешалось пламя желаний, тлеющие угли мести и разрушительный огонь похоти.

Духшасана пылал от нетерпения. Громко расхохотавшись, он съязвил:

– Благодаря высочайшему целомудрию Деви Драупади, супруги пятерых мужей, наводнение победы смочет Пандавов в океанскую пучину.

Я впала в еще большее уныние. Не очень-то мудро распевать песни о собственной победе перед поверженным противником. Это разжигает еще большую вражду. Едва взглянув на меня, Кауравы переполнились необузданной похотью и сгорали со стыда за свое поражение. Зачем было раззадоривать их?

Я сочла свое присутствие неуместным. Лучше бы было мне вернуться. Каким-то образом Кришна прочитал мои мысли и обратился к победителю:

– Юдхиштхира, Кришна тяжело работала и выглядит уставшей. Позволь ей отдохнуть.

Все внимание Юдхиштхиры было приковано к бросанию кости. Не оборачиваясь, он сказал:

– Что ж, пусть Ягьясени уйдет.

Я машинально вернулась к себе. Слезы неудержимо хлынули из моих глаз. Эти слезы не были вызваны телесными или душевными муками. Я плакала не от боли, которую мне причинили, оскорбив меня, и совсем не потому, что устала. То были слезы беспомощности и одиночества. Женщина, преследуемая насмешками из-за того, что ей дарят любовь пятеро мужей – как же она одинока! Кому дано понять это?

Я не могла уснуть. В комнате было душно. Взяв с собой одну лишь Майю, я вышла на террасу. Свежий воздух, лунный свет и звездное небо немного утолили мою боль. Ища утешения в небесной шире, на крыше гостиницы я заметила силуэт рослого, гармонично сложенного, мускулистого человека. Движения тени выдавали его беспокойство; временами он посматривал в небо, то и дело внезапно и вопросительно останавливаясь. Кто бы это мог быть? Гость Карна? Чем он так встревожен? Ему неуютно?

Из дворца доносились возгласы ликования: Юдхитхира снова выиграл. Силуэт искал в небе ответы на жизненно важные вопросы. На крыше материнского дворца показалась другая скорбная тень: некто пристально, неотрывно вглядывался во тьму, окутавшую крышу гостиницы. Время от времени можно было слышать тяжкие вздохи. Кто же это? Матушка Кунти? Но ее старший сын Юдхитхира выиграл. Что за боль лишила ее сна?

Забыв о собственной боли и печали, я растворилась в скорби матушки. Тайные мучения Кунти, матери пятерых героев, оказались глубже моих страданий. Я считала, что избавить свекровь от скорби было долгом *баху*. Но кого бы спросить о причине страданий матушки? Я решила при случае обратиться к ней самой, кротко сложив ладони. Пусть наши слезы сольются воедино – это принесет ей облегчение.

Г л а в а 16

Телесные недуги не обязательно затрагивают ум, но душевные муки не могут не отразиться на здоровье. Несколько дней подряд я провалялась в постели. Юдхитхира поручил меня заботам придворного лекаря, которому всецело доверял. Меня же раздирали сомнения: о каком здоровье может мечтать супруга пятерых мужчин, всю свою жизнь преследуемая оскорблениями со стороны Кауравов?

Я непрестанно думаю о своих пятерых мужьях. Теперь я понимаю, что всем не угодишь. Правила, регламентирующие нашу совместную жизнь, дают некоторые преимущества мне, но при этом уязвляют остальных. Завершив ежедневные обязанности и поужинав, перед тем, как отправиться в опочивальню Юдхитхиры, я заходила к каждому из супругов пожелать спокойной ночи. Сахадева, это невинное дитя, тут же засыпал. Накулу я часто находила в зале увеселений; он заслушивался музыкой и развлекался танцами. Последнее время он что-то слишком увлекся искусством танцовщиц. Арджуна, должно быть, в библиотеке. Когда он изучает писания или упражняется в воинском искусстве, никто не смеет отвлекать его – это строго запрещено. Должно быть, он с головой ушел в свои занятия и собирается бодрствовать до глубокой ночи. Надеюсь, что, не давая мне возможности пожелать ему спокойной ночи, он тем самым облегчает свои сердечные муки.

Однако Бхима, должно быть, ждал моего появления. Едва заслышав мои шаги за дверью, он позвал меня командирским тоном:

– Панчали, войди! Мне просто ужасно. Я не могу подняться с постели и подойти к двери.

Не входя в комнату, я отозвалась:

– Сдается мне, болезнь всегда сражает тебя глухой ночью!..

– Ты сама виновата.

– Я?!

– Конечно. Ты подаешь такие блюда, что каждый день после обеда я теряю всякую работоспособность. Ты знаешь, как я люблю поесть. Теперь мое здоровье в твоих руках.

Бхима неспокоен. Он стонет, как будто у него действительно что-то болит. Он попросил воды и какое-нибудь лекарство, улучшающее пищеварение. Я была вынуждена войти и попытаться как-то облегчить его страдания. Бхима сказал:

– Панчали, в течение целого года тебе не быть моей женой. Но это не мешает тебе быть моей сестрой и матерью. Мне плохо. Не уходи, пока я не усну.

Бхима намекает на массаж стоп. Это утолит его боль, и он скорее заснет. Рассудив так, я присела рядом, чтобы поухаживать за ним. Иногда боль Бхимы не утихает до рассвета, и он не может уснуть. Я преданно служу ему всю ночь, думая при этом: Юдхиштхира ждет, он будет раздосадован... Но Бхиме я не говорю ничего – молча растираю ему стопы. Чтобы позлить меня, он разглагольствует об их с Хидимбой любви. Время от времени он с притворным сожалением говорит: «Да, Панчали, кажется, тебе пора возвращаться. Юдхиштхира ждет. Я не хотел беспокоить тебя. Поэтому завтра я отправлюсь к Хидимбе, которая понимает меня лучше, чем ты. От ее нежных прикосновений мои глаза слипаются. А когда ко мне прикасаешься ты, сон тут же улетучивается, хотя казалось, что он совсем рядом. Хидимба – *ракшаси*, но как жена она лучше, чем ты».

Бхима хочет задеть меня, но я безропотно сношу колкости. Наконец, я вернулась в покои Юдхиштхиры. Я думала, что теперь, когда его мужская честь задета, он, вероятно, разгневан; может статься, он весь трясется от ярости. Это задело бы любого. Но Юдхиштхира не подал никаких признаков того, что ждал меня. Как исполненный самообладания отшельник он невозмутимо произнес:

– Ну что, Бхима наконец уснул? Я слышал, что каждую ночь после ужина ему нездоровится. Проследи за его питанием, Ягьясени. Завидев вкусные яства, он совершенно забывает, какая пища здоровая, а какая – нет. Попытайся взять дело в свои руки. Сила Бхимы – сокровище Пандавов. Если он ослабнет, мы будем в опасности. Как старший брат я обязан заботиться обо всех.

Я пристально посмотрела на Юдхиштхиру. Он с нетерпением ждал меня всю ночь – и все же не посчитался даже с этим! Что может принизить такого мужа в глазах

жены? Он лишь хотел иносказательно донести до меня, что недоволен поведением Бхимы, встревожен и неудовлетворен. Всякий раз, являя мне свое благородство, Юдхиштхира, тем не менее, скрывает истинные чувства. Стоит мне усомниться в его благородстве, – и у него не откроется рот даже попросить у меня поесть. Мое сердце растаяло от жалости к обескураженному супругу, чья честь была задета, и я ласково сказала:

– Из-за того, что Бхима захворал, я пренебрегла своим долгом перед тобой. Прости меня. Но как быть, если Бхиме неможется ежедневно в одно и то же время?

Юдхиштхира будто бы ждал этого вопроса:

– Я несколько не задет, но если ты, занятая служением, перестанешь спать ночами, то заболеешь сама. Не придавай особого значения ребячеству Бхимы. Вскоре он поправится – без чьей бы то ни было помощи. Такой могучий воин может слечь только от переедания.

Я рассмеялась про себя. Юдхиштхире не понравилось притворство Бхимы – это было ясно, как день. И то, что Бхима задержал меня без веской причины, тоже не было для меня тайной. Досада Юдхиштхиры очевидна. Но могла ли я наслаждаться с одним супругом, оставив другого прикованным к постели и мучимым болью?

Я начала искать выход из сложившейся ситуации. Если Бхима несколько дней погостит у Хидимбы, я не стану возражать. Похоже, это единственное решение...

Но если выпады Бхимы еще можно вынести, то терпеть холодное равнодушие Пхалгуни выше моих сил. Нервы натянуты до предела; втайне я мечтаю: почему бы Пхалгуни не заставить меня помучиться так, как это делает Бхима? Почему бы ему не поставить меня в трудную ситуацию? Я чувствую себя мусором, выброшенным Пхалгуни в стремительный поток уязвленной гордости...

А заболела я вот почему.

В те дни, упражняясь в воинском искусстве, Пхалгуни часто проводил время в джунглях. Порой он возвращался уже

ночью. Вернувшись, он проводил обряд поклонения, принимал легкий ужин и отправлялся в библиотеку или обсуждал писания с *сакхой* Кришной. Иногда Пхалгуни так долго задерживался в джунглях, что я начинала нервничать. Кришна понимал меня и успокаивал:

– *Сакхи*, ты оскорбляешь Моего дорогого *сакху*!

Я вопросительно смотрела на Него, а Он смеялся:

– Почему бы Моему *сакхе* не побыть в лесу одному? Тигры, медведи, змеи и другие дикие звери перед ним бессильны. Ты же знаешь об этом, так почему тревожишься? Но нет, похоже, тебе неизвестна доблесть Моего *сакхи* и его умение владеть оружием! Ну скажи, не оскорбительно ли это для Пхалгуни? Ты – его жена, и при этом не тебе неведомы его достоинства! Если он об этом узнает, то проклянет свои занятия. Так что не волнуйся о Пхалгуни.

Слушая заверения *сакхи*, я попыталась взять себя в руки. Но в тот день Пхалгуни вернулся окровавленным и израненным. Никто не знал, что случилось. Люди из его свиты рассказали: сегодня Пхалгуни опрометчиво выбрал лихого панчальского скакуна, который помчал его в лес. Прошло много времени, и конь вернулся – один, без всадника. Сопровождавшие Пхалгуни слуги отправились на поиски своего господина, в конце концов нашли его лежащим без сознания у подножья холма и забрали израненного хозяина домой. Пхалгуни от рождения мечтал стать героем, он был одержим желанием романтики и приключений. Изнывая от безделья и скуки, он потерял всякую осторожность, пока наслаждался красотами леса верхом на скакуне. Улучив минуту, конь усыпил бдительность наездника и сбросил его.

На предположения о том, как это случилось, времени не было. Я занялась его лечением и выхаживанием. Незамедлительно осмотрев Арджуну, придворный лекарь заключил:

– Кровопотеря значительная, но это не опасно. Вскоре он придет в себя, однако в течение двух недель ему необходим постельный режим. Уход здесь важнее, чем лекарства.

Сакха Кришна рассмеялся:

– Теперь-то Я понимаю, почему, хотя в конюшнях Индрапрастхи так много других лошадей, он подверг себя опасности, выбрав необъезженного панчальского скакуна! Ну конечно! А как же иначе он мог бы оказаться наедине с юной прелестной Кришной? Благовоспитанный, любезный и сдержанный, Пхалгуни не смеет настоятельно требовать служения, общества и любви Кришны, как это делает беспардонный Бхима.

Хотя *сакха* произносил каждое слово с подчеркнутой учтивостью, моему стыду и печали не было конца. Что довело Пхалгуни до такого безрассудства – желание побыть со мной или отомстить мне?

Я присела у Пхалгуни в ногах, а матушка – у изголовья. Первой, кого он увидел, открыв глаза, была я. Я чуть не плакала, но в присутствии матушки держала себя в руках. Его глаза опять закрылись, а затем, взглянув на матушку, он улыбнулся:

– Ты так волнуешься по пустякам! Мне не впервой терять кровь.

Кунти промолчала. Она продолжала гладить его по голове, перебирать его волосы. Глаза ее тоже были полны слез. Отправляясь готовить для Пхалгуни, матушка наказала мне: «Нежно помассируй ему стопы». Я собиралась сделать все по ее слову. Ласково, собрав всю нежность своего сердца, я принялась растирать его подобные голубым лотосам стопы. Кришна шутливо спросил:

– *Сакха*, надеюсь, Я не нарушу твой покой?

Пхалгуни открыл глаза:

– Как обрести покой без Тебя? Нет, без Тебя отдых не приносит никакого удовольствия.

Сакха рассмеялся:

– Даже если Меня не будет рядом, с тобою рядом Кришна. Ради ее служения и общества даже мудрейшие из

мудрых не преминут заболеть. Согласись, ты ведь упал с коня только потому, что ждал этого?

Я была готова провалиться сквозь землю. Пхалгуни помрачнел:

– *Сакха*, никакой спор в этом мире не обходится без кровопролития. Чтобы уничтожить демонов, необходимо пролить немного крови.

Наивно, по-детски *сакха* уставился на Пхалгуни:

– Какие демоны? Какой спор? О чем ты?

Неотрывно глядя на Него, Пхалгуни продолжал:

– Злой демон – это мужская похоть, а спорят между собой ум и сознание. Когда демон желания набирает силу, человек перестает владеть собой. Похоть поглощает сознание. Победить демона можно, если выпустить кровь из головы.

– О ком это ты толкуешь?

– О себе, о мужчине, о мужской похоти. А Ты, *сакха*, разве Ты не считаешь меня мужчиной? Думаешь, я камень?..

От волнения Пхалгуни запнулся.

Сакха опять рассмеялся. Я хранила молчание, но ум мой взбунтовался. Мне хотелось спросить: «Пхалгуни, к чему весь этот спектакль? Это ты для меня так стараешься?» Но Пхалгуни нездоров. Негоже беспокоить его еще больше. Я затаилась...

Кришна спокойно произнес:

– *Сакха*, ты лучший из воинов Арьяварты. Ты мудр, справедлив и сознателен. Поэтому судьба послала это испытание именно тебе. Выдержав его, ты станешь правителем целой Арьяварты. Кому удалось искоренить в себе чувства? Желания и похоть будут оставаться в человеке. Просто их нужно подчинить. Это возможно в союзе мужчины и женщины, созидая новое и прекрасное. Но, соединяясь, не лучше ли для обоих – мужчины и женщины – учитывать место, время и обстоятельства? Человек – раб наслаждений. Однако тот, кто следует обетам, поклоняется, медитирует, не станет предаваться чревоугодию даже за уставленным

изысканными яствами столом. Хотя образованность и знание необходимы, но если ум не подчинен сознанию, те же самые образованность и знание губительны. Пхалгуни, ты родился, чтобы нести миру счастье, и ты дорог Мне. Тебе ли воевать с похотью?

Непередаваемая, презрительная ухмылка исказила лицо Пхалгуни, и он обрушил на Кришну поток желчных слов:

– *Сакха*, с самого детства и по сей день я – свидетель Твоей славы и Твоих деяний. Помимо восьми главных цариц в Двараке у Тебя тысячи младших жен. Расправившись с Наракасурой, даровав им прибежище и окружив почетом, Ты возвысил их в глазах общественности. И теперь Ты рассуждаешь об уме, сознании и самообладании! Пройдет четыре осени, прежде чем наступит мой черед вкусить радость супружества. Можешь ли Ты представить, каково мне жить эти четыре года?

Сакха рассмеялся:

– Кришна – твоя главная царица. Ты тоже можешь иметь тысячи младших жен помимо нее. Но помни: даже в этом случае самообладание необходимо. Тот, кто не потворствует похоти, даже живя среди юных прелестниц, кто, окруженный множеством женщин, сохраняет здравый рассудок и невозмутимость, не заботясь о собственных интересах, может лишь удивляться словам Своего *сакхи*. Лист лотоса не смачивается водой – таков же и Я. Тебе ли не знать? Ты говоришь со Мной в такой манере в присутствии дорогой *сакхи* Кришны! Что она теперь обо Мне подумает? Страшно даже предположить, она ведь поэтесса и к тому же очень ранима. Если она сочтет Меня волокитой и облечет свои впечатления в стихотворную форму, что со Мной будет? Да Я сквозь землю провалюсь!

Настал черед рассмеяться Пхалгуни:

– А что, давай попросим ее написать стихи! Ведь именно о Тебе она твердит на каждой странице своей книги, которую я прочитал от корки до корки. Мне пришлось по душе все стихи. Хочешь послушать?

Один за другим Пхалгуни начал читать мои стихи. Его голос заставил меня позабыть гнев и обиду. Он не просто знал мои стихи наизусть – он хранил их в сердце, а значит, в его сердце нашлось место и для меня! Какой невыразимо глубокой, божественной была его любовь ко мне! А иначе, как бы он запомнил стихи? Два друга принялись обсуждать поэзию. Незаметно выскользнув из комнаты, я направилась в покои Юдхиштхиры, думая: «Гнев и обида не могут убить любовь между мужем и женой. Это должна понимать каждая женщина».

Теперь было ясно: он занемог, чтобы побыть со мною. Хотя Пхалгуни нездоровилось, втайне он был счастлив. Пхалгуни желал меня, и для меня это было немаловажно. Даже самая неприступная среди красавиц Арьяварты приняла бы обет вечной девственности ради того, чтобы оказаться на моем месте.

Но когда Пхалгуни отверг мое служение, мою заботу, мое общество, я почувствовала, что он хочет причинить мне боль. Лучшего случая выказать мне свое равнодушие и представить было нельзя.

Завершив все свои обязанности, я вернулась к Пхалгуни, чтобы служить ему. Казалось, он дремал. Я принялась нежно растирать ему стопы. Он вздрогнул и, увидев меня, отпрянул:

– Ты здесь – глухой ночью?..

– Не беспокойся о времени. Тебе необходим уход, – ответила я ласково.

Арджуна помрачнел:

– Но Юдхиштхира будет ждать тебя в спальне.

– Он позволил мне заботиться о тебе до твоего выздоровления.

– Но это неправильно.

– Почему? Служение, общение, уход за мужем – первостепенная *дхарма* жены. Это обязанности домохозяйки.

– Первейший долг жены – удовлетворять мужа.

– Ты мне тоже муж.

– Однако в течение ближайших двух лет я не должен считать тебя своей.

– Тогда считай меня сиделкой. Это одна из ролей жены.

– Но тем самым ты нарушишь предписания, касающиеся семейной жизни. Тебе нельзя покидать спальню Юдхиштхиры и проводить ночь с кем-либо еще. Тем самым оба мы станем повинны в нарушении правил. А посему, Кришна, будь добра, возвращайся к Юдхиштхире. Так будет лучше для нас обоих.

Это звучало как приказ. В его голосе ясно слышалась уязвленная гордость, желчность и насмешка. Горе, обида и боль застряли у меня в горле. Неужели Пхалгуни не заметил, что сегодня я сменила наряд любимой на скромное одеяние сиделки? Неужели он думает, что я могу оставить его, беспомощного, вот так, среди ночи?

Я дала волю слезам:

– Женщина – это не только жена, она также мать и сестра. Пока что я не жена тебе, но сестра и мать. Поэтому нет здесь ничего предосудительного, и брачные обеты не могут быть нарушены. И еще – это сделает меня счастливой.

Пхалгуни презрительно расхохотался:

– Твоя роль матери и сестры также под вопросом. Бхима хворает ежедневно. Накула и Сахадева тоже нуждаются кое в каком служении. Что еще останется бедняжке старшему брату, кроме как проклясть нас? Кроме того, как смеешь ты присваивать себе роль матери при живой Кунти? А наша единственная сестра – это Духшала, что рождена в семействе Кауравов. Завтра, едва прослышав о том, что случилось, она тут же заявится сюда. Не думаю, что это правильно – пытаться занять ее место. Я жду матушку. Она будет здесь с минуты на минуту. Она сядет у моего изголовья. Тебе нет места на этой радостной встрече. А теперь сжался надо мной и уходи. В твоей жизни не бывает периодов разлуки, ведь ты предмет обожания пятерых мужей. Благоухающая лотосом Кришна, я обращаюсь к тебе со сложенными ладонями:

уйди! Не заставляй меня чувствовать вину перед братом, не давай ему повода подозревать меня в том, что я сказался больным, дабы держать тебя рядом. Да не омрачишь ты наши сладостные взаимоотношения!

В подкрепление своей мольбы Пхалгуни сложил ладони. Это оскорбление было невыносимым. Мне не хотелось омрачить чье-либо счастье и сеять распри. Как и любая другая женщина, я мечтала всего лишь о спокойной и тихой жизни с мужем и детьми. Но почему моя жизнь полна потрясений?

Я выскочила из опочивальни Пхалгуни. Но дверь в покои Юдхиштхиры закрыта: уже слишком поздно. Кругом непроглядная тьма – даже звездное небо Индрапрастхи заволочло тучами.

Я осталась одна. В коридоре между закрытыми дверями спален пятерых мужей, пытаюсь справиться с душевными муками, стоит Ягьясени. Гряда облаков миновала, и на темном ночном небе – в виде вопросительного знака – воссияло созвездие Семи Мудрецов.

Г л а в а 17

Богатство, сила и слава, приятели и родственники, мужья и жены, сыновья и дочери, – окруженный всем этим, человек ощущает потребность в хотя бы одном чутком друге. Такая близкая душа, радуясь твоим радостям, стократно увеличивает блаженство, а, разделяя печаль, утоляет твою боль. Поистине, именно таким настоящим другом и был Говинда. Открываясь другу, сердце освобождается; оно становится просторным и ясным, как небо. Но Говинда был столь тонким знатоком душевных движений, что не было нужды поверять Ему свои мысли. Смотришь на Него – и ум сам собой открывается навстречу, как цветок распускается под лучами утреннего солнца. Скрывать больше нечего. Проницательный взгляд Его лучистых, как солнце, глаз просто заставляет ум расцвести! Поэтому, когда душевные

муки становятся невыносимыми, я мечтаю встретиться с Говиндой. Излить всю эту невыразимую боль нельзя никому другому. О семейных перипетиях кому попало не расскажешь. Некоторые горести и переживания приходится носить в себе всю жизнь, даже мужу говорить о них язык не поворачивается. Но от Говинды у меня секретов нет. Он избавляет от любых сомнений, исправляет любые погрешности – размышляя об этом, я не перестаю удивляться.

Вот и теперь, глядя на меня, Говинда понял, что сердце мое истекает слезами невыразимой боли. Он предложил: «*Сакхи*, давай развеемся – съездим в лес, что на берегах реки Шатадру. Позавтракаем там же, в лесу. *Сакха* уже выздоравливает, и, Я думаю, ему понравится эта затея. В четырех стенах Пхалгуни выглядит раздраженным и подавленным».

Я поняла: все это было задумано для того, чтобы развеять мою печаль. Я не против. Мне хотелось побыть на лоне природы, подышать свежим воздухом и полюбоваться зеленью, чтобы хоть на время забыть о самой себе.

Были подготовлены колесницы для пятерых Пандавов, *сакхи* и для меня. Некоторые служанки тоже сопровождали меня в этом путешествии на берега Шатадру.

Возможно, сама весна вышла нам навстречу. Глядясь в воды Шатадру, как в зеркало, эта пора года нашла свое убранство завершенным. В лесу было трудно дышать от тяжелого аромата *ашоки*, *чампы*, жимолости и многочисленных безымянных цветов. Лесные тропы были устланы коврами цветов *бакула*. Душистый ветерок манил нас все дальше, возвещая: сюда пожаловал Кришна! И озаренный солнцем лес готовился предложить Ему только что расцветшие голубые лотосы на сверкающем блюде серебристых вод. Манговые рощи встретили нас шатрами цветущих ветвей, под сенью которых мы и остановились.

Среди неопишуемых лесных красот я совсем забылась и уже не помнила, что я – царевна Драупади, великая царица Индрапрастхи Кришна, супруга пятерых Пандавов Панчали.

Все мое горе, тревогу, печаль и сожаления унесла прочь девственная красота природы. Зачарованная, я растворилась в ее любви.

Юдхиштхира и несколько человек из его свиты отправились навестить обитателей этого леса, раскинувшегося на берегах чистой Шатадру. Бхима углубился в джунгли на поиски спелых фруктов для завтрака. Накула решил проехаться по лесу верхом. Сахадева уединился на речном берегу, чтобы рассчитать благоприятное время для отбытия *сакхи* Кришны в Двараку. Теперь, когда Юдхиштхира утвердился в Индрапрастхе, Кришна должен вернуться домой. Кунти хотела, чтобы Он сделал это в благоприятный день и час, поэтому Сахадева погрузился в вычисления. Два друга, Кришна и Арджуна, остались в манговой роще. Мои спутницы, как непоседливые девчушки-подростки, убежали собирать букеты, порхая в цветущих зарослях не хуже пчел и бабочек.

Подавая *сакхе* лист бетеля, я сказала:

– Почему бы Тебе не задержаться в Индрапрастхе еще на несколько дней? Но нет, ведь в Двараке Тебя ждут восемь царик...

Пхалгуни прыснул смехом:

– Почему только восемь? Тысячи жен во внутренних дворцовых покоях Двараки мучаются от разлуки с *сакхой*. Вот уже много дней минуло с тех пор, как мы забрали Его в Индрапрастху. Кому не покажется пренебрежительным такое отношение? Как знать, не проклянут ли они нас, задержишься Он здесь подольше...

Глядя на меня, *сакха* тоже рассмеялся:

– Уж не думаешь ли ты, слушая его речи, что Я первый волокита Арьяварты? Конечно, в словах *сакхи* есть доля правды: во внутренних покоях Двараки, помимо восьми царик, Меня ждут многие другие жены. Но, поверь, у Меня не было другого выбора, кроме как жениться на всех этих царевнах. Наракасура похитил тысячи девушек и бросил их в темницу. Его самоуверенность и деспотичность перешла все

пределы. Чтобы принести мир его подданным, Я убил его. Освободив этих неудачливых царевен, Я доложил о происшедшем их родителям. Но их отцы, без конца сокрушаясь о несчастной судьбе своих дочерей, ни одну из них не пустили на порог. Вместо этого они отправили послания: «Единственный выход – самоубийство. После столь длительного заточения у Наракасуры не то что царевич – даже простолюдин не возьмет их в жены. А вернувшись домой, они запятнают наше доброе имя. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к выводу, что им не остается ничего иного, кроме как наложить на себя руки».

– Какая несправедливость! – вырвалось у меня.

Сакха понимающе заметил:

– Такой же несправедливостью было подвергать Деви Ваидехи испытанию огнем. В конце концов она нашла прибежище в лоне матери-Земли.

– А что было дальше? – спросил Арджуна. Он получал истинное наслаждение, слушая о доблести и благородстве Кришны.

Сакха продолжал:

– Царевны тоже заключили, что им не остается ничего иного, кроме как покончить с собой, и обратились ко Мне за прибежищем. Голоса их были печальны: «О Кришна, приводящий в восторг *гопи*! Убив Наракасуру, Ты избавил нас от величайшей опасности. Похоже, на земле он был нашим единственным прибежищем: теперь, после его смерти, нам некуда податься. Что же нам делать?» Тогда Я созвал царевичей со всего света и попросил их жениться на этих царевнах. Но хотя бы один из них пошел навстречу! Никто не согласился. Все эти женщины были уже осквернены тем, что жили с другим мужчиной, поэтому никто не откликнулся на Мою просьбу. Подавленные, царевны сказали Мне: «О Кришна, Ты даровал нам жизнь. Ты – наш спаситель. Отказавшись от нас, Ты станешь повинен в нашем самоубийстве». Я заверил их, что они могут найти

прибежище в Моем царстве, поскольку там нет недостатка ни в пище, ни в одежде. Там они могли бы наслаждаться всеми радостями жизни.

Я перебила:

– *Сакха*, неужели благополучие человека сводится только к питанию, смене одежды и крыше над головой? Чтобы жить, нужно положение в обществе, честь, взаимопонимание, поддержка. В тюрьме Наракасуры тоже было просторно, там было вдоволь одежды и пищи. Там, в заточении, люди тоже относились к ним с уважением и сочувствием. Так можно ли было восстановить их положение в обществе, просто обеспечив пищей и одеждой? Как же Тебе удалось восстановить справедливость?

Упрек мой только рассмешил *сакху*:

– Последняя сцена той пьесы была самой романтической. Царевны задали Мне тот же самый вопрос, что и ты. Припав к Моим стопам, они взмолились: «О Кришна! Прими нас и спаси от бесчестья». Тогда Я понял, что Мой долг – взять их в жены. Тем самым Я хотел показать мужчинам этого мира, что у женщины есть не только тело, но и душа. Заключение в теле, душа, однако, не становится невольницей. Даже когда тело попадает в зловонный ад, грех не затрагивает душу. Вот почему, хотя тело навязывает склонность к чувственным наслаждениям, душа не падает. Если душа ищет спасения и идет дорогой света, она незапятнанна, свободна и чиста. Отдавая дань уважения чистым душам этих царевен, Я взял их в жены. Родство душ отодвигает телесные связи на второй план. Поэтому, даже если Я останусь в Индрапрастхе, Мои жены не проклянут вас. Я женился на них не из похоти, не затем, чтобы наслаждаться их телами. Нас связывает духовная любовь. Те же, кто не понимают природу Моей любви, называют Меня сластолюбцем.

Давным-давно душа моя нашла совершенного возлюбленного, Кришну. Теперь я втайне жалела: почему я не оказалась в числе тысяч дев, похищенных Наракасурой?

Настроение же Пхалгуни в корне отличалась от моего; сам того не желая, он высмеял мои чувства:

– *Сакха*, Тебе известно все, что творится в мире. Не мог бы Ты милостиво сказать нам, не осталось ли каких-нибудь других демонов, похитивших *лакхи* царевен? Одно Твое слово, и я убью возмутителей спокойствия и приму прекрасные души этих милашек в свои внутренние покои. Тогда и разлука с Кришной не покажется мне мучительной.

Сакха оценил шутку по достоинству. Но меня слова Арджуны косвенным образом уязвляли. Безмятежно глядя на Арджуну, *сакха* сказал:

– На своем жизненном пути герой встречает многих красавиц, и твоя жизнь не будет исключением. Но Я верю, что даже если в твоих внутренних покоях найдется место для тысячи прекрасных царевен, ты будешь все так же стогать от разлуки с Кришной. На протяжении целой жизни никто не займет ее место в твоём сердце.

Арджуна спросил:

– И каков же выход?

Сакха оставался невозмутимым:

– Попытайся наладить связь с душой Кришны. Поверь Мне, *сакха*, тогда не будет и речи о разлуке! Союз Рамачандры и Ваидехи был духовным. Вот почему разлука не сломила дух Рамы. А иначе Айодхья не была бы Рамараджьей. Даже в отсутствие Джанаки Он не забросил службу, ни разу не пренебрег Своими царскими обязанностями. Поэтому вся Арьяварта чтит Его как человека слова.

Одному Богу известно, прислушался ли Арджуна к совету *сакхи*, но шутить он не перестал:

– Ну, тогда я отправляюсь с Тобой в Двараку. Там-то я и научусь духовной любви. Будешь моим учителем. По возвращении моя жизнь с Кришной преобразится до неузнаваемости. Думаю, она не станет возражать. Кришна тоже...

Кришна весело перебил:

– *Сакха*, духовная любовь сокрыта от глаз. Ее можно разглядеть только глазами души. Постичь премудрости этой любви можно лишь на собственном опыте, став чутким. Поэтому, чтобы достичь согласия в браке, тебе нет нужды отправляться в Двараку. Не думай, что утвердив Индрапрастху столицей царства, ты тем самым исполнил все свои обязанности. Это только начало...

Казалось, Арджуна был раздосадован. С самого детства Пандавы сражались с неудачами и боролись с несправедливостью. На каждом шагу их имущество и честь были под угрозой. Потеряв отца, пятеро братьев росли под крылом материнской жертвенности, преданности и принципиальности. Теперь краеугольным камнем их спокойствия стала Индрапрастха. А Кришна пророчил, что битва только началась! Неужели Он издали расслышал шаги еще больших распрей и величайшей битвы в жизни Пандавов?

Наивно, по-детски, Арджуна спросил:

– *Сакха*, Юдхиштхира должен стать царем целого Хастинапура. Во избежание распрей и кровопролития мы должны довольствоваться лишь половиной царства. С Твоей помощью мы превратили бесплодные, непроходимые джунгли Кхандавапрастхи в настоящий рай – и все же это не последнее сражение в нашей жизни! Неужели Тебя это не волнует?

Кришна переменялся в лице. Он помрачнел. Вид Его был грозен, и в то же время Он светился мудростью и нечеловеческой силой. Над Его головой явственно проступил лучезарный нимб. Зачарованные, Пхалгуни и я словно растворились в Его сиянии.

Кришна сказал:

– В тот день, когда под предлогом миротворчества слепой царь Дхритараштра разделил царство надвое, учредив две столицы, Хастинапур и Индрапрастху, были посеяны семена раздора. Дхритараштра и не предполагал, что даже на бесплодной почве преданность, усердие и сосредоточение

силой праведных мыслей и благочестивых деяний могут вырастить прекрасные сады. Великодушно подарив бесплодный Варанават своим племянникам, он был доволен. Но когда цветущая Индрапрастха стала предметом зависти Кауравов, они возненавидели все это царство. С тех пор над обеими столицами витает дух мятежа и неудовлетворенности. Так могут ли Пандавы жить счастливо?

Потрясенный и уязвленный объяснениями Кришны, Пхалгуни жалобно промолвил:

– *Сакха*, Ты провидец. Ты знал, что это случится. Так почему же Ты принял предложение Дхиратараштры?

Шри Кришна искоса посмотрел на Пхалгуни. На устах Его заиграла загадочная улыбка, еще более украсив Его и без того сияющий лик:

– Иногда приходится принимать решения вопреки всеведению. Ради благородного человека можно пожертвовать простолудином, и такая жертва будет оправдана. Часть Арьяварты стала первым возлиянием во имя благородной цели. Если царству несправедливости придет конец, утвердится *дхарма*, – но поймет это не каждый. Ради восстановления справедливости и *дхармы* какое-то время править Хастинапуром должны Кауравы. Пусть народ убедится на собственном опыте и затем сравнит жизнь и культурные достижения Хастинапура и Индрапрастхи. Лишь тогда общественное мнение склонится в сторону *дхармы*. *Дхарма* говорит сама за себя. Чтобы по достоинству оценить ее, нужен лишь жизненный опыт и наблюдательность. Вот почему Я принял предложение Дхритараштры.

Мы с Пхалгуни, ошеломленные, внимали речам *сакхи* Кришны. Перед нами разворачивался Его грандиозный стратегический план – как утвердить *дхарму*. Пхалгуни глубокомысленно заметил:

– *Сакха*, Хастинапур – процветающая и развитая область. Индрапрастха станет равной ему. Благодаря разделению царства пустырь быстро превращается в развитый и цветущий край. Почему бы не учредить две, а то и

четыре столицы? Тогда бы различные области царства развивались в равной степени. В конце концов, Ты ведь утверждаешь *дхарму* ради счастья и процветания всей страны. Это самое главное.

Кришна рассмеялся:

– *Сакха*, каждая отдельная часть твоего тела должна быть здорова, сильна и готова к бою. С помощью одного или двух членов выдающимся лучником не станешь. Без целостного подхода ко всему телу – мыслям, сознанию, зрению, слуху, рукам, пальцам, ладоням – даже стрелу выпустить невозможно. Если восприятие и деятельность чувств и органов не согласованы, даже цветок с дерева не сорвешь. Точно так же, вопреки тому, что все области царства будут развиты, без единства и гармонии будущее страны не назовешь светлым. Каждая область царства должна быть развитой, но если оно разорвано на части, солнце его независимости зайдет. Когда имеют место гражданские войны, внешние враги получают прекрасную возможность вторгнуться в государство. Если государство разорвано на части, поражение предрешено. Без Арджуны и Бхимы доблесть Пандавов станет предметом насмешек, точно так же как без Юдхистхиры или Сахадевы страна будет лишена мудрого правления и знания о том, что хорошо и что плохо. Это очевидно. Мой первейший долг – утвердить *дхарму* и единство Арьяварты. Вы, Пандавы, поможете Мне исполнить Мою миссию, а посему в твоей жизни нет места унынию и праздности.

Цель *сакхи* была самой высокой. Но для ее достижения Пандавам всю свою жизнь предстоит сражаться с несправедливостью, *адхармой* и ложью. Кто знает, за кем будет победа? Внезапно мрачные предчувствия охватили меня. Зачем нам Хастинапур? Счастье, радость, процветание – всего этого довольно и в Индрапрастхе. Горожане Хастинапура добровольно покинули свои родовые гнезда и переехали в Индрапрастху, привлеченные справедливым и мудрым правлением Пандавов. Пусть Хастинапур остается

Кауравам. Что мы получим, сражаясь друг с другом и самих себя лишая покоя? Неужели *сакха* не сознает, что толкает Пандавов к конфликту?

Ма Кунти говорила, что *сакха* Кришна знает тайны сердца. Я не сомневаюсь в словах матушки. И правда, Кришна прочитал мои мысли:

– *Сакхи!* Ты, вроде бы, образованна, но порой становишься самолюбивой, как обычная женщина, поэтому идея участия Пандавов в осуществлении Моего замысла тебе не по душе. Но подумай только: каждое мгновение рождаются и умирают *лакхи* мужчин и женщин, птиц и зверей, насекомых и червей. Перед лицом смерти все равны, но смысл жизни у каждого свой. Кто-то рождается жить для себя, кто-то рождается, чтобы терпеть лишения, бесчестье и нужду. Живущие ради самих себя накликают на себя смерть; те же, кто живут ради блага всего мира, даже умирая, не попадают в ее лапы. Таковы два типа обитателей этого мира. Пойми же, что Кауравы и Пандавы принадлежат к разным лагерям. Ты – источник вдохновения Пандавов. Ты же Ягьясени, что же ты колеблешься в преддверии перемен, распрей и жертвоприношения?

Я покраснела. С *сакхой* Кришной и правда нелегко. Как Ему удастся читать все мысли? Кому дано понять, каково это – ошибаться перед Его лицом?

Пхалгуни терялся в догадках. Понутив голову, я наказала самой себе: «Опомнись! Откуда в тебе столько себялюбия? Обычный человек принадлежит жене, родителям, семье. Но герой принадлежит стране, народу, обществу и миру. Все пятеро твоих мужей – герои. Как смеешь ты сковывать их заботами лишь о своем собственном счастье?»

Внезапно послышался едва уловимый свист, и подобные лепесткам лотоса пальцы *сакхи* обагрились кровью. Обеспокоившись, я наклонилась к Нему. Пхалгуни вскочил с места:

– Что случилось? Как Ты умудрился порезаться?

Кришна улыбнулся:

– Поранился Сударшана-чакрой. Порой он напоминает Мне о том, что, не пролив крови Самому, Мне не спасти мир от кровопролития. Видите ли, одно невинное дитя чуть не погибло сейчас. Тут подросел Сударшана и сделал свое дело. Убив свирепого тигра, он вернулся ко Мне и ненароком задел Мой палец. Хлынула кровь. Как бы там ни было, ребенок спасен.

Как же мы мелочны по сравнению с благородным Кришной! Мне подумалось: «Сердце *сакхи* волнуют заботы об угнетенных, падших, о жертвах несправедливости. Он погружен в сладостные беседы с нами, хотя способен видеть опасность, в которую попал мальчик так далеко отсюда! А мы ничего не видим!»

На пальце Кришны зияла кровоточащая рана. Пхалгуни забеспокоился:

– Кришна! Плотно прижми палец *сакхи*, чтобы остановить кровь, а я сбегаю за лекарством.

И он скрылся в зарослях лиан. Я крепко сжала палец *сакхи*. Прикрыв глаза, Кришна ласково сказал:

– Кришна, если бы Я знал, что прикосновение любящего человека может быть таким сладостным и прохладным, Я бы ежедневно проверял остроту Сударшаны, позволяя ему резать Мне палец!

Шутка не показалась мне веселой. Кровотечение не останавливалось – скорее наоборот. Не придумав ничего лучшего, я оторвала кайму от *анчала* своего сари и перевязала палец. Услышав мои всхлипывания, невесть откуда прибежала Майя:

– Махарани, что ты делаешь? Рвешь такое дорогое сари! Пхалгуни вот-вот вернется. Кровотечение можно останавливать только после того, как рана обеззаражена.

Ее слова разозлили меня:

– Ша, Майя! Как же ты любишь Кришну: стоит кому бы то ни было побеспокоить Его, как ты за Него горой! Ты была Его дорогой служанкой, а теперь, став моей спутницей, так привязалась к ничтожному сари! В сравнении с одной каплей

человеческой крови все драгоценности мира ничего не значат. А это – кровь не какого-нибудь заурядного человека. Это кровь Шри Кришны, благороднейшего из людей. Я порвала сари – по столь ничтожному поводу ты позволяешь себе такие речи! К чему все это?

Майя зло ухмыльнулась:

– Махарани, так же как кровь Шри Кришны – это не кровь обычного человека, так и Ваше сари – не обычное сари. Конечно, для царицы Индрапрастхи сари – ничего не стоящая тряпица. Но это сари – символ Вашего счастья, безопасности и чести. В день открытия дворца собраний Индрапрастхи пятеро мужей преподнесли его Вам. В этом сари Вы сидели перед огнем рядом с Махараджей Юдхистхирой и были коронованы. Это сари надлежит хранить в сокровищнице. Сари, которые носят во время благоприятных церемоний, нельзя рвать или сжигать. Их даже дарить никому нельзя. И вот, не приняв все это во внимание, Вы собственноручно разорвали его и, перевязав им палец Кришны, все равно что подарили свое сари Ему. Надеюсь, это не станет дурным предзнаменованием...

Слова Майи пробудили во мне дурные предчувствия, столь естественные для любой женщины. Но я тут же овладела собой и улыбнулась:

– Майя, с самого детства и по сей день Он на каждом шагу помогал, защищал, даровал счастье, процветание и благополучие моим мужьям – да ради этого я бы пожертвовала чем угодно, и, поверь мне, это принесло бы только благо! Не бойся за меня. Я не верю, что пока Он здесь, мне грозит опасность. А если что-нибудь плохое и случится, Он же и позаботится о нас. Не бери дурного в голову.

Майя рассмеялась:

– Похоже, никто, кроме жены друга, не способен на такую жертвенность! Ради капли крови даже Рукмини и Сатьябхама не стали бы рвать сари, которые они носят во время священных торжеств. Связанный любовью жены

Своего друга, Шри Кришна позабыл и Двараку, и Своих собственных жен.

Какая злая шутка! Я почувствовала себя посмешищем. Заботясь о нежной руке Кришны, я вся трепетала. О, какая же удача выпала мне в тот день! Совсем забывшись, я даже не заметила, как подоспел Пхалгуни с лекарствами. Мне выпала благословенная возможность оказать незначительное служение лучшему из людей, Кришне. Прикоснувшись к Его руке в знак сердечной благодарности, я позабыла обо всем. Пхалгуни смеялся:

– *Сакха*, не Твой ли долг – любить и жаловать эту несчастную? Может, Тебе стоит наполнить *анчал* Кришны благими пожеланиями?

Кришна тоже рассмеялся в ответ:

– Прости, *сакха*! Ты без нужды причиняешь Мне боль. Нежное прикосновение *сакхи* не только остановило кровотечение, но даже рана затянулась без следа. Я не в силах снять эту повязку. Она источает сладостное благоухание любви *сакхи*. Тебе ли не знать, что чистая любовь, сердечная привязанность – это нектар бессмертия? Долой лекарства!

Снадобья выпали из рук Пхалгуни прямо на землю. Ветер играл моим рваным *анчалом*. Кришна, улыбаясь и прижав перевязанную руку к груди, с любовью смотрел на Пхалгуни и шептал:

– *Сакха*! Зачем нужны цветы? Ты знаешь, что Я большой любитель приятных запахов. В каком бы уголке мира Мне ни поднесли душистый цветок, Я охотно принимаю его. Благоухание – это чистота. Аромат воспоминаний остается жить в глубинах подсознания, и память об этом дне будет наполнять ароматом всю Мою жизнь, погружая Меня в безграничное блаженство. Придет время, и Я верну Кришне долг. Не ревнуй и не относись к Моим воспоминаниям предвзято.

Г л а в а 18

Когда рядом нет *сакхи*, мне одиноко. Впрочем, не только мне – Арджуна чувствует то же самое. Кришна вернулся в Двараку. Жизнь в Индрапрастхе потекла своим чередом, но отъезд Кришны опечалил нас.

Торжество по случаю завершения года супружеской жизни с Юдхиштхирой должно было состояться через неделю. Бхима выводил меня из терпения своей назойливостью и иногда прямо-таки ставил меня в трудное положение. Арджуна делил свое время между упражнениями в военном искусстве и изучением писаний. Близился заветный день нашего с ним единения: лишь год и неделя отделяли меня от того, чтобы начать супружескую жизнь с завоевавшим меня героем. Ранее я дала ему понять, что в семейной жизни есть свои законы, как, например, это «годовое право». Но я была уверена, что в один прекрасный день мы сблизимся, и не будет между нами больше никаких обид, недоразумений и гнева. Он был способен пленить мою душу, а я – раствориться в нем. Как долго тянутся минуты ожидания! Я совсем забылась в мечтах. У каждого из пятерых моих мужей, кроме Арджуны, помимо меня есть и другие жены. Следовательно, вся его любовь безраздельно принадлежала мне. Не это ли – самое сокровенное желание любой женщины? Поэтому неудивительно, что мое влечение к Арджуне было таким сильным. Но пока я считала дни до единения с Арджуной, он собственноручно разбил все мои мечты.

В тот день меня позвал Юдхиштхира. Закончив растирать стопы матушке, я направилась к нему. Он отдыхал. Оставалась всего неделя до завершения года нашей супружеской жизни, поэтому Юдхиштхира не позволял мне отлучаться ни на минуту. Он сказал:

– Кришна, ты – источник моего вдохновения. Пока ты со мной, я – господин *дхармы*, но боюсь, что если тебя не

будет рядом, я сойду с пути истинного. Для меня ценно не твое тело, а твоя преданность *дхарме* и ясный ум. Я хочу, чтобы ты оставалась моей, только моей...

Юдхиштхира был впечатлен собственной речью:

– Теперь же, когда близится время нашего с тобою расставания, – только посмотри, как непристойные мысли проносятся в моем уме! Поистине, мы, пятеро братьев, живем одним умом, одной жизнью. Ты – Ягьясени. Согласие и установление *дхармы* – цели, ради которых ты была рождена. Так можешь ли ты принадлежать одному мне?

Юдхиштхира покоился на ложе в опочивальне. Поместив его стопы к себе на колени, я нежно растирала их. Я глубоко ценила счастливую возможность служить ему.

Внезапно в комнату ветром влетел Пхалгуни. Он выглядел весьма удрученным. Опустив голову, не поднимая глаз ни на меня, ни на Юдхиштхиру, он выступил вперед, взял оружие, лежавшее в углу комнаты, и выскочил за дверь.

Я смутилась. Все произошло в мгновение ока – я даже не успела привести в порядок свою одежду.

Юдхиштхира безучастно вымолвил:

– Похоже, без оружия не обойтись. Конечно, с оружием в руках Пхалгуни найдет выход из любой ситуации.

Не только Пхалгуни – все пятеро Пандавов отличались жертвенностью. Роскошь, наряды, счастье, богатство – все это было для них несущественно. Даже будучи правителями, они терпели лишения и беды, притеснения и бесславие. Именно этим они завоевывали сердца. Что бы ни случилось, Пхалгуни избавит подданных от нависшей опасности. Ради этого он готов в огонь и воду – таков Пхалгуни!

Растирая стопы Юдхиштхире, я славил Пхалгуни и изливала свое к нему почтение. Вдруг появилась Майя:

– Пхалгуни ждет снаружи. Он хочет поговорить с Юдхиштхирой.

Юдхиштхира вышел. За ним – я. Пелена спала с моих глаз, а по коже побежали мурашки: перед нами стоял

Пхалгуни в одеянии *брахмачари*. Вкруг него собрались остальные Пандавы и матушка Кунти.

Юдхиштхира удивился:

– Что все это значит? Почему Арджуна так одет?

Со сложенными ладонями Арджуна ответил:

– Брат, позволь мне уйти! Я сознательно нарушил правило. Любой из Пандавов, нарушивший уединение Кришны с другим мужем, должен отправиться в изгнание в лес и жить монахом в течение двенадцати лет. Так было решено в присутствии Махариши Нарады. Во имя закона и порядка мы приняли это соглашение. Сегодня, нарушив правило, я отправляюсь в лес на двенадцать лет. С легким сердцем скажи мне «до свидания».

Юдхиштхира был уязвлен, я – оглушена. Никто и представить себе не мог, что правило, призванное сохранить мир и супружеское счастье, в конечном счете сделает мою жизнь горькой и лишит покоя. И правило это нарушил Пхалгуни! Теперь он отправляется в изгнание! Мое сердце было разбито, положение казалось безвыходным.

Голос Юдхишхиры был полон печали:

– Арджуна, ты ни в чем не виноват. Ни я, ни другие не сомневаются в том, что ты ворвался в опочивальню по уважительной причине. Более того, нет ничего крамольного в том, что младший брат входит в комнату, где с женой беседует старший. Так что твое решение неуместно.

– Пхалгуни был вынужден вернуть брахману корову, которую увел какой-то вор! – сказал Бхима, подсмеиваясь над простодушием Арджуны.

Мне подумалось: что на самом деле заставило Арджуну поступить так? Если брахман попросил об этом его, он мог передать просьбу Бхиме. Ловить вора и возвращать корову – куда как тяжело для Бхимы! Неужели в целом царстве невозможно было найти оружия нигде, кроме покоев Юдхиштхиры? И даже если ему нужно было именно это оружие, он мог бы предупредить о своем появлении. Майя

ожидала за дверью. Он мог спросить разрешения через нее. Почему он не сделал этого?

Поразмыслив, я пришла к твердому заключению, что Пхалгуни нарочно мстит мне. Через год должно было наступить время нашего единения. А теперь... Он добровольно уходит в двенадцатилетнее изгнание. Юдхистхира пытался остановить его, но тот не желал ничего слышать; казалось, слова старшего брата даже злят его:

– Ты сам сказал, что нарушающий правила – оскорбитель. Ты поощряешь мой проступок?

Юдхистхира сохранял спокойствие:

– В конце концов, ты вошел в мою комнату, чтобы помочь брахману. Нарушить правила во имя того, чтобы принести благо другим – не оскорбление.

Пхалгуни опроверг и это:

– Допускать ошибки ради правды, идти по пути греха, чтобы стяжать добродетель и нарушать правила ради блага других – все это в каком-то смысле грехи. Я не желаю навлечь на себя грех. Прости, я должен уйти.

Пхалгуни переделся брахманом-отшельником. Его, верного слову, люди славил и осыпали цветами. Рамачандра удалился в лес во исполнение отчей клятвы, но с Ним были жена и младший брат. Теперь же, нарушив обет, в лес отправляется Пхалгуни. Один! Отправляясь в изгнание, он проявит благородство и стяжает славу. Я тоже могу последовать за ним, как Сита, и облегчить его страдания и горе. Наедине с Пхалгуни посреди естественной красоты природы я забуду тяготы жизни. Почему бы мне не уйти в лес вместе с ним? Тем самым я разделю его славу и стану счастлива. Неужели мне трудно последовать за супругом, как *сати* Сита? Я тоже стану *санньясини*; отказавшись от восьми видов украшений, я облачусь в белое, перестану покрывать голову и вплету в распущенные волосы цветы. Со мною будет Пхалгуни. Мне удастся убедить его взять меня с собой. Как может он уйти один? Рамачандра взял с Собою Ситу. Я повторю ее доводы, которые помогли ей убедить Раму.

Майя была поражена, видя меня в таких одеяниях:

– Махарани, оставайся в таком виде во дворце Индрапрастхи!

Я рассмеялась:

– Майя, в таком облачении подобает жить в крытой листьями лачуге, а не в царском дворце. Я решила уйти в лес с Пхалгуни. Ты со мной?

Майя отшутилась:

– Махарани, сколько же лесных отшельников забросят свои аскезы, увидев тебя в таком наряде! И в первую очередь сам Пхалгуни нарушит свой двенадцатилетний обет воздержания. Ты этого хочешь?

В самом укромном уголке сердца я желала, чтобы слова Майи сбылись и Пхалгуни нарушил свой двенадцатилетний обет. Пусть бы вместо всех этих дней, которые ему придется провести, страдая в разлуке со мной, он стал бы счастлив, а моя жизнь тоже стала благословенной. Почему безгрешный герой вынужден так мучиться?

Тут появился Пхалгуни. Он остановился перед моими дверьми:

– Прощай, Кришна! До встречи через двенадцать лет. Если вдруг окажешься в опасности, зови на помощь *сакху*. Твердая вера в Него защитит тебя от любых опасностей.

Я вышла к нему и твердо сказала:

– Я уйду в лес с тобой. Я уже решила.

Пхалгуни мечтательно посмотрел на меня, но уже в следующее мгновение овладел собою:

– Мы уже наслушались твоих решений, Кришна! К чему все это?

Я поняла намек Пхалгуни. Обиженная, я стояла на своем:

– *Дхарма* жены – следовать за мужем. *Сати* Сита последовала в лес за Господом Шри Рамой. Поэтому очевидно, что я тоже должна отправиться в лес вместе с тобой.

Сквозь смех Пхалгуни сказал:

– *Сати* Сита и ты!.. А что еще ей оставалось делать – ведь у нее был один-единственный муж! А у тебя их целых пятеро!

Слова Арджуны пронзили меня стрелой. Рыдания рвались наружу. Но нет, рыдания свидетельствуют о малодушии. Почему я должна плакать? Было ли пятикратное замужество следствием моей слабости? Я твердо произнесла:

– Я вышла замуж за пятерых не по собственной прихоти, так что незачем поднимать этот вопрос. Ты – мой муж. Если ты – царь, я, стало быть, царица. Если ты – отшельник, я – отшельница. Другого не дано.

Пхалгуни выглядел серьезным:

– Видишь ли, Кришна... Во-первых, хотя ты и моя жена, сейчас ты – супруга Юдхистхиры, его помощница в *дхарме*. Так уж сложилась наша семейная жизнь. С этим вынуждены мириться мы все. Сегодня я нарушил правило и тем самым оскорбил тебя. Во искупление вины я должен принять обет воздержания и провести двенадцать лет в лесу. Если та, против кого я согрешил, будет сопровождать меня, смогу ли я искупить свой грех? Нет, на самом деле это лишь усугубит мою вину. Неужели ты хочешь, чтобы я всю оставшуюся жизнь терзался угрызениями совести перед тобой и старшим братом, а после смерти попал в ад? Неужели ты хочешь этого?

Что могла я ответить? Стрела, выпущенная мною, ко мне же и вернулась. Правила супружеской жизни, установленные мною ради нашего же счастья, принесли мне горе!

Майя сочувствовала моей беспомощности. Она легонько толкнула меня в бок:

– Махарани простила Вас. Иначе зачем было бы ей выражать готовность делить с Вами лесные лишения? Поэтому, взяв ее с собой, Вы не нарушите правил своего покаяния. Если муж принимает *санньясу*, жена становится *санньясини* – писания это допускают. В чем сложность?

Пхалгуни рассмеялся:

– Даже если я стану отшельником, что мешает Кришне оставаться царицей Индрапрастхи и украшать собою внутренние покои дворца? Все справедливо. Юдхистхира – царь, а три других мужа Кришны – братья царя Индрапрастхи. Зачем Кришне становиться *санньясини* при четырех царствующих супругах, если какой-то из ее мужей подался в отшельники? Благополучие большинства важнее счастья одного человека. Кришне повезло – несмотря на то, что я стал отшельником, она осталась царицей. Выйди Кришна замуж за меня одного – и ей не бывать Махарани. Нет, ей пришлось бы то и дело мучиться, разделяя мою нелегкую долю...

Майя спросила:

– Зачем Вы нарочно обижаете ее?

– Если мои слова причиняют Кришне боль, прошу меня простить.

Оглушенная, я смотрела на Пхалгуни. Все его слова были тщательно продуманы заранее:

– Кришна не может оставить четырех мужей, чтобы последовать за мной, – она же не только моя, она наша общая. Кто я такой, чтобы забирать ее с собою? Но решимость, с которой Кришна хочет разделить со мной мою скорбь, обнадеживает. Мысли об этом помогут мне вынести все тяготы лесной жизни.

Эти сокровенные, нежные речи Пхалгуни были подобны муссонному ветру, который, прикасаясь к тучам, вызывает проливные дожди. Пхалгуни заметил мои слезы:

– С четырьмя мужьями тебе нечего бояться. В опасности придет на помощь Бхима. Юдхистхира укажет выход из самой сложной жизненной ситуации. С Накулой и Сахадевой скучать не придется. А главное – с нами *сакха* Кришна. О чем тревожиться, когда у нас есть такой друг? Стоит только позвать Его – и Он рядом. Будь молодцом, Кришна! А теперь – позволь мне уйти.

Мне хотелось разрыдаться на груди Пхалгуни, излить всю боль моего сердца: «Пхалгуни! Как проживу я без тебя в Индрапрастхе долгих двенадцать лет?» Но я не подала виду – ведь Пхалгуни будет смеяться и снова станет попрекать меня пятикратным замужеством. Знал ли он, что посреди всей этой роскоши именно он, Пхалгуни, поглощал все мое внимание? Как убедить его в том, что не царский трон Индрапрастхи – трон сердца Пхалгуни был пределом моих мечтаний? Я молча глядела на Пхалгуни, и в голове моей проносилось множество разных мыслей. Не знаю, что думали и говорили об этом другие, но мне казалось, что Пхалгуни нарушил правило нарочно. Он хотел проучить меня и знал, что более сурового наказания для меня не существовало. Прощаясь, он сказал: «Позволь же мне уйти, Кришна! Увидимся через двенадцать лет, если буду жив. Кто знает, какие опасности подстерегают меня в джунглях...» От тревоги, горя и дурных предчувствий я побледнела. Мне хотелось припасть к стопам Пхалгуни и сказать: «Оставь меня и уходи. Лучше уж мне умереть прямо сейчас, вот здесь, у твоих стоп, чем чахнуть в тревоге долгие двенадцать лет». Заметив, что я резко побледнела, Пхалгуни втайне обрадовался. Он нарочно хотел меня опечалить. Теперь я поняла его замысел. Разбив его доводы, я помешала ему уехать в Двараку с Кришной. Мог ли он мне это простить? Я твердила себе: «Лучший из героев Арьяварты, Пхалгуни, говорит о неведомых опасностях, подстерегающих его в лесу! Впервые слышу! Уверена, что *сакхе* Шри Кришны и лучшему из воинов, Пхалгуни, не страшны никакие опасности. Нет в мире силы, способной сразить его. Да хранит тебя Шри Кришна! Какая бы опасность ни поджидала меня в эти двенадцать лет, я не позову Кришну, потому что в любую минуту Его помощь может понадобиться тебе. А вдруг станет так, что мы будем звать Его одновременно? Зачем ставить Его перед выбором: на чей зов откликнуться раньше? Поэтому я просто буду помнить о том, что Кришна с тобой».

Пхалгуни смягчился:

– Кришна, я благодарен тебе: ты исполнила свой долг. Я тоже исполнил свой долг перед тобой. Придет год, когда должен был бы настать мой черед стать твоим мужем, и я отправлю *сакхе* весточку с просьбой составить тебе компанию. Если рядом будет Он, мое отсутствие не покажется тебе таким тягостным. Дни потекут мирно и счастливо. Если *сакха* будет рядом с тобой во время моего изгнания, я буду спокоен.

Я молчала. Что мне оставалось делать? Я словно потеряла дар речи. Сколько всего осталось недосказанным!

Пхалгуни взял меня за руку:

– Ты образованна и мудра. Что могу посоветовать тебе я? И прислушаешься ли ты к моим словам? Следуя путем *дхармы*, старший брат стал очень суровым. Не впадай в заблуждения, не обижай его. Никогда не гневи Бхиму. Не пренебрегай Накулой и Сахадевой, а матушкой – и подавно. Неустанно исполняй свои обязанности по отношению к ней. Всю свою жизнь она ради нас терпела горе и боль, обиды и оскорбления. Поклоняйся ей как божеству своего сердца. Когда бы ни появился *сакха*, со всем тщанием оказывай Ему гостеприимство. Прошу тебя, ни о чем не беспокойся. С самого рождения царевич вынужден сражаться с гонителями, попадать в опасные ситуации, терпеть голод, бедность, желание и превратности судьбы. Видит Бог, я вернусь. А теперь позволь мне уйти.

Каждое слово Пхалгуни было желанным и воодушевляющим. Он не обошел вниманием никого. Но как же я? Неужели мудрая и образованная женщина не нуждается в заботе? Откуда ей ждать любви и симпатии? Она ведь не камень и не статуя...

Глаза мои наполнились слезами, дыхание перехватило:

– Признайся хотя бы мне одной: ты ведь нарочно выдумал этот предлог, чтобы войти в покои Юдхишхиры и затем удалиться в лес. Неужели во всей Индрапрастхе больше не нашлось оружия – не верю я в это! Лесные отшельники

правдивы. И если ты начинаешь свою отшельническую жизнь с обмана, это помешает твоему подвижничеству, так и знай!

Пхалгуни посмотрел на меня. В этом взгляде было смешано счастье, сострадание и тоска. Он слегка улыбнулся:

– Я хотел проучить тебя. Ты должна кое-что понять. В этом смысл моей двенадцатилетней ссылки.

Он не остановился даже перед тем, чтобы причинить мне боль! Пхалгуни находил счастье в том, что наказывал меня – этой мыслью я и жила, ожидая его возвращения целых двенадцать лет.

Г л а в а 19

Время идет. Оно бесконечно. Тело обречено страдать, порой невыносимо. Солнце встает и садится. Проходит день за днем. О, сколько же восходов и закатов отделяет меня от возвращения Пхалгуни?

Вот уже больше года он в изгнании. Год моего супружества с Бхимой завершается, и наступает черед вкусить сладость семейной жизни с Пхалгуни. Но он скитается по лесам, поэтому Бхима хочет, чтобы и этот год я провела с ним. Он рассуждает так: если пять человек по очереди несут ответственность за некую драгоценность, и так или иначе один из них выбывает, драгоценность остается у предыдущего хранителя. Следуя этой логике, я должна принадлежать Бхиме и в следующем году. Но я решила хранить целибат, оставаться *брахмачарини*, как и подобает жене в разлуке с мужем: она должна блюсти чистоту; не следует ей и украшать свое тело.

Узнав о моем решении, Бхима побагровел от ярости. Он ел больше, чем остальные, и точно так же хотел владеть мною дольше. Но я была тверда. Разгневанный Бхима ушел к моей сопернице Хидимбе. Что я могла поделать?

Целый год я оставалась *брахмачарини*. Я питалась фруктами и хранила целибат, погрузившись в скорбь: ведь

моему супругу предстоит провести в лесу целых двенадцать лет! Почему бы и мне не обойтись без украшений хотя бы год? Я жила в саду, в шалаше, вместе с Майей и Нитамбини. Каждое утро после омовения в Ямуне я проводила *пуджу* и совершала другие обряды. Затем я готовила для Матушки и Пандавов. Пренебрегать собственными обязанностями в пользу одних только ритуалов не слишком похвально. Целый день я постилась; перед заходом солнца снова омывалась в Ямуне и съедала что-нибудь из фруктов. Спала в шалаше, на соломе. Я молилась Богу: «Где бы ни был Пхалгуни, пусть он будет счастлив! Пусть все преграды отступают перед ним!»

Иногда весточку от Пхалгуни приносил божественный мудрец Нарада. Вместе с Пхалгуни в лесу жили некоторые брахманы и подвижники. Соорудив *ашрам* на берегу Ганги, Арджуна проводил время вместе с ними. Больше всего меня тревожило его суровое подвижничество, я чувствовала свою вину: ведь Арджуна пошел на такие трудности из-за любви ко мне... Иногда я думала: если бы какая-нибудь небесная нимфа, танцуя перед Арджуной, очаровала его, я бы не ревновала, а была бы только благодарна ей. А потом мне думалось, что быть такого не может: если он не нарушил свой обет ради меня, то какая другая женщина в мире заставит его сделать это? Если Арджуна не станет терпеть тяготы жизни в лесу, а заживет с удобствами, тогда, скучая по нему, я тоже не стану истязать себя. Но если он ведет себя именно таким образом, тогда я тоже должна пострадать ради его блага. Я не находила покоя...

Много дней спустя божественный мудрец Нарада снова появился с вестями от Пхалгуни. Увидев меня в хламиде подвижницы, он ухмыльнулся:

– Доченька Драупади, хватит жить в шалаше, можешь возвращаться в царские покои! К чему все это теперь?

Я встревожилась:

– О божественный мудрец, все ли хорошо у Пхалгуни?

– А как же иначе?

У меня отлегло от сердца. Расположившись близ моего шалаша, Нарада продолжал:

– Пхалгуни – настоящий герой: даже облаченный в рубище подвижника, он на каждом шагу одерживает победы. В каждом царстве он добывает самые разные ценные подарки и покидает его с честью.

Когда Пхалгуни вернется, эти трофеи украсят наш дом, подумалось мне. Что же это за дары?

Прочитав мои мысли, Нарада рассмеялся:

– Кришна, мужские желания не умирают. Даже если человек обставит свой дом предметами роскоши, собранными со всего света, его ум останется пустым. Чем больше имеешь, тем больше хочешь. Чем больше Пхалгуни будет иметь – твоих желаний, привязанности, иллюзии – тем больше горя и новых желаний это породит. Так что не думай о завоеваниях Пхалгуни – это может повергнуть тебя в уныние.

– В уныние?! – я побледнела.

Божественный мудрец ласково продолжал:

– Так оно и есть – ты необычная царевна! Во внутренних покоях отца и брата ты видела их многочисленных жен. Никто из твоих мужей, кроме Пхалгуни, тоже не ограничился одной супругой. В этом – слава царя. Так что если Пхалгуни, даже живя в лесу, являет свою доблесть и женится на прекрасных царевнах, ты должна гордиться этим. Даже если Пхалгуни обзаведется сотней жен, ты – первая, самая дорогая. Теперь у тебя будет возможность доказать свое превосходство над ними и сделаться Пхалгуни еще дороже.

Я молчала, не подавая виду, что творится на душе. Возможно, я и первая жена Пхалгуни, но мне не быть его первой женщиной, подарившей ему радость супружества, опыт блаженного единения и разлуки, любви и стыдливости. Кто же та удачливая царевна, из-за которой Пхалгуни преступил свой строгий обет целомудрия?

Божественный мудрец рассмеялся:

– Пхалгуни невероятно обаятелен. Через какое бы царство он ни проходил, царевны сами предлагали ему руку и сердце. Первой жертвой его чар стала Улупи, царевна *нагов*. Пхалгуни не был бы мужчиной, если бы отказался...

– Но ведь он удалился в лес, чтобы двенадцать лет хранить целомудрие! – выпалила я.

– Именно на это и сослался было Пхалгуни. Но Улупи тоже не глупа: согласно условиям обета, Пхалгуни не должен сближаться только с Драупади. Ничто не мешает ему взять другую жену. Более того, нелепо скитаться монахом, когда твоя супруга живет с другими мужьями. Перед этим веским доводом Пхалгуни не устоял, и Улупи стала его женой.

Мне тоже показались убедительными доводы Улупи. Против них нечего было возразить. Божественный мудрец Нарада перешел к рассказам о подвигах Арджуны. Я молча ловила каждое его слово.

В царстве *нагов* Арджуна провел несколько дней в супружеских уладах с Улупи, дочерью тамошнего царя Кауравьи. Затем, похоже, Арджуна почувствовал вину или приуныл. Чтобы вернуть себе утраченную чистоту и покой, Пхалгуни отправился в паломничество по всем святым *тиртам* Анги и Калинги. На всю Бхарату славится Калинга своими святыми местами. Множество мудрецов, йогов, отшельников пытаются разгадать тайну бытия в ее благородном, спокойном, чарующем природном окружении.

В Калинге Пхалгуни влюбился в царевну Арю, когда та возвращалась из храма Солнца после поклонения. Арджуна стоял в дверном проеме, сложив ладони своих красивых рук, и созерцал божество. Приняв его за *санньяси*, царевна с поклоном подала ему *прасад* и священную воду. Ежедневно, омывшись и завершив поклонение Солнцу, царевна раздавала *прасад* всем собравшимся. Но, даже получив *прасад*, санньяси остался стоять с протянутой рукой. Чистое, нежное лицо царевны отражалось в его немигающих глазах. Она ласково спросила:

– Чего желает *санньяси*?

– Я – аскет-чужеземец, и хотел бы некоторое время пожить в Калинге.

Услышав мелодичный голос Пхалгуни, царица была очарована. Голосом, похожим на звучание *вины*, она ответила:

– О подвижник, Калинга славится своим гостеприимством. Можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь.

– У меня есть просьба...

– Говори, *санньяси*!

– Могу ли я ежедневно получать *прасад* из рук царицы?

– О, для меня это будет большой честью.

– Какого мужа хотела бы царица?

– Неужели *санньяси* не знает, чего желает сердце девицы?

– Достойного мужа?

– *Санньяси* знают всё.

– Да, но какого типа? Как Карттикея, Махадева, высший возлюбленный Шри Кришна или как Дурьодхана?

– Того, кого желает любая царица Бхараты, – лучшего из мужей, Пхалгуни.

– Не изменит ли царица своего решения, если появится кто-то более достойный?

– Как такое возможно?

– Когда небожители, йоги и мудрецы довольны, возможно все.

Глаза царицы расширились:

– Но господин, лучше Пхалгуни может быть только Пхалгуни! Одной лишь Ягьясени выпало счастье получить его в мужа.

– Не беспокойся, царица. Ты станешь женой самого Пхалгуни. Мое слово – трижды истина.

Остановившись в царской гостинице, Пхалгуни не удалось долго скрывать от царя свои обширные познания и доблесть. На протяжении веков Калинга славилась отважными воинами. Мог ли царь этой страны не распознать

героя? Между тем культура, искусство, природные красоты, наследие и традиции, благородное гостеприимство и, конечно же, царевна Калинги Арья связали Пхалгуни узами любви. Когда открылось, кем на самом деле был гость, царь с великой пышностью выдал Арию за него замуж. По окончании медового месяца Пхалгуни ушел. Арья хотела было последовать за супругом, но Пхалгуни сказал: «Деви! Оставайся в Калинге – тогда у меня будет повод ежегодно появляться здесь. Теперь я породнился с Калингой. Если я заберу тебя с собой, то распрощаюсь с этой землей, подарившей мне долгожданное спокойствие. Когда горе, боль, тревога и тоска станут невыносимы, я вернусь к тебе, на благую землю Калинги». Улыбаясь, Арья простилась с мужем. Она не хотела препятствовать его обету. Пхалгуни пересек границы Калинги и, идя вдоль береговой линии, совершенно пьяный от красот тамошней природы, достиг царства Манипур. Потеряв голову от юной прелестной Читрангады, дочери манипурского царя Читраваханы, Арджуна выразил желание взять ее в жены. Но Читрангада была единственной наследницей Манипура. Кто займет трон после ее отца? Пхалгуни разрешил эту задачу. Он не возражал против того, чтобы царем Манипура стал сын Читрангады. Мирное соседство и дружба между царствами – вот к чему стремился Пхалгуни. Это совпадало с миссией Шри Кришны – установить *дхарму*. Если царем Манипура станет сын самого Пхалгуни, это весьма многообещающе. Пхалгуни и Читрангада сыграли свадьбу. В царстве Манипур Арджуна счастливо зажил со своей новой женой. Он собирался остаться там на три года.

Получив новости о Пхалгуни, я ожила. Но я не могла скрыть поселившуюся в душе моей ревность к Улупи, Арье и Читрангаде. Чтобы преподнести ему себя, я следовала *садхане* всю свою жизнь – и тем не менее все еще не осмеливалась назвать его своим. Ужели все эти женщины красивее, достойнее, преданнее, чем я?

Читая мои мысли, божественный мудрец Нарада обнадеживающе сказал:

– Доченька Кришна! Эти браки имели место по промыслу Божьему. Ты же знаешь, что после того, как царство поделили на Хастинапур и Индрапрастху, между Кауравами стала разгораться ненависть и вражда. Однажды вспыхнет настоящий пожар. Над царством нависла угроза ужасной войны. Браки Пхалгуни – это приготовления к великой битве.

Пораженная, я во все глаза смотрела на божественного мудреца. А Нарада, посмеиваясь, продолжал:

– Царства Калинга, Манипур и Нага – все это земли доблестных воителей. Могучие воины тех краев всегда готовы встать на защиту родины и отдать за нее свои жизни. Женившись, Пхалгуни заключил альянс с этими царствами. Иначе говоря, когда придет время сражаться, он пригласит их участвовать в войне. Теперь, когда бы ни вспыхнула война между Кауравами и Пандавами, последние могут быть уверены в поддержке со стороны этих царств. С политической точки зрения эти браки Пхалгуни весьма и весьма выгодны.

Я успокоилась. По политическим соображениям пусть женится хоть сто раз – я горевать не стану. Но если кто-нибудь вскружит ему голову и он сочтет ее красивее, образованнее или более любящей, чем я, то тем самым нанесет мне тяжелое оскорбление. Втайне я молилась: «Господи, ради блага страны пусть Пхалгуни женится хоть сто раз, только не дай ему влюбиться!»

Само имя Майя значит «волшебство», «привязанность», «обман». Все это вместе и называется жизнью. Иначе говоря, жизнь – это *майя*. Так говорила моя спутница. После визита божественного мудреца Нарады я приуныла. В безрассудстве своем я кипела ревностью, то и дело раздражаясь бранью. Мое каменное сердце не могло смириться с многоженством Пхалгуни, пусть и продиктованным политическими соображениями. Майя предпринимала бесчисленные попытки

отвлечь меня, нашептывая: «Махарани, ради кого эта брахмачарья? К чему столь суровое подвижничество и бессонные ночи томительного ожидания? Зачем лишать себя радости носить украшения? Ради бездушного Пхалгуни? За истекшее время он уже вкусил супружеского счастья, насладившись по меньшей мере тремя девственницами. Он забыл тебя. Неужели ко времени возвращения Пхалгуни он все еще будет тебе интересен? Ты красива, образованна, желанна. Жизнь дана для удовольствий, счастья и радости. В предвкушении счастья человек способен вытерпеть невыносимую боль. Но Пхалгуни отказался от такого счастья. Забудь его. С тобой четверо мужей, наслаждайся с ними! Ты, первая царица цветущей Индрапрастхи, понапрасну растрачиваешь дни своей юности. Помни, время не стоит на месте, ждать возвращения Пхалгуни придется более десяти лет! Жизнь драгоценна сама по себе, но поистине бесценно каждое мгновение юности! Наслаждайся жизнью, Махарани! Вернувшись, Пхалгуни должен видеть, что его замысел причинить тебе боль с треском провалился». Майя все уши мне прожужжала, пытаюсь донести до меня, в чем смысл жизни. Иногда ее хитрости сбивали меня с толку: а может и правда окунуться в омут ее советов, и пусть каждое мгновение этот мимолетной жизни будет в удовольствие?

В один из дней по настоянию Майи я решила насладиться красотами прибрежного леса – в надежде, что природа подарит покой измученному сердцу. Был сезон дождей, Ямуна вышла из берегов. Каким странным казалось ее течение! Оно будоражило реку, указывало ей новый маршрут и казалось землепроходцем, пролагающим путь к морю, где реке предстояло найти покой.

Беспокойства возникают в жизни каждого. Но цель – уравновешенность, покой и полнота. Где же место покою в моей жизни? Где удовлетворение? Тот, с кем мне так хотелось быть рядом – далеко, он затерялся, как цветы в речных стремнинах, как мгновения, которые ускользают так незаметно и безвозвратно...

Майя звонко смеялась за моей спиной. Казалось, смех ее состязается с бурлением речных вод: «Махарани, когда небо плачет, это совсем не отражается на уровне воды в море – невозмутимом и благородном. Его сердце такое широкое – поистине всеобъемлющее! Как реки находят покой, впадая в море, так и тебе следовало бы найти успокоение на груди Пхалгуни. Что он подумает, если ты со слезами на глазах станешь упрекать его? Какое дело морю до боли, с которой встречается река на своем к нему пути?»

Майя права, подумала я. Пхалгуни – герой, желанный сердцу каждой царевны. В чем его вина? Майя предложила поплавать, просто чтобы развеяться. Но кто купается во время наводнения?

Майя заверила:

– Чего бояться? Тут не глубоко. Течение тоже не слишком быстрое. А если уж и унесет тебя, то – прямиком к Пхалгуни! Я слыхала, что совсем недавно в пятерых *тиртхах* Пхалгуни спас пятерых *ансар*, томившихся в обликах крокодилов. Получив новость о том, что у Читрангады родился сын, которого нарекли Бабхруваханой, Арджуна вернулся в Манипур. Повидавшись с женой и сыном, он отправился в Прабхасу. Вернувшись оттуда, он, должно быть, отдыхает теперь где-нибудь на берегах Ямуны. Река доставит тебя к нему в *ашрам*. Подвижник Арджуна вытащит тебя из воды и принесет в свою хижину. Видя тебя в рубище, он скажет самому себе: «Вот достойная спутница моей аскетической жизни».

Майя вошла во вкус и хотела сказать что-то еще, но я прервала ее:

– Довольно! Прекрати, Майя! Твоя буйная фантазия разыгралась пуще, чем река! Гляди-ка, вообразила, что Арджуна перенесся с Ганги на Ямуну! Все это лишь игра воображения и очень далеко от правды.

Мои возгласы потонули в реве речных вод. Майя ничего не расслышала. По-прежнему смеясь, она выступила вперед:

– Попробуй и убедишься! Иногда сбываются даже самые смелые мечты!

Она поймала меня за руку и толкнула в реку. Нитамбини прыгнула за мной.

Своим сладостным прикосновением холодные воды Ямуны успокаивали как тело, так и ум. Я забыла печаль, разочарование, стыд. Смеясь, мы, три *сакхи*, брызгались водой, забывшись в этой забаве. Чтобы остудить свое пылающее сердце проточной водой, я не на шутку расшалилась. Еще одна спутница, Паясвини, схватила несомую течением ветку и запустила ее подальше со словами: «Ну-ка, посмотрим, кто доплывет до нее первой и принесет обратно!» Все втроем мы наперегонки бросились за веткой. Подзадоривая нас, Паясвини кричала с берега и хлопала в ладоши, как нетерпеливое дитя.

Не знаю, как далеко унесло меня течение. Я даже не заметила, как упустила из виду саму ветку. Кажется, я не могла больше плыть и меня, беспомощную, течение просто несло неведомо куда. Мои спутницы остались позади – даже голоса их больше не доносились до меня. Во сне ли, наяву ли я просто плыла по течению в тот воображаемый *аширам*, где в рубище аскета ждал меня герой моего сердца. Внезапно мне показалось, что все это ребячество не к лицу царице Индрапрастхи. Что случилось со степенной, уравновешенной Кришной? О, как беспомощен человек! Я хотела было поплыть против течения и вернуться к берегу, но перестала владеть конечностями. Тело стало слабым и косным. Какой ужасный конец дружеского соревнования по плаванию! Мне не оставалось ничего иного, кроме как довериться течению. Я была на волосок от смерти. В любой момент меня могло затянуть в водоворот. Если Пхалгуни сейчас с Улупи, в подземном царстве *нагов*, то и умереть не страшно: ведь перед смертью я повидаюсь с ним...

Закат окрасил западный горизонт алым. Вдохновение всегда посещало меня по вечерам; в такие часы я особенно остро чувствовала любовь к жизни. Пытаясь выбраться на

берег, я крепко обхватила саму себя руками. «Как прекрасна жизнь, как дорожит ею человек, – думала я. – И все же мне суждено попасть в холодные объятия смерти. Пятеро мужей живы и здоровы, но никого из них нет рядом, чтобы помочь мне. Может, позвать *сакху* Кришну? Нет, нет! Что, если Пхалгуни тоже нуждается в Нем? Лучше умереть». Я закрыла глаза. Речное течение влекло косное тело неведомо куда. Словно цветком, играли волны моими распущенными волосами...

Кто же тот сияющий, совершенный подвижник, омытый водами Ямуны, кланяющийся заходящему солнцу? Презрев смерть, все мое тело трепетало от наплыва чувств. Я слабо вскрикнула от смутной радости – вероятно, позвала Пхалгуни по имени. В следующее мгновение, увидев меня, подвижник тут же оказался рядом, схватил меня за руку и вытянул на берег. Вот и все, что я успела понять, прежде чем, окончательно обессилев, потеряла сознание. Похоже, меня коснулся Пхалгуни. Та же рука, в которую однажды придворный жрец вложил мою – теперь она казалась мне совсем незнакомой!

Я была спасена от неминуемой гибели, но от глубокой обиды и стыда перед любимым глаза мои налились слезами. Лежа на песке с закрытыми глазами, я думала: должна ли я, отбросив свою обиду, сказать: «Пхалгуни, я больше не могу так! У меня нет сил жить эти десять лет без тебя. Возьми меня с собой»?

В следующее мгновение я услышала приятный голос: «Махарани Кришна, царица Индрапрастхи, решила покончить с жизнью? Чего ей не хватало? Что вынудило ее этим вечером броситься в полноводную Ямуну?»

Я вздрогнула. Кто это? Ясно лишь, что не Пхалгуни. Но кто же тогда этот видный, красивый подвижник?

Медленно приоткрыла я глаза. Передо мной стоял *дхарма-путра* матушки Кунти, Карна. Я была в замешательстве, мне было очень стыдно. Медленно попыталась я подняться. Мокрые распущенные волосы на

спине казались очень тяжелыми, а влажная одежда сковывала каждое движение. Понимая, каково мне, Карна по-дружески заметил:

– Ты вся измучилась. Моя спутница Асмита и спутницы Духшасаны, Асуя и Джатила, ждут у колесницы. Они возьмут тебя с собой и доставят в Индрапрастху.

Я удивилась. Что бы могло значить это сиюминутное снисхождение бравого Карны, прибывшего сюда из Анги вместе с *сакхи* и спутницами, чтобы принять вечернее омовение в Ямуне? Сверху, с крутого речного берега, донесся другой голос. То был Духшасана:

– Не бойся, Кришна! Доблестный Карна не увезет тебя в Ангу. Он прибыл в Хастинапур на несколько дней, навестить захворавшую матушку. Сегодня оба мы выехали на охоту. Вечером мы восхищались красотами здешнего леса. Важнейший обет друга Карны – омовение и поклонение на рассвете и на закате. Омывшись, мы возвращались в Хастинапур. Если не хочешь обратно в Индрапрастху, знай, что перед тобой всегда открыты двери Хастинапура и Анги. Колесница доставит тебя в любое место, куда бы ты ни пожелала.

Я угрюмо ответила:

– Индрапрастха – это обитель богов, которым я поклоняюсь. Там мне и место. Не может быть и речи о том, чтобы не вернуться туда.

Духшасана расхохотался:

– Тогда с чего же вдруг тебе захотелось утопиться?

Я резко возразила:

– Мы играли в воде, и меня унесло течением. Вы заблуждаетесь, считая несчастный случай попыткой самоубийства. Тем самым вы оскорбляете не только меня, но и все семейство Куру.

Духшасана продолжал насмехаться:

– Я знаю, ты пыталась свести счеты с жизнью, но увы – твоя попытка провалилась. Твой любимчик, лицемер

Пхалгуни, сбежал из дому под предлогом двенадцатилетнего обета воздержания, а сам, бродяжничая по разным царствам, подыскивал себе в жены хорошеньких девственниц. А ты так ждала его! О, что может быть печальнее?

Я была не готова услышать хулу в адрес мужа, тем более сейчас, из уст подлого, похотливого Духшасаны. Со всей серьезностью я возразила:

– Ошибаешься! Пхалгуни герой. Более того, он красив. Хорошенькие девственницы соблюдали множество постов и обетов, чтобы получить его в мужья. Получив наконец такую возможность, они, к чести Пхалгуни, предложили себя его стопам.

Духшасана глумился:

– Ай да герой! Ту, кто дороже всех его сердцу, спас из реки сын колесничего Карна! Сегодня Панчали могла погибнуть, и не только Пхалгуни, но и ни один из ее супругов даже не узнал бы об этом. Ее тело попросту бы не нашли. Что за мужья – один другого лучше! В этом беда Драупади. Деви, неужели мужьям совсем нет до тебя дела, что ты беззаботно забрела с подружками в такую глухомань порезвиться в воде? Никто из мужей не вызвался сопроводить тебя. С тобой даже телохранителя нет! Почему ты так беспечна? Похоже, что в своих попытках угодить многим мужчинам тебе не удалось удовлетворить ни одного. Очевидно, они не особенно жалуют тебя. А теперь посмотри на моего друга Карну: даже на охоте с ним его любимая жена, юная дочь Ангасены, царевна Канчаны. Он не готов расстаться с нею! Поэтому здесь же *сакхи*, ее спутницы. Конечно, Ритувати сжалится над тобой, бедняжкой...

Издевки Духшасаны задели меня за живое, и я позавидовала супруге Карны, Ритувати. У меня был повод задуматься о многом. Что, если Духшасана прав, и пытаюсь принадлежать всем, я на деле остаюсь ничьей? Сегодня я оказалась на волосок от смерти, и никто из пятерых мужей меня не спас. И правда, неужели никто из них не мог пойти со

мною? Воспользовавшись моей заминкой, Духшасана продолжал:

– Не волнуйся, Деви Драупади! Несмотря на то, что в свое время ты отвергла Карну, он не питает к тебе отвращения. Хочешь, он прямо сегодня сделает тебя царицей Анги? В чем сложность? Пятеро сыновей Ма Кунти стали твоими мужьями, так почему бы и Карне не воспользоваться такой возможностью? Карна – приемный сын Ма Кунти. Так что выходи за него замуж – все по закону!

Я вспыхнула гневом. Метнув в Духшасану полный отвращения взгляд, я отвернулась и поднялась на ноги, чтобы покинуть это место. Искоса глядя на Карну, я сказала:

– Тот, кто оскорбляет чужую жену – последний из людей. Но тот, кто молча соглашается с оскорбителем и тем самым вдохновляет его продолжать – величайший грешник. Я презираю обоих.

Заметив, что лицо мое пылает гневом, Карна со сложенными ладонями преградил мне путь:

– Деви Драупади, величайший грешник Карна выражает сожаление по поводу характера своего друга Духшасаны и молит о прощении. Мой долг – доставить тебя к матушке на колеснице. С тобою будет моя жена Ритувати. Если смельчаку выпадает возможность защитить честь женщины, он радуется этому даже больше, чем когда ему удастся спасти ей жизнь. Поэтому я не позволю тебе идти пешком.

Рядом со мною выросла Ритувати. Она взяла меня за руку и помогла взойти на колесницу, почтительно усадив на свое собственное сиденье. Колесница тронулась. Ритувати сказала:

– Уже давно я мечтаю пригласить тебя к нам. Муж хвалит тебя, он говорит о тебе так, как если бы ты была дамой его сердца. Сегодня, увидев тебя воочию, я поняла: не будь мой муж столь сдержан, он учинил бы кровавое побоище на *сваямваре*, чтобы заполнить тебя.

Карна хвалит меня! Даже после того, как его оскорбили на *сваямваре*, мое имя по-прежнему у него на устах! Да ведь это все равно, что повторять имя Рамы на улицах Ланки!

Восторженно глядя на меня, Ритувати продолжала:

– Я жена Карны, но настоящая его вдохновительница – ты. Мы оказались здесь сегодня в силу нерушимой клятвы, которую он дал из-за тебя. Если бы тогда, на *сваямваре*, его мужество не было задето, он бы не дал свой обет. Ты – величайшая ошибка его жизни. И если жизнь Карны когда-либо увенчается успехом, то причиной тому тоже будешь ты. С тех пор, как ему не удалось завоевать тебя, Карна тщательно продумывает каждый свой поступок. Поэтому ты достойна славы. Жена Карны не ревнует мужа к Ягьясени, которая заставляет его сердце учащенно биться, но почитает ее. Ты достойна быть супругой этого лучшего из мужчин, чего не скажешь обо мне.

Я была в растерянности. Сначала мне казалось, что с Карной обошлись несправедливо. Если бы в тот день брат Дхриштадьюмна не сказал свое слово, Карна стал бы достойным зятем царя Друплады.

Человеку не дано выбирать себе родителей, но он властен над своими поступками. Вся история жизни Карны, приемного сына Кунти, начиная с проклятия его рождения, была историей вопиющей несправедливости. Уж не знаю, нежность то была или сочувствие, но мое сердце смягчилось к тому, кто был заклятым врагом моих мужей... Воистину, невозможно полностью подчинить себе ум, хотя сделать это нужно. Сознание должно обуздывать ум, возвращать на путь истинный, как бы ни было больно. Если этого не делать, ум вступит на неровную дорожку и напрочь забудет, к чему стремился изначально, потеряет цель. Бегая за миражами, ум человеческий изнашивает от жажды. Я владела своим умом, так почему же Карна занимал в нем так много места? Что за нужда всю свою жизнь сожалеть о судьбах царевичей, потерпевших неудачу на *сваямваре*? Не мое это дело.

Победителя приветствуют рукоплесканием. Кто станет жалеть неудачника?

Колесница остановилась перед дворцом Индрапрастхи. Я сошла с нее. Карна любезно сложил ладони:

– Деви, позволь нам удалиться. Мне несказанно повезло спасти твою бесценную жизнь. Я боялся, что, признав во мне сына колесничего, ты отвергнешь мою помощь, предпочтя смерть. Слава Богу, ты не узнала меня, и теперь спасена.

В голосе Карны слышалась прямо-таки детская обида. Неожиданно для себя я сказала:

– Прости за все, что случилось сегодня. Иногда по незнанию человеку случается обижать невинного. Человек – раб обстоятельств.

Карна подхватил:

– Я был таким же рабом, но лишь однажды: тогда, на *сваямваре*. В тот день я поклялся впредь оставаться хозяином положения. Человек побеждает обстоятельства отвагой и упорством. Он может побеждать. Я докажу это всему миру. Я дал этот обет из-за тебя. Слався же!

Голос Карны зазвучал надменно; теперь в нем слышалась насмешка. Мне не хотелось затягивать этот разговор:

– Спасибо за то, что спас меня сегодня. Я расскажу матушке, с каким сочувствием ты мне помог.

Карна рассмеялся:

– Сегодня я наконец-то исполнил свой долг сына колесничего. Кто, кроме сына возницы, станет развозить тебя по дворцам, забыв о том, что собирался на охоту?

Он глумливо повторял это снова и снова. Какую глубокую рану оставил в его сердце тот день! Но что я могла поделать? Не обращая внимания на пристальный взгляд Карны, полный обиды, печали и, наконец, излившейся из сердца желчности, я сказала:

– В каком-то смысле я – твой враг, и все же ты спас мне жизнь. Это чудо, которое невозможно забыть. Я навсегда в неоплатном долгу перед тобою.

Спутница Карны Асмита улыбнулась:

– Спасая жизнь врагу, становишься сильнее, – это известный стратегический прием. Кто знает, что двигало Карной?

Недоброе предчувствие охватило меня. Я знала, что отвергнутые мужчины ужасно мстительны. Из огня да в полымя...

Г л а в а 20

Я прослышала, что к нам едет Кришна. Его появление можно сравнить с распусканием душистого цветка в саду. Даже не видя цветок, по запаху можно догадаться, что он расцвел. Суть цветка – его благоухание, насыщающее ум и сердце. Так и мне было достаточно новостей о приезде Кришны: даже не видя Его, я могла ощутить Его присутствие.

На следующий день после того неудачного купания я слегла. Пребывание в воде в течение целого часа, психическое потрясение от того, что едва не утонула, издевательства Духшасаны и последовавшая за сим беседа с Карной – похоже, все это подействовало на меня гнетуще. Ум страдал сильнее, чем тело. Но у кого найдется время, чтобы обратить на это внимание, и терпение, чтобы выслушать?

Едва услышав о приезде Кришны, я наполовину выздоровела. Мысли закружились у меня в голове. Зачем Ему приезжать? Его *сакха* не здесь. С тех пор, как Арджуна ушел, Он ни разу не появлялся у нас. В чем причина столь неожиданного визита? Конечно же, Кришна прибудет с весточкой от Арджуны! Хорошей или плохой? Времени на раздумья не было – я начала готовиться к встрече с Кришной.

Майя сделала все необходимые приготовления, чтобы Кришна мог остановиться в гостинице. Там Он отдохнет.

Через Майю Он послал мне весточку о том, что хотел бы встретиться со мной вечером: у Него ко мне разговор. Майя улыбалась: «Услышав, что ты опечалена отсутствием Арджуны, Кришна тут же объявился здесь, покинув Двараку. Кто, кроме Шри Кришны, способен облегчить муки Кришны, страдающей от острой боли разлуки с Арджуной? Всему миру известно, как трогательно близки Шри Кришна и Арджуна. Арджуна никогда не вдохнет аромат цветка, не поднеся его Шри Кришне. Да что там цветок! Он посвящает Шри Кришне каждый свой вздох».

Я поняла намек Майи. Но Кришна вспомнил о Кришне с некоторым опозданием: через год Арджуна должен был вернуться. Томление разлуки уступило место светлым мечтам о возвращении мужа. Когда он вернется, я свяжу его узами такой любви, что ему и в голову не придет больше устраивать мне сцены с изгнанием в лес. Об Улупи, Читрангаде или Арье он даже и не вспомнит. Здесь, в Индрапрастхе, Арджуна будет принадлежать только Кришне, я не потерплю в нем и мысли о другой женщине.

Эти одиннадцать лет я больше думала о Кришне, чем об Арджуне, поскольку знала, что Арджуна не вернется раньше срока. Если бы со мною рядом был Кришна, это заменило бы мне присутствие Арджуны. Но я ни разу не позвала Его, опасаясь, что Арджуне Он может понадобится больше и что Майя не передаст весточку Кришне. А теперь Кришна прибыл по Своей собственной воле! Сперва нужно узнать у Него о благополучии Арджуны...

Майя читала мои тайные мысли: «Кришна пожаловал с добрыми вестями об Арджуне. Сейчас Арджуна гостит в Двараке, а через год вернется в Индрапрастху». Новость обрадовала меня. О чем волноваться, если Арджуна в Двараке? Но спрашивается: если Арджуна в Двараке, что делает здесь Кришна? Вопреки слабости и нездоровью я отправилась на кухню стряпать для почетного гостя. Склонившись перед алтарем в свете вечерней лампы, чтобы поднести пищу Господу, я увидела рядом Кришну. Я

приветственно коснулась Его подобных голубым лотосам стоп, и уже не могла подняться. Через ладони я отдавала этим стопам свое сознание, поверяла мысли, открывала ум, вручала сердце и изливала всю свою любовь. Больше у меня ничего не оставалось: ни печали, ни счастья, ни надежды, ни разочарования, ни мечтаний. Я совершенно забылась. Не знаю, как долго я пролежала бы у Его стоп, но слова Майи заставили меня подняться:

– У Арджуны и Кришны одинаковые стопы. Эта их похожесть даже Рукмини и Сатьябхаму порой сбивает с толку.

Мне стало стыдно, и я поднялась, втайне досадуя на Майю.

С легкой улыбкой на устах Кришна осведомился:

– Ты в порядке?

Слезы выдавали мою уязвленную гордость:

– Неужели *сакха* не знает?

Голос Кришны был полон расположения:

– Я заметил, что в постоянных мыслях об Арджуне ты стала худой, как тростинка.

Я нетерпеливо любопытствовала:

– Что с ним? Все ли хорошо?

Кришна тепло ответил:

– Думая о тебе, *сакха* тоже отощал. Но Я позаботился о том, чтобы он не страдал в своих лесных скитаниях. Теперь Он в Двараке. Через год он исполнит свой обет и, живой и невредимый, вернется к тебе.

Мысленно я благодарила Кришну. И все же для меня оставалось загадкой, что за нужда привела Его в Индрапрастху, вынудив расстаться с гостящим в Двараке *сакхой*.

Видя, как я взволнована, Кришна начал:

– *Сакхи*, за все одиннадцать лет лесного изгнания Моего друга ты ни разу не позвала Меня, так что Я нагрязнул без приглашения. А иначе, что бы сказал *сакха*, узнав, что в его отсутствие Я ни разу ни навестил тебя? Ты забыла обо Мне?

Мне подумалось: «Неужели Ты пришел увидеться со мной?»»

Глядя на меня с великой нежностью, Кришна продолжал:

– Теперь на тебе лежит еще большая ответственность. Пандавы очень заняты. Кто поможет тебе здесь? Мне кажется, тебе нужна доверенная спутница, которая бы делила с тобой радости и печали, делила с тобой рутину. Как ты думаешь?

Я исполнилась благодарности:

– Ты так заботишься обо мне! Но со мною Майя, и мне никто больше не нужен.

Кришна рассмеялся:

– Майя твоя служанка. Она хорошая служанка, хоть и злая. Временами с ней трудно. Я ищу тебе достойную подругу. Вот увидишь, она возьмет на себя множество твоих хлопот. Она станет твоею тенью. Ну, что скажешь?

Какой Кришна участливый! Запинаясь, я ответила:

– Кто же откажется от подруги? Чего еще желать, найдя такую спутницу? Сам видишь, подруг у меня мало. За все это время я сдружилась только с женой Карны, Ритувати, и со второй супругой гуру Дроны, Харитой. Их мужья относятся к разным лагерям, но это не мешает нашей дружбе.

– Кришна, в этом твое благородство: ты умеешь располагать к себе людей. Ты связала узами дружбы даже Меня, – вот почему, оставив *сакху* в Двараке, Я прибыл сюда. Завтра утром Я уезжаю.

Поток неведомого доселе блаженства заполнил мое пустое сердце; в нем забил источник чистой любви. Из глаз хлынули слезы. Теперь я была в каком-то смысле свободна. Год, когда я должна была принадлежать Арджуне, стал для меня годом отречения. Я проводила ночи одна. Все в мире спало, но меня сон обходил стороной... Вот и теперь я вышла из опочивальни на свежий воздух. Но что это? В покоях Арджуны горит свет! Неужели он тоже здесь, вместе с

сакхой? Для Арджуны, посвятившего всю свою жизнь Кришне, это не удивительно: ради Него он мог нарушить свой обет.

Глухой ночью Арджуна пришел увидаться с Кришной. Думаю, он уйдет до рассвета. Могу ли я увидаться с ним в столь поздний час? Долгие годы я изнывала от жажды хотя бы мимолетной встречи с супругом, так что теперь рассуждения о том, что правильно, а что нет, потеряли всякий смысл. Он не должен видеть меня, ведь это нарушит условия его двенадцатилетнего обета воздержания. Но что за беда, если я, оставшись незамеченной, увижу его? Я никому ничего не скажу...

Тихонько, на цыпочках, прокралась я к спальне Арджуны по волшебной лунной дорожке. Вокруг разливалась красота, очарование, романтика. Кто-то шел мне навстречу той же волшебной лунной дорожкой. Кто же эта чаровница?

Мы столкнулись лицом к лицу.

– Майя! Что делаешь ты в спальне Арджуны глухой ночью?

Майя прыснула смехом:

– Как ты видишь повсюду Арджуну, так и я повсюду вижу Кришну! Где Он – там и я. Что здесь странного?

Все еще смеясь, Майя продолжила свой путь. Похоже, Майя ходила к Кришне с весточкой о прибытии Арджуны или об условном времени их встречи.

Я молча стояла под окном и смотрела на лежащего в постели Арджуну. Все его стройное тело было залито лунным светом, который казался бальзамом на его голубой коже. Я прокралась поближе. Из приоткрытой двери на веранду доносилось благоухание. Казалось, все ароматы сада, собранные ночным ветерком, растекались теперь у ложа Арджуны. Откуда Пхалгуни было знать, что эти долгие одиннадцать лет все цветы в саду скучали о нем?

Мне было все равно, видит ли кто-нибудь меня. Лишь ссылка Арджуны помешала нам начать совместную жизнь, так что ничего зазорного в моем поведении не было.

Постепенно я уловила исходящий из комнаты аромат Кришны. Он затопил мое сознание; чудесная, божественная пульсация пробудила к жизни все нервные окончания... На постели Арджуны лежал Кришна, а я, перепутав Его с Арджуной, так долго простояла у Его дверей, словно какая-нибудь любовница! Что, если бы Он проснулся?

Я хотела было вернуться к себе, но тело не повиновалось. Я снова потерпела поражение от дивной чарующей силы Кришны. Казалось, я стала с Ним одним целым, душа вырвалась из клетки тела и растаяла в любви к Нему. Прошрое, настоящее и будущее исчезло...

Поутру птичий гомон разбудит Кришну. Пора возвращаться. Я уже повернула было назад, и в это мгновение Кришна проснулся. Сладостно, ласково Он сказал:

– *Сакхи*, ты простояла здесь всю ночь! Должно быть, устала, бедняжка! Признаться, с тобою рядом Я не мог уснуть, но отдохнул лучше, чем если бы выспался.

Со стыда я зажмурилась:

– Я обозналась – думала, Арджуна вернулся...

Кришна рассмеялся:

– Могу ли Я оставаться в Индрапрастхе без Моего друга? В надежде, что хотя бы сон в его постели облегчит Мне разлуку с ним, я попросил Майю устроить Меня на ночлег в его комнате. Конечно же, надо рассказать *сакхе*, что Кришна простаивает под закрытыми дверьми его спальни ночи напролет. Признаться, порой Я даже ревную *сакху* к тебе...

Льстивые речи Кришны не произвели на меня впечатления. Я знала: умный и находчивый, Он видит людей насквозь. Всеведущий, Он привык изображать из Себя самую наивность. Желая повидаться с Арджуной, я простояла здесь ночь напролет, не чувствуя никакой боли, зачарованная Его мистической силой. Ничего не ответив, я ушла. Но, немного подумав, вернулась и угрюмо сказала:

– Будь добр, даже не упоминай имя Кришны перед *сакхой* – это нарушит его обет и введет его в грех. Я слышала,

что разлука с Кришной ему только на пользу. Теперь он снова в гостях у Кришны-Баларамы. Кришне там нет места.

Кришна посмотрел в мои налившиеся слезами глаза:

– Эти обиженные глаза налились слезами!.. Эх, видел бы *сакха!* Бедняга! Какая жалость! Ну ничего, Я в подробностях обрисую *сакхе* все увиденное. Гнев любимой еще прекраснее, чем ее любовь. Но оценить это может лишь тот, кто любит, – боюсь, *сакхе* Арджуне этого не понять!..

Многозначительно глядя на меня, Кришна прыснул смехом, а я ушла с глаз долой, метнув в Него полный любовного гнева взгляд.

Г л а в а 21

Харита – вторая жена Дроначарьи. По правде говоря, называть ее женой не вполне уместно. Роль Хариты в жизни Дроначарьи скорее можно выразить такими словами: подруга, спутница, служанка, сиделка, собеседница. Когда дражайшая супруга Дроны, сестра Крипачарьи – Крипи – безвременно ушла из жизни, единственному их сыну, Ашваттхаме, было всего несколько месяцев от роду. Это ради него Дроначарья женился повторно – на юной Харите. С самого начала жизни с Дроной златокожая Харита сознавала собственную роль нянечки и служанки. Искатель истины, после смерти Крипи Ачарья Дрона не нуждался в женщинах. Овдовев, теперь в каждой из них он видел мать или всепрощающую мать-Землю. Он остался холоден даже ко второй своей жене, Харите, которая, по сути, вела жизнь отшельницы: муж нуждался в ней только ради Ашваттхамы. Возможно, отцовские чувства ослепили *гуру* Дрону. Именно сын должен был отмстить за него бывшему другу, Друпаманю, у которого он некогда попросил корову и был оскорблен. Похоже, единственной слабостью Дроны был его сын. Поэтому *гуру* Дрона не хотел детей от Хариты. Если у Дроны появятся потомки от Хариты, она станет мачехой Ашваттхамы. Возможно, именно из этих соображений *гуру* Дрона не стал

связывать Хариту узами страсти, погрузившись в океан знания. У нее на руках осталось беспомощное дитя – сирота Ашваттхама. Утопив его в материнской любви, она считала заботу о нем первостепенным делом и смыслом своей жизни. Пример Хариты вдохновлял меня; непроизвольно склоняла я перед ней главу. Но Харита, воплощение жертвенности и великодушия, не нуждалась в моем поклонении – она хотела близкой дружбы. Восхищаясь ею, я ответила ей взаимностью и буквально влюбилась в эту благородную женщину. С тех пор, как Арджуна ушел в лес, мы много времени проводили вместе. Я черпала силу в самообладании Хариты, в ее отрешенности, преданности мужу и долгу, – тем самым она вдохновляла меня неукоснительно исполнять обязанности по отношению к пятерым мужьям. Иногда она открывала мне свои сожаления по поводу того, что Дроначарья поддерживает Кауравов, но при этом ни разу и словом не обмолвилась о собственных неудовлетворенных желаниях, – казалось, будто они вообще ей чужды. Любые желания, кроме желания воспитать Ашваттхаму достойным сыном Дроны, умерли для нее. Харита была лучом света в моей жизни. Наши доверительные отношения пошли мне на пользу – я стала мыслить шире. Излишняя ранимость, гордыня, невежество, гнев отступили. Рядом с Харитой я всегда была словно малое дитя, она же неизменно оставалась полной благородства и врожденного великодушия. Как-то она сказала:

– Кришна, ты – образцовая арийка. У тебя стоит поучиться. Тысячелетия спустя твою отвагу, терпимость, разум, чистосердечие, преданность долгу и чувство собственного достоинства будут считать эталоном женственности. Твое целомудрие и красота покоряет всех мужчин – вот почему супруга Карны, Ритувати, втайне завидует тебе.

– Ритувати завидует мне? – с беспокойством переспросила я.

Харита невозмутимо ответила:

– Ну еще бы! Карна все еще страдает от унижения, которое потерпел, когда ты его отвергла. Оскорбленный, он не находит себе места. Вот в чем разница между Карной и Арджуной: последний смиренен, свободен от высокомерия, вручил себя Шри Кришне. Карна же мстителен и горд; он скорее полагается на собственную силу, нежели уповает на Бога. Слава мужчины в его силе, храбрости, геройстве. С этой точки зрения Карна ни в чем не уступает Арджуне. Но он полностью пренебрегает божественным. Он присоединился к Кауравам лишь для того, чтобы отомстить Пандавам за нанесенное тобой оскорбление. А иначе, даже без помощи Кауравов Карна мог бы стать императором всего мира – исключительно благодаря своей собственной силе, доблести и отваге.

Вместо того, чтобы вызвать гнев и ненависть, слова Хариты наполнили меня благорасположенностью и почтением к Карне. Жажда мести за нанесенное оскорбление – кому из смертных не знакомо это чувство?

Сердце *гуру* Дроны переполняла глубокая любовь к Арджуне. Добровольная ссылка Арджуны в лес причиняла Харите боль. Как-то с глубоким чувством она сказала:

– Из-за интриг Кауравов Арджуна провел детство и отрочество в лесу. И вот опять он удалился в лес – на сей раз чтобы исполнить свой обет! Кришна, не позволяй же своей любви к нему иссякнуть! Если твоя любовь угаснет, он не станет разыгрывать потребность в любви, как это делает Бхима. Он воспримет это как знак: необходимо держаться на расстоянии. Он подвизается в *садхане* и хранит молчание ради твоей любви. В течение этих двенадцати лет Арджуна не будет занят ничем иным.

Глубоко тронутая словами Хариты, я дала себе слово: когда Арджуна вернется, я заброшу учебу, попрощаюсь с рассудком, забуду об общественном мнении – я оставлю все и посвящу свою жизнь служению ему. Я скажу: «Ты завоевал меня. Прими же меня – я твоя. Делай со мною что пожелаешь. Теперь я буду исполнять твои желания. Следуя за тобой, я не

стану заботиться о благочестии, не испугает меня и порок. Ты покорила меня. О Пхалгуни, ты мне дороже всех...»

Пхалгуни возвращался. После двенадцатилетнего молчания и подвижничества он возвращался с надеждой обрести безраздельную любовь Драупади. Его жена Улупи, царица *нагов*, осталась в царстве Паталы, Читрангада – в Манипуре, Арья – в Калинге. Оставив их всех, Пхалгуни возвращался домой. К кому он возвращался? Оставив своих прекрасных жен мучиться болью разлуки, к кому же возвращался мой супруг? Ко мне, ко мне одной...

Пхалгуни был героем. Да будь у него хоть девяносто девять жен, я бы не ревновала ни к одной! Как можно упрекать Пхалгуни и дуться на него? Для Пхалгуни я была Кришной, царицей Индрапрастхи. Индрапрастха не была моей соперницей. Я была героиней Индрапрастхи, супругой Пандавов – я была Кришной.

Ожидание, особенно ожидание любимого – какое же это счастье! Я украсила покои Пхалгуни, его сад, библиотеку, гостиную, комнату для молитв, зал для увеселений, украсила целый дворец – куда бы ни упал его взгляд, везде должна быть красота! Потом я привела в порядок себя, нарядившись в соответствии с его вкусом и предпочтениями. На кухне были готовы его любимые яства. Но, даже нарядившись, я осталась недовольной. Меня вывела из себя Майя. Бог весть, что за норы у нее! Она распорядилась, чтобы Пхалгуни встретили в новом, только что отстроенном дворце. Одну из комнат этого здания она украсила как брачные покои. Ужели Пхалгуни гость? Почему я должна встречать его в этом новом дворце? Все выглядело так, как если бы это была наша первая с ним встреча. Я чувствовала себя незамужней девушкой, невестой. Сколь же велико блаженство единения после разлуки! И возможно ли вообще вкушать это блаженство, не изведав горечи расставания?!

Все царство готовилось к торжеству. Были приглашены цари и царицы некоторых других государств. Наблюдая, какую утварь готовят к празднику, я не могла избавиться от

ощущения, что это приготовления к нашей с Пхалгуни свадьбе. Пусть эти двенадцать лет не сделали меня моложе – ну и что с того? Барабанная дробь возвещала, что Пхалгуни уже вступил в пределы царства. Сердце мое танцевало, стуча в такт барабанам.

Тут появилась Майя. Посмеиваясь, она держала блюдо с подношениями. Мужа следует поприветствовать и пригласить войти. Майя протянула мне блюдо... с двумя свадебными гирляндами. Для кого же? Кто еще прибудет вместе с Пхалгуни? Его *сакха* Кришна или Баларама? Читая эти вопросы в моих глазах, Майя начала разговор первой:

– Ты уже знаешь, как зовут его новую жену: это никто иная, как любимая сестра Кришны, Субхадра! Сумеешь ли ты сдерживать свой гнев хотя бы на время, необходимое для того, чтобы они переступили порог? А иначе – что подумают люди? Кроме того, что подумает *сакха* Шри Кришна? Тебе также надлежит встретить его новую жену цветами, привести в брачные покои и оставить наедине с мужем. Неужели Ягьясени не способна на такой пустяк?

Теперь я поняла, почему Пхалгуни встречали с такой пышностью. Новый дворец был не для меня – он был отстроен для Субхадры. Брачные покои украсили не для меня, хотя я уже сгорала от стыда и смущения, словно юная невеста. Я проклинала себя. Слепленная гневом, я сорвала с себя украшения и наряды:

– Майя! Как Пхалгуни докатился до такого? Это переходит все границы! Не испросив позволения у старшего брата, он женился на Субхадре в Двараке! Да как смеет он возвращаться в Индрапрастху вместе с ней?!

Майя захлебывалась смехом:

– *Сакхи*, ты по-прежнему не понимаешь Пхалгуни!.. Ну как можно было устроить все это без разрешения старшего брата? Сам Шри Кришна приезжал сюда, чтобы испросить позволения у Юдхиштхиры. Арджуна женился на Субхадре лишь после того, как заручился его дозволением.

Меня переполнила обида на Кришну: выходит, Он приезжал к Юдхиштхире, чтобы сделать Свою собственную сестру моей соперницей? Так вот почему Он говорил, что подыскивает мне достойную подругу! Но Пхалгуни мое согласие было не нужно; получив разрешение брата, он даже не сообщил мне о своих намерениях. Возвращаясь после двенадцатилетнего подвижничества, он не передал мне ни слова – нет, вместо этого он преподнес мне дорогой подарок: я узнала о его женитьбе на Субхадре от Майи. Если Субхадра, как и прочие царевны, увлеченные Пхалгуни, безумно хотела стать его женой, тогда, вопреки горю, это станет предметом моей гордости. Мой муж – первый красавец Арьяварты. Как не гордиться им? Но... на деле все оказалось совершенно иначе. Какой позор! Пхалгуни влюбился в Субхадру с первого взгляда. Он был так ослеплен, что даже не сумел дожидаться церемонии выбора жениха. Что было бы, если бы на *свямваре* Субхадра увенчала гирляндой не его? Поэтому он похитил Субхадру, когда та отправилась совершать поклонение на холм Раивата. Получив весточку от Шри Кришны, он заранее приготовил колесницу и, усадив в нее царевну, поспешил скрыться. Похитить Субхадру помог ее брат, Кришна; Он даже предоставил Арджуне собственную колесницу, а затем, чтобы успокоить разгневанного Балараму, прибыл в Индрапрастху заручиться согласием Юдхиштхиры. Пхалгуни женился по любви; какое дело ему теперь до Кришны? Разве красива темнокожая Кришна? А Субхадра, говорят, светлолика, словно цветок *каумуди*. Свежесть юности придает очарования ее нежным членам. Она гибкая, словно лоза; ладони и стопы ее – будто лепестки лотоса; губы подобны гранату; очами, похожими на голубые лилии, она бросает нежные, сладостные взгляды... Нет, нет, я не вынесу больше! Она – сестра красивейшего из мужчин, Кришны. В целом мире лишь она одна равна Ему по красоте. Боюсь, рядом с нею я буду выглядеть не лучше жалкой служанки... Если в Индрапрастхе Субхадра будет оставаться в поле зрения Пхалгуни, мне лишь по ошибке будут доставаться его

взгляды. До сегодняшнего дня я гордилась своей красотой и неповторимостью. Я считала, что, привлеченный мною, ни один мужчина не способен будет полюбить другую. Ни одна женщина в целом мире не могла сравниться со мною. Неужели я ошибалась? С самого моего появления на свет каждый, кому доводилось меня увидеть, был зачарован и готов отдать за меня свою жизнь. Когда в зале для *сваямвары* я оценила собравшихся царевичей, это лишь утвердило меня в моей гордыне, – я заметила, что один мой вид наполняет любовью даже прекрасные глаза Кришны! В тот миг я была на вершине гордости. Но Субхадра сбила с меня спесь. Я слышала, что величайший мистик Кришна не терпит гордости ни в ком. Полагаю, Он уловил мою гордость и решил разбить ее при помощи Своей сестры. Увы мне! Откуда было мне знать, что ничем невозможно гордиться вечно? Как велика эта планета! Как незначителен и беспомощен человек на ней! Сколь же безосновательна и непрочна людская гордыня! Миг – и вот уже она обратилась в прах. И как смешон тогда становится человек! Какие горькие сожаления наполняют тогда его сердце – словами не передать...

Императоры и цари склонны любить более чем одну женщину. Они вольны жениться или оставлять жен по собственной прихоти. Для этого им не нужно заручаться согласием старшей жены. То, что сделал Арджуна, свойственно царям, да и вообще мужчинам. Я же не находила себе места от стыда и отчаяния, и виною тому был мой собственный эгоизм.

Мало того, что Субхадра красивее меня – она еще и более любима! Прежде я гордилась тем, что герой Пхалгуни завоевал меня, но теперь думала: почему же он не похитил меня на *сваямваре*? Почему он неспешно ждал своего часа? Что же это за любовь, раз она не ослепила его? Подозреваю, что, если бы Карне не помешали, Пхалгуни опустил бы руки и вообще не поднялся со своего места. Все говорило о том, что Пхалгуни с самого первого взгляда полюбил Субхадру

больше, чем меня. Что же удивительного в моей неприязни к Субхадре?

Я не вышла им навстречу. Глядя на меня после того, как он увидел милое его сердцу лицо Субхадры, Пхалгуни потеряет ко мне всякий интерес. Я заперлась у себя в комнате. Слезы текли рекой. Вопреки всей своей гордости и учености, я оставалась всего лишь женщиной и, пристыженная, хотела выплакаться. Сердце не обманешь: вся моя гордость, терпимость, терпение, великодушные отступали перед голосом внутреннего «я».

Они появились. Улюлюканье, гул раковин, радостные возгласы наполнили дворец. Слезы хлынули пуще прежнего. Раздался чей-то ласковый голос:

– Где же *сакхи*?

– Ей нездоровится, – ответила Майя.

– Телом или умом?

– Одному Богу известно.

Волны нежного, сладостного смеха накатили на мои закрытые двери. Я утерла слезы. Тс-с-с... Не к лицу показывать слабость перед *сакхой*! Он же теперь не просто *сакха* – Он брат второй жены моего мужа...

Открыв двери, я поприветствовала Кришну. Едва заметно улыбаясь, Кришна сказал:

– Я прослышал, что *сакхи* слегла. В конце концов, ответственность – непростая штука. Неужели никто не в силах помочь?

Я серьезно ответила:

– Рожденная из жертвенного пламени не слегла. Языку пламени все равно – горит он или гаснет. Но жертвенное пламя гаснет только после того, как подношение завершено – никак не вначале. Со мной все в порядке. Я готовлюсь встретить Пхалгуни, собираюсь с силами, чтобы сделать последнее возлияние.

С этими словами я вышла к тем, кто только что вступили во дворец. Приняв из рук спутницы блюдо, я

поприветствовала Арджуну-Субхадру. Я не нашла в себе сил взглянуть в лицо Арджуны, хотя не видела его вот уже двенадцать лет. Глаза мои были полны слез обиды и стыда. Потупив взор, я глядела на его подобные голубым лотосам стопы. Рядом я заметила вторую пару стоп, словно отлитых из золота гениальным мастером: прекрасные, восхитительные, как у Лакшми в храме. Как же, должно быть, чарующ лик той, у кого такие красивые стопы! Немудрено, что Арджуна попался в сети любви. Казалось, будто стопы эти только подчеркивают красоту самого Арджуны. Стопы Арджуны-Субхадры удивительно подходили друг другу, как стопы Лакшми и Нараяны. Стопы Субхадры усилили мою ревность...

После приветствия я вернулась к себе и, закрыв двери, повалилась на ложе. Нет, я не могу разделить всеобщее веселье по поводу приезда Субхадры...

Пхалгуни пришел встретиться со мною. Я выразила ему почтение. Своим обычным невозмутимым голосом он начал:

– Вернувшись домой после двенадцатилетнего отсутствия, я не нашел тебя счастливой. Сияние лица твоего померкло. Что случилось?

Я бросила на него гневный взгляд:

– После того, как ты взглянул в лицо Субхадры, моему лицу не пристало находиться в поле твоего зрения.

Пхалгуни остался спокоен:

– Кришна! Пожалуйста, не сравнивай себя и Субхадру. В учености, эрудированности, умении различать, терпимости и отваге ей далеко до тебя. А что красота? Красота женщины бросается в глаза первой, но это не самое важное. Только смешанная с мудростью и самобытностью, красота становится тем неизъяснимым очарованием, которое пленяет мужчину. Взаимоотношения наших с тобою душ прочны и нерушимы. К чему превозносить Субхадру? Улупи, Читрангада, Арья или Субхадра, – никто из них не займет место Кришны в сердце Пхалгуни.

Лесть Пхалгуни вовсе не порадовала меня. Напротив, я ответила ему еще более резким тоном:

– Нынче Кришна – не единственная героиня Индрапрастхи. Следовало бы сделать царицей Индрапрастхи и Субхадру, сестру Кришны. Теперь совершенно нет разницы, здесь Кришна или нет.

Похоже, Пхалгуни был раздосадован моей нетерпимостью. Он насмешливо заметил:

– Субхадре не быть царицей Индрапрастхи, что хорошо ей известно. Субхадра – жена всего лишь одного, третьего из Пандавов, Арджуны. Лишь Ягьясени – царица Индрапрастхи.

– Но одна лишь Субхадра – царица сердца Пхалгуни.

С обидой в голосе Пхалгуни произнес:

– Не говори так, Кришна! В будущем нас ждет много черных дней. Благодаря этому браку нас поддержит все семейство Ядавов. Да, *сакха* всегда с нами, но поддержкой Баларамы, Его старшего брата, мы заручились лишь благодаря моей женитьбе на Субхадре. Я сделал это по совету *сакхи*.

Я вспыхнула:

– Пхалгуни, не притягивай в семейную жизнь политику! Ты влюбился, и это совершенно очевидно. Почему Пхалгуни не решается признать это? Кришна не может наказать Пхалгуни, к чему тогда эти оправдания?

Не способный изгнать обиду и гнев из моего сердца, Пхалгуни попросил вмешаться *сакху*. Кришну мое состояние позабавило:

– Я посоветовал Пхалгуни жениться на Субхадре по трем причинам. Первая: Пандавам нужна поддержка Ядавов. Вторая: в лице Субхадры *сакхи* Кришна найдет подругу, которая поймет ее. Более того – Субхадра готова стать даже рабыней Кришны! И, наконец, причина третья: если Пхалгуни женится на Субхадре и будет жить с нею в Индрапрастхе, это несколько ослабит сосредоточенность Кришны на его персоне. Да и Пхалгуни теперь уже никогда

не станет угрюмым лесным скитальцем, чтобы насолить Кришне.

Глядя на *сакху*, я сказала:

– Ты – величайший из героев Арьяварты. Сестра Твоя Субхадра прекрасна и исполнена всех добродетелей. Неужели у нее не нашлось достойных поклонников? Какую цель преследовал Ты, чего Ты ждал, связывая Пхалгуни с Субхадрой и тем самым разлучая с ним меня?

– Я уже сказал – поскольку Субхадра останется здесь, твоя сосредоточенность на *сакхе* несколько ослабнет. А Мне того и надо.

– Как так? – я была потрясена.

– Если твое внимание к *сакхе* ослабнет, ты станешь способна больше думать обо Мне. Сейчас все твое внимание приковано к *сакхе*. Неужели ты думаешь, что Меня это не уязвляет? Однажды ты сказала, что все в *сакхе* – подношение Мне. Благоухание цветов, которые носит *сакха*, не остается с ним, но устремляется ко Мне. Поэтому, вопреки тому, что ты принадлежишь *сакхе*, – не лучше ли было бы сосредоточить свое внимание на его друге?

Даже в столь трудное время душевного разлада я прыснула смехом в ответ на остроты *сакхи*. В то же мгновение, по знаку Кришны, появилась Субхадра, – Бог весть откуда. Коснувшись моих стоп, испуганно глядя на меня, она начала:

– Сестра, я не достойна быть второй женой твоего мужа. В душе я боготворю тебя. Позволь мне оставаться твоей рабыней. Я вышла замуж за Арджуну, но твоя воля – закон для меня. Если позволишь, я останусь в Индрапрастхе твоей рабыней, если нет – вернусь в Двараку с братом.

Дорогая сестра Кришны-Баларамы, Субхадра, у моих ног просила разрешения остаться в Индрапрастхе рабыней! Ее смирение и покорность пленили меня. Как могла я ненавидеть этот нежный бутон лотоса? Теперь мне стыдно было даже вспоминать об этом. Почему же Кришна, режиссер этой пьесы, опять ставит меня в такое неловкое положение?

Припав к моим стопам, Субхадра ждала ответа. Взяв ее за руки, я подняла ее. Теперь в ее чистых глазах стояли слезы. Виновато потупившись, она продолжала:

– Увидев тебя, я поняла, насколько неправильна, незаконна привязанность Арджуны ко мне...

Я подняла личико Субхадры вверх:

– Если мое желание для тебя – закон, твое место...

Тревожно, напряженно Субхадра спросила:

– Где?..

– Здесь! – я заключила ее в объятия, и она показалась мне малым дитем. Слезы неудержимым потоком полились из моих глаз. Поглаживая ее по голове, я приговаривала:

– До сих пор ты была сестрой Кришны. С этого дня ты сестра Кришны. О чем тебе теперь беспокоиться? Не волнуйся, я обо всем позабочусь. Сделай Пхалгуни счастливым.

Пхалгуни и *сакха* ласково улыбались. Глядя на *сакху*, можно было подумать, что Он знал все наперед – стоило Субхадре приблизиться ко мне всего на йоту, и я оросила ее фонтаном своей любви.

Если *сакхе* доподлинно известна каждая сцена спектакля под названием «жизнь», почему же Он действует, словно пребывая в неведении? Как солнечный свет, отражаясь от луны, охлаждает землю, так и несчастливые события, отражаясь в трезвом, благородном уме, превращаются в счастье. Человек страдает лишь потому, что поверхностен: он не понимает, что страдания ему во благо. Увидев Субхадру с Пхалгуни во дворце Индрапрастхи, я была убита горем. Но вот я приняла ее своей сестрой, и теперь приближающийся час единения Субхадры с Пхалгуни наполнял мое сердце все возрастающим блаженством.

Облачать вторую жену своего мужа в свадебный наряд и посылать ее в брачные покои – все это тоже было особым опытом. Я сделала это совершенно непринужденно. Именно я сделала все необходимые приготовления к первой брачной

ночи Арджуны-Субхадры в Индрапрастхе. Оставив Субхадру на ложе Арджуны, я не испытывала ревности или нетерпимости. Напротив, меня переполняло счастье. Это было счастье жертвенности, благородства, любви. Неужели это счастье – когда твой любимый влюбляется в другую? Но откуда в людской любви столько скупости? Я стала счастливой, поскольку полюбила Субхадру. Если бы второй женой моего мужа стала какая-нибудь другая царевна, а не Субхадра, я навряд ли смогла бы полюбить ее столь же глубоко, ведь, в конце концов, Субхадра была сестрой Кришны! Глядя на по-детски невинное, нежное личико Субхадры и пьянящую чистоту ее глубоких, больших глаз, – можно ли было ее не любить? Как и Кришна, Субхадра была неотразимо привлекательна. Я любила Кришну, поэтому любить Его сестру было совершенно естественно. Она обладала особыми, лишь ей одной свойственными качествами.

Я могла бы остаться гордой, хотя в глазах Арджуны потеряла лицо еще тогда, когда стало известно, что я буду принадлежать всем пятерым Пандавам поочередно. Оставаясь наедине с каждым из них, мне приходилось убеждать саму себя в том, что у меня только один муж – именно этот. Я обращала всю свою любовь и преданность на его стопы. В моем подсознании не было иного мужчины, кроме Кришны: Он был со мною во сне и наяву, даже в биении сердец моих мужей, в каждом вздохе Арджуны, в каждой клеточке его тела я слышала голос Кришны. Любовь к Кришне не могла повредить моему целомудрию или преданности моим мужьям, ибо она чиста, несравненна, превыше любых чаяний. Поэтому иногда я даже гордилась своей верностью и целомудрием.

Большинство женщин этого мира можно считать нецеломудренными. Они изменяют супругам – если не фактически, то по крайней мере мысленно. Даже отдаваясь своим мужьям, они втайне мечтают о других мужчинах. Но со мной такого не случилось. Когда я была с Юдхиштхирой, я

никогда не желала Бхиму. Будучи с Бхимой, я даже не думала об Арджуне. Признаться, было нелегко держать себя в руках: управлять умом – самая трудная задача в этом мире.

Ма Кунти говорила, что без страданий Кришну не обрести. В ее глазах Кришна был воистину Божеством, Творцом и Разрушителем, изначальной причиной, самим Провидением. Слушая о детских чудесах Кришны, я тоже поверила в то, что Он – Бог. Господь – это душевные силы для тех, кому не на что надеяться. С этой точки зрения Кришна был для меня Богом. Мою веру подкреплял тот факт, что даже в таких неестественных обстоятельствах я оставалась способна вести нормальную жизнь. Не только я, – пятеро моих мужей тоже верили в это. Если бы Кришна не поддерживал Пандавов, то вопреки всей доблести и героизму их бы уже давно стерли с лица земли.

Оставив Субхадру в покоях Арджуны, я вышла в сад. Сидя в одиночестве, я не думала об Арджуне – я думала о Кришне. Лунная ночь, словно благоуханный цветок *каумуди*, разливала повсюду нектар блаженства. Я пошла на столь большую жертву ради сестры Кришны! Мой ум опять раздулся от гордости, но порой не грех и погордиться: гордость толкает человека на подвиги. Вот уж воистину – один только Бог чужд гордыне, с которой человек совершает праведные дела!.. Выше моего тщеславия был Кришна. Я была Его *сакхи*, дорогой подругой. Он почитал меня и заботился обо мне. Я была согласна принести Ему скромную жертву. Гордость такого рода была желательна для меня, очень даже желательна. Кришна был передо мной. В безумии своем я думала о Нем. Он всеведущ – мои переживания не были для Него тайной. Сидя рядом со мной, Он сладостно проговорил:

– Я в неоплатном долгу перед тобой за то, что ты сделала для Моей сестры, Субхадры. *Сакха* вернулся после многолетних скитаний, а ты вынуждена коротать ночь в одиночестве. Я прошу у тебя прощения.

Да, Кришна понимал меня... Я сказала:

– В конце концов, Субхадра не увела у меня Арджуну, – скорее, она приблизила его ко мне. Богатства, доставшиеся без особых усилий, столь же легко и теряются. То же самое и в любви. Без жертвы и отречения благородство и женственность увядают. Да, и женственность тоже... Субхадра дала мне возможность совершить великое жертвоприношение, вытерпеть великую боль ради Пхалгуни. Ее появление здесь бросило мне вызов: в глазах Пхалгуни я должна стать женственнее. Я считаю, что Субхадра приехала сюда, чтобы Пхалгуни стал ценить меня еще больше. Поэтому я благодарна Тебе. *Сакха*, к *садхане* тоже развивается вкус. Тот, кто не испытал его, найдет *садхану* весьма болезненной. Но следует помнить: чтобы стать матерью, нужно претерпеть муки родов. Чтобы стать ближе Пхалгуни, стоит принять другую его жену своей сестрой.

Со Своей неизменной сладостной улыбкой Кришна сказал:

– Я знаю и другие великолепные средства стать ближе к Арджуне. Но способна ли ты воспользоваться ими?

– Несомненно! Даже если бы мне предложили кратчайший путь к его сердцу, я бы выбрала тот, что труднее. Поведай же мне о нем.

Сияя как никогда ранее, Васудева Кришна прыснул смехом. Покусывая губы, Он изрек:

– Приближаясь к Кришне, человек приближается к Арджуне. В конце концов, Арджуна – Мое второе «Я». Как можно стать ближе к Арджуне, отвернувшись от Кришны?

Я нежно рассмеялась:

– При рождении меня нарекли Кришна. Отец говаривал, что Кришна и Кришна – одно целое. Поэтому если кто-то и живет в моем сердце – то это Ты. Замечают это другие или нет, – для меня очевидно, что все во мне проникнуто Кришной.

– Тот, кто пронизан Кришной изнутри, чужд гордыне. Там, где правит гордыня, живет лишь тень Кришны, а не Он

Сам. Принимать тень за Кришну – несусветная глупость, – улыбался Кришна.

Его слова жестоко ранили меня. Неужели Кришна не мог вынести даже следа гордости во мне? Ведь она никогда не была ложной!

Загадочная улыбка Кришны лишила меня самообладания: «Ложная или истинная, гордость должна быть обуздана. А для этого нужно покончить с эго. Человек должен вручить себя Господу. Необходимо отдавать себя другим с тем же чувством, с каким мы делаем подношение Божеству». О, этот беззвучный голос! Не ты ли сопровождал Кришну всю ее жизнь? Поистине, правитель Двараки стал странником ради того, чтобы утвердить *дхарму*. Чего еще было Ему искать? Он стал скитальцем ради блага всего мира!

Г л а в а 22

Я всецело посвятила себя счастью пятерых Пандавов, вручила мужьям свою душу. Для меня не существовало понятий «хочу» или «не хочу» – я исполняла все их желания.

То был первый день нашего с Пхалгуни супружества. Мы должны были соединиться много лет назад. В нашей жизни произошло столько перемен! В нее вошла Субхадра. Сколько обид и унижений пришлось вытерпеть... Но Пхалгуни, казалось, остался прежним. Я ждала того часа, когда смогу войти в брачные покои вместе с ним – ждала с тем же нетерпением, какое охватило меня сразу же после *сваямвары*.

Майя, как всегда, переусердствовала. К чему такая пышность? Богатство, сила, роскошь – все это безнадежно ослепляет человека. Я не хотела ослепнуть. Мне бы и сотни глаз не хватило наглядеться на Пхалгуни. Для меня он был вторым Кришной. Кого же из них ждала я в тот день?

Он явился. Его стопы, похожие на голубые лотосы, покоились на устланном ковром полу. Я поприветствовала

его. Наконец-то мои мечты сбылись: лунная ночь, прохладный ветерок, беседы о поэзии, обсуждения *шаштр* – все это могло иметь место только с Пхалгуни! Юдхиштхира всегда серьезен и задумчив. Бхима совершенно чужд поэзии, укорам и обидам, мечтам и фантазиям. Накула непоседлив, как невинное дитя, – ему ли понять язык сердца? Сахадева погружен в себя, словно молчаливый йог и никогда не начинает беседу первым, если и говорит – то непременно загадками, а правда, которой он так привержен, подчас бывает горькой. Поэтому все мои стихи хранились для одного лишь Пхалгуни – с ним можно было обсуждать поэзию ночами напролет. Он был поэтичен, как Сам Кришна, ценитель искусства и музыки.

Взяв меня за руку, он сел на ложе рядом со мною, нежно и ласково сказал:

– Кришна, я должен попросить у тебя прощения.

– За что?

– Я должен вернуться в покои Субхадры – сегодня вечером она заболела.

Пхалгуни смотрел на меня, ожидая ответа. В сердце своем я пожаловала Субхадре роль сестры. Я никогда не препятствовала ее счастью, почему же она столь нетерпима к моей радости? Теперь, считая Субхадру соперницей, я ревновала. Сколько лет ждала я встречи с Пхалгуни! Но Субхадра этого не потерпела... Не дождавшись ответа, Пхалгуни сказал:

– Ты сидишь здесь, ждешь меня, а я проведу ночь во дворце Субхадры. Мне придется вынести эту боль. Я тоже ждал тебя много ночей, которые ты год за годом проводила в спальнях Юдхиштхиры, Бхимы, Накулы и Сахадевы. Я немало намучился с тобой, хотя и знал, что ты принадлежишь не мне одному. Теперь у Субхадры есть на меня те же права, что и у тебя. Ей нездоровится. Могу ли я, зная об этом, оставить ее одну?

– Но этот год моего супружества – для тебя. Мы должны провести его вместе. Даже если ты пойдешь к Субхадре, я буду ждать тебя, – выдавила я.

Пхалгуни словно ждал такого ответа:

– Но причем здесь Субхадра? Мы не договаривались, что один год я буду жить с тобой, следующий – с ней. Как и любая другая женщина, она хочет мужа ежедневно на протяжении года. Я буду проводить с Субхадрой больше времени, чем с тобой. С тобой я смогу быть лишь однажды в четыре года, а с ней – ежедневно, постоянно. Так смею ли я прогневить ту, с кем мне предстоит прожить большую часть жизни?

Пхалгуни оплатил мне той же монетой: вернул мне боль, мучившую его по моей вине. Он ждал меня, пока я проводила время в чужих спальнях. Ему хотелось излить мне свою печаль. Но в чем моя вина? Между мной и Субхадрой возникло недоразумение из-за Пхалгуни: в чьих покоях он будет ночевать? Осознав, в чем истинная причина моего с ним спора, я зарделась. Если Пхалгуни хочет быть с Субхадрой, он не узнает счастья, даже если я заставлю его остаться со мной. А если он будет несчастлив, принесет ли это радость мне? Силой можно захватить царский престол, но не трон сердца. Если Пхалгуни возвел на престол своего сердца Субхадру, мне не занять ее места, даже если я буду враждовать с нею всю оставшуюся жизнь. Если Субхадре действительно нездоровится и она нуждается в Пхалгуни, то удерживать его у себя – вопиющая несправедливость. Двенадцать лет я безропотно терпела боль разлуки с Пхалгуни, так неужели не смогу подождать еще пару дней? Разница была лишь в том, что тогда он монашествовал в лесу, а теперь проводит время в покоях моей соперницы. Я спокойно сказала:

– Если Субхадре нездоровится, то тебе не следовало даже появляться здесь – достаточно было передать мне весточку с Майей. Скорее возвращайся, не теряй время!

Субхадра еще совсем юная, ей свойственны все возрастные слабости. Не расстраивай ее своим промедлением.

Пхалгуни сжал мои ладони:

– Ты не расстроилась? Что я мог поделать? Так всегда бывает с тем, кто пытается убить двух зайцев.

Теплые, полные расположения слова Пхалгуни растопили мое сердце; печаль растаяла и вылилась слезами, которые мне хотелось скрыть. Подобаает ли мне, словно юной Субхадре, проливать слезы или болеть, если рядом нет Пхалгуни? В конце концов, я же Ягьясени – образованная женщина, царица Индрапрастхи, рожденная из пламени! Я нарочито рассмеялась:

– Мне жаль Субхадру. Как неожиданно она заболела! С чего бы это? Надеюсь, не придется среди ночи вызывать к ней придворного лекаря?

Пхалгуни торжественно сказал:

– Не волнуйся за Субхадру. Это легкое недомогание. Моего присутствия вполне достаточно. Но как проведешь ночь ты?

– Ворочаясь с боку на бок, не находя покоя! – в голосе моем слышались слезы.

– Это почему же?

– Буду переживать за Субхадру. Хотя я приняла ее как сестру, все же мне кажется, что она боится меня, видя во мне соперницу. Иначе почему бы она внезапно заболела, стоило тебе прийти ко мне сегодня? Но, как бы там ни было, не медли...

Взяв Пхалгуни за руку, я заставила его подняться и повела к двери. Повесив голову, молча, Пхалгуни побрел к покоям Субхадры. Как только он скрылся из виду, я хлопнула дверью и повалилась на ложе. Почему день выдался таким тяжелым? Казалось, Пхалгуни отнял у меня последние силы... Едва я закрыла глаза, как услышала рядом голос Майи. Растирая мне стопы, она многозначительно сказала:

– Только ты способна вынести такую несправедливость. Ты ждала Арджуну долгих двенадцать лет! На самом деле Субхадра здорова – я видела ее в гардеробной после вечернего омовения. Арджуна не может без Субхадры – вот почему он выдумал предлог, который позволил ему удалиться в ее покои. А ты так мучаешься без него, живя как подвижница.

Правда, открытая Майей, усугубила мои мучения, но я не хотела показывать перед нею свою слабость, и потому рассмеялась:

– Это же так естественно, Майя! Арджуна знаком с Субхадрой всего-то несколько дней – немудрено, что он не в силах оставить ее одну.

– Но вы женаты уже давно...

Взволнованно и мечтательно я сказала:

– Даже смерть не разлучит меня с Арджуной. Ты не понимаешь, Майя...

Г л а в а 23

Смотришь на Субхадру – и весь гнев, неприязнь и ненависть растворяются, как облака в небе, а сердце становится чистым. Увидев ее, я позабыла о размолвке, которая имела место минувшей ночью, и справилась о ее благополучии.

– После приезда в Индрапрастху мое здоровье пошло на поправку. Все в порядке, – ответила она.

Я опешила. Стало быть, Майя права, – Пхалгуни наплел мне небылиц о болезни Субхадры и вернулся в ее опочивальню, чтобы провести с ней ночь? Я не стала озвучивать свои подозрения, а просто спросила:

– Как спалось?

Субхадра прыснула смехом:

– Сон да я – неразлучные друзья! Пхалгуни не было, так что я легла спать пораньше. Я как всегда не стала слушать его

рассуждения о писаниях и поэзии. Видя мое отношение к этим темам, он принялся расточать похвалы в твой адрес. Какой трактат вы обсуждали минувшей ночью? В Двараке он еженощно обсуждал писания с моим братом.

И она снова звонко рассмеялась. Я была поражена: Пхалгуни был не со мной, но в покоях Субхадры его тоже не было! Где же он ночевал? Сославшись на то, что Субхадра больна, он ушел. Что за всем этим кроется? Пхалгуни не хочет меня? Почему он не желает быть со мной? Чем я его обидела? С кем могла я поделиться своей печалью, стыдом, кому могла пожаловаться? Пхалгуни меня не любит – теперь, зная об этом, какой смысл мне жить? Должна ли я поделиться с кем-то своим горем? Не унизит ли это меня в глазах того, кому откроюсь? С какой насмешкой, с какой жалостью будут смотреть на меня люди! Как я это переживу? В таких думах провела я целый день.

Вечером я в одиночестве сидела в укромном уголке сада – печальная, с отсутствующим выражением лица. Похоже, этой ночью Пхалгуни тоже не придет. Он найдет еще какой-нибудь предлог, чтобы ночевать в другом месте. Вместо того, чтобы ждать его в спальне, лучше уж спрятаться здесь.

Вдруг за спиной послышался голос Кришны. Вздвогнув, я оглянулась. *Сакха* ласково улыбался:

– Вчера ты жестоко прогнала Моего *сакху*, а сегодня спряталась сама. Похоже, нынче бедняжке снова придется вернуться ко Мне ни с чем и всю ночь жаловаться на судьбу. Вчера он не спал всю ночь и не давал покоя Мне. Почему ты так жестока с *сакхой*?

Я изумленно уставилась на Кришну. Поведение Пхалгуни было поистине странным. Надо же – так беззастенчиво оболгать меня перед *сакхой*! Зачем? Бросив меня и Субхадру, Пхалгуни коротал ночь с Ним. Без нужды он очернил меня. К чему все это?

Я не сводила с *сакхи* изумленного взгляда. Он улыбнулся – Он тоже был удивлен. С напускным гневом я сказала:

– За двенадцать лет монашества Твой *сакха* четырежды женился и зачал троих сыновей, а едва вернувшись домой, принялся порочить меня. Зачем? Сказав мне, что Субхадра больна, он ушел, чтобы коротать ночь с Тобой. Я не прогоняла его.

– Но ты же могла попытаться его остановить!

– Как я смела останавливать его, если он сказал, что Субхадра больна?

– Не остановить – так хотя бы попросить вернуться чуть позже.

– Невзирая на болезнь Субхадры?

– Пхалгуни сказал тебе, что это просто легкое недомогание.

– Он сам хотел пойти к ней. Как могла я просить его вернуться? Насильно мил не будешь.

– Но ты даже не скучала! Вы так давно не были вместе, и вот – твои ожидания оказались бесплодны... Неужели тебе не в чем было его упрекнуть? Все говорит о том, что его любовь тебе не так уж и нужна.

– Неужели укорять можно только словесно? Взгляд, мимика, запинаящийся голос – неужели во всем этом Пхалгуни не уловил мою печаль, беспомощность, упрек, неужели я обязательно должна была облечь все это в слова?

– Кришна, прошлой ночью Мой *сакха* натерпелся. Он сказал тебе, что Субхадра больна, лишь затем, чтобы проверить, насколько горячо ты желаешь его. Но, поспешно проявив благородство, ты отправила его к Субхадре. Если бы, вопреки вымышленному нездоровью Субхадры, ты вынудила его вернуться в твою опочивальню, он был бы счастлив наблюдать силу твоей любви. Каким бы грамотным и мудрым ни был человек, наедине с возлюбленной он теряет рассудительность, его разум отключается. Чего не сделаешь ради любимого? А ты сурово наказала Моего *сакху* своим холодным благородством. Он страдал всю ночь.

Волнуясь, я искала смысл в этой драматической развязке. Чтобы испытать мою страсть, Пхалгуни просидел с *сакхой* всю минувшую ночь. Слушая *сакху*, я поверила, что Пхалгуни – мой. Улупи, Читрангада, Арья, Субхадра могут быть женами Пхалгуни, но я – его любимая, я ему дороже всех. Даже неоднократно женившись, Пхалгуни питает ко мне все те же чувства, что и прежде. Теперь я не стану горевать, даже если Пхалгуни заведет в своих внутренних покоях хоть девяносто девять жен. В своем великодушии и мужестве Арджуна подобен бескрайнему океану: даже если в нем найдут прибежище все реки и ручьи мира, мое место останется незанятым.

Г л а в а 24

Совместный визит в Индрапрастху великого мудреца Кришны Дваипаяны и благородного Кришны Васудевы был столь же знаменателен, сколь и почетен для всех нас. «Как они оказались здесь?» – дивились жители Индрапрастхи. Несколькими днями ранее в Индрапрастхе прошли необычайно роскошные и зрелищные торжества в честь Абхиманью, сына Субхадры. Затем к нам пожаловали оба Кришны – затем лишь, чтобы благословить Абхиманью. Готовясь к отбытию, Васудева Кришна шутил:

– Кришна! Первенец вашей семьи – сын Субхадры, но пусть тебя это не печалит. Такова уж традиция династии Пуру: хотя Гандхари забеременела первой, Кунти, ее младшая невестка, родила раньше, и потому первенцами считаются ее сыновья. Именно на них и легла вся ответственность. Радуйся: твоим сыновьям не придется носить тяжкое бремя царской короны.

Я рассмеялась:

– *Сакха*, хотя Абхиманью родился из лона Субхадры, он – сын моего мужа, Арджуны. Поэтому Абхиманью – мой первенец. Он называет мамой меня, тогда как Субхадру зовет *чхоти ма* – младшей матерью. Пусть родила его Субхадра, но

вырос он на руках у меня. Я воспитывала его, учила петь, рисовала с ним картинки. Слушая сказания о своих предках, он засыпал на моих коленях. Субхадра – сама еще дитя. Когда Абхиманью докучает ей, она чаще всего дразнится в ответ. Когда же он хнычет, Субхадра, вместо того, чтобы успокоить его, сама готова расплакаться. Когда ему охота поболтаться где-нибудь, Субхадра тащит его ко мне. Посуди Сам, чей он сын – мой или Субхадры?

Кришна рассмеялся:

– Что тут скажешь! Абхиманью сам во всем признался. Когда в первый день учебы учитель попросил его представиться, Абхиманью сказал: «Мой отец – Арджуна, дядя по матери – Кришна, а мать – Кришна». О моей любимой сестрице Субхадре он и словом не обмолвился.

– *Сакха*, с самого рождения Абхиманью слушал родословную из моих уст. В его роду принято считать старшим того, кто выше по положению. Человека почитают не за один лишь возраст, но за разум, рассудительность и благородство. Сыновья Мадри, Накула и Сахадева, тоже горды тем, что считаются сыновьями Кунти. Хотя Кауравы и Пандавы враждуют, в глазах матерей Гандхари и Кунти сотня Кауравов и пятеро Пандавов – братья. Так что для Абхиманью совершенно естественно называть себя сыном Кришны.

Сакха расхохотался:

– Мое сердце не в Двараке! Я постоянно ищу предлог посетить Индрапрастху. Твои пятеро сыновей – Пративиндхья, Шрутасома, Шрутакарма, Шатаника и Шрутакирти не должны приступить к учебе одновременно – тогда у Меня будет возможность раз за разом приезжать на торжества по случаю начала образования каждого из них и не придется искать предлоги для того, чтобы отпроситься сюда у брата Баларамы.

Кто бы не рассмеялся, слушая *сакху*? Я сказала:

– Тебе так трудно найти предлог, чтобы приехать в Индрапрастху? Пандавы ищут у Тебя поддержки всю свою жизнь. Без Тебя они как без рук.

Кришна уехал, пообещав вернуться. Но никто и представить себе не мог, что это произойдет так скоро. Перед Юдхиштхирой встала задача, решить которую он собирался, испросив совета у обоих – Кришны и Кришны Дваипаяны.

Юдхиштхире приснился отец, Панду, и велел ему как старшему сыну исполнить его желание. Первейшая обязанность сына – исполнять волю предков. Но желание Панду было особым: он хотел, чтобы Юдхиштхира совершил *раджасуя-ягью* и стал императором – исполнил то, что не успел сделать при жизни сам Панду. Завоевав множество царств, он доказал свою доблесть и могущество. Он собирался совершить жертвоприношение *раджасуя*, но смерть по проклятию отшельника помешала этому. Желание осталось неисполненным, душа Панду не нашла успокоения до сих пор. Сон встревожил Юдхиштхиру. Божественный мудрец Нарада тоже видел Панду у райских врат, и выглядел тот печальным. Если Юдхиштхира совершит *раджасуя-ягью*, его душа успокоится. Такие новости принес Нарада.

Сон Юдхиштхиры и послание Нарады вселили в умы Пандавов желание совершить *раджасуя-ягью*. В чем же сомневался Юдхиштхира?

Знал ли об этом кто-то другой или нет, но мне было известно, что, исполни Юдхиштхира волю отца – и *раджасуя* принесет ему печаль. Больше всего на свете ему был дорог покой, он всегда уклонялся от сражений. Кровопролитие, жестокость, смерть, нищета, горе, печаль, причитания – все это претило его миролюбивой натуре. Война не пугала его – скорее, он питал к ней отвращение. Но пренебречь *раджасуей* противоречило *дхарме кшатрия*. Смысл *раджасуи* не в том, чтобы завоевать другие царства и стать деспотом; скорее, она открывает путь к содружеству, *дхарме* и единству. И все же, прежде чем принять решение, Юдхиштхира хотел учесть точку зрения обоих великих душ – Кришны и Кришны Дваипаяны. Вот почему он пригласил их.

Кришна Дваипаяна и Кришна Васудева восседали в центре, пятеро Пандавов – вокруг них. Они обсуждали, стоит

ли затевать *раджасую*. На собрании присутствовали также я и Ма Кунти. В семействе Пандавов было заведено перед принятием любого решения спрашивать мнения хозяйки. Мой свекр Панду уважал точку зрения Кунти. Старший брат свекра, Дхритараштра, тоже считался с мнением Ма Гандхари. Слово бабушки Сатьявати много значило для рода Пуру – с нею всегда считались. Поэтому Ма Кунти тоже была здесь. Сам Кришна не дерзнул бы пренебречь ее мудростью. Но Кауравы женщин не жаловали: для них последние были всего лишь игрушками, обстановкой их внутренних покоев. Полагая, будто женская чистота предназначена исключительно для их удовольствия, они всячески мучили женщин; о том, чтобы прислушиваться к их мнению, не было и речи. Разве жена Дурьйодханы, Бханумати, была темной, глупой, недостойной уродиной? Нет, она была благороднейшей из благородных. Если бы Дурьйодхана во всем прислушивался к мнению царицы Бханумати, грех, *адхарма*, ненависть и другие пороки никогда не коснулись бы его. Это благодаря ее целомудрию, преданности мужу и *дхарме* безнравственные Кауравы все еще оставались в живых. Днем и ночью угнетаемая пренебрежением и похотью мужа, она серьезно заболела. Если она безвременно скончается, Кауравы несомненно потерпят крах.

Все мы, собравшиеся, высказали свое мнение. Даже Кунти, всегда питавшая отвращение к войнам и кровопролитию, высказалась в пользу *раджасуи*, и все же Юдхиштхира колебался, оставив окончательное решение за Кришной Дваипаяной и Кришной Васудевой. И правда, к чему спрашивать совета у кого бы то ни было еще, если рядом *сакха*?

Васудева Кришна сказал:

– Махарадж Юдхиштхира! Ты достоин совершить *раджасуя-ягью*. Если такую *ягью* проводит праведный царь, это устанавливает в обществе *дхарму* и вытесняет из него *адхарму*.

Юдхиштхира все еще тревожился:

– Но допустимо ли разжигать войну и проливать кровь, объявляя *раджасую*, лишь затем, чтобы потешить мое императорское самолюбие?

Кришна Васудева спокойно ответил:

– Смысл *раджасуи* не в том, чтобы расширить царство или учредить деспотичную власть императора. Ее назначение – доказать превосходство *дхармы*. В царстве Юдхиштхиры нет места *адхарме*, и доказать это можно лишь с помощью *раджасуя-ягьи*. *Раджасуя* никогда не противоречит ненасилию, миру или дружбе; скорее, она приносит царю, защитнику справедливости, признание, славу, поднимает над землей знамя *дхармы*. А посему, царь Юдхиштхира, немедля начни готовиться к *раджасуе*. Однако прежде следует убить царя Магадхи, Джарасандху. До тех пор, пока такой порочный царь уродует собою лицо земли, установить *дхарму* не представляется возможным. Царь Чеди, Шिशупала – главнокомандующий Джарасандхи. Он неплохой вояка. Поэтому для начала нужно свести счеты с Магадхой, а затем готовиться к *раджасуе*.

С помощью Кришны Бхима и Арджуна убили грешного Джарасандху. Теперь *раджасуе* ничто не мешало. В Индрапрастхе были сделаны все необходимые приготовления. На каждого легла большая ответственность. Арджуна, Бхима, Накула, Сахадева – все четверо вернулись, завоевав все четыре стороны света. Доблесть братьев и праведность Юдхиштхиры покорила всю Арьяварту. Где бы ни присутствовал благороднейший из героев Арьяварты, Кришна, там всегда победа, особенно если действовать под Его руководством.

Вняв смиренной просьбе Юдхиштхиры, Бхишма, Дрона, Дхритараштра, Дурьйодхана и другие прибыли в Индрапрастху из Хастинапура. Приглашения разослали всем царям. Всех ошеломила обходительность и сердечное гостеприимство императора Юдхиштхиры, а также процветание и богатство его столицы – Индрапрастхи, ведь в кратчайшие сроки непроходимая Кхандавапрастха

превратилась в настоящий дворец Индры! Это чудо было у всех на устах. Время от времени своими остротами Бхима подливал масла в огонь чужой зависти.

Юдхиштхира распределил обязанности: Ашваттхама оказывал гостеприимство мудрецам и брахманам, Санджая встречал царей и заботился об их нуждах, на Крипачарью легла ответственность за казну, Духшасане поручили расселять вновь прибывших, Дурьйодхана принимал ценные дары, Бхишма и Дрона наблюдали за общим ходом подготовки к *ягье* и следили, чтобы все шло по правилам.

Кришна смеялся:

– Царь-батюшка, вели и Мне что-нибудь!

Юдхиштхира смиренно ответил:

– Все это затевается ради Тебя. Кто я такой, чтобы приказывать Тебе? По правде говоря, Кришна, императором должен быть Ты. Но с Тобой и невозможное возможно...

Кришна сказал:

– Как Мне повезло! Одним делом меньше, Юдхиштхира! Не каждому суждено стать императором.

Голос Юдхишхиры выдавал его сомнения и нерешительность:

– В этом мире рождаются и такие великие души, кто, вопреки тому, что достойны высочайших почестей, находят радость в том, чтобы отдавать заслуги другим.

Духшасана не выдержал:

– Сейчас ты начнешь льстить всем и каждому, а мы будем сидеть, сложа руки, теряя время!

Бхима расхохотался:

– В мире есть люди, кто не достоин ничьего уважения и кто настолько неудачливы, что не любят чистить уши, слушая, как славят других.

Кришна переменял тему разговора:

– Я чувствую Себя лишним – Юдхиштхира не дает Мне никаких поручений...

Великий мудрец Кришна Дваипаяна рассмеялся:

– Это было ясно с самого Твоего рождения. Теперь же *ягья* докажет, что и Ты кое на что годен. Неужели в этом мире нечего делать? Можешь делать что угодно, и никто Тебя не остановит.

Обряды, предваряющие жертвоприношение, были исполнены. Дед Бхишма вызвал Юдхиштхиру:

– Долг хозяина – поприветствовать почетных гостей. Наставники, жрецы, родственники, ученые, цари и любимцы публики – эти шесть категорий гостей имеют право на особые почести. По обычаю каждому из них предлагают *аргхью*. Конечно же, согласно правилам жертвоприношения, в первую очередь *аргхью* предлагают самому достойному. Такой личности – достойнейшей из достойных – *аргхью* предлагают дважды.

Собравшиеся перешептывались: кто же самый достойный? Принять *аргхью* – великая честь, поэтому каждый надеялся, что *аргхьи* удостоится его любимец. Послали за Кришной – нам нужен был Его совет. Но где же Он? Поблизости дворца собраний Его не оказалось. Бхима пошутил:

– В конце концов, Ему ведь ничего не поручили. Должно быть, веселится где-нибудь.

Духшасана превратил невинную шутку в едкий сарказм:

– Какое отношение к *раджасуе* имеет этот Ядав?

В поисках Кришны мы с Майей нашли Его у ворот, через которые входили брахманы. Став свидетельницей происходящему, я опешила: встречая прибывших издалека брахманов, Васудева падал ниц, а затем с нежностью омывал им запыленные ноги и, ослепительно улыбаясь, вытирал их Своей желтой накидкой. От напряжения на Его лбу и щеках выступили капельки пота; они казались снежинками, падающими на синие горы.

– Майя, как странно видеть *сакху* за таким занятием! Кто же вменил Васудеве в обязанность работу прислуги? Это оскорбляет не только Самого *сакху*, но весь народ

Индрапрастхи, бросает тень на царя Юдхиштхиру. Всех нас сочтут оскорбителями.

Всезнающая Майя нежно улыбалась:

– Но-но, полегче, *сакхи!* Терпение, друг мой! Васудева не ограничится этим. Смотрите в оба!

– Зачем Он делает все это? – смущенно спросила я.

С уст Майи не сходила улыбка:

– Он обиделся. Юдхиштхира не дал Ему ни одного поручения, и Он Сам принялся искать Себе работу. Видя, что желающих нести это служение не нашлось, Он взялся за него Сам. И это хорошо: кто во время торжества согласился бы исполнять такую черную работу?

Взволнованная, пораженная, я не знала, что и предпринять. Тут я заметила, что *сакха* направляется к брахманам, которые только что приняли прохладительные напитки. Поняв Его намерения, я бросилась наперерез:

– Майя! Мы же здесь, как мы можем позволить *сакхе* сделать это?

Казалось, Майя колеблется. Выпустив ее руку из своей, я выбежала вперед, но Кришна, опередив меня, уже принялся собирать грязную листовую посуду. Забыв всю свою гордость и царственность, не различая, что хорошо и что плохо, на глазах у всех я сложила ладони и взмолилась:

– *Сакха*, в пику Юдхиштхире Ты позоришь меня! Юдхиштхира – слуга жителей Индрапрастхи; стало быть, я – их служанка. Не пристало Тебе заниматься такой черной работой.

Васудева рассмеялся:

– Не бывает черной работы. Даже малейшая услуга может принести величайшие плоды. Вот увидишь, за работу, которую ты называешь черной, Я сегодня же удостоюсь особой награды.

Крепко сжав руки *сакхи*, в которых Он держал грязную посуду из листьев, я взирала на Него с изумлением. О какой

награде Он говорит? Васудева опустил взгляд на мои руки в инкрустированных драгоценными камнями браслетах:

– Благодаря этому Моему занятию досточтимая Ягьясени по собственному почину стоит так долго на глазах у всех, сжав обе Мои руки! Какая награда может быть более желанной для любого из мужчин Арьяварты?

Какой стыд! Я разжала руки, а *сакха* взялся за прежнее. Мне хотелось схватить Его за стопы, помешать Ему, но в ту самую минуту перед нами выросли дед Бхишма и Кришна Дваипаяна. Смутившись, я спешно удалилась. Как благороден Васудева Кришна! Он не делает различий между людьми. В Его глазах хозяин, слуга, царь, подданный – все равны. Нами правит ложная гордость, но сегодня Он открыл нам глаза...

Бхишма и Кришна Дваипаяна пригласили Васудеву к жертвенному алтарю. Перед всеми собравшимися Бхишма объявил Кришну Васудеву благороднейшим человеком Арьяварты – самоотверженным, мудрым, отважным. Он не только силен, могуч и мудр, – Он достоин во всех отношениях, Он самый лучший и дорог каждому. Он посвятил Свою жизнь восстановлению *дхармы* на Земле. Все Его поступки – с детства и по сей день – приносят благо всему миру. Главная миссия Его жизни – уничтожить негодяев и защищать праведников. Поэтому именно Он достоин того, чтобы Его почитали первым. Ему и надлежит поднести первую *аргхью*.

Шишупала, хотя и приходился Кришне двоюродным братом, ненавидел Его, поскольку был оскорблен на свадьбе Рукмини: Кришна похитил царевну из-под носа у Шишупалы и женился на ней. Естественно, Рукмини сама этого хотела. Шишупала возразил против того, чтобы Кришне оказали почести первому, и Кауравы, сгоравшие от зависти, его поддержали: они ненавидели советчика Пандавов, Кришну. Шишупала принялся грубо поносить Кришну и Пандавов. Слыша эти оскорбления, Сахадева вспылал: «Я попираю ногами головы тех, кому нестерпимо слышать славословия в адрес Кришны, который дорог всем!»

Затем случилось ужасное. Шишупала и его слепые последователи пришли в ярость. По приказу Юдхистхиры Сахадева, не обращая на них внимания, предложил Кришне первую *аргхью*. Мог ли грешник Шишупала вытерпеть это прекрасное зрелище? Низкие люди одинаково склонны к правонарушениям и богоборчеству.

Приглашенные цари, мудрецы, ученые, – все пришли в смятение: можно ли называть императором царя, пусть даже столь благочестивого, как Юдхистхира, если беспорядки начинаются с самой *раджасуи*? В ту же минуту, рассеивая все сомнения, в воздухе появился диск Сударшана. В мгновение ока он обезглавил Шишупалу и вернулся к своему хозяину. Собравшиеся потеряли дар речи, а когда пришли в себя – предались Кришне.

Смерть Шишупалы стала благоприятным началом, той лептой, которую внесли в *раджасую* злые, низкие люди. Теперь всем казалось, что в царстве Юдхистхиры, где правит *дхарма*, нет места негодяям, ведь уничтожать злодеев – миссия его жизни. И к осуществлению этой миссии Юдхистхиру и его братьев Пандавов вел Сам Кришна. Все склонили головы перед императором Юдхистхирой и присягнули в верности, обещая в меру сил и способностей содействовать утверждению *дхармы* в его царстве.

Г л а в а 25

То был особый период между полнолунием и новолунием. Никто не знает, сколько суждено длиться радости и когда придет беда. Я была на вершине счастья и считала, что в целой Арьяварте нет мне равных среди женщин. Я была владычицей земли; какое другое счастье могло сравниться с этим? Казалось, Пандавам море по колено. Пожелай я, и они достали бы с неба луну, солнце, звезды и бросили бы к моим ногам. Что останется недоступным для императрицы?

Судьба посмеялась над моей гордыней. Будущее нам неведомо – вот почему человеку свойственно заноситься.

Кришна Дваипаяна пришел проститься. Юдхиштхира смиренно пообещал:

– Я не уязвлю никого колкостями. Я буду относиться к чужим детям так же, как и к собственным. Я не разожгу пожар войны и не допущу кровопролития. Я посвящаю жизнь всеобщему счастью, следуя пути истины и *дхармы*.

Благословляя Юдхиштхиру, Кришна Дваипаяна сказал:

– На протяжении следующих тринадцати лет произойдет много неблагоприятного. Время неумолимо. Вероятно, многие и многие *кшатрии* погибнут. Но не тревожься, следуй дорогою *дхармы*, ведь именно это принесет миру мир.

Внимая пророчеству Кришны Дваипаяны, Юдхиштхира повесил голову. Его сердце трепетало: «Неужели нет места покою в этой жизни? Какие еще несчастья нам уготованы?»

Теперь уезжал Кришна Васудева. Он прибыл из Двараки много дней назад, и Ему пора было возвращаться. Думая об отъезде *сакхи*, я чувствую себя несчастной. Почему императрица так слаба сердцем? Что она теряет? Я и сама не понимала, откуда эта слабость. Казалось, в то мгновение, когда *сакха* покинет нас, небо рухнет на мою голову. Пророчество Кришны Дваипаяны встревожило меня. Во мне тлело беспокойство.

Склонившись перед Юдхиштхирой, Кришна попросил разрешения отбыть. Юдхиштхира тоже был взволнован:

– Говинда! Императором должен быть Ты. Я не достоин трона, поэтому, когда меня славят, вместо восторга испытываю боль. Сжигая мое сердце горем и стыдом, Ты покидаешь нас. Думая об этом, я ощущаю полную беспомощность.

Говинда с любовью воздел руки:

– Брат Юдхиштхира! Человека украшает скромность, а не самобичевание. Ты должен действовать, а Я – помогать. Только *дхарма* защитит Землю. После *раджасуя-ягьи*

ответственность за *дхарму* легла на твои плечи. Помни: человек защищает *дхарму*, и *дхарма* защищает человека.

Говинда уносил с Собою сердца всех и каждого. Мои сыновья обступили Кришну:

– Дядя, не уезжай!

Абхиманью твердил:

– Я отправлюсь к дядюшке!

Кришна приласкал каждого и посоветовал им сосредоточиться на учебе.

Абхиманью был старшим. Мои сыновья были погодками. Абхиманью был точной копией своего отца, чего нельзя было сказать о моих сыновьях, хотя в каждом из них было заметно сходство с кем-нибудь из пятерых Пандавов. Самым удивительным было то, что глаза, губы и стопы каждого из них были как у Кришны. Как такое стало возможным? Полагаю, это произошло из-за моей поглощенности Кришной, чьи лотосные стопы всегда приковывали мое внимание, чьи глаза указывали мне путь, чьи уста наполняли меня силой и вдохновляли пить нектар жизни. Порой Кришна шутил:

– *Сакхи*, да твои сыновья все в Меня, а не в своих отцов! Бхима тебя не дразнит?

Я краснела и, потупившись, отвечала:

– Немудрено – ведь Кришна вошел в моих мужей таким образом, что они потеряли самих себя. Так что сходство детей с Кришной вполне естественно. Особенно это касается сына Арджуны, Шрутакирти. Он – точная копия *сакхи*. Что поделать?

Лаская Шрутакирти, *сакха* приговаривал:

– Ну и в чем тогда разница между Моими сыновьями и сыновьями Арджуны? Два *сакха* – душа одна. Если ты разлучишь Меня с ним, он почувствует опустошение. Если он исчезнет, одиноко будет Мне. Поэтому только тебе знать, чей же на самом деле сын этот Шрутакирти.

Арджуну веселили шалости *сакхи*, и он заражал меня своим смехом. Если им так уж хочется пошутить, зачем непременно дразнить меня?

Детей утешили и отправили восвояси. С глазами, полными слез, я поднялась, приветствуя Кришну. *Сакха* остановился и печально произнес:

– *Сакхи*, смею ли Я возвращаться в Двараку, видя твои слезы? Зачем ты снова причиняешь Мне боль? Я поклялся, что когда бы ты ни вспомнила обо Мне, Я тут же появлюсь. Но после того, как ты стала императрицей, может ли друг-пастушок надеяться, что ты о Нем не забудешь?

Сакха опять сокрушил мою гордыню! Он знал, что без Него мой венценосный супруг беспомощен, как лист, несомый течением реки. Читая мысли, Он дразнил меня.

– *Сакха*, я отдаю Тебе все, поэтому моя гордость тоже принадлежит Тебе. Зачем Ты обижаешь меня? Что ж, обижай, если Тебе так хочется, но только возвращайся, возвращайся поскорее...

– Придет время – и Я вернусь.

И *сакха* отбыл.

Г л а в а 26

Страницы книги нужно листать, но страницы жизни открываются и закрываются сами собой. Я вышла замуж за пятерых братьев-брахманов, которые превратились в царевичей Хастинапура. Затем они вновь потеряли царство и, подальше от неурядиц и зависти двоюродных братьев, основали свою столицу в бесплодном, лесистом Варанавате. Каких жертв, усилий, боли и трудностей стоило им превращение Варанавата в Индрапрастху! История всей этой нелегкой *садханы* была начертана в моем сердце. Бремя, которое легло на плечи пятерых, разделяла я одна.

Мой супруг был императором, а Индрапрастха – богатейшим городом Арьяварты. С точки зрения богатства,

процветания, естественной красоты, доходов, искусства, музыки, танцев, литературы и вооруженных сил Индрапрастха была образцом для любого другого царства.

Я была матерью пятерых сыновей, но первым для меня оставался сын Субхадры. Моя семейная жизнь сложилась мирно и счастливо. Я ни в чем не знала нужды и не желала ничего большего. Пандавы вступили в свои права. Им помогал Кришна. Теперь мне хотелось лишь следовать путем *дхармы* и делить с ними радости и печали. Хозяйство вела Субхадра. На мне лежала печать отрешенности. Нужно было позаботиться о благополучии страждущих. Пища, одежда, кров, образование – человек имеет право на все это с самого рождения. Если хоть кто-нибудь в Индрапрастхе не получит доступа к предметам первой необходимости, то Юдхиштхира будет императором лишь по названию, а мне не быть Ягьясени. Я уже подумывала о том, чтобы посвятить себя заботам о благосостоянии народа, сделать это миссией своей жизни, как внезапно мои мечты испарились.

Видура, проницательный, разумный, самый почтенный наш дядюшка, прибыл из Хастинапура с приглашением: царь Хастины, Дурьйодхана, предлагает царю Индрапрастхи, Юдхиштхире, сыграть в кости.

Мое сердце сжалось от недоброго предчувствия. Я убеждала, умоляла мужа отказаться:

– Не принимай это приглашение! *Кшатриям* нежелательно играть в кости. Сдается мне, что под видом игры в кости Дурьйодхана снова расставил сети интриг.

Юдхиштхира тоже переживал:

– Ягьясени, мне известно, что охота, пьянство, игра в кости и женщины – четыре эти привычки пагубны для царя. Но все же, если Дурьйодхана приглашает нас с разрешения деда и старших, я не имею права отказаться.

– Но ты плохой игрок – об этом тоже всем известно. Поражение предрешено – для меня это ясно как Божий день.

– *Кшатрий* не отступает, даже зная о том, что будет побежден.

– Война и игра в кости – не одно и то же.

– Дурьйодхана знает, что я плохой игрок, потому и бросил мне вызов. Но, даже зная об этом, я не смею отказаться от приглашения только потому, что струсил.

– Хотя бы расспроси дядюшку Видуру, что они замышляют, – упрашивала я.

Запинаясь и смущаясь, дядя Видура открыл правду. Дурьйодхане нестерпимо слышать о славе цветущей Индрапрастхи. Богатство и процветание Пандавов разжигают в нем алчность. Он знает, что ему не сравняться с Пандавами и за семь жизней. Вот почему, по совету своего подлого дяди, Шакуни, и вынудив Дхритараштру дать согласие, нас приглашают сыграть в кости. Отобратить все богатство и собственность Пандавов – если не силой, то хитростью – таков замысел. Шакуни будет бросать кости за Дурьйодхану. Никто в трех мирах не умеет мухлевать столь же ловко, так что победа за ним...

Терпеливо выслушав все, Юдхиштхира распорядился готовиться к поездке в Хастину. Бледная от сожаления и тревоги, я спросила:

– Ты принимаешь приглашение, даже зная о заговоре?

– Хотя жульничество царя Гандхары, Шакуни, очевидно, приглашение следует принять. Каждый наш шаг по дороге жизни предопределен. Поэтому, вопреки сомнениям, я нахожу правильным принять участие в игре.

Я молча приняла окончательное решение Юдхиштхиры. Ни мой отказ, ни мое согласие, ни мои опасения никого не волновали.

Как может человек, не умеющий плавать, заявлять: «Я должен прыгнуть в реку; это судьба, я не могу отказаться»? Что это, если не самоубийство? Принял ли миролюбивый Юдхиштхира это приглашение, дабы избежать битвы? Полагаю, он опасался, что в любое время алчные Кауравы могут объявить войну. Не было беды в том, чтобы потерять поставленные на кон богатство и собственность, если нам сохранят в жизнь и оставят в покое, ведь именно

спокойствием Юдхитхира дорожил больше всего и всегда его искал. А может, именно самонадеянность заставила его слепо верить в судьбу? Хотя Провидение могущественно, человек пожинает плоды собственных усилий. Ужели мудрый Юдхитхира не понимал эту истину? Если бы он внял моим уговорам, я избежала бы величайшего потрясения своей жизни...

Г л а в а 27

Приняв приглашение на игру в кости, пятеро Пандавов, Ма Кунти и я прибыли в Хастинапур. Что касается радушия, заботы, любви и почтения со стороны жителей Хастины, все было без сучка, без задоринки. Но в час нашего туда отбытия не было ни единого благоприятного знамения.

Во время месячных женщина нечиста, поэтому в Хастине я разместилась в отдельных покоях. В такие дни запрещено смотреть в лицо мужу и даже на тень другого мужчины. Я сидела в углу комнаты в полном одиночестве. Ничто не беспокоило меня ни телесно, ни морально. Хотя я казалась заключенной, мои мысли витали во дворце собраний. Я ждала новостей об исходе игры: проигрыш или победа?

Густые, вьющиеся, длинные локоны подчеркивали мою красоту, придавая мне необычайную привлекательность. Расчесывая мне волосы, Майя говаривала: «*Сакхи*, если бы на *сваямваре* царевичи увидели тебя с распущенными волосами, они сочли бы за честь повеситься на них. Хорошо, что твои волосы были заплетены, убраны цветами и покрыты вуалью».

Теперь мои волосы распущены. В моем нынешнем состоянии покрывать голову или украшать волосы запрещено. Из одежды полагается только сари – без исподнего. В уединенных женских покоях для гостей царского дворца Хастины, с мокрыми волосами, сохшими на спине, я праздно коротала время. Сидя подле меня, Майя, как обычно, с улыбкой нахваливала мои волосы:

– Как жаль мне тех неудачников, которым не дано наслаждаться красотой твоих волос!

– Что за чушь ты несешь, Майя?! Всего лишь один сладострастный взгляд, брошенный на волосы замужней женщины посторонним мужчиной – оскорбление, вот почему нужно заплетать волосы и покрывать голову. Выставлять свою красоту напоказ – *дхарма* куртизанки, а не жены. Откуда у тебя вообще такие мысли?

Майя продолжала улыбаться:

– Влечение мужчины к женщине естественно и бессознательно. Влечение, которое рождается в мужском сердце к красивой, одаренной, образованной даме, не передать словами. Так что в том, что ты свела с ума всех царевичей Арьяварты, не было их вины, скорее...

Майя запнулась, но все так же многозначительно ухмылялась.

Я рассердилась:

– ...скорее, это была моя вина – вот к чему ты клонишь?

– Это вина того, кто сделал женщину красивой, а глаза мужчины – алчущими красоты, – отвечала Майя.

Я сухо сказала:

– Тогда отправляйся к Нему. Обсудите с Ним все «за» и «против». К чему разглагольствовать об этом здесь и сейчас?.. Интересно, что же происходит в зале собраний... Тебя это не колышет?

Майя осталась равнодушна:

– К чему так волноваться? Как мы можем помочь делу? Будь что будет, на все Божья воля. От нас требуется просто подчиниться Его желанию.

– Майя, почему бы тебе не пойти и не узнать, как там обстоят дела – что поставили на кон, кто проигрывает, кто выигрывает? Не думаю, что это правильно: два царя играют в кости на глазах у стольких ученых и благородных героев Арьяварты... Впрочем, мне-то слова не давали...

Майя рассмеялась:

– *Сакхи*, за игрой наблюдают всё те же царевичи, которые некогда явились на твою *сваямвару!*.. Они от души желают Юдхиштхире проиграть кое-что еще...

Я вспыхнула:

– Тебе так хорошо известны их тайные желания!.. Ну-ка, выкладывай, чего еще они хотят?

– Они видели деву Кришну лишь однажды, и теперь всю жизнь сокрушаются о том, что она досталась другому. И вот теперь желание снова встретиться с царицей Кришной привело их сюда.

Майя говорила как бы невзначай. Она что, спятила? Что у нее на уме? Я должна была явиться сюда, чтобы утешить мечтателей, слетевшихся со всего света? Неправедные, незаконные надежды и чаяния – корни сожаления. Причем здесь я? Мне не хотелось увязать в спорах с Майей и не нравилось слушать подобные речи.

Послышались чьи-то шаги – кто-то направлялся в наши покои. Может, это Юдхиштхира возвращается с победой? Я поднялась навстречу. Но как же я предстану перед мужем, если у меня месячные?

Майя спросила:

– Что новенького, Пратиками?

Посланник холодно ответил:

– Царь Дурьйодхана велит царице Ягьясени выйти в зал собраний.

Майя продолжала дразниться:

– Вот видишь, я была права: они жаждут видеть тебя!

– Кто такой этот царь Дурьйодхана, чтобы командовать? Я не его собственность. Как скоро он забыл, что мой муж Юдхиштхира – император!

Пратиками грубо перебил меня. Его слова прогремели громом:

– Царь Юдхиштхира поставил на кон все свое движимое и недвижимое имущество, рабов и рабынь, братьев и самого себя, и проиграл. В конце концов он поставил на кон свою

жену, царицу Кришну, и потерял ее. Так что нынче царица Кришна – рабыня Кауравов. Царь Дурьйодхана велел...

Я оставалась в комнате, поскольку не должна была смотреть на Пратиками, но в гневе своем желала испепелить его взглядом. Как он посмел?.. Но, с другой стороны, в чем его вина? Он всего-навсего покорный слуга своего господина...

Я твердо сказала:

– Уходи, Пратиками! Пойди к моему мужу и спроси: как он мог проиграть меня, если к тому времени сам себе уже не принадлежал? Я не сойду с места, пока не получу ответа.

Нервная, Пратиками ушел обратно. Я застыла на месте. Так вот ты какой, Юдхиштхира... Даже самый безнравственный, нецивилизованный игрок не поставит на кон жену. Кто еще за всю мировую историю совершал столь мерзкий поступок?

Майя разделяла мою тревогу:

– Увы, что подумают герой Карна и другие царевичи? Где найти слова, чтобы описать любовь Юдхиштхиры к супруге? Как грубо обошелся он с дочерью Панчалы на глазах у врагов!

Я готова была разрыдаться, но все мое тело трепетало от злости и волнения, и пламя гнева тут же осушало слезы.

Пратиками вернулся с любезными словами:

– Царь Дурьйодхана велит Вам явиться в зал собраний и задать свой вопрос мужу прилюдно: кроме Кауравов, Вашего вопроса и ответа Вашего мужа ждут и другие цари.

Взяв себя в руки, спокойно и твердо я сказала:

– Пратиками, отправляйся к моему свекру и старшим. Спроси их мнения. Я выполню их указания. Знаешь ли, Дурьйодхана мне не указ. Я не обязана появляться в зале собраний по его прихоти. Понутившись, смущенный Пратиками поспешил обратно. Мои мысли остановились. В памяти всплыла картина *сваямвары*. Царевичи, на глазах у которых я так надменно отвергла Карну и увенчала гирляндой

благородного воина Арджуну, – сегодня перед теми же самыми царевичами я, императрица, супруга императора Юдхиштхиры, драгоценность пятерых Пандавов Драупади, царица Индрапрастхи, сестра Дхриштадьюмны, которая ему дороже жизни, невестка династии Бхараты и *сакхи* совершенной Личности, Васудевы Кришны, облаченная в одно лишь сари, оскверненная месячными, подобно беспомощной неудачнице появлюсь в зале собраний? Переживут ли это мои мужья, особенно Арджуна и Бхима? И самое главное – как переживу подобное оскорбление я сама?

Полная тревоги и гнева, я думала: неужели женщина – всего лишь движимое имущество мужчины, такое как рабы и рабыни, кони и слоны? Неужели у женщины нет права хотя бы на себя, на свою собственную душу? Если мужья имеют право на мое тело, значит ли это, что они могут распоряжаться мною так, как им заблагорассудится?

Я мрачно молчала. Передо мною – так же молча – предстала Нитамбини. Склонив голову, она выдавила:

– *Сакхи*, твой муж, царь Юдхиштхира, велит тебе выйти к старшим, хоть ты и в одном лишь сари. Зная, что у тебя месячные, они, конечно же, не допустят твоего позора...

Вспыхнув гневом, я в ужасе завизжала:

– Убирайся, Нитамбини, и больше не появляйся! Да как ты смеешь передавать мне подобное указание?!

Объятая пламенем гнева на Юдхиштхиру, я сорвалась на своей спутнице, но затем попыталась взять себя в руки.

Вдруг до меня донесся громкий, вульгарный хохот Духшасаны: «Пойдем, красавица ты наша! Оставь при себе свое достоинство, целомудрие, скромность и застенчивость! Забудь о пятерых мужьях! Теперь твои господа – Дурьйодхана и все девяносто девять его братьев! Вот увидишь – все твои горести позади!»

Сгорая со стыда, я поспешила спрятаться подальше. Горе, страх, ненависть заставили меня зажмуриться. Духшасана демонически хохотал. Мне казалось, что его похотливые руки вот-вот схватят меня. Я бросилась к

женским покоем в надежде на то, что мое целомудрие будет спасено у стоп свекрови – Гандхари, что мне не откажет в прибежище сестра Бханумати или другие царицы. Но все двери были заперты. Прежде чем я успела позвать на помощь, Духшасана протянул свою крепкую волосатую руку и вцепился в мои длинные, тонкие, вьющиеся волосы. Беспомощная, я потеряла равновесие. Как дикий буйвол тянет за собой вырванную с корнем лиану, так и Духшасана поволок меня в зал собраний. Мне едва удавалось прикрыть грудь единственным сари. *Анчал* соскользнул с моей головы; лицо, шея, руки были обнажены, волосы так и остались нечесаными. Спасибо им – они прикрывали мою обнаженную спину. Как трепещущая на ветру лиана, я дрожала от страха и стыда. Бриллиантовая пуссета в носу сверкала звездой.

Даже в зале собраний Духшасана не отпускал мои волосы, как если бы я была безжизненной куклой, чуждой страданий, эмоций, переживаний. Упав наземь в углу, я стыдливо сложила перед ним ладони:

– Оставь меня в покое... Я в одном лишь сари, у меня месячные...

Духшасана расхохотался:

– В каком бы состоянии ты ни была, одетая или голая – что с того? Ты всего лишь наша рабыня!

Скрывая мою боль и стыд, длинные иссиня-черные волосы снова упали мне на лицо. Варвар Духшасана начал срывать с меня единственную одежду. Я растерялась; мне с трудом удавалось прикрыть грудь, скрестив на ней руки. Мысленно я взмолилась *сакхе* Кришне: кто еще, кроме Него, поможет мне в таких чрезвычайных обстоятельствах?

Напротив восседали мои герои, пятеро моих мужей-*кшатриев*. Молчание их было возмутительным. Их супругу оскорбили у них на глазах, а они сидят вот так – безмолвно и безучастно! По ту сторону зала – мой свекр (он слеп, но неужели он не слышит мои рыдания? Несомненно, он знает, что помочь мне некому...), дед Бхишма (мудрый, благочестивый, всю свою жизнь хранящий обет безбрачия, –

он тоже остается лишь молчаливым свидетелем), гуру Дрона, Крипачарья – все словно онемели. Похоже, Карна испытывает глубокое удовлетворение, жестокую радость мести: он искоса и с презрением поглядывает на меня. Здесь цари и царевичи, добродетельные люди, – и все молчат. Кажется, никто в этом мире не придет мне на помощь, – никто, кроме Кришны...

Торжествующе хохоча, Духшасана потянул меня за волосы:

– Рабыня! Рабыня!

Его возгласы раззадорили Карну, Шакуни, Дурьйодхану и других...

Хуже самой опасности может быть только ее предчувствие. Когда ты уже в беде, тревога испаряется – и неведомо откуда берется мужество с нею справиться.

Со сложенными руками я взирала на старших. Слезы текли неудержимо. Отбросив стыд и скромность, я взывала:

– Здесь мои старшие. Все они мудрые, отважные, поистине благородные арийцы. Ужели это не бесстыдство – приволоочь меня за волосы в полный народа зал? Почему все молчат? Кто-нибудь может мне ответить?

Молчание нарушил прокатившийся по толпе легкий ропот – и снова все стихло. Какая женщина осмелилась бы повторно требовать объяснений от своих старших?

Шакуни обратился к Карне:

– Величайшая ошибка, которую может допустить женщина – это учиться. Она набралась премудрости, нахваталась знаний, – вот почему с ней случилось то, что случилось! Пади она к нашим стопам с мольбою о защите, – глядишь, ее бы и простили. Знание и сила делают привлекательным мужчину, а наивность и беспомощность подчеркивают обаяние женщины. Но Драупади, подхлестываемая гордыней по поводу своей образованности и мудрости, похожа на язык пламени. Можно ли ожидать, что кто-нибудь сжалится над ней?

Я снова подала голос:

– Я не прошу о помиловании – я требую справедливости. Защищать женскую честь – *дхарма* царя. Подобаает ли царям Куру оскорблять собственную невестку? Я хочу знать: имел ли мой муж право ставить меня на кон, когда сам себе уже не принадлежал?

В зале по-прежнему царило молчание. Наконец, Бхишма невозмутимо произнес:

– О безупречная! Тот, кто находится в зависимом положении, не имеет права ставить на кон ничье богатство, но жена всегда зависит от мужа. Поэтому, имел или не имел права Юдхишхира ставить на кон тебя, потеряв самого себя – понять очень трудно. Лично я не могу ответить на этот вопрос. Путь *дхармы* неисповедим. Если твой муж, Юдхишхира, молча терпит это ужасное надругательство над тобою, а Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева остаются безучастными свидетелями происходящего, какой ответ могу дать я?

Жестокие, холодные речи деда лишили меня последней надежды. Я пыталась сдержать гнев:

– Мой муж Юдхишхира не только сама душа *дхармы*, но также от природы на удивление прост и чист. Воспользовавшись его простотой, над ним хитростью одержали победу. С царями может играть только царь, но вместо Дурьйодханы кости бросал лживый Шакуни. По правилам каждый играет сам за себя. Даже зная об этом, вы, старшие, все еще полагаете, что я стала рабыней Кауравов?!

Вопрос повис в воздухе. Духшасана снова потянул меня за волосы:

– Перестань молоть чепуху, красотка! Судебные разбирательства не к лицу прелестницам. Теперь тебе лучше делать то, чего хотим мы.

Заливаясь слезами, я беспомощно озиралась, но в сторону пятерых мужей мне смотреть не хотелось. Видя, в каком я жалком положении, Бхима вспыхнул гневом:

– Никто еще за всю историю мира не ставил на кон свою любимую, рабыню или даже куртизанку! Когда Юдхишхира

поставил на кон и проиграл нас четверых, я смолчал. Но я не могу простить ему этого преступления: проиграть нашу жену Драупади! За что на ее долю выпали такие страдания? Я хотел бы испепелить руки того, кто поставил на кон и проиграл Драупади! Сахадева, разводи огонь!

Пхалгуни тоже не остался безразличным. Но разве мог он прилюдно осуждать своего старшего брата? Поэтому он лишь тихо сказал:

– Бхима, ты в своем уме? Юдхиштхира – старший, он нам как отец. В игре можно победить и потерпеть поражение. Какой смысл винить кого-либо в том, что случилось?

Всех присутствующих весьма впечатлило благородство Арджуны, но мое сердце ранили его слова. Надо же, какое почтение к традициям и культуре! Какое почтение!.. «Не прекословь старшим», – увещевает Бхиму Арджуна, когда у них на глазах низкие люди оскорбляют и насилуют жену! Это переходит все границы! Неужели в этом величие цивилизации Бхараты и наследия ариев?

Сын Дхритараштры Викарна принял мою сторону:

– Вопрос Деви Ягьясени остался без ответа. Я считаю, что Ягьясени не может принадлежать Кауравам. Она – супруга не одного лишь Юдхиштхиры, остальные четверо братьев имеют равные права на нее. На каком основании он поставил ее на кон? Более того, какое право он имел ставить на кон жену, если к тому времени уже проиграл самого себя? Я считаю, что Друпади досталась Кауравам незаконно.

Тут вспыхнул Карна:

– Ты забыл прошлое? Не из-за этой ли самой Ягьясени некогда оскорбили множество царевичей? С чего это вдруг ты проникся к ней такой симпатией? Юдхиштхира имел право ставить Драупади на кон. В чем его ошибка? Ты считаешь, что эту женщину оскорбили, обошлись с нею несправедливо и нарушили *дхарму*, но не попрала ли закон и *дхарму* она сама? Условием *сваямвары* было поразить мишень, – это вопрос исключительно ловкости и мастерства. Причем тут происхождение и каста? Где справедливость и *дхарма*? Если

она хотела Пхалгуни, к чему тогда было устраивать пародию на *сваямвару* и оскорблять целое сословие правителей? В конечном счете, это вопрос женского целомудрия, скромности, стыдливости, благонравия. Даже богиням запрещено иметь более одного мужа; она же, выйдя за пятерых, потеряла всякий стыд! Более того, она сблизилась с лучшим другом своего мужа, Говиндой! Я слышал об их похождениях, которые якобы не описать словами, будто есть в них что-то неземное, божественное!.. Если женщину, которой мало пятерых мужей, которая помимо этого заводит роман с посторонним мужчиной, раздеть донага на глазах у всех собравшихся – не будет в этом никакой *адхармы*: она того заслуживает. Мы ведь выиграли у Пандавов все их царство, собственность, богатства. Даже их одежда больше им не принадлежит. Разденьте-ка сперва пятерых Пандавов, а потом сделайте то же самое с досточтимой Ягьясени.

Я молча слушала... Рассудительный, образованный, благородный красавец, дражайший сын Кунти был в ярости из-за давнишнего оскорбления... Неужели эти слова слетели с уст Карны? А как же я – я, кого, однажды возжелав, он боготворил в душе своей? Я заткнула уши – это невыносимо...

Духшасана сорвал одежду с моих мужей. В одних набедренных повязках, без украшений, сидели они, понурился головы. Их печаль и стыд невозможно себе представить, однако по сравнению с моей болью и стыдом меркли горести кого угодно. Выпустив из рук мои волосы, Духшасана потянул меня за одежду – этот низкий тип решил подкрепить слова Карны делом...

Призывая в свидетели все десять сторон света, я произнесла:

– С незапамятных времен и по сей день никто не попадал в такое адское, ужасное положение, и не случится этого больше никогда и ни с кем. Когда Равана похитил целомудренную Ситу, деревья и прочие растения, птицы и звери – каждый ронял слезы. Хотя Джатаю был всего лишь

птицей, он вступился за Ситу и отдал за нее жизнь. Чтобы спасти Ситу, пожертвовала собой целая армия медведей и обезьян. Но сегодня, в присутствии старших и толпы собравшихся разыгрывается драма небывалого надругательства над Драупади, и все безучастно молчат! Похоже, все застыли в предвкушении пикантной сцены этого спектакля. Увы, сравнив однажды Дхармараджа Юдхиштхиру с Рамой, я погорячилась. Сколько страданий и боли пережил Рама, чтобы спасти честь целомудренной Ситы! Дабы избежать людских кривотолков, Раме пришлось проверить супругу огнем, но как Он мучился этим! А мой муж поставил меня на кон и позволил собравшимся прикасаться ко мне. Эти низкие Кауравы еще вульгарнее, чем демон Равана: даже похитив Ситу, тот не стал ее насиловать. Хотя он застал ее одну, он не обошелся с нею дурно. Даже переполняемый похотью, он не прикасался к ней в ашоковом лесу, но лишь молил ее о любви. Это естественно. Но эти низкие люди, идя на поводу своего ненасытного вождения, оскорбляют невестку династии Бхараты, срывая с нее одежду посреди зала собраний! Не было в истории более грубого надругательства над женщиной. Царя Куру осудят потомки. Беззаконие, очевидная несправедливость и тирания, которую позволяет себе клан Куру, навеки запятнает доброе имя всей мужской половины человечества. Это – надругательство надо всеми целомудренными женщинами династии Бхараты и надо всем прекрасным полом, непростительное оскорбление и смертный грех.

Выпустив пар и обессилив, я вручила себя Кришне. Весьма уязвленный моими речами, Духшасана возбужденно взревел и дернул за сари, чтобы обнажить мою грудь. Скрестив руки, я воззвала к Кришне:

– О Васудева Кришна! Ты знаешь, каково мне сейчас! Где бы Ты ни был, Тебе ведь известно, как мучат низкие Кауравы Твою *сакхи*? В долгую историю мира нынче вписана самая черная, адская глава. Тебе ли не знать об этом? О Говинда, возлюбленный *гопи*! Ничего подобного не случилось

доселе ни с одной женщиной. Какая невыносимая горечь и стыд! Не приведи Господь ни одной из женщин испытать нечто подобное! О Создатель, Тебе известно, что дикари бродят по лесам голые. Но даже дикари не станут всем племенем пожирать глазами обнаженное женское тело. Даже у дикарки есть определенная доля независимости и понятие о чести. Но сегодня свершается невиданное доселе в трех мирах преступление – надругательство над царицей Кришной. Только Ты, о Говинда, можешь спасти меня от этого нестерпимого позора!

Мои причитания только раззадорили Духшасану, и он потянул за одежду еще сильнее. Я не сдавалась: сжавшись в комочек, мертвой хваткой вцепилась я в покрывавшее грудь сари. Каким жалким становится гордый человек, попав в зависимость! Я хотела защититься – но была совершенно беспомощна! Не вручив себя Господу без остатка, нечего рассчитывать на Его вмешательство. Едва мне в голову пришла эта мысль, как я забыла стыд, отбросила застенчивость; сомнения рассеялись. Я отпустила сари, воздела к небу обе руки и огласила зал горестным воплем:

– Господи, я себе не принадлежу! Это тело – не мое, поэтому отвечаешь за него Ты. Все в этом мире принадлежит Тебе. Убытки, бесчестье, оскорбление, стыд, сомнения, застенчивость, – изначальная причина всего этого в Тебе. Вот и все, что я знаю...

И действительно, я избавилась от стыда, сомнения, горя, боли. Если, вручив себя Кришне, человек может стать таким счастливым, спокойным и бесстрашным, то зачем ему страдать, полагаясь на самого себя и тем самым запутываясь на каждом шагу? Пойму ли я это когда-нибудь? В те минуты, считая Васудеву Кришну не просто *сакхой*, но Самим Богом, я избавилась от сомнений и страха перед лицом опасности. Никогда прежде не была я такой решительной и отважной.

Вовне тоже что-то происходило – я не поняла, что именно. Я видела только вращающийся диск Сударшану в доброй руке Кришны и ниспадающую на меня из той же руки

ткань. Милость, уносящая прочь боль и стыд, затопила меня, как святая, очищенная *мантрами* вода.

Духшасана продолжал тянуть за одежду обеими руками – что есть мочи, пока силы не оставили его. С каждым его рывком мое тело покрывали все новые и новые дорогие одеяния. Став очевидцами чуда, все присутствующие в зале были потрясены. Раздались восклицания: «*Сату! Сату!*» Усталый, посрамленный Духшасана, дрожа, повалился на гору ткани и был зло высмеян спутницами Дурьйодханы – Кутилой, Джатилой, Каманой, Васаной и спутницей Карны, Асмитой. Но Дурьйодхана не образумился: обнажив свое бедро и похлопывая по нему, он стал непристойными жестами приглашать меня к себе на колени.

Гнев Бхимы с ревом вышел из берегов:

– Разорвав грудь низкого Духшасаны, я напьюсь его крови! Перебив бедро пошляка Дурьйодханы, я порадую праотцов!

Я тоже дала клятву:

– Я не заплету волосы, пока не окроплю голову кровью из груди Духшасаны!

И тогда рассудительный Видура произнес:

– Клятва Бхимы чревата серьезными неприятностями для семейства Куру! Бхима всегда держит свое слово. А обет целомудренной Драупади еще страшнее. Ну же, освободите Драупади! Юдхиштхира поставил ее на кон уже после того, как потерял самого себя, – похоже, это нечестно.

Дурьйодхана презрительно расхохотался:

– Пусть четверо братьев Пандавов признают, что Юдхиштхира не властен над ними – тогда я отпущу Драупади.

Арджуна мрачно сказал:

– До и в течение игры в кости нашим господином был Юдхиштхира. Но теперь нам неизвестно, чьим господином может быть тот, кто потерял самого себя.

Наконец, разомкнулись уста Дхритараштры:

– Кришна, ты – первая и последняя из моих невесток. Сегодня ты прославилась своим целомудрием и преданностью, явила нам свое величие. Я очень доволен тобой. Скажи, о каком благословении ты мечтаешь?

Бросив, наконец, взгляд на Юдхиштхиру, я ответила:

– Освободи царя Юдхиштхиру – тогда хотя бы старшего моего сына Пративиндхью не станут звать сыном раба.

– Быть посему, – ответил Дхритараштра.

Юдхиштхира сидел, понурившись, полный скорби и стыда.

– Проси еще одно благословение, Ягьясени! – уговаривал Дхритараштра.

– Пусть будут свободны отцы остальных моих сыновей. И пусть им вернут оружие, – спокойно попросила я.

– Да будет так! Но ты можешь попросить больше.

– Прости меня, о почтенный! Писания разрешают *кшатрийке* просить только дважды. Теперь мои храбрые мужья свободны. До тех пор, пока они способны держать в руках оружие, нет нужды просить ни о каких благословениях для них.

– Но, благая, ты забыла попросить свободы себе самой! Прошу тебя, прими еще одно благословение! Что же ты колеблешься?

С обидой и укоризной я ответила:

– Мои мужья отважны, их счастье и процветание от меня не зависит. В противном случае Юдхиштхира не поставил бы меня на кон. Помимо меня, у него есть и другие жены, которых он, между прочим, на кон не ставил. Поэтому я свободна: о нуждах моего супруга позаботятся эти женщины.

Я замолчала; из глаз моих хлынули слезы.

Карна съязвил:

– Bravo! Какая самоотверженная преданность мужьям! Забыв о самой себе, Ягьясени, супруга пятерых, спасает доблестных Пандавов! Похоже, ей не очень-то хочется

возвращаться под их опеку, раз она недвусмысленно отказывается просить о собственном освобождении...

– Замечательно! Карна, ты необычайно мудр. Мужья Драупади безучастны к ее боли, но ты сочувствуешь ей! Собравшиеся рукоплещут высочайшему целомудрию Драупади. Если она не хочет возвращаться к Пандавам, пусть выберет себе в мужья кого-нибудь из Кауравов или нашего друга, лучшего из воинов, благородного сердцем Карну! – издевался Духшасана.

Не стерпев оскорбления, Бхимасена взревел:

– Смерть тебе, Духшасана! Придет время, и разразится страшная битва. Униженная и оскорбленная Ягьясени станет причиной гибели Кауравов. Погибнут *лакхи кшатриев* Арьяварты. Ягьясени исполнит предначертанное!

Юдхиштхира успокоил Бхиму, а затем со сложенными ладонями обратился к Дхритараштре:

– О почтенный, позволь нам удалиться! Твой приказ будет исполнен.

Дхритараштра великодушно отвечивал:

– Иди же, сын мой! Живите мирно с целомудренной Ягьясени. Прости старого слепца, Ягьясени! Меня вынудили дать разрешение на эту нечестную игру. Кто лучше меня знает, как беспомощен бывает отец непослушного сына? Но это надругательство над тобою лишь приумножило твою славу. Теперь мои сыновья знают пределы своей силы и удали. В результате игры миру открылось благородство Пандавов: преданность Юдхиштхиры *дхарме*, терпимость Арджуны, удаль и отвага Бхимы, знание и невозмутимость Накулы и Сахадевы. А сейчас, Юдхиштхира, успокой обиженную Драупади и возвращайся в Индрапрастху. Мирно правь своими подданными. Заключи мир со своими глупыми братьями Кауравами. Ссоры не укрепляют отношения – скорее, так можно уничтожить все царство.

Прежде чем покинуть собрание, я смиренно, со сложенными ладонями, поклонилась присутствующим:

– Я прошу прощения у старших. Войдя в зал собраний, из-за горя и волнения я забыла свой первейший долг: поприветствовать вас поклонами. Тысячи извинений. Поклоны, поклоны всем и каждому!

Ма Гандхари позаботилась о нашем возвращении в Индрапрастху. И тут Дурьйодхана предложил нам сыграть в кости еще раз.

Юдхиштхира тяжело вздохнул:

– Это какой-то рок! Я знаю, что на сей раз тоже проиграюсь, но отказываться нельзя.

С этими словами он направился в зал собраний. Я преградила ему путь. Видя, что я в бешенстве, он ласково сказал:

– Ягьясени, позволь мне следовать путем *дхармы*...

– Муж мой, тебе все мало?! Ты все еще не можешь успокоиться, даже после того, как надо мной надругались?! В этом твоя *дхарма*?! Принимать вызов от мошенников – это не *дхарма*. Скажи лучше, что так велит тебе твоя гордыня. Даже зная, что игрок ты никудышный, ты боишься признаться в этом. Жена, сын, брат, царство – ценой нашего мира, счастья, чести и безопасности ты желаешь продемонстрировать свое смирение и преданность *дхарме*!

– Если мы не примем брошенный нам сегодня вызов, оставят ли Кауравы нас в покое, даже по возвращении в Индрапрастху? А коль так – почему бы не попытать счастья в последний раз?

О, если бы я могла обратить себя в пепел! Это принесло бы мне покой. Но рожденной из огня огонь не страшен – гнев и раздражение не обратили меня в прах, хотя и поглотили полностью. Изнемогая от боли, я ходила из угла в угол: после пережитого я уже не ждала ничего хорошего.

Майя утешала меня:

– Не волнуйся. Внимание низкого Дурьйодханы приковано к богатствам Индрапрастхи. Он знает, что Пандавы не успокоятся, пока не отомстят за нанесенное Вам

оскорбление, поэтому хочет любой ценой отправить вас в изгнание. Так тому и быть. Где бы ни появились Пандавы, они выстроят столицу не хуже Индрапрастхи и заживут счастливо. Процветание и счастье – солома на пути Пандавов. Пока ты рядом, есть ли для них что-то невозможное? Ты сама-то знаешь, что появилась на Земле как частичное воплощение богини Лакшми?

Даже перед лицом опасности я не удержалась от смеха:

– Майя, неужели ты думаешь, что я боюсь потерять цветущее царство? Когда я увенчала Пхалгуни гирляндой, для меня он был лишь брахманом-отшельником из леса. Когда я вышла за пятерых Пандавов, они были царевичами без царства, и это ничуть меня не смутило. Стоило мне стать царицей Индрапрастхи, как бывшее счастье и радость отвернулись от меня. Если ты считаешь, что я в восторге от богатства да процветания, то ошибаешься, – не из такого теста я сделана. Но я не готова к новому затеянному Юдхиштхирой жертвоприношению, в ходе которого он приносит на алтарь несправедливости свое имя и *дхарму*. Для меня это невыносимо. С тех пор, как он поставил меня на кон, я потеряла покой. Любая порядочная женщина предпочла бы вести полную лишений жизнь супруги лесного отшельника, чем мучиться таким оскорблением.

Мои слова оказались пророческими. Едва я умолкла, до нас дошли новости: Юдхиштхира проиграл свое царство и, согласно условиям игры, пятеро братьев вместе с женой будут изгнаны в лес на двенадцать лет, по истечении которых целый год должны жить неузнанными.

Лично для меня это были приятные новости. Мне и моим мужьям уже приходилось жить в лесу, и довольно долго. Но что будет с людьми, которые покинули Хастинапур, чтобы принять прибежище Юдхиштхиры в Индрапрастхе? Мужчины и женщины Индрапрастхи пострадают от руки несправедливого и мстительного Дурьйодханы. Став жертвами ненасытной похоти Кауравов, целомудренные женщины Индрапрастхи будут невыносимо страдать.

Неужели равнодушные к благополучию подданных – *дхарма* царя? Как случилось, что во время игры он ни разу не вспомнил о своих подопечных? Если ему настолько безразлично царство и богатство, зачем тогда было обманывать доверие народа, принимая трон Индрапрастхи?

Рамачандра пригласил в Свою жизнь скорбь, погнавшись за золотым оленем, Юдхиштхиру же ослепили кости – в этом корень всех моих печалей. Юдхиштхира был чужд унынию. Он был мудрым *стхитанпрагьей*: ни радости, ни печаль не затрагивали его. Братья беспрекословно следовали за ним. Я тоже ничего ему не сказала: кому теперь какое дело до моих рассуждений?

Весть об изгнании Пандавов распространилась повсюду, как пламя лесного пожара. К нам пожаловали Андхака, царь Бходжи, Кришник, Дхриштaketу – царь Чеди, могучий воин Кекая, мой брат Дхриштадьюмна и отец Друпада. Юдхиштхира спросил позволения у каждого. Отец хотел забрать меня с собой, но я отказалась:

– Отец, не лишай меня возможности исполнить *дхарму* жены. Какие только страдания не вынесла Сита, следуя за супругом! Теперь такая возможность появилась и у меня. Равана мне не страшен: все самое худшее уже позади. Теперь ни печали, ни исполнение надежд меня не впечатляют. Не волнуйся, мне поможет тот, кто спас меня от величайшего позора.

С этими словами я мысленно поклонилась Кришне... и тут же обнаружила Его прямо перед собой! Я хотела было горячо припасть к Его стопам, но Он остановил меня, схватив за обе руки. Я сказала:

– Нет слов, чтобы выразить Тебе благодарность, о Васудева! Ты прославишься в веках как утешитель страждущих, я же навеки останусь Твоей служанкой.

Кришна ласково сказал:

– Не обижай Меня, *сакхи*! Я – твой друг. Что, в конце концов, оставалось Мне делать? Пока Юдхиштхира играл в кости, Я сражался с царем Шалвой, правителем Шаубхи. Будь

Я в тот час посвободнее – удержал бы его от игры. Женщины, азарт, охота, хмельные напитки – все это губит мужскую добродетель. Меня не было в Двараке, вот почему Пандавы оказались в беде. Как только Я узнал об этом – тут же бросился на помощь.

Я задыхалась от волнения:

– Господи, Ты волен поступать, как сочтешь нужным. Без воли Твоей и былинка не шелохнется. Кто, если не Ты, допустил, что Драупади оскорбили при дворе Куру? Когда Духшасана выволок меня за волосы в зал, на мне был всего один отрез ткани, поскольку у меня были месячные. Я – жена Пандавов, сестра Дхриштадьюмны, Твоя дорогая *сакхи!* Никто не воспрепятствовал Духшасане. Мои доблестные мужья оставались молчаливыми наблюдателями. Непристойные слова и жесты Духшасаны и Дурьйодханы, язвительные речи Карны до сих пор причиняют мне боль. В зале царского дворца присутствовали старшие, воины, ученые мужи. Когда Духшасана стал раздевать меня, никто не пришел мне на помощь! Мне казалось, что нет у меня ни мужа, ни сына, ни брата, ни друга, ни отца, нет ни единого благожелателя! Какую жуткую беспомощность я ощутила! Не знаю, куда подевалась вся удаль и геройство Бхимы с Арджунной. А Юдхиштхира – неужели в этом его смирение и преданность *дхарме?* Государство, в котором мужчины не защищают женскую честь, обречено. Мужчины, населяющие такую страну, пользуются дурной славой и становятся предметом оскорблений. И все эти обстоятельства зависят от Тебя, Кришна! Потеряв веру во всех и вся, я предалась Тебе. Явленное Тобой чудо спасло не только мою честь, но и честь каждой женщины нашего государства. Ты доказал, что никто не обесчестит женщину на святой земле Бхараты. Пусть ценой моего оскорбления, но слава этой земли была явлена миру, и это радует. О Кришна, я хочу до последнего вдоха оставаться Твоей служительницей – только в этом случае мне удастся хотя бы частично погасить свой долг перед Тобой...

Я рыдала в уголок сари, изливая душу доброму и отзывчивому другу, Кришне. После надругательства, учиненного надо мною при дворе Куру, я не сказала мужьям ни слова. Зачем было демонстрировать боль и укорять мужей, которые стали причиной моих мучений и которые, несмотря на всю свою силу, не пришли мне на помощь? Что оставалось делать, кроме как дуться на них? И могла ли я владеть собой в обществе столь чуткого друга, как Кришна? В конце концов, я ведь женщина...

Кришна сложил ладони:

– Деви! Моя служительница! Ты делаешь Меня оскорбителем. Я всего-навсего вернул тебе долг. Теперь мы с тобой квиты. Однажды ты разорвала дорогое сари, которое муж подарил тебе на новоселье, чтобы перевязать Мне палец. Тканью же Я погасил Свой долг. Ты разорвала свою одежду, чтобы перевязать Мне палец, и Я дал тебе новую – это равноценный обмен, все честно и справедливо.

Глаза мои наполнились слезами. Утирая пот лоскутком ароматизированной ткани, Кришна сказал:

– Видишь, Я завязал дар твоей любви в узелок на память. *Сакхи*, Кришна жаден до любви. Считаю Меня своим другом, продолжай орошать Меня любовью – и ничего больше не надо. Я сочту это за честь.

Я была потрясена: Кришна сохранил лоскуток моего сари! Он навсегда запомнил такую мелкую услугу!

Мне показалось, что все горе и сожаление моей жизни позади. Голос дрогнул от любви:

– *Сакха*, Ты один имеешь право на всю чистую, ничем не омраченную любовь этого сердца! С самого рождения оно принадлежит Тебе одному. Не вгоняй меня в краску...

Кришна смеялся:

– Кришна, ты – частичное воплощение Лакшми. Не забывай, без твоей любви Кришна станет неудачником!

Заручившись поддержкой Кришны, я почувствовала себя увереннее и твердо произнесла:

– *Сакха*, если те, кто дерзнули надругаться над Драупади при дворе Куру, не будут примерно наказаны за свое подлое, недостойное поведение, то в историю Бхараты будет вписана постыдная страница жестокого обращения с женщинами. Цари и царевичи станут силой уводить красивых женщин прямо из домов их мужей, чтобы утолять свое ненасытное вожделение, будут прилюдно раздевать их. Наслаждаться красотой нагих женщин, бросая на них сальные взгляды, станет обычным времяпрепровождением разгильдяев. *Сакха*, для меня Ты – все. Чего мне бояться? Но если Духшасаны и Дурьйодханы не пожнут плоды своих грехов, женщин ждет мрачное будущее. Меня удивляет, что, попытавшись раздеть при дворе Куру невестку благородного Панду, жену Пандавов, дорогую *сакхи* Васудевы Кришны, они все еще живы. Когда этот подлец раздевал меня, беспомощную, как целомудренная Сита, я могла бы провалиться под землю со стыда. Если бы я молилась об этом, земля непременно бы разверзлась. Но я не сделала этого. Поступи я таким образом – и мое целомудрие было бы спасено, однако преступник не был бы наказан. Будущее прекрасного пола осталось бы весьма туманным. Да, терпимость украшает женщину, но смиренно склонять голову перед несправедливостью – не женская *дхарма*. Если муж сходит с пути истинного, и это подкрепляется молчаливым согласием его жены, страдают оба, и грех в мире умножается. Страдают невинные. Вот почему, даже после ужасного надругательства и невыносимого оскорбления, я осталась в живых. Счастье, процветание, радости царствования – смысл моей жизни не в этом. Теперь, народившись заново, я проведу оставшиеся дни, сражаясь с несправедливостью, *адхармой*, грехом. Клянусь заплести волосы только после того, как омою голову кровью Дурьйодханы, – в противном случае эти локоны так и останутся распущенными. Люди назовут меня кровожадной, – ну и пусть! Мир еще узнает, что женщина, которая созидает и приносит благо, враждебна греху и подлости. Я заплету волосы, вымыв голову кровью

Дурьйодханы. Считая меня слабой женщиной, Духшасана тащил меня за волосы и оскорблял. Пусть же мир узнает, что женское сердце нежное, но отнюдь не слабое! О Кришна, если Ты не поможешь мне исполнить клятву, тяжкий грех раздавит этих Твоих нежных созданий!

Кришна остался доволен моими невеселыми речами и поспешил обнадежить меня:

– Кришна, твой гнев праведен, а обет благороден. Твои оскорбители, те, кто похотливо взирали на тебя в зале собраний, все эти грешники, падут на поле битвы под стрелами мужа твоего, Пхалгуни. В великой войне Дхриштадьумна одержит верх над Дроной; Шикханди убьет Бхишму; булава Бхимы раскрошит бедро Дурьйодханы; стрела Дхананджаи сразит Карну. Ты станешь причиной гибели многих *кишатриев*. Теперь, после того, как тебя оскорбили при дворе Куру, великая битва стала неизбежной. Из века в век мать-Земля заливается румянцем – кровью злодеев. Небосвод рухнет наземь, Гималаи провалятся на Паталу, солнце и луна будут уничтожены, но твой обет исполнится. Я не оставлю камня на камне от тех, кто вредит Пандавам; ради них Я готов на все. Не унывай, *сакхи*: каждое Мое слово – истина.

Г л а в а 28

Настало время прощаться. Ма Кунти погрузилась в печаль. Каким невыразимым страданиям подверглась царевна Кунти, супруга Панду, ради своих невинных, осиротевших детей! Даже в ту пору, когда ее муж был царем, из-за зависти и злобы Дхритараштры Кунти была лишена царской роскоши и испытала на себе тяготы лесной жизни. Там же, в лесу, она потеряла мужа. После того, как сыновья получили образование, она опять была вынуждена скрываться в лесу, чтобы спасти им жизнь. Казалось, удача наконец-то улыбнулась ей в лице невестки, Ягьясени. Ма Кунти надеялась, что теперь-то проведет оставшиеся дни в покое,

радуясь процветанию сыновей. Но, похоже, горе следует за ней по пятам: теперь ее сыновья вместе с невесткой должны будут страдать целых тринадцать лет, скитаясь в лесах изгнанниками. Если в течение этого изгнания их опознают, то к сроку ссылки добавится еще двенадцать лет. Кто знает, не покинет ли она этот мир в разлуке с сыновьями, как царь Дашаратха? Сердце Ма Кунти болело о ее сыновьях, а я беспокоилась о своих, младший из которых был еще грудным младенцем. Как я проживу без них тринадцать лет? Взять их с собой нет никакой возможности, придется оставить их с Субхадрой. Не сомневаюсь, что им будет хорошо с ней, ведь она любит их не меньше, чем я. Как Абхиманью был дорог мне, так и мои сыновья были дороги Субхадре. Пятеро Пандавов были сыновьями разных матерей – Кунти и Мадри – но все пятеро были как одна душа. В глазах Кунти они были равны. Кришна заберет Субхадру с детьми к Себе в Двараку. Ребята были очень рады слышать, что отправятся к дяде по матери, и *сакха* тоже был несказанно счастлив. Но как объяснить все это сердцу? Кто поймет, как усугубляет тяготы лесного изгнания разлука с детьми? Если кто и понимал меня, то это Ма Кунти:

– Доченька Кришна! Ты целомудренна, образованна, ты глубоко верующая женщина. Твой благородный нрав принес громкую славу обеим семьям. Что сказать тебе в утешение? Пусть горе и обида не заставят тебя пренебрегать моими сыновьями. Помни о питании Бхимы. Прошу тебя окружить особой заботой Накулу и Сахадеву – они ведь младшие и, естественно, нуждаются в любви. И еще одна просьба: прости Карну. То, как он с тобой обошелся, весьма прискорбно. Виной тому – дурная компания, в которую он попал. Твоя ужасная клятва повергает меня в трепет. Обет твой справедлив, но Карна не виноват. Он ведет себя так, потому что с самого детства его притесняли. Но, с другой стороны, он весьма любезен, смиренен – он порядочный человек. Не держи на него зла. В конце концов, он ведь мой приемный сын.

На глаза матушки навернулись слезы, а ее благородные чувства эхом отозвались во мне. Я смолчала. Кунти осталась у Видуры. Забирая к Себе Субхадру и детей, Кришна ласково сказал на прощание:

– Завидую Я Пандавам! О чем им тревожиться, имея при себе драгоценность среди женщин вроде тебя? Как им повезло – они будут наслаждаться жизнью в лесу, сложив со своих плеч бремя ответственности! А Моя сестричка Субхадра будет мучиться разлукой тринадцать лет. Так что, *сакхи*, считай, что тебе повезло. Чтобы разделить с тобой твоё счастье, Мне следовало бы время от времени появляться в вашей лесной хижине. *Сакхи*, Мне не пережить эти тринадцать лет без твоих угощений! Жадность до приготовленной тобою пищи будет снова и снова возвращать меня к Пандавам.

Я была в восторге:

– Поверь, *сакха*, я испытываю не меньшее удовольствие, подавая Тебе блюда собственного приготовления! В конце концов, ведь именно Ты сказал однажды, что мое прикосновение превращает пищу в *амриту*. Ну скажи, какая женщина не станет гордиться подобным даром? Женщина – кормилица: ее благословенная грудь способна источать *амриту*. Благословен и Создатель. Вот почему женщина всегда рада подать гостю его любимые блюда. Я буду ждать Тебя, о Кришна! Если Ты будешь время от времени навещать нас, то, угощая Тебя, я буду чувствовать, что кормлю своих детей. О Господь, дети и гости равно дороги мне.

Кришна рассмеялся:

– Но-но! Не надо ставить Меня на место своих детей, гостей или Бога! Мы просто друзья. Такие отношения гораздо чище любых других, и именно в них Я нахожу удовольствие.

Сакха отбыл, а мы побрели по царской дороге прочь из Хастинапура. Глядя на нас, горожане плакали. Сотни людей приготовились следовать за нами и тоже вышли в путь, покинув свои дома. Юдхиштхира остановил их: «Возвращайтесь и позаботьтесь о Ма Кунти, Дхритараштре,

Гандхари и Бхишме». Многие брахманы не согласились вернуться. Там, где царит несправедливость, жизнь и *дхарма* брахманов на каждом шагу подвергается опасности, поэтому Юдхиштхира не стал настаивать на их возвращении. Но как эти брахманы выживут в лесу? Беспокоясь о них, Юдхиштхира взмолился богу Сурье. Довольный, тот вручил ему волшебный медный сосуд со словами: «Наиболее изысканный дар – чувство голода, ибо оно поддерживает жизнь. В этом волшебном сосуде припасена пища на целых двенадцать лет. Что бы ни приготовили вы в этом сосуде – до тех пор, пока сама Драупади не поест, он будет оставаться полным».

Выразив свое почтение Сурье, в сопровождении брахманов мы с миром на душе направили свои стопы в лес Камьяка. Теперь у меня был волшебный сосуд, чтобы кормить голодных. Царство, богатство, процветание, собственность – все это утратило в моих глазах всякую привлекательность. Теперь никто в целом лесу – ни люди, ни птицы, ни животные, ни даже насекомые и черви – не будет голодать. Печаль моего сердца рассеялась, уступив место блаженству.

Одетые как лесные отшельники, все пятеро Пандавов брели по царской дороге. Я шла между ними. Жители Хастины со слезами на глазах осыпали нас цветами. Никто не владел собой. Женщины улюлюкали, старейшины повторяли *мантры*; некоторые подносили нам самое ценное, что у них было. Юдхиштхира не выдержал: «Да сбудутся ваши благие пожелания! Мы будем жить вашей любовью. Мы не примем никаких иных подарков. Отрекшись от всего, мы уходим в лес. Все здесь – собственность царя Дурьйодханы. Спасибо вам уже за одно ваше желание одарить нас – этого нам достаточно».

Через некоторое время я заметила на дороге Духшасану и Карну. В сопровождении своих спутников они ждали нас. Я подумала, что, наверное, жестокий Духшасана пришел попросить прощения, – возможно, наш уход заставил его забыть всю свою ненависть.

Духшасана преградил нам путь. Юдхишхира положил руки ему на плечи:

– Брат, забудем прошлое! Иногда братьям случается гневаться и обижаться друг на друга. Время лечит, разлука сближает. Когда через тринадцать лет мы вернемся, мы станем ближе. Кришна тоже позабудет свою обиду. Позаботься о своих престарелых родителях, а также о Бхишме и Ма Кунти.

Духшасана глумливо расхохотался:

– Да уж, поговорить ты мастак! Ишь как запел! Уж не надеешься ли ты заговорить мне зубы, добиваясь прощения? Я пришел сюда полюбоваться, сколько денег и богатства ты заберешь с собой. Кроме одной смены одежды и оружия не смей брать и соломинки – это приказ Дурьйодханы!

Юдхиштхира с улыбкой отвечал:

– Что ты так волнуешься? Мы строго следуем полученным указаниям. Видишь, кроме одежды и оружия у нас ничего нет. Мы уходим налегке, сдав в казну свои серьги, ожерелья, браслеты, кольца и даже обувь.

Дурьйодхана рассмеялся:

– Ты всегда был отшельником, но как же Бхима? Где его мешок с едой?

Я отрезала:

– Господь Сурья наделил нас способностью досыта кормить тысячи людей. Зачем Бхиме мешок с хастинапурскими харчами?

– Привычка – вторая натура, – нашелся Духшасана. Тщательно осмотрев наше оружие, он пропустил нас.

Но не прошли мы и нескольких шагов, как снова раздался резкий, словно удар хлыста, голос Духшасаны:

– Стоять, Ягьясени! Ты можешь пустить пыль в глаза мне, но Карна видит тебя насквозь! Стой же, кому говорят! Ты царевна, так откуда же в тебе столько жадности до украшений? А, ну конечно, все женщины одинаковые!

Особенно если от мужей не дождешься и колечка, появляются все основания жадничать.

Я остановилась. Внутри у меня похолодело. Духшасана пожирал глазами ожерелье на моей груди, мои браслеты, серьги, обручальные кольца и все прочие украшения. Карна выдавил:

– Снимай все украшения. Границу можно пересекать только в одежде – таков приказ Махараджа. Не пытайся сбить нас с толку. Мы просто исполняем приказ.

Я спокойно ответила:

– Ма Кунти взяла с меня обещание не питать к тебе ненависти. Ты – *дхарма-путра* Матушки, почитаемый нами и дорогой нам. Я замужем, и Майя остановила меня, когда я хотела снять с себя украшения. Вот почему я не оставила их во дворце. У меня есть разрешение Ма Гандхари.

– Гандхари – мать-царица, а мы подчиняемся царю, – Карна был неумолим.

Духшасана грубо пригрозил:

– Красавица, лучше отдавай-ка свои безделушки подобру-поздорову, иначе мы отберем их силой! Не бойсь, от твоей красоты не убудет!

Нитамбини и Майя тоже были здесь – они пришли проститься с нами. Майя сняла с меня все украшения, даже пуссету из носа вынула. Нитамбини убрала мои руки, шею и волосы цветами. Она нежно сказала:

– *Сакхи*, ты выглядишь чистой и несравненной, совсем как отшельница. Майя – настоящая ведьма: если бы ты не послушалась ее, то не угодила бы в эту переделку...

– Я не вижу себя со стороны, чтобы знать, к лицу ли мне эти цветочные украшения, но мужья взирают на меня с таким восторгом, так что я могу представить себе свою несравненную красоту.

Арджуна прошептал:

– До чего же ты прекрасна в этом убранстве! Увидев тебя такой, я хочу оставаться в лесу не тринадцать, а целых

триста лет! Должно быть, украшения слишком грубы для твоих нежных членов, а вот цветочное убранство как раз впору...

Смутившись от восторга, я позабыла печаль и боль разлуки с дорогими мне людьми. Тут я поймала на себе пристальный, завороченный взгляд Карны. Он даже не моргал. В глазах его не горели огоньки ненасытной похоти, – нет, из них лился свет сладостной, сострадательной, тайной любви, подавляемой страсти. Мое сердце забилося. Я проклинала себя: меня взволновал влюбленный взгляд того, кто стал причиной столь тяжкого оскорбления в мой адрес! Боже мой, неужели во мне не осталось и капли самоуважения? Безразлично посмотрев на него, я выступила вперед. Духшасана и Карна следовали за нами по пятам.

Немного впереди, у внешних границ Хастинапура, с блюдами подношений в руках нас ждали Харита – супруга Дроны, и жена Карны, Ритувати. Горожанки собрались здесь же, чтобы пожелать нам благополучного возвращения. Харита обняла меня:

– Кришна, прости моего мужа! Его поступки недостойны брахмана и наставника. Он остался молчаливым свидетелем того, как тебя оскорбляли, и потому растерял все свое благочестие. Твое проклятие погубит всю их династию. Он зависит от Кауравов и потому не восстал против несправедливости. Я признаю все его ошибки. Пожалуйста, не проклинай моего единственного сына Ашватхаму! Храни тебя Господь! Ты – моя близкая *сакхи*, радость моей одинокой жизни. Только ты можешь понять, как больно мне оттого, что ты уходишь...

Склонив голову на грудь Хариты, я тоже всплакнула:

– Милая Харита! Твой Ашватхама мне словно родной сын. Я молюсь о твоём благополучии. Но, *сакхи*, кто я такая, чтобы прощать *гуру* Дрону? Я всего лишь женщина. В глазах ученых и мудрецов женщина – существо не самостоятельное. Честь и бесчестье, нрав, благородство – нет у нее ничего

своего. Доказательством тому – то, что со мной сотворили при дворе Куру. Я-то прошу, но простит ли Господь?

Тут Ритувати схватила меня за руку:

– Царица Кришна! Как женщина я разделяю твою сердечную боль. Мой муж и сам немало сожалеет о том, что обошелся с тобой столь неподобающе. Той ночью он без конца проклинал себя, снова и снова повторяя: «Смерть в ратном бою – вот чем искуплю я свой грех!» Если я стану рассуждать о благородстве моего мужа, ты будешь смеяться, но, поверь мне, он стал таким, каким ты его видишь, из-за дурного общения с Кауравами. И повелся он с ними, мучимый болью оскорбления, которое претерпел на *сваямваре*. Он ожесточился. Я знаю, он преступник. Как его жена, я прошу за него прощения...

Глаза Ритувати наполнились слезами.

Я спокойно сказала:

– Ма Кунти взяла с меня обещание, что я не буду питать ненависти к ее *дхарма-путре*. По первому ее слову я вышла замуж за пятерых. Поэтому, хотя Карна и оскорбил меня при дворе Куру, я не скажу ему ни слова. Счастливо, Ритувати! Успехов твоему супругу и сыновьям!

Я заметила, что, стоя поодаль, Карна напряженно вслушивается в каждое слово нашей беседы, и глаза у него влажные. Ритувати не отпускала мою руку. Взяв с блюда, которое держала ее спутница, драгоценности, она принялась украшать меня ими. Я отпрянула, как от змеи:

– Что это? Зачем? Лесные отшельницы украшений не носят.

Ритувати смиренно молвила:

– Муж велел мне украсить тебя всеми моими драгоценностями. Ты – его золовка. Если ты уйдешь отсюда в одном лишь рубище, он очень оскорбится. У царя Дурьйодханы нет прав на эти украшения, они – собственность Карны. Когда Духшасана забрал твои украшения, Карна послал мне весточку, чтобы я ждала тебя здесь со всеми своими драгоценностями.

Любимая спутница Карны, Асмита, надменно бросила:

– Не удивляйся таким пустякам, Махарани! Лучший из дарителей, Махарадж Карна, не колеблясь расстанется со всем своим имуществом и пожертвует самой своей жизнью!

Я насмешливо сказала:

– По его знаку Духшасана отобрал у меня украшения, и теперь он просит тебя ждать меня здесь с драгоценностями!.. Ничего не скажешь, более подходящего случая блеснуть щедростью и представить себе нельзя! Но, Ритувати, даже эти украшения принадлежат Карне лишь условно, ведь он стал царем Анги не своими силами. Царская корона на его голове – подачка грешного Дурьйодханы. Учитывая все это, могу ли я принять собственность Дурьйодханы? Я получила хороший урок. Щедрость Карны еще доказать нужно. Спасибо за колкости.

Услышав мои слова, Карна опустил голову. Духшасана вспыхнул:

– Увы, какую вопиющую несправедливость допустил царь Друпادا, вверив свое сокровище, Ягьясени, этим евнухам! Видел бы он, как Ягьясени уходит в лес вместе со своими нищими мужьями, – захотел бы искупить свой грех, передав свою дочь доблестному царю Анги, Карне! Откажись же от этих попрошайек, царевна, прими руку богатого и отважного Карны – или любого другого мужчины, на свой выбор! Ведь ты сохранила целомудрие, хотя у тебя и пятеро мужей. Если ты выйдешь замуж еще раз, твое безупречное целомудрие нисколечки не запятнается. Такой роскошной женщиной, как ты, должны наслаждаться только цари, но не бедняки!

Пошлости Духшасаны привели Бхиму в ярость:

– Глупец! Недолго же тебе осталось хвастаться! За то, что ты уколол нежное сердце царицы Драупади, я вырву твое сердце и предложу ей в качестве *аргхьи*. Твоих подпевал я тоже отправлю в ад!

Заметив, что Бхима разошелся не на шутку, Юдхиштхира принялся успокаивать его. Теперь я была

уверена, что если в будущем кто-то и защитит мою честь, то это будет искренний, прямодушный, вспыльчивый Бхимасена. Тот, кто смиряется с надругательством над собственной супругой, дабы избежать войны, кто готов пожертвовать ее честью ради царства, во имя отречения и ненасилия, может быть великой душой и приверженцем *дхармы*, но на самом деле он трус. Можно хранить верность такому человеку, но любить его – невозможно.

Г л а в а 29

Сколь благотворно для души самопожертвование, столь же губительно самолюбие и ограниченность, – я поняла это, едва ступив в лес Камьяка. Три дня подряд мы брели берегом Ганги, а на четвертый вошли в лес. Удивительная красота этого места унесла прочь все мое горе, усталость и уныние.

Высокий бамбук. Над ним – зеленый полог недотроги. За ним играет в прятки девчушка, то появляясь, то исчезая в лесных зарослях. Хотя она ужасно застенчива, ей очень хочется нам помочь. Ее звонкий смех, размеренные шаги и, наконец, голос растворяются в тиши лесной. Я всматриваюсь в чащу, но она не появляется. Заметив мою усталость, Юдхиштхира говорит: «Смотри: с незапамятных времен дочь гор Тандравати несет свои воды через эти дебри, так далеко от своих истоков. Усталость ей неведома! Цель ее – море; по пути к нему она питает землю, окрашивая берега свои зеленым цветом. Такова жизнь. Грош цена жизни человека, который, продвигаясь к своей цели, неспособен принести благо друзьям и родственникам, стране и обществу. Жажду не утолить морской водой, но пресная речная вода поит нас. Какой смысл в имуществе, если не помогать бедным? Теперь Дурьйодхана правит Хастинапуром и Индрапрастхой, но если ему нет дела до подданных, какой смысл в таком правлении? Ягьясени, уроки, которые мы получим за двенадцать лет своего изгнания, будут дороже всего того, что мы изучали

вдали отсюда. Они принесут нам счастье. Господь отправил нас в лес ради нашего же блага».

По другую сторону бамбуковых зарослей показался водопад. Над зеленым лесом лазурным шатром распласталось небо. Надо же, какое оно голубое! А вот эти горы – синие. По ним разбросаны рваные белые облака. А другие, слоистые облака напоминают *тилаку* из пепла на теле погруженного в медитацию йога. Чтобы вывести похожие на йогов горы из медитации, листья и цветы на деревьях превратились в нимф дождя. Но горы по-прежнему невозмутимы. Облака постепенно растворяются в небе, и кажется, будто пепел осыпается с тела мудреца. Спускаясь пониже, они сливаются в пелену и благословляют землю дождем. Облака здесь свободны, как дикие птицы: в поисках смысла жизни они плавают над нами, как им заблагорассудится.

Разные виды вьюнков, деревьев, растений налиты соком; многообразные цветы и фрукты, большие и малые – природа открылась перед нами во всей красе, намекая на мирное сосуществование со всеми своими чадами. Деревья соперничали друг с другом в своем стремлении к солнцу: желая обогнать собратьев, каждое тянулось ввысь, чтобы пить солнечный свет. Все деревья были высокими, прекрасными, сильными каждый на своем месте. Но человек!.. Он хочет расти, принижая других, подавляя их даже ценою *дхармы* и справедливости, и доказательством тому – обращение Кауравов со их братьями Пандавами.

Каждый из нас прикоснулся к таинству уединения: Юдхиштхира стал еще большим философом; Арджуна забылся в поэзии; Бхима счел, что теперь мы – хозяева этих мест; Накула восхищался своим отражением в ручье; Сахадева искал лесные тропы и строил планы на будущее.

Я зачарованно сказала:

– Стало быть, мы проведем в лесу Камьяка целых двенадцать лет! Построим хижину на берегу Тандравати и мирно проживем.

Юдхиштхира спросил мнения Сахадевы. Тот ответил:

– Лес Камьяка – со всех точек зрения подходящее место, если здесь нет *киратов*.

Юдхиштхира удивился:

– Что за беда? Подружимся с ними. Тогда нам не придется скучать в разлуке с друзьями, которые остались в городе.

– С ними не подружишься. Даже мудрецы не хотят предаваться подвижничеству здесь в страхе перед *киратами*. Брахманы и *кишатрии* тоже не заходят сюда в страхе перед этим зверьем.

Я спросила:

– Но почему они враждуют с брахманами и *кишатриями*?

Сахадева обстоятельно разъяснил:

– Один из *киратов*, Джара Экалавья, умолял гуру Дрону принять его в ученики. Неизвестно, как отнеслись бы царевичи к тому, что их однокашником стал отпрыск *киратов*. Опасаясь Кауравов, Дрона отверг Джару, но тот не сдался: слепил из глины образ Дроны и упражнялся в стрельбе из лука перед ним. Так он достиг мастерства. Позже, прослышав об этом и отметив способности Экалавьи, Дрона встревожился, ведь тому ничего не стоило наголову разбить Кауравов. Чтобы защитить учеников, Дрона поступил жестоко: под предлогом *гуру-дакинины* он попросил большой палец правой руки у простого, преданного и целеустремленного Экалавьи. Могут ли *кираты* простить оскорбление, которое нанесли им Кауравы, и награду, запрошенную Дроной? Вот почему они хотят стереть арийцев с лица земли.

Бхима сказал:

– Но ведь Юдхиштхира и Арджуна заступились за Экалавью! Они тоже просили Дрону принять его в ученики. Все люди братья, так что Джара ничем не хуже брахмана или *кишатрия*. Пандавы ходатайствовали за него перед Дроной. И все же, опасаясь потерять свое положение, ученый Дрона

сделал то, что сделал. Пандавы здесь не при чем. Неужели нельзя объяснить это *киратам*?

Арджуна грустно улыбнулся:

– Люди склонны забывать сотни оказанным им услуг, но одну-единственную обиду будут помнить всю свою жизнь. Возможно, нам *кираты* не враги, но они враги *кишатриев*. Наши враги остались в Хастинапуре, зачем же наживать себе новых? Пойдемте в какой-нибудь другой лес. Пусть *кираты* спят спокойно...

– Не бывать этому! Нам что теперь, бежать отсюда в страхе перед *киратами*?! Могут ли они тягаться со мной? – вспыхнул Бхима.

Юдхистхира сказал:

– Жестокость и гнев порождают печаль и вредят обоим сторонам. Победа ценою крови может принести богатство, собственность, царство и силу, но не принесет мира, дружбы и счастья. Неправильно всегда выбирать путь жестокости. Есть другое, тайное средство победить врага. Этой *мантрой* владеет Ягьясени, поэтому было бы хорошо, если бы о нашем мирном проживании в лесу Камьяка позаботилась она.

Я горячо откликнулась:

– В лесу Камьяка не будет классовых, кастовых, расовых различий. Нужно восстановить справедливость по отношению к Экалавье. То, что сделали с ним арийцы – веская причина для ненависти. Но, связав их узами дружбы, мы положим начало великому единению арийцев и неарийских племен. У меня в руках – волшебный сосуд. Ежедневно в лесу Камьяка *кираты* и Пандавы будут обедать за одним столом. Я сама буду подавать пищу каждому из них.

– А я – убирать за всеми использованные листья, – радостно подхватил Арджуна.

– Как же иначе, ты ведь ученик *сакхи*, – с ласковой улыбкой прошептала я.

Вдруг раздался громopodobный рев. Сахадева сообщил:

– Это не гром. Это *кират* Кирмир бросает нам вызов. Он – вождь туземцев. Он молод, бесстрашен и очень силен. Он жаждет крови брахманов и *кишатриев*, и сегодня, похоже, удача улыбнулась ему. Нам грозит опасность – Кирмир может поднять целый холм и швырнуть его в море. Господи, помоги!..

Вращая булавой, Бхима побежал на звук. Ошеломленные, мы оставались на местах. Раздались звуки сражения. Юдхиштхира приуныл:

– В первый же день своего пребывания в лесу мы обагрили землю кровью – что могло стать большей неудачей?

– А что нам оставалось делать?

– Я знаю, Бхима убьет его. Но, убивая противников, невозможно погасить вражду. Сегодня погибнет Кирмир, а завтра мы столкнемся с другим *киратом*. Возможно, все *кираты* объединятся и нападут на нас. Даже если Бхима и Арджуна перебьют всех туземцев, они останутся врагами брахманов и *кишатриев* и пронесут эту враждебность через века. В результате не только мы, но и все человечество окажется в опасности. Спася Кирмира, мы сумеем построить мост дружбы между *киратами* и Пандавами. Только Драупади может спасти Кирмира от Бхимы, – заключил Юдхиштхира.

Набравшись смелости, я отправилась на место событий. Уложив противника наземь, Бхима грозил ему булавой. Кирмир со сложенными ладонями молил о пощаде, но Бхима не слушал и уже собирался было нанести роковой удар. Я выскочила вперед, вскричав: «Господин мой, пощади Кирмира!» От неожиданности рука Бхимы застыла в воздухе. Потрясенная его грозным видом, я потеряла сознание.

Позже я узнала, что *кират* остался жив. Он не мог понять, что за богиня появилась так внезапно и спасла его, а теперь сама без чувств лежала на земле. Кирмир сбегал за водой – он принес ее из ручья в ладонях, обрызгал мне лицо и принялся растирать мне стопы. Открыв глаза, я обнаружила, что Бхима сидит у меня в головах, а Кирмир в ногах. Вокруг

стояли Пандавы. Видя, что я пришла в себя, они словно ожили. Кирмир утирал слезы:

– Ма! *Деву!* Кто ты – Парвати или Лакшми? Спасая этого низкого человека, ты сама оказалась в опасности! Мать, как же я верну тебе этот долг? Я жду твоих приказаний.

Простые, искренние речи Кирмира заставили меня позабыть всю печаль:

– Кирмир, ты уже назвал меня матерью – что же еще ты хочешь обо мне знать? Женщина любого возраста – прежде всего мать. Так почему же супруга пятерых Пандавов, Драупади, не может быть матерью Кирмира?

Кирмир рыдал:

– Прости меня, мать! Я знаю, ныне царица Драупади живет в лесу. Но когда же вы пожаловали в Камьяку? Оставайтесь здесь, сколько пожелаете, – здесь вы в безопасности.

Я тут же нашлась:

– Если даже сейчас *кираты* считают моих мужей врагами, нам придется покинуть этот лес. Но, видишь ли, сами Пандавы никогда не смотрели на *шабаров* свысока. Все люди братья – это они знают наверняка. Вот почему Драупади вышла за них замуж.

– Ма, с сегодняшнего дня племя *шабаров* – друзья Пандавов. В сердцах местных жителей не будет места ненависти к ним. Мы ненавидели арийцев из-за того, что нас обидели Кауравы; истребить их – дело всей нашей жизни.

Юдхиштхира сказал:

– Такова же и наша клятва – с тех пор, как при дворе Куру они оскорбили Драупади. У нас с вами одна цель, так что мы должны подружиться. На заре творения люди были равны. Человек – дитя природы. У каждого есть право на жизнь. Солнце, луна, дождь, ветер, времена года – все это затрагивает людей в равной степени. Различия между людьми провели они сами. Для защиты общества и прогресса цивилизации разные люди несут разную долю

ответственности. Ради блага общества существуют разные касты. В семье не бывает неприкасаемых, хотя женщина убирает использованные листья за всеми, моет полы, стирает одежду. Почему же в обществе тот, кто делает ту же самую работу, считается неприкасаемым? Рама, лучший из людей, ел фрукты, надкушенные *шабари*. Это ничуть не принизило Его. Он подружился с туземцем Гухой, не считая его низшим. Тот, кто проводит различия между людьми, противостоит Творцу. Дорогой Кирмир, не держи на нас зла, одари нас дружбой! Вот увидишь, сюда пожалуют мудрецы. Их благословениями обитатели этого леса получают безмерное благо. Цивилизация будет развиваться благодаря обмену опытом.

Слава тому императору, кто смиренно молит о дружбе! Кирмир запинался от волнения:

– Наша судьба изменилась – вот почему вы направили сюда свои стопы! Я все объясню своим друзьям и близким. Двое моих братьев, Кират и Вирата, планомерно истребляют *кшатриев*. Ма Панчали сумеет обуздать их. Остальных я беру на себя. Я – вождь здешних *шабаров*. Меня послушаются. Подружившись с Сугривой, Рама завоевал Ланку и убил Равану. Точно так же, подружившись с вождем этого племени Кирмиром, царь Юдхиштхира завоюет Хастинапур и уничтожит Кауравов. По твоему слову завтра утром войско *шабаров* двинется на Хастинапур.

Юдхиштхира смиренно сложил ладони:

– Нет-нет, друг мой, пойми нас правильно! Завоевание Хастинапура или уничтожение Кауравов не входит в наши планы. Когда через тринадцать лет жизни в лесу мы возвратимся домой, мы вернем себе принадлежащее нам по праву, и этого вполне достаточно. Мы не примем царствование над Индрапрастхой ни днем раньше, иначе нарушим свое обещание. Наша дружба бескорыстна. Мы хотим просто дружить. Поистине, с настоящим другом и море по колено.

Кирмир был ошеломлен благородством Юдхиштхиры. Весть о дружбе молниеносно облетела лес Камьяка. Кирмир,

Кират, Вирата и другие лесные жители – все явились на встречу с нами. Даже дикие звери пришли, чтобы подружиться.

По такому случаю я позаботилась об угощении. Собственноручно приготовив пищу в волшебном сосуде, я усадила Пандавов и *шабаров* рядом и накормила их. В тот день лес был полон *амриты*. Я объявила: «Пока Пандавы живут в лесу Камьяка, никто здесь не будет голодать. Пандавы и *шабары* ежедневно будут обедать вместе. Пандавам следует принимать угощения из рук *шабаров*, а подавать пищу *шабарам* буду я. Этому правилу мы будем следовать в любое время года».

Раздались приветственные возгласы в адрес Пандавов. Люди пустились в пляс, зазвучали песни. Довольная всем происходящим, я подумала: сколь же благороден может быть человек! И каким до неузнаваемости мелочным может он стать!

Г л а в а 30

С волшебным сосудом в руках, я все же вынуждена была оставаться голодной целый день: стоило мне поесть, как сосуд прекращал производить пищу. Поэтому, в то время как остальные завтракали, обедали и ужинали, я постилась, до полуночи ожидая незваных гостей. Меня это ничуть не смущало. Ради того, чтобы накормить сотни, один может и поголодать. С этими мыслями я каждый день кормила лесных жителей, в том числе птиц и зверей, насекомых и червей. Да уж, в лесу Камьяка даже насекомым и червям голодать не пришлось. После того, как все поели, я могла утолить голод и жажду.

Женщина – мать, полная *амриты*. Как только на свет появляется ребенок, мужчина становится отцом, а женщина – матерью. Но именно женщина направляет в рот ребенка струю *амриты* – мужчина не способен на это. Поэтому женщина – кормилица, Аннапурна. Для женщины

естественно находить радость в том, чтобы наполнять желудки. Как женщина, я отчасти воплощала собой богиню Аннапурну, и утолять голод и жажду других было для меня праздником. Я всегда благодарила Господа Сурью за волшебный сосуд.

Время от времени я вспоминала своих детей и Абхиманью. Мужчины, женщины, дети, стар и млад, – в лесу Камьяка все ели вместе. Подавая пищу, я замечала, что сердце мое побаливает. Что же едят мои сыновья? Готовит ли Субхадра их любимые блюда? Когда я вспоминала младшенького, сына Сахадевы Шрутакарму, из груди моих начинало течь молоко. Вплоть до печального дня нашего изгнания он оставался грудным ребенком. В царстве *сакхи* Кришны никто не голодает, но без материнского молока мое чудо будет плакать. Он может вырасти худышкой. Мою кухню обожал даже Абхиманью. Ответственность за всех детей лежала на Субхадре, но кормила их именно я. Изливая свою материнскую заботу на *шабарских* детей, я пыталась утолить боль разлуки с сыновьями.

В лесу Камьяка наша хижина была на некотором расстоянии от стоянки *шабаров*. Я ходила к *шабарам* ежедневно, все более и более сближаясь с ними. Когда я не приходила, все они в тот же день появлялись у нашей хижины: «Чем мы вас обидели? Почему тебя не видно?» Меня трогала невинная любовь этих простодушных людей.

Последователи Кирмира, Кират и Вирата, отказались от своего обета истребить *кишатриев*; теперь они стали друзьями Пандавов. В лесу Камьяка больше не было места ненависти и насилию. Мудрецы и отшельники могли безбоязненно совершать здесь свои обряды, которыми *шабары* тоже заинтересовались. Лес Камьяка стал местом единения арийцев с не-арийцами. Пандавы одевались как *шабары*, в древесную кору. Внешностью и поведением они все больше напоминали туземцев, причем Бхима казался их вождем. Я оделась как *шабари*. Принимая участие в их праздниках и обрядах, мы забыли, что мы – потомки царственного

арийского рода, пришедшие сюда из Индрапрастхи и рано или поздно вынужденные туда вернуться.

Одна-единственная мысль не давала мне покоя: мысль о детях. Глядя на игры *шабарских* детей, я звала своих. Молоко текло из моих грудей. Я думала: если мне суждена разлука с детьми, то почему же мои груди по-прежнему полны молока? Когда я видела какую-нибудь *шабари*, кормящую младенца, мои груди наливались, а из глаз текли слезы, и я спрашивала мужа:

– Когда же кончатся эти муки?

Юдхиштхира сострадал мне, но в то же время оставался отрешенным, словно йог:

– Будь благороднее, Ягьясени, смотри на вещи шире. Считай всех этих детей своими, и ты обнаружишь, что разлука с пятерыми сыновьями больше не причиняет тебе боль. Ты – мать, ты – подательница жизни, ты полна *амриты*. Сердце матери широко, как океан. Пусть же твоя материнская любовь прольется на бесчисленные страждущие души этого мира. Подари свою любовь всем и каждому. Вот увидишь, ты станешь самым счастливым человеком на свете.

Слова Юдхиштхиры были подобны букве священных писаний. Каждый его совет был в высшей степени похвален. Но как последовать им? Чтобы вернуть себе спокойствие, я приняла слова Юдхиштхиры всем сердцем, излив свою материнскую любовь на жителей *шабарских* деревень.

У Вираты были два сына-близнеца, Камбу и Джамбу. Оба – кожа да кости. Мне было жаль их. Почему эти двое так отощали в столь чудесном, полном фруктов лесу? Лежа на полу, они таращили на меня свои глазенки и сосали тонкие пальчики. Чем бы утолить их голод? Они всё плакали и плакали. Я спросила жену Кирата, Шрию:

– Их мать ушла в лес? Почему они такие тощие? Неужели матери нет до них никакого дела?

– Да, она ушла и не вернулась – много дней назад ее унес тигр. Этим двоим было всего-то два месяца от роду. Теперь их мать я, но вопреки всей любви моего сердца молока у меня

нет. До сих пор я не стала матерью, откуда же в моей груди взяться молоку? Я не знаю, что делать...

Со слезами на глазах Шрия смотрела на детей. Я немедленно взяла их на руки. Из груди потекло молоко.

– Не обижайся, сестра. Я должна их спасти.

– О чем речь? Это великое счастье! Но...

– Что? – встревожилась я.

Шрия смиренно сказала:

– Ты – арийка. Вскормив неарийских детей, ты наверняка преступишь свою *дхарму*. Ты же знаешь, что случилось с Экалавьей...

Я взяла Шрию за руку:

– Сестра, забудем прошлое. Арийцы, не-арийцы – все это людские выдумки. Мы с вами одной крови, мы вскормлены одним и тем же молоком. Позволь мне стяжать благочестие!

Шрия серьезно сказала:

– Ты должна подкрепиться. У кормящей матери особая диета; если она будет питаться вместе со всеми, это может повредить детям. Так ты поешь у нас? Но... ты ведь арийка, как же ты примешь пищу из неарийского дома?

– Шрия! Господь Рама принял надкушенные *шабари* фрукты, и слава Его от этого не померкла. У моего мужа Бхимы есть еще одна жена, Хидимба. Так вот, она – *ракшаси*! Арджуна женат на царевне патальских *нагов*, Улупи. Мы дружим с жителями всех трех миров, поэтому я приму пищу из твоих рук как *амриту*, которой затем наполню голодные рты этих детей.

Шрия немедля накормила меня. Я покорно съела все предложенное, после чего покормила младенцев грудью. Домой я вернулась с чувством глубокого удовлетворения и с миром на душе, убедившись в истинности слов Юдхиштхиры. С того самого дня, накормив остальных, я отправлялась в деревню *шабаров*. Там я делила трапезу со Шрией, а затем изливала свою материнскую любовь. Постепенно дети подросли и окрепли. Они стали звать меня

мамой. Я стала матерью мира, Аннапурной, в глазах которой все равны, которой неведомы расовые, религиозные различия, для которой не существует правителей и подданных. Теперь я была счастлива. Для матери человек – это всегда дитя: дитя вечности.

Г л а в а 31

Сегодня день рождения *сакхи*, восьмой день темной половины месяца бхадра. В Двараке состоится торжество. Ма Кунти тоже отмечает день рождения Кришны с особенной пышностью. Приготовив множество лакомств при помощи волшебного сосуда, я раздала их обитателям леса Камьяка. До вечера я буду ждать гостей. Усадив Камбу и Джамбу на колени, я накормила их сладостями. Они уже поправились и быстро растут; пора отлучать их от груди. Накормив их, я внезапно подумала о *сакхе*. Должно быть, сегодня Он особенно прекрасен: на Его челе – рисунки сандаловой пастой, на шее – гирлянды лесных цветов! Должно быть, Деваки и Васудева с удовольствием раздадут сладости. Вспоминает ли *сакха* меня посреди всех этих празднеств? Могучий правитель Двараки, лучший из людей Шри Кришна – и лишенные царства лесные изгнанники Пандавы со своей женой Драупади...

Он обещал навещать меня время от времени. Но когда же? До сих пор Он ни разу не появился. Я думала: «*Сакха*, почему в день Твоего рождения мне не дают покоя мысли о Тебе? Твой чарующий образ то и дело скользит по зеркальной глади моего ума. Когда Ты отведаешь моей стряпни, выпадет ли мне счастье вкусить остатки? С тех пор, как мы поселились в лесу Камьяка, нас посетило столько незваных гостей! При помощи волшебного сосуда нам удастся накормить всех и каждого. Вот и сегодня многие пришли и ушли, приняв угощение. Но мой ум неспокоен, а сердце не удовлетворено». Так или иначе, внутренний голос сообщил мне: «Гость придет; Он уже в пути; вскоре Он появится».

Я не притрагивалась к пище допоздна. Пхалгуни спросил:

– Кришна, как долго еще ты собираешься ждать? Кто может пожаловать в гости в столь поздний час? Ты трудилась целый день. Теперь поешь. Ты накормила каждого в этом лесу – мудрецов и подвижников, детей, стариков и женщин, насекомых и червей. Кого же ты ждешь еще?

Я решительно заявила:

– Сердце говорит мне, что придет *сакха!*

– Прямо сейчас, глухой ночью?

– Тебе ли не знать, что для *сакхи* любое время – благоприятно?

Пхалгуни нежно взял меня за руку:

– Ты любишь *сакху* больше, чем меня?

– Могу ли я спросить тебя о том же?

– Ответ будет утвердительным: да, мне *сакха* дороже всех.

– Я отвечу то же самое. Но моя любовь к *сакхе* несказанна, безгранична, несравненна.

С глубокой нежностью Пхалгуни сказал:

– Кришна! Я не ревную, но боюсь, что в своей возвышенной любви к *сакхе* ты можешь превзойти даже меня. Не исключено, что и ты Ему дороже.

Я рассмеялась:

– Милый, я в тебе, а ты – во мне. Разве так уж важно, кто из нас дороже *сакхе*? Скорее, если кто-то один из нас особенно любим *сакхой*, это приносит благо и другому.

Оставив шутки, Пхалгуни серьезно попросил меня поесть, однако я не решалась: что, если появится *сакха*? Чем я Его угощу?

Пхалгуни успокоил меня:

– Даже если Он придет, – неужели ты думаешь, что Он голодал до самой ночи? Неужели правитель Двараки так нуждается в провизии, что глухой ночью пожалует сюда, в лес, в поисках съестного? Положим, Он действительно сейчас

голоден. Тогда приготовь на двоих! Свою порцию я сперва предложу *сакхе*. Моя жизнь принадлежит Ему. Прежде чем принять твою руку, я предложил ее *сакхе*. Что бы я ни ел – остатки Его трапезы. Что бы я ни чувствовал, сперва пережито Им. Если ты попытаешься найти *сакху* во мне – ты обретишь Его.

И правда, глупо было ждать *сакху* в столь поздний час. Мне также было известно, что Кришна и Арджуна разнятся лишь обликом; сердцем и душой они едины. С великой заботой, со всем почтением и легким оттенком материнской нежности, смешанной со сладостью чистой любви, поставила я пищу перед Пхалгуни. Предложив ее Кришне, он поел. Доедая остатки его трапезы, я обрела высочайший покой. Вымыв волшебный сосуд, я спрятала его и улеглась спать с мыслями о Кришне.

Во сне ли, наяву ли – сердцем я слышала чарующую флейту, и благоухающий сандаловой пастой, облаченный в желтое Кришна простирал ко мне руки: «*Сакхи*, Я умираю от жажды! Водой ее не утолить, -

вот почему, невзирая на бурю, Я мчусь к тебе в такую даль. Я прослышал, что ты затопила лес Камьяка своей материнской любовью. По твоей милости никто не голодает, даже насекомые и черви. Твое сердце полно живительного бальзама *сандживани*. О благая, сегодня, в день Моего рождения, горло Мое пересохло. Хотя бы глоток *амриты*! Утоли Мою жажду и прославь Меня».

Взволнованная и восхищенная, я покрылась мурашками. Сердцем я чувствовала присутствие матушки Яшоды. Кем была я в тот миг – Кришной или Яшодой? Все трудности исчезли, мой избавитель был передо мною: дитя Гопал. Его личико сияло безупречной чистотой. Гопал, воришка масла и творога, просит *амриты*! И вот она уже капает из моей груди. Кришна пьет ее из пригоршни. В облике ребенка со мною был Кришна! Он утолил боль материнского сердца, наполнив меня *амритой*. Я с любовью вздыхала: «Кришна... Канхея... Кана...»

Меня разбудило прикосновение Пхалгуни:

– Что это ты бормочешь о Кришне, как в бреду? Ты видела Его во сне?

Я расплакалась:

– Кришна!.. Нет, я звала своего сына. Все пятеро моих сыновей превратились в Кришну и требовали *амриты*. Во сне, кормя детей *амритой* из своей груди, я нашла глубокое удовлетворение.

И правда, одежда была мокрая от молока. Выслушав мой сон, Арджуна заключил:

– Великодушная и сострадательная мать в тебе, накормив Кришну *амритой*, раздала ее всем детям на свете. Даже во сне помыслы твои – с голодающими детьми этого мира. Твое благородство не знает себе равных.

И тут появился *сакха*. Несмотря на кромешную тьму ночи убывающей луны, невзирая на нескончаемые дожди месяца бхадра, хижина лесных скитальцев, потерявших царство ссыльных Пандавов, озарилась голубым языком пламени: перед нами стояла совершенная Личность, *сакха* Кришна!

Потрясенный Арджуна промолвил:

– *Сакха*, как оказался Ты здесь, в лесу, такой ужасной ночью? Что заставило Тебя покинуть Двараку?

Кришна ласково улыбался:

– Тот, кто пришел в этот мир, покинув чертог материнского чрева такой же жуткой ночью, – станет ли Он выбирать подходящее время? И есть ли такое место, которое осталось бы для Него недоступным?

– С чем же Ты пожаловал так внезапно? Все ли благополучно в Двараке? Счастлива ли Субхадра с детьми? – спросил Арджуна.

Кришна спокойно ответил:

– Все в порядке. Причина моего визита в следующем: внезапно Я вспомнил кухню Кришны. Мне подумалось: сегодня – день Моего рождения; должно быть, она

приготовит много чудесных яств. Страшно голодный, Я отправился в путь. Целый день Я гадал: какие блюда приготовила Кришна? Кстати, Я все еще голоден. Мне казалось, что кто-то ждал Меня, – вот почему, несмотря на бурю, Я здесь. Видишь, Я вымок насквозь!

Желтые одежды прилипли к телу *сакхи*; со вьющихся волос одна за другой падали дождевые капли. Волнуясь, Арджуна наскоро переделал Его в свою сухую одежду, вытер Ему стопы, осушил волосы и тело. А я? Я сидела сложа руки! Полночь! Что я могу предложить *сакхе* в столь поздний час? Я уже поела – в волшебном сосуде не осталось ни крохи. Мое сердце разрывалось: «Но *сакха*, чем же мне угостить Тебя?» Я ведь собиралась поститься целый день, так зачем же уступила требованию Арджуны и поела? Он прибыл издалека, только чтобы отведать моей стряпни. Чем же теперь мне порадовать Его?

Переодетый Арджуной, *сакха* выглядел очень похожим на него и говорил так, будто ничего не знает:

– *Сакхи*, не заставляй Меня ждать! Я просто умираю с голоду!

Слезы застилали мне глаза. Кто ходит в гости глухой ночью и будит хозяев просьбой о еде? Не переходит ли это все рамки приличия? Более того, *сакха* знает, что волшебный сосуд уже опустел, Ягьясени больше не Аннапурна. Он нарочно беспокоит меня. Ну хорошо, если Ему так угодно...

Пхалгуни понимал, каково мне, и взволнованно спросил:

– *Сакха*, Тебе нравится беспокоить Кришну дождливой ночью? Ты все еще недоволен, зная, что ей довелось пережить? Без Твоей воли и былинка не шелохнется.

Сакха не удостоил слова Арджуны вниманием, – Он смотрел на меня:

– Ты не оставила Мне ни крохи? Я полагал, что в день Моего рождения ты побережешь для Меня хоть немного. Но что Я вижу? Наевшись досыта, опустошив все запасы, ты завалилась спать!.. Прямо не верится...

Я промолвила с укоризной:

– Если гостям приходится уйти голодными, они проклинают хозяев. Сделай то же самое, я с радостью приму это. Убоится ли проклятий та, чья жизнь – одно сплошное проклятие?

Сакху разобрал смех:

– Кто сказал, что твоя жизнь – проклятие? Подойди ко Мне, *сакхи*, покажи свою ладонь. Ну-с, какое будущее сулят эти линии?..

Я и охнуть не успела, как Он схватил меня за руку. Обиженная и злая, я хотела было вырваться, но Арджуна шепнул мне на ухо: «Покажи *сакхе* ладонь! Его предсказания всегда сбываются. Кроме того, прикоснувшись к твоей руке, Он позабудет голод и жажду, а ты спасешься от проклятия голодного гостя».

Сакха держал мою ладонь в Своей, разглядывая каждый палец. Я заметила, что под ногтем у меня застряла крошка съестного. Усталая, перед сном я вымыла руки наспех, крошка осталась под ногтем и высохла. Я готова была провалиться сквозь землю со стыда – *сакха* держит мою немытую руку в Своей! А *сакха* достал эту крошку и съел ее, как если бы это был *прасад*.

Я была потрясена. Что Он натворил! Это же были мои объедки! Он заклеил меня печатью греха. Но прежде чем я успела сказать хоть слово, *сакха* удовлетворенно похлопал Себя по животу и рассмеялся:

– О *сакхи*, если одна-единственная крошка приготовленной тобою пищи такая сытная, то, отведай Я порцию побольше – и Мне грозило бы несварение! Это столь же очевидно, как и то, что Я появился здесь после того, как ты уже поела.

Пока я проклинала свою халатность, *сакха* сыто икнул и, довольный, принялся нахваливать мою кухню. Ошеломленная, я дивилась Его мистической силе. Столкнувшись с нею, все мои представления о грехе и

благочестии, *дхарме* и *адхарме* рухнули. Отправив нас отдыхать, Сам Он тоже улегся, а перед рассветом исчез.

Тайна этого драматичного появления и исчезновения *сакхи* открылась на следующий день, когда к нам пожаловал божественный мудрец Нарада. Снова и снова славил он дружеские чувства *сакхи*: чтобы спасти друга от проклятия Дурвасы, темной дождливой ночью Кришна проник в непроходимую лесную чащу и съел всего одну крошку пищи. Довольный служением Дурьйодханы, по его просьбе Дурваса с тысячей своих учеников явился в лес Камьяка после полуночи. Дурьйодхана был уверен, что до рассвета волшебный сосуд пустует и я не Аннапурна. Дурваса должен был попросить Пандавов немедленно накормить своих учеников. Предполагалось, что беспомощные Пандавы навлекут на себя ярость Дурвасы и будут уничтожены.

Но сгорит ли в огне проклятия Дурвасы тот, чей друг – спаситель Кришна? Приняв кроху съестного из-под моего ногтя, Душа вселенной, Кришна, остался доволен, – вот почему Дурваса и его ученики тоже насытились. Едва ступив в лес, они позабыли голод: их животы оказались полными под завязку! Все это было волшебством Кришны. Они поняли, в чем дело, и, устыдившись, спешно удалились.

Выслушав Нараду, я была в восторге. Приняв мои объедки, Кришна ввел меня в грех, но спас моих мужей от проклятия. Мое сердце, ум и душа сами собой преклонились к стопам Кришны.

Г л а в а 32

Когда замысел погубить Пандавов через проклятие Дурвасы не сработал, Дурьйодхане пришел на память обет Карны. Рожденный в золотом панцире и с золотыми же серьгами, непобедимый Карна резким, серьезным тоном поклялся: «Первый шаг к уничтожению Пандавов – убить Арджуну. Я рожден для этого. Если Господь всемогущ, если Он способен Сам делать все, что считает нужным, зачем тогда

Он дал человеку целых четыре конечности, мозг и все остальное?»

Дерзкая клятва Карны громом раскатилась по Арьяварте. Пятеро отшельников, Пандавы, были подавлены такими вестями. Ма Кунти погрузилась в глубокую печаль. Ее тревожные стенания достигли Кришны. Как только Он прознаёт о чьей-либо скорби, страдания покидают такого человека. Я всецело полагаюсь на Него.

Внезапно Девариши Нарада принес вести о том, что Карна лишился своих доспехов и серег. Выходит, теперь опасность грозит не Арджуне, а самому Карне! Отец Арджуны, Индра, услышав о клятве Карны, появился перед ним в обличье брахмана и попросил его серьги и доспехи в милостыню. Именно в них крылся секрет могущества Карны. Даже зная все это, гордый своей щедростью Карна не колеблясь пожертвовал силой и красотой.

Теперь я была уверена, что жизни Арджуны ничто не угрожает, но порой в глубине моей души играли печальные нотки. О, если бы только Карна не был сиротой, если бы его отец был известен, он наверняка постарался бы защитить сына! Но Карна – беспомощный сирота. Он сознательно отправился напрямик в лапы смерти. Каково же теперь Ма Кунти, ведь Карна – ее приемный сын...

Нарада сообщил: «Карна получил от Индры разрушительное, не знающее промаха оружие, так что не беспокойтесь о нем».

И снова мне стало тревожно за Арджуну и Пандавов. Странная штука ум – услышав о клятве Карны, я стала волноваться за моего мужа, а стоило Карне расстаться с оружием и серьгами, как я прониклась симпатией и сочувствием к нему самому. Но уже следующее мгновение наполнило меня страхом перед разрушительным оружием Карны, которое он не преминет обратить против Пандавов. Меня снедали беспокойства. В эту тяжкую годину отчаяния появился *сакха*:

– Так о ком ты тревожишься – о Карне или об Арджуне? Оба равны в воинском искусстве и героизме. Оба – сыновья Кунти: один родной, другой – приемный. Я знаю, она равно любит обоих. В твоих глазах они тоже равны?

Я и не предполагала, что Он начнет отпускать шуточки по поводу Карны. Конечно же, Он сильно смутил меня. Я зарделась, и это не осталось для Него незамеченным. Наконец я взяла себя в руки:

– *Сакха*, в конце концов, сердце не камень, а женское сердце – и подавно. Каким бы грозным врагом ни был тот, кого так любит матушка, его смерть не доставит мне удовольствия. Не подобает убивать из жажды мести. Человек не властен над рождением и смертью. Зачем брать на себя такую ответственность? Мой ум проникся естественной симпатией к Карне. Затем, когда он получил сокрушительное оружие, я встревожилась об Арджуне, – тут уж и вовсе удивляться нечему.

Сакха рассмеялся:

– Однажды, когда ты тонула в реке, Карна спас тебя. То, что ты к нему расположена, – более чем естественно. Неблагодарность превращает человека в зверя. А насчет Арджуны не тревожься: Карна может применить это оружие только единожды, после чего оно вернется к Индре. Что если Карна промахнется?

Ухмылка Кришны вселила в меня надежду. И правда, чего бояться Арджуне в Его присутствии? Я сказала:

– Если у меня будет возможность спасти жизнь отважному Карне, тогда я избавлюсь от этого тяжелого, гнетущего бремени долга по отношению к нему. Он спас мне жизнь и тем самым сделал меня своей должницей. Чтобы вернуть Карне этот долг, я готова, если придется, спасти его жизнь ценою собственной. Я обязана тому, чьи враги – мои мужья. Когда бы я ни вспомнила об этом, я погружаюсь в уныние...

Кришна многозначительно посмотрел на меня:

– Ошибаешься, *сакхи!* Твои мужья – не враги Карны. Это Карна – враг твоим мужьям. Одно его желание – и он стал бы лучшим другом Пандавов. Только из зависти к Арджуне он пожимает руки Кауравам. Он счел гордыню мужеством и тем самым призвал на свою голову смерть. Если бы его жизнь и смерть были в твоих руках, он предпочел бы смерть. Твоя доброта и расположение не заставят его отступить. Злейший враг Карны – его собственная гордыня.

Долг – тяжкое бремя. Быть в долгу перед гордецом хуже смерти. Уж лучше было бы мне утонуть: если бы течение моей жизни растворилось в течении Ямуны, я бы спаслась от стольких невзгод, стольких затруднений, стольких опасностей!

Г л а в а 33

Среди Пандавов всегда ходили разговоры о том, как вернуть трон Хастинапура. Но Юдхиштхира не принимал в них участия. Его молчание приводило меня в гнев:

– Тот, по чьей недалёковидности доблестный Арджуна, Бхима, Накула, Сахадева и я, дочь Друпеды, изгнаны в лес, даже не думает о том, чтобы восстановить справедливость! В сердце того, кто умеет прощать, живет Сам Господь. Но прощать злобу и грех – не *дхарма* кшатрия. Тот, кто проявляет только робость или один лишь гнев – не настоящий мужчина. Мужчине следовало бы проявлять кротость, когда она уместна, и гнев, когда это необходимо.

Слушая такие мои речи, Юдхиштхира невозмутимо отвечал:

– Династия Бхараты встречает закат. Ныне у власти Дурйодхана, который не умеет прощать. Если царь сам не склонен прощать, он вовлекается в непростительные преступления и смертные грехи. Тем самым он обрекает и царство, и династию на вырождение. Поэтому я должен обратиться к прощению, найти прибежище в ненасилии, в истине. Пусть мы увидим возрождение династии Бхараты –

тогда мое подвижничество увенчается успехом. Похоть, гнев, жадность открывают дорогу в ад. Поэтому, преисполнившись терпимости, мы должны просто ждать своего часа, когда удача снова будет к нам благосклонна. К чему эти мысли о завоевании Хастинапура, если нас только что изгнали в лес?

– Бездеятельность не сулит ни мимолетного счастья, ни к вечного блаженства. Судьбу определяют поступки. Возможно ли преодолеть рок, если сидеть, сложа руки? Если уже сейчас не думать о том, как вернуть себе былую славу, возможно ли обеспечить безопасность Пандавов?

– *Дхарма ракшати ракшита*, что значит: защищай *дхарму*, и *дхарма* защитит тебя. Посему – нет таких обстоятельств, которые заставили бы меня отречься от *дхармы*. Ты – образованная женщина. Кто понимает важность защиты *дхармы* лучше тебя?

Мрачно и укоризненно, с полными слез глазами я произнесла:

– *Сакха* свидетель – этот господин *дхармы*, если нужно, покинет всех своих четверых братьев и жену, но никогда не оставит *дхарму*! Но скажи, как *дхарма* защищает меня, опаленную оскорблением? Чем тогда объяснить наше изгнание в лес, кровную клятву Карны убить Арджуну? Похоже, господина *дхармы* совсем не волнует, останутся ли в живых Пандавы...

Наш разговор состоялся в присутствии Кришны. Едва я произнесла последние слова, как появился *гуру* Кришна Дваипаяна. Он призвал меня к терпимости:

– Доченька Кришна! В точности как радоваться победе и горевать о поражении, беспокоиться о жизни и смерти своих пятерых мужей естественно для тебя как для жены, так же и Юдхиштхире совершенно естественно оставаться невозмутимым, слушая все, тобою сказанное. И все же я пришел сюда рассеять ваши тревоги. Это естественно – беспокоиться о Пандавах, не имеющих оружия, способного противостоять натиску такого героя, как Карна, поэтому я сегодня же собираюсь обучить Юдхиштхиру науке *шрути* и

смрити, которую он затем передаст Арджуне. Наука эта поможет Арджуне умиловить Индру, Махадева, Яму, Варуну и Куверу, и те пожалуют ему божественное оружие. Овладей Арджуна огненным оружием – и ему больше нечего бояться клятвы Карны. Довольна ли ты теперь, доченька?

Я молча склонила голову в знак согласия. Передав Юдхишхире необходимые тому знания, Ведавьяса ушел, – вместе со Шри Кришной и Девариши Нарадой.

Г л а в а 34

Захватив с собой лишь Гандиву и колчан с неиссякаемым запасом стрел, Пхалгуни отправился в Гималаи, чтобы суровыми аскезами стяжать божественное оружие. Все братья были рады пожелать ему счастливого пути. Мне подумалось: «Почему именно Арджуне пришлось предаваться аскезам? Почему бы каждому из пятерых братьев не попытаться получить божественное оружие от пятерых богов – Индры, Махадевы, Ямы, Варуны, Куверы? Пхалгуни отважный, преданный и могучий. Почему ему не дано вкушать счастье? Полжизни он провел в лесу, в суровом подвижничестве. Среди всех братьев Пхалгуни самый поэтичный, самый чувствительный. Если он уйдет в Гималаи, моя жизнь в лесу станет и впрямь тягостной. Что выигрывает рок, постоянно разлучая меня с любимым? Как жестоко судьба обходится со мной, причиняя боль и препятствуя моей супружеской любви! Даже если Пхалгуни скроется у меня из виду, я всегда буду видеть его глазами сердца, – похоже, этого-то Провидение не учло. А если ему это известно, то почему оно так бессердечно? Одна лишь мысль о разлуке повергает меня в трепет».

Пхалгуни принимал напутствия с миром на душе и улыбкой на устах. Не было ни тени обиды или упрека. Я спросила:

– Когда ты вернешься?

В прошлый раз мне пришлось ждать двенадцать лет. Но сколько ждать теперь – неизвестно...

Пхалгуни спокойно ответил:

– Конечно, прежде чем наступит год, который мы должны будем прожить неузнанными. Аскезы и их исход – вещь непредсказуемая...

– О чем ты?

– Мне предстоит умиловать пятерых богов. Это займет не менее пяти лет. Вот и все, что я могу сказать. О чем тебе волноваться? В конце концов, с тобой остаются четверо мужей. Сейчас они лесные отшельники, свободные от всякого хлама. Подобно лесному ручью, потекут ваши дни ничем не омрачаемой радости. Поэтому, Кришна, я за тебя спокоен. Будь я твоим единственным мужем, это принесло бы тебе столько неприятностей! Именно мне из всего семейства Пандавов приходится выполнять такие трудные, требующие времени задачи. Так что тебе бы пришлось значительную часть жизни мучиться разлукой. Ну, теперь-то опасность миновала. Если ты не поддашься унынию, моя *садхана* будет более насыщенной.

Я не поддамся унынию, утолю боль разлуки с ним в обществе остальных четырех мужей, подобно лесному ручью потекут для меня дни ничем не омрачаемой радости, – какие странные мысли витают в голове Арджуны! Я закручинилась еще больше. Как объяснить властелину моего сердца, что из всех пятерых мужей он для меня – особенный?

Чужая душа – потемки. Оставалось только сожалеть о том, что Арджуна не чувствует боль моего сердца. Судьба опять разлучала меня с тем, кого я желала всем своим существом. Был ли у меня выбор, кроме как последовать указанию Вясы, которое он дал в присутствии Кришны? Выйдя замуж, мне приходится сражаться на каждом шагу. Мои дни проходят в бесконечных тревогах о мужьях. Теперь мне предстояла не одна бессонная ночь в беспокойствах об Арджуне. Я полагала, что муж утолит мою боль, вызванную

лесным изгнанием, но мучения разлуки с Арджуной стократ страшнее.

Глаза Пхалгуни наполнились слезами:

– Кришна, я уйду во имя благого дела. Я вернусь с божественным оружием, и ты станешь царицей Хастинапура. Гордыня Карны будет сокрушена. Убив Карну, я отмщу за нанесенное тебе оскорбление. Заговор Кауравов подстроил Шакуни, но их главным советчиком был и остается Карна. Будь уверена, его дни сочтены.

Я знала, что гибель Карны предрешена. Мне также было известно, что где бы ни присутствовал Кришна – там победа. План погубить Карну осуществится и *дхарма* восторжествует. И все же разговоры о смерти Карны приводят меня в смятение – полагаю, на меня влияет глубокая материнская любовь, которую питает к Карне Ма Кунти. Будь что будет. С улыбкой пожелав мужу счастливого пути, я, однако, дала волю женской мнительности:

– Говорят, за благословениями богов необходимо подниматься на *сваргу*, где обитают Рамбха, Урваши, Менака и другие вечно юные и прекрасные *ансары*. Будь осторожен, чтобы не нарушить обет целомудрия, как в прошлый раз! Тогда все было по-другому, а сейчас перед тобой стоит важная задача. Желание наполняет мужчину преходящим восторгом, но уводит в сторону от цели.

Арджуна отшутился:

– Ты ревнуешь меня к красавицам-*ансарам*?

– А что в этом странного? Я что, не женщина? Или вообще не человек?

– Как знать, что меня ждет... Эти *ансары* одним своим видом сбивали с пути истинного даже великих мудрецов. А я всего лишь семейный человек. Более того, долго ли мужская гордость вынесет разлуку с женой?

Остроты Арджуны разозлили меня, и я бросила на него испепеляющий взгляд:

– Прослышав о твоих утехах с *ансарами*, я буду вынуждена наложить на себя руки. Ты помнишь, что случилось в прошлый раз. Я знаю, что судьба Кришны несовместима с радостями супружества, семейной жизни – да и с радостью как таковой. Но сложности будут у тебя. В прошлый раз, списав свою влюбленность на особенности мужской природы, ты женился. Но если ты попадешься в силки *ансар*, ни о какой женитьбе не будет и речи – ты просто запятнаешь свое доброе имя.

Пхалгуни сжал обе мои ладони:

– Кришна, ты по-прежнему не понимаешь *сакху* Кришны Пхалгуни! Тебе не дано разгадать его сердце. Ничего, придет время – и ты все поймешь...

Прикосновение Пхалгуни выдавало чистоту его сердца, а мое – женское и ревнивое – заставило учащенно биться.

Г л а в а 35

Где распустились цветы – в саду или в палисаднике души? Откуда исходит это благоухание – от цветочных лепестков или же от лепестков сердца? А эти мелодичные звуки – кукование кукушки или же музыка сердечных струн? Весна действительно пришла или мне просто померещилось?

Я не замечала красоты природы, не слышала ее напевов и ни о чем не мечтала: без Арджуны лесная жизнь потеряла для меня всю свою прелесть. Сердце изнывало от желания посетить святыне *тиртхи*. Меня разбирало любопытство: а вдруг я повстречаю там Савьясачи в образе йога-аскета? Некоторое время я размышляла об этом. После моих многократных просьб о паломничестве Юдхиштхира, наконец, согласился. В паломничестве мы узнавали об Арджуне от местных мудрецов, и вести о нем разожгли во мне страсть. Сначала Арджуна совершал аскезы в лесной чаще у подножия Гималаев. Затем, проявив доблесть, Пхалгуни получил от Шивы оружие *нашупата*, – слушая об этом, все мы трепетали. Потом стало известно, что в

кратчайшие сроки он получил от Ямы – жезл, от Варуны – аркан, от Куверы – несколько видов невидимого и сияющего энергетического оружия. Все говорило о том, что вскоре Арджуна вернется. Получить божественное оружие от своего отца, Индры, не составит для него труда. Каждый день я всем своим существом ждала встречи с ним. Я не спала ночами. Казалось, он появится с минуты на минуту, – в ореоле славы восходящего солнца, в нежном очаровании заката, в лунном свете, в музыке дождя... Замечтавшись, я начинала голосить: «Пхалгуни, я больше не позволю тебе уйти! Не нужны мне ни царство, ни богатства! Со мною останешься только ты! Сколько лет жизни отняла у нас разлука! Кто знает, какой срок отпущен нам судьбой? Останься со мной хотя бы сейчас, когда молодость уже позади!»

Бхиму раздражали мои капризы, и он хватал меня за плечи:

– Женщина остается женщиной, даже если ее вышколить! Если ты завяжешь Пхалгуни в узелок своего *анчала*, кто отмстит за тебя? Кто положит конец несправедливости и *адхарме*? Ша, Панчали! Какая же ты слабая и жадная!

Укоры Бхимы казались мне солью, которую он сыпал мне на раны. Распущенные волосы казались бременем. Смысл победы над врагами – отмстить за тяжкое оскорбление. Взяв себя в руки, я соглашалась:

– Твоя правда: не буду больше препятствовать подвижничеству Арджуны своим нытьем.

Накулу мои страдания в разлуке забавляли, Сахадева же одергивал брата:

– Перестань, Накула! Поведение Ягьясени уместно и своевременно. Она ежедневно возливает *ghi* в огонь мести в сердце старшего брата. Без нее наш брат, обитель прощения и ненасилия, и не подумал бы мстить. А ты насмехаешься над болью ее разлуки! Да если бы ты узрел ее истинное величие, то потерял бы дар речи! Силы в ней столько же, сколько и нежности. Она умеет прощать так же хорошо, как и

наказывать. Она действует согласно требованиям времени. Сейчас не остается ничего, кроме как слагать баллады о разлуке, – вот она и занялась стихосложением. По крайней мере, ей не придется встречать Пхалгуни с пустыми руками.

Сахадева был прав – я как раз заканчивала поэму под названием «Час разлуки», и братья об этом знали. Услышав название поэмы, Бхима принялся дразниться:

– Панчали, я тоже ухожу – к Хидимбе. Пока не напишешь поэму обо мне, я не вернусь. Ну как, напишешь? Или вздохнешь с облегчением, избавившись от меня?

Накула рассмеялся:

– То будет поэма под названием «Плач Драупади». В ней она поведаст миру, сколько слез придется ей проливать в твоём присутствии.

Бхима был в восторге:

– Прелестно! Плач Драупади в моем присутствии! Ее голос пронзит небеса и будет услышан мною. А Хидимба от ревности закатит такую истерику, что даже Дурьйодхана в Хастане придет в ужас: решит, что это хором завыли все шакалы и псы в мире, предвещая его скорую гибель.

Накула весело рассмеялся, но Сахадева остался серьезен:

– Бхима полагает, что плач женщины свидетельствует о ее любви. Никто из нас не любит Драупади так открыто, так искренне – всей душой – как любит ее Бхима. Как бы мы того ни хотели, мы не можем заставить Драупади полюбить нас. Насильно мил не будешь. Где бы и когда бы Бхима ни пожелал, он способен смутить Драупади. Вопреки тому, что мы условились быть с Драупади поочередно – по году каждый – Бхима не может оставить ее в покое. Но, как бы она ни возмущалась, именно от Бхимы она зависит больше всего и больше всех ему доверяет. Так ведь?

Братья дружно уставились на меня. Они пытались утолить боль моей разлуки шутками. Один Юдхиштхира оставался спокойным и невозмутимым, словно каменная статуя.

Время шло, Арджуна все не возвращался. Больше о нем не было никаких новостей. Вернувшиеся из Гималаев отшельники доложили, что он покинул горы. Пока он оставался там, мы были спокойны, теперь же никто не мог сказать, где он и что с ним. Долго, мучительно долго потянулись дни ожидания. Страстное желание видеть Арджуну сменилось тревогой. О нем волновались все, включая Юдхиштхиру. Я практически забыла о еде и питье. Кто скажет мне, что с Арджуной?

И вот в один прекрасный день по промыслу Божьему у дверей нашей хижины показался отшельник Ломаша. Ему было кое-что известно об Арджуне. Видя, в каком я состоянии, он сказал:

– Деви Драупади! Не волнуйся. Твой героический супруг завершил свое подвижничество в Гималаях. Сейчас, на *сварге*, ему очень хорошо. Он пытается получить побольше оружия, чтобы сразить Кауравов. Его аскезы близятся к концу.

По-прежнему беспокоясь, я спросила:

– Тогда почему же Арджуна задерживается на *сварге*?

Мудрец Ломаша спокойно ответил:

– У Индры появилась счастливая возможность принять у себя родного сына! всю свою жизнь сын его провел в нужде, скитаясь по лесам. Теперь он в небесном царстве. Вот царь богов и предложил ему задержаться на некоторое время, восстановить силы. Арджуна принял предложение отца. Столица Индры, Амаравати, привела его в изумление. *Гандхарвы* встретили его музыкой и песнями; вечно юные *ансары* – Рамбха, Менака, Сварнапрабха, Урваши, Читрасена, Кумбхайони, Варутхини, Митракеши, Читралекха, Падмайони и другие – танцем. Индра просто обезоружил его своим приемом. По слову отца Арджуна берет уроки танца, пения и музыки у царя *гандхарвов*, Читрасены. Завершив учебу, он вернется оттуда с новым оружием вроде грома и молнии. Так что тебе не о чем беспокоиться.

Узнав, что у Арджуны все благополучно, я ожила. Но... он на *сварге*! Он прохлаждается в обществе Рамбхи, Менаки, Урваши, Читралекхи, которые разжигают в нем похоть своим пением и танцами! Я проклинала их. Пусть бы все они вымерли! Он предавался аскезам, чтобы получить оружие – а нынче берет уроки музыки и танца?! Кто согласится добровольно оставить райские наслаждения и вернуться на Землю? Помнит ли он вообще об оскорблении, которое мне нанесли при дворе Куру? Может, он забыл, что его братья и супруга, бездомные, вынуждены жить в лесу? Я сидела, погрузившись в горестные мысли. Представляя себе мужа на *сварге*, я сочла бы за счастье гореть в аду.

Глядя на мое мрачное лицо, Сахадева заговорил: «Не тревожься за брата! Он – Пхалгуни, сын Кунти. Ничто не утолит его боль, вызванную тем, что тебя оскорбили. Пока в мире есть *адхарма*, Арджуна не найдет покоя даже на *сварге*. Не теряй веру в него. Ты же знаешь, чей он *сакха*! Потерять доверие к Арджуне – значит потерять веру в Кришну. Все, что Арджуна делал до сих пор, было сделано ради блага всей Арьяварты. Придет время, и эти уроки пения и танца сослужат хорошую службу. В любом случае, учиться никогда не лишне. Нас отправили в изгнание на тринадцать лет. Поэтому – зачем волноваться о возвращении Арджуны? Пусть немного отдохнет на *сварге*. Хотя бы один из нас некоторое время поживет с удобствами!

Я молчала. Как объяснить Сахадеве, что все, чего я желаю – это растереть Арджуне стопы? Без него так пусто... И все же слова Сахадевы несколько обнадежили меня. Арджуна конечно же вернется. В конце концов, его жду не одна я – его ждет Субхадра, любимая сестра *прия-сакхи* Кришны. Он вернется наверняка – не ко мне, так к Субхадре. Эта мысль вселяла надежду в мое израненное сердце. Но как же все-таки упряма людской ум! Как трудно принять все как данность! Дни мы проводили, посещая *тиртхи* с мудрецом Ломашей, но по ночам сердечная боль не давала мне спать. Когда же от усталости глаза мои наконец слипались, меня

преследовали кошмары. Порой мне чудилось надругательство надо мной при дворе Куру. Иногда снилось, будто, не желая расставаться со мною, меня тянут за *анчал* сыновья. А потом я видела Арджуну, окруженного *ансарами*. Он стал так искусен в музыке, пении и танце, что изумлял самих *гандхарвов*. В кругу *ансар* Арджуна казался точным подобием Кришны среди *гопи*. Тогда мой сон прерывался. Припоминая подробности сновидений, я словно бередила старые раны. Но я никому не поверяла свои сердечные муки. Со мною не было ни Майи, ни Нитамбини. Только поэзия осталась мне доброй подругой. Я изливала боль моего сердца в стихах, и это приносило некоторое облегчение. Так проходил год за годом... Арджуна не возвращался.

Г л а в а 36

Сахадева понимал меня. Чтобы отвлечь меня от мрачных мыслей, он посоветовал сменить обстановку – совершить паломничество по *тиртхам* с мудрецом Ломашей. Мы провели несколько дней в лесу Наимиша, посетили Праяг, Гаю, Гангасагар и, следуя вдоль западного побережья, достигли Прабхасы. Там нас встретили Кришна, Баларама и Ядавы. Гостеприимство *сакхи* рассеяло все печали. Откровенная беседа с Ним возродила мою веру в Арджуну. С новыми силами, окрыленные надеждой, мы продолжили путь.

У подножья гималайских гор мы пересекли реку Випаша и вступили в царство Субаху. Здесь силы оставили меня. С горя я питалась от случая к случаю и мучилась бессонницей. Это усугубляло сами собой разумеющиеся тяготы лесной жизни. Мое здоровье пошатнулось. Я не могла идти дальше.

Гора Гандхамадана окружена густыми, непроходимыми чащами. Именно туда и направлялись Пандавы. Я не нашла в себе силы возразить им, ведь это Арджуна направил к нам мудреца Ломашу с предложением совершить паломничество по *тиртхам*. Собравшись с силами, я исполняла свой долг.

Едва я заставила себя продолжать путь, как налетела буря, перед которой мы оказались беззащитны. Подле меня был Бхима. Мы стояли под деревом, взявшись за руки. К несчастью, начался обвал, и даже дерево не спасло нас – оно упало, вывернутое с корнем. Бхима избежал опасности, но меня оглушило, и я потеряла сознание. Не знаю, как долго пролежала я без чувств, но, когда глаза мои открылись, небо уже было ясным, буря миновала. Мужья сидели у меня в изголовье, а какой-то красивый юноша с горячей преданностью растирал мне стопы. Глядя на него, я вспомнила своих сыновей. Кто же его счастливые родители? И кто велел ему оказать мне служение? Меня затопила материнская любовь, и я ласково спросила:

– Сынок, кто ты? Кто попросил тебя растирать стопы незнакомой женщине? Кем бы ты ни был, считай меня своей матерью. Я не могу думать ни о ком, кроме моих сыновей.

Юноша робко сказал:

– Назвав меня сыном, ты сама ответила на свой вопрос. Ты моя мать – вот и все, что я знаю.

– И все же – кто твои родители? Кто те счастливицы, подарившие тебе жизнь? Мать такого благочестивого сына, как ты, достойна славы. Мне хочется поздравить ее.

Прекрасный юноша был похож на Бхиму, который сейчас ласково улыбался. Впервые видела я на лице Бхимы такую нежную, такую добрую улыбку!.. Когда ему бывало смешно, он хохотал. Но в тот день я открыла для себя другого Бхиму. Этот незнакомый мне доселе Бхима с любовью сказал:

– Сын Хидимбы, доблестный Гхатоткача! Коснись стоп Ма Ягьясени! Представь же ей своего отца, но не надо знакомить с невесткой царя Хастинапура, дочерью Друпеды, Панчали, людоедку Хидимбу! Почему, спросишь ты. Потому что, увидев Хидимбу, царевна и царица, арийка Кришна тотчас забудет все, чему ее учили, правила хорошего тона мгновенно вылетят у нее из головы, и она сама превратится в людоедку! Если две людоедки встретятся лицом к лицу, нашему паломничеству конец!

Все дружно прыснули смехом. Гхатоткача поклонился мне, а я, не колеблясь, заключила его в объятия. Едва прикоснувшись к нему, я испытала тот же восторг материнской любви, который чувствовала, обнимая пятерых своих сыновей. Горячо прижав юношу к груди, я сказала:

– Гхатоткача, сынок, поклоны твоей благородной матери! Хотя ты вырос в лесу, ты такой обходительный, нежный и благодетельный! Это свидетельствует о хорошем воспитании, которое дала тебе мать. Когда бы я ни злила Бхиму, он всегда уходит к твоей маме, Хидимбе. Представляю, как он ее замучил! Передай Хидимбе множество моих поклонов и бесконечную благодарность. Когда мы вернемся в Хастинапур и распри с Кауравами угаснут, приходи вместе с ней в царство отца. Не ждите приглашения, это ваше законное право. Бхима просто пошутил. Не подумай, что из ненависти к его первой жене я начну ссориться с нею, как людоедка. Субхадра, жена другого моего мужа, живет со мною в Индрапрастхе на правах младшей сестры. Твоя же мать старше меня по возрасту и гораздо опытнее. Она – моя старшая сестра. Передай своей матушке, каким уважением я к ней прониклась.

Гхатоткача слушал, не перебивая, а потом посадил меня себе на плечи, и мы продолжили путь. Видя, что я совсем ослабела, Бхима позвал на помощь сына. Неся меня бережно, как цветок, Гхатоткача покорял горы со скоростью ветра. Мы и не заметили, как очутились в Бадарикашраме. Здесь Гхатоткача, сложив ладони, попрощался с нами. Я благословила его долгой жизнью и еще раз пригласила в Хастанапур. Встреча с ним временно облегчила мне боль разлуки с пятерыми сыновьями и Абхиманью.

Г л а в а 37

Красоты Бадарикашрама несколько успокоили мое израненное сердце. Именно отсюда Арджуна вознесся на *сваргу*, поэтому Бадарикашрам был конечным пунктом

нашего паломничества. Здешние мудрецы и подвижники сказали, что Арджуна вернется со *сварги* через пять лет. Одному Богу известно, чем ему предстоит заниматься там эти годы. Я решила, что буду ждать его. Все единогласно поддержали меня и начали молиться о возвращении Арджуны. С глубокой преданностью я стала поститься ради того, чтобы он вернулся целым и невредимым.

Исполняя обеты в Бадарикашраме, я открыла для себя, сколь велика любовь ко мне Бхима. Он незамедлительно исполнял все мои желания. Из-за того, что я питалась только фруктами, я исхудала, но пост только подчеркивал мою красоту: чистое и стройное, как языки пламени, тело стало излучать сияние. Бхима позабыл свои колкости, сама речь его изменилась. Поскольку пристрастие Юдхистхиры к игре причинило мне такую боль, Бхима открыто осуждал старшего брата. И он порицал Арджуну за то, что тот проводил время на *сварге* в наслаждениях и роскоши, терзая меня под предлогом изучения музыки и танца. Накулу и Сахадеву состояние моего здоровья вообще не заботило – они были заняты своими делами, – поэтому Бхима укорял и их. В похожем на гору теле Бхимы текла настоящая река Мандакини любви ко мне. Иногда она заставляла меня позабыть боль разлуки с Арджуной.

В один прекрасный день, когда мы с Бхимой гуляли по лесу, северо-восточный ветер принес мне ароматный золотой лотос о тысяче лепестков. Я была зачарована его чудесным благоуханием и несравненной красотой, и с уст моих само собой сорвалось: «Если бы кто-нибудь принес мне сотню таких цветов, я бы сплела из них гирлянду, чтобы встретить Арджуну. Я верю, что, оросив ее преданностью и чистотой, мне удастся сохранить ее свежей». Едва я умолкла, Бхима вихрем помчался на северо-восток, к горе Каиласа. Было уже поздно, а он все не возвращался. Волнуясь, я рассказала все Юдхистхире. Моя тревога передалась ему, и он обратился к Сахадеве. От Сахадевы мы узнали, что на горе Каиласа, в озере Куверы цветут редчайшие золотые лотосы. Бхима без

спросу нарвал их целую сотню. Поскольку он не спросил разрешения у Куверы, стражи озера задержали его. Вспыхнув гневом, Бхима перебил много стражников, и продолжает побоище до сих пор.

Услышав об этом, Юдхиштхира не на шутку обеспокоился. Взяв с собой меня одну, он отправился к Кувере и велел Бхиме прекратить сражение. Он был зол на Бхиму: нельзя рвать цветы без спросу! Бхима же сказал:

– На самом деле это должен был сделать ты. Обязанность мужа – исполнять желания своей супруги. Драупади положила глаз на золотые лотосы. Ты обязан был преподнести ей эти цветы. Я сделал это от твоего имени.

Юдхиштхира спокойно произнес:

– Драупади тоже хороша: отшельница, подвижница – прельстилась золотыми лотосами... Зачем ты сорвал цветы без разрешения хозяина? Женщинам простительна слабость к богатству, драгоценностям и золоту. Завидев что-нибудь красивое, они тут же забывают, что правильно, а что нет. Но мужчине не пристало из жадности забывать о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Бхима вспыхнул:

– Отшельнице-Сите тоже однажды захотелось золотого оленя! Чтобы порадовать жену, Господь Рама пренебрег понятиями добра и зла и бросился в погоню за животным. Я – простой смертный. В ответ на просьбу жены Рама пообещал ей добыть золотого оленя. У Ягьясени пятеро мужей, известных миру как доблестные, отважные герои. Как мог я отказать ей в золотых лотосах? Царевна Кришна пожертвовала всем ради нас. Сколько страданий и унижений выпало на ее долю! Когда мы покидали царство, с нее сняли все украшения! Я попытался исполнить ее смиренную просьбу – и в этом моя ошибка?!

Юдхиштхира холодно возразил:

– Господь Рама погнался за золотым оленем, и что из этого вышло? Тебе известно, какое горе приключилось с матерью Джанаки из-за жажды золота. С этого и начались все

несчастья Рамы и Ситы. Это урок людям. Если бы я не поспешил на помощь, твоя жизнь тоже была бы в опасности. Негоже играть силой, не взвесив все «за» и «против». Образованная, ученая, сведущая в писаниях Ягьясени забыла, что хорошо и что плохо, возжелав золота! Эта ее женская слабость однажды сыграет с нами злую шутку. Я-то думал, Ягьясени возвышеннее остальные царевен, но – увы...

Юдхиштхира осекся. Зардевшись, я едва сдерживала слезы. Юдхиштхира попросил прощения за оплошность Бхимы.

Заметив, в каком я состоянии, Кувера опечалился:

– Если бы Бхима с самого начала поставил меня в известность, что Деви Драупади хочет золотые лотосы, я бы лично послал ей сотни тысяч этих цветов, но Бхима ничего никому не сказал. Он не затруднил себя даже спросить моего разрешения, а просто принялся срывать цветы. Вот почему случилось то, что случилось. Видно, такова уж судьба – чему бывать, того не миновать. Теперь Бхимасена может преподнести любимой жене столько золотых лотосов, сколько пожелает. Кроме того, лично от себя я дарю Деви Кришне десять *лакхов* этих цветов. Благодаря прикосновению пыли с ее стоп лотосы в моем озере станут еще краше. Эти благоуханные лотосы, которые стократ дороже золота, я согласен преподнести одной лишь Деви Драупади.

Я отказалась:

– Я не могу принять твой дар. Сейчас я стою на берегу озера *дхармы*. Здесь и сейчас я клянусь: отныне я никогда не стану украшать себя золотом, серебром и драгоценностями; я никогда не позволю себе наслаждаться всем этим. Тебе известно, что клятвы мои нерушимы. Эти лотосы золотые. Прости, но я не возьму их. Настоящие украшения – это добрые дела, и все-таки, даже зная об этом, я поддаюсь алчности. Спасибо Юдхиштхире: он вовремя остановил меня.

– Деви! Если ты не примешь мой дар, я очень обижусь. Вы с Кришной тезки. Что скажут люди, если после сегодняшней шумихи ты уйдешь отсюда с пустыми руками?

Нужны тебе эти лотосы или нет, прими их от меня в подарок и тем самым спаси от дурной молвы. Я не расточителен, но потратить богатства ради стоящего дела мне не жаль. Если не хочешь наслаждаться цветами сама, используй их в каких-нибудь благородных целях.

Я оценила искренность Куверы. Тьма рассеялась; здесь, в лесу Камьяка, скоро сбудутся мои мечты!

– Владыка, из-за разногласий между горожанами-арийцами и неарийскими лесными племенами, из-за того, что образ жизни и мышления этих народов отличается друг от друга, в будущем может возникнуть много сложностей. Неграмотные и невысокой культуры лесные жители считают себя хуже арийцев, последние же мнят о себе слишком много. Из-за этого между двумя общинами нарастает враждебность. Если всего-навсего разбудить в людях приятельские чувства, со временем они перерастут в тесную дружбу. Мирное соседство Пандавов с *шабарским* племенем *киратов* в лесу Камьяка – тому свидетельством. Но если не делать никаких шагов к ним навстречу, развить взаимопонимание будет очень трудно. Если проложить дорогу в лесные дебри, то можно легко наладить с ними отношения. И пусть бы они тоже посещали города и святые места паломничества. Так наладится связь между арийцами, не-арийцами, мудрецами и отшельниками. Можно было бы обмениваться мнениями, устраивать совместные праздники, свадьбы и другие торжества. Это укрепило бы нашу дружбу и сделало бы возможным браки между представителями разных народов. Арьяварта, которая сейчас в опасности, только выиграет от этого. Прошу: на сумму ста *лакхов* золотых лотосов проложи дороги, связывающие между собой леса Камьяка, Двайту, Наимишу и Гималаи, *ашрамы* мудрецов и Хастинапур. Тогда мои мечты сбудутся. *Шабары*, *ракшасы* и другие всегда чинят препоны подвизающимся мудрецам. Главной причиной тому – разобщенность. А что думаешь об этом ты?

Юдхиштхира слушал, как зачарованный. Как и Кувера, он был поражен. Мудрец Ломаша одобрил и подтвердил мои слова. Накула смеялся:

– Ягьясени так настрадалась в этих непроходимых чащобах! Вот почему теперь она просит проложить дороги, воздвигнуть храмы и построить в лесах гостиницы. Да, надо признать, по нашему возвращению все это окупит те трудности, с которыми мы столкнулись, и принесет людям благо.

Сахадева нежно улыбался:

– Многочисленные распри только сплотят Арьяварту. Сегодня, под руководством мудреца Ломаша, будет заложен первый камень Дворца Единства имени Ягьясени.

Кувера рассмеялся:

– Пусть церемонией руководит Бхима, супруг Хидимбы, ведь именно их брак положил начало отношениям между арийцами и не-арийцами. Идеал Бхимы – беспристрастие. Вот кто должен заложить первый камень вышеупомянутого Дворца Единства.

Слова Куверы встретили единодушное одобрение. Кауравы угрожали *дхарме*, истине, справедливости на Земле. Начинание было весьма своевременным, что подтвердили небожители, благословив нас цветочным дождем. Закончив работу, мы вернулись в Бадарикашрам – ждать возвращения Арджуны.

Г л а в а 38

Мне хотелось остаться в Бадарикашраме навеки, потерять себя в красоте природы, раствориться в безмолвии. Пять лет пребывания Арджуны на *сварге* истекли. Мы ожидали его у подножия горы Гандхамаданы.

В тот день небо было пасмурным. Свинцовые тучи напоминали прекрасного смуглого Пхалгуни. Наконец в небе вспыхнул ослепительный свет. Гандхамадану озарила

инкрустированная самоцветами колесница: Арджуну доставил возничий Индры, Матали! Пандавы были в восторге. Не моргая, созерцала я несравненную, ослепительную красоту Арджуны: после пяти лет, проведенных на *сварге*, она стала поистине божественной. Над его головой сиял нимб. Бхима восторженно подхватил Арджуну и пустился с ним в пляс. Арджуна ласково улыбался. Он был неотразим!

Пхалгуни прикоснулся к стопам старших братьев, обнял младших. Он привез со *сварги* много дорогих подарков. Юдхиштхире, который мечтал, что в будущем его царство уподобится *сварге*, он преподнес карту царства, политический план и документы, предназначенные для правителей. Для Бхимы были припасены редкостные, нектарные лакомства, райские плоды и клубни, на которые тот набросился сразу же, не дожидаясь совместной трапезы! Накуле достались расшитые самоцветами уздечки, седла и охотничий костюм из дворца Индры. Сахадеве небеса пожаловали диковинное устройство, с помощью которого можно было наблюдать движение звезд и планет и даже заглянуть в будущее. Все были весьма рады подаркам.

Я стояла молча, неподвижно глядя перед собой, словно в сказочном сне. Бхима спросил:

– Что-нибудь для Драупади?..

Арджуна, смеясь, приблизился ко мне:

– Для тебя?.. А чего бы тебе хотелось? Говори!

Глаза мои наполнились слезами:

– Довольно того, что ты ускользнул от восхитительных небесных *ансар* – больше мне ничего не нужно.

Арджуна снял с себя драгоценное ожерелье и корону. Затем принес из колесницы множество дорогих золотых украшений и положил все это передо мной:

– Кришна! Помнишь ли ты, как по приказу Дурьйодханы заносчивый Карна сорвал с тебя украшения? В тот день я поклялся озолотить тебя с головы до пят. За эти пять лет боги

надарили мне столько украшений! Я бережно сохранил их все для тебя. В Хастинапур ты вернешься в этом убранстве.

Молча приняв подарки, я протянула сверток с украшениями мудрецу Ломаше:

– Муж мой, я не нарушу своей клятвы: не носить мне уже драгоценности. Все эти богатства *сварги* пойдут на праведное дело: мы установим мир во всем мире.

Арджуна остолбенел. Он ничего не понял. Ломаша поведал ему всю историю с самого начала, рассказал об идее сближения арийцев с не-арийцами. Арджуна был очень рад услышать об этом. Юдхистхира сказал:

– Я полагал, горячность царевны Драупади свидетельствует лишь о переполняющем ее гневе, гордыни, обиде. Но теперь я вижу, сколько в ней смирения и сверхчеловеческих качеств. В ней течет бурная Мандакини доброты, всепрощения, сострадания и любви. Это подземный поток, похожий на Пхалгу. Как поздно я об этом узнал! Благодаря Ягьясени сама жизнь в лесу преобразилась, и разногласия между народами утихли.

Арджуна сжал мои ладони:

– Лишь твоя преданность и верность, Кришна, дали мне силы устоять перед натиском *ансары* Урваши. Но мне пришлось пожертвовать своим мужеством – в течение года мне не быть мужчиной. Я знаю, тебе больно слышать об этом. И все же... спасибо отцу, что, вырвавшись из лап Урваши, я стал евнухом всего на год, а не до конца жизни. Готова ли ты потерпеть меня год в таком состоянии?

Меня глубоко опечалили его слова. Уж лучше было Пхалгуни остаться на *сварге*, чем страдать от проклятия, на год лишившись мужества! Тот, кому я посвятила всю себя, кого считала лучшим из мужчин, – как смириться с тем, что на год он перестанет быть мужчиной? Сочувствуя моему горю, Сахадева сказал:

– Не печалься, Драупади! Нет худа без добра: печать проклятия, которое легло на брата, станет благословением, когда нам придется целый год жить неузнанными.

Арджуна спокойно добавил:

– Я отверг любовь Урваши, и своим проклятием она превратила меня в евнуха. Но затем по просьбе отца она смягчила проклятие: мне придется жить в этом состоянии всего лишь год. Утешая меня, отец сказал: «В течение года, когда вы должны будете жить инкогнито, проклятие Урваши обернется благословением». Только что Сахадева слово в слово повторил то, что сказал отец. Что ни делает Господь – все к лучшему.

Слушая Сахадеву, я взывала к *сакхе* и предавалась Ему. Если Арджуна, *сакха* Кришны, вынужден нести бремя проклятия и оставаться евнухом целый год, то краснеть тут должен Кришна, а не Кришна.

Г л а в а 39

Сезон дождей – это время жизни. Я поняла это в лесу Двайта. Когда мы с Арджуной возвращались в лес Камьяка, вождь *киратов*, Субаху, на несколько дней пригласил нас в гости. К тому времени в лесу уже проложили дорогу, возвели храмы и гостиницы, представители лесного племени *шабаров* начали посещать *тиртхи* и *ашрамы* гималайских мудрецов. Пошла молва о любви Пандавов к *шабарам* и о моей мечте: воссоединении *шабаров* с арийцами. Жизнь *шабаров*, населяющих лес Камьяка, начала меняться. Наши отношения со всеми лесными племенами складывались как нельзя более удачно. Разжигаемая Кауравами вражда между арийцами и не-арийцами утихла благодаря тому, что Пандавы равно относились к представителям разных народов. Мы были рады принять дружбу вождя *киратов*, Субаху, и остались с ними на несколько дней.

Мне хотелось остаться в лесу Двайта месяца на три. Дожди здесь просто сказочные: зеленые струи повсюду

расточают свою несравненную красоту. Пандавы были зачарованы чудесной красотой этого места. Бхима с Накулой охотились на холме Ямуна. Случилось так, что в один из дней Бхиму схватил змей Нахуша. Юдхиштхира поспешил на помощь. Оказалось, что отец Яяти, предок династии Куру – Нахуша – на долгие годы превратился в змея по проклятию Агастья. Пандавы взмолились о спасении своего предка от проклятия. Юдхиштхира дал верные ответы на вопросы Нахуши, и Бхима освободился из змеиных колец, а сам Нахуша, избавившись от проклятия, благословил Пандавов и исчез.

Освободить предков от проклятия – величайшее благодеяние со стороны потомков. Именно в царстве Субаху Пандавы получили такую редкую возможность и стяжали благословения праотцов. Юдхиштхира возблагодарил Субаху, а тот со сложенными ладонями отвечал:

– Кто я такой? На все Божья воля. А иначе как бы вы появились в моем царстве?

Бхима сказал:

– Брат, у нас много божественного оружия. С нами все племя *шабаров*, поддержка Ядавов, Шри Кришны и Баларамы. Теперь и предки нас благословили. Чего еще ждать? Когда же Панчали сможет заплести свои волосы? Дурьйодхана раздувается от гордости, он зависит от Карны. Вернувшись из завоевательного похода, Карна готовится к великому жертвоприношению. Нас тоже пригласили на него. Но им известно, что ближайшие тринадцать лет ноги нашей не будет в Хастинапуре. Своим приглашением они просто сыпали соль на наши раны. По окончании этого великого жертвоприношения Дурьйодхана рассыпался похвалами в адрес Карны, и тот, забывшись, публично объявил, что до тех пор, пока не убьет Арджуну, не прикоснется к мясу, вину, женщине и никому ни в чем не откажет. Так что пришло время сбить с него спесь. Теперь мы можем смело возвращаться в Хастинапур.

Ни одна жила не дрогнула на лице Юдхиштхиры:

– Я знаю о клятве Карны. Мне также известно, насколько он серьезен. Прямо сейчас мы ничего с ним не поделаем. Еще не время. Как мы вернемся в Хастину? Пройдет тринадцать лет, включая год, который мы должны будем прожить неузнанными, и мы вернемся. Но сперва мы должны попытаться наладить взаимопонимание и сотрудничество мирным путем, не прибегая к насилию.

Услышав о клятве Карны, я приуныла. Почему Карна до сих пор завидует Арджуне? Неужели это ревность?

Бхима понимал меня:

– Карна злится на Арджуну исключительно из-за Драупади. Хотя в юности он также и ревновал, теперь все прочие чувства вытеснила ненависть. Где женщина – там ад. После того, как Драупади стала нашей, против нас ополчились все.

Я была женщиной. Разве в том моя вина? Я была красива. Разве можно попрекать меня этим? Арджуна завоевал меня. В чем мой грех? Ответа я не знала. Неужели справедливо со стороны Карны мучить меня всю оставшуюся жизнь?

Жалея меня, Арджуна серьезно сказал:

– Не беспокойся обо мне, Кришна, я не позволю Карне исполнить его обещание. Отец мой Индра уже давно позаботился об этом. Гордый даритель, Карна срезал со своего тела доспехи и серьги. С тех пор его раны беспрестанно сочатся кровью. А он все еще кичится! Теперь у нас столько божественного оружия, что убить Карну будет совсем нетрудно. Если его переполняет гнев из-за Драупади, то пусть этот девственный лес станет мне свидетелем: клянусь, что до тех пор, пока не убью Карну, я не прикаснусь к вине, мясу и Драупади. Лишь преподав Карне достойный урок, я торжественно стану ей мужем.

Слова Пхалгуни оглушили меня. Я думала: «Женщина – подательница силы, благая вдохновительница. Но почему оба – и Карна, и Арджуна – принимают обет воздержания до тех пор, пока не достигнут цели? Неужели женщина лишает мужчину сил? Он боится потерять свою силу воли или боится

естественных женских чар? Сторонясь женщин, доказывает ли этим мужчина свою стойкость? Лучший из мужчин Арьяварты, Кришна, никогда не чурался женщин! Арьяварта знает о множестве Его чудесных подвигов. Кришна – герой множества женских сердец и лучший из возлюбленных. Перед тем, как принять такое важное решение, Арджуна даже не посоветовался со мной...» Наедине я открыла ему свои мысли. С едкой насмешкой Арджуна сказал: «А ты советовалась со мной, прежде чем дать свою судьбоносную клятву? Знаешь ли ты, что мне по сей день претит «годовое право»? Вот почему я избегаю тебя под любым предлогом. Проведя пять лет на *сварге* в окружении *ансар*, я потерял всякое влечение к земным женщинам из плоти и крови. Хотя данная мною сегодня клятва будет держать нас порознь, она не вырвет меня из твоего сердца. Я знаю, что ты тоже претерпела многое ради меня. С первого взгляда я понял, что в мое отсутствие ты изнуряла тело, отринув удобства и роскошь, как подвижница. К чему все это, если с тобой четверо мужей? Чем они заслужили такого обращения? Кришна, с сегодняшнего дня тебе следует тщательнее заботиться о них. Это принесет покой и укрепит всех нас. Сейчас несправедливость Кауравов грозит благополучию целой Арьяварты. Мы на пороге великой войны. Для победы в священной войне, которая разразится на земле через три года, самое главное – спокойствие ума. Вот почему, тщательно все взвесив, я дал свой обет. Блюсти и защищать *дхарму* – что может быть превыше этого? Так что пойми меня правильно».

Могла ли я не понять своего мужа? После Кришны не было другой столь же благородной и достойной личности, как Арджуна. Но почему он так жесток со мной после долгой разлуки?

Г л а в а 40

Лес Камьяка – Джамбу, Камбу, Кирмир, Кират, Вирата и другие друзья-шабары – с нетерпением ждали нас. С ними был *сакха* Кришна и Его вторая царица Сатьябхама – они прибыли, чтобы окружить нас заботой. Кришна был в восторге оттого, что Арджуна вернулся со *сварги* с божественным оружием. За обедом Он расспрашивал Арджуну о *сварге*, и тот рассказывал удивительные истории.

Я спросила Кришну:

– Как случилось, что *сакха* направил сюда Свои стопы? Тебя не было так долго! Пока Арджуна был на *сварге*, Ты даже не поинтересовался, живы ли мы. Но, гляди-ка, он вернулся – и Ты тотчас же вспомнил о нас!

Кришна, казалось, был весьма удивлен:

– Нет, *сакха*, ты только полюбуйся, как неблагодарны и жестоки женщины! Все то время, пока ты отсутствовал, Я, оставив великолепие Двараки, следовал по пятам жены Своего друга узкими лесными тропинками, словно верный паж. Целых пять лет Я не виделся с Моими женами – ведь они остались в Двараке! Хоть бы спасибо сказала... Но нет, вместо этого она осыпает Меня упреками!

Никогда еще *сакха* не врал так беззастенчиво!.. Я молчала, Арджуна улыбался. *Сакха* ласково сказал:

– Признайся, *сакхи*, ты же спишь и видишь Арджуну. А проснувшись, ловишь его отражение в водной глади озер, в заснеженных горных вершинах, он мерещится тебе под каждым деревом в лесу, – так ведь? Даже в зеркальном блеске своих ногтей ты находишь Арджуну! В сезон дождей, когда жар твоей разлуки охлаждала небесная влага, – не ты ли всякий раз поражалась, замечая рядом с собою его тень? Как только ты звала Бхиму, чтобы показать ему эту тень, она исчезала. Тогда, решив, что тебе померещилось, ты прикусывала язык. Неужели все это миражи?

Я изумилась:

– *Сакха*, откуда Тебе известно об этом? Я ведь до сих пор никому об этом не говорила. Каждое мгновение я чувствовала Арджуну, его призрак всегда был рядом. Я считала это галлюцинацией, потому что постоянно думала о нем. Мне было стыдно признаваться в этом. Как же Ты об этом прознал?

С легкой грустью Кришна сказал:

– *Сакха* забылся в танцах с *ансарами*. Кто кроме Меня стал бы бродить с тобой в его обличье? Однако, думая об Арджуне, ты ни разу не вспомнила обо Мне. Ты и в мыслях не допускала возможность того, что это Я в облике Арджуны брожу с тобой по лесам. Почему Я должен Сам объяснять тебе это? Неужели Я не достоин благодарности? Неужели ты не знаешь, что мы с *сакхой* Арджуной едины?

Слова *сакхи* оглушили меня:

– Правда?.. То, что я считала плодом воображения – *сакха* Кришна? Однажды мне даже показалось, что Пхалгуни вернулся и тайно следовал за мной, прячась в джунглях. Когда я сказала об этом Бхиме и другим, они подняли меня на смех. Кроме меня никто так и не увидел тень Арджуны.

Сатьябхама сказала:

– Кришна, ты говоришь, как невежда. Оставив нас, твой *сакха* последние пять лет прожил в Бадарикашраме, заботясь о благополучии жены Своего друга. Желая утолить боль твоей разлуки с Арджуной, Он не остановился перед тем, чтобы пять лет мучить болью разлуки нас.

Слова Сатьябхамы задели меня:

– *Сакха* был в Бадарике, но никто из нас об этом не знал! Он не сказал нам об этом! Если бы мы знали, то боль разлуки с Арджуной действительно бы прошла.

Кришна грустно сказал:

– Я неоднократно пытался заявить о Себе, но всякий раз ты принимала Меня за Арджуну. Наконец, Я

написал письмо и, вложив его в золотой лотос, сорванный в пруду Куверы, отправил тебе. Но, едва увидев

цветок, ты погрузилась в мечты о том, чтобы сплести для Арджуны целую гирлянду из сотни таких же лотосов. Мое письмо, написанное с таким тщанием, осталось непрочитанным.

Сатьябхама вспылила:

– Так вот оно что! Ты написал Кришне любовное послание! Сплавив *сакху* в царство *сварги*, Ты занялся написанием любовных писем его жене – да уж, это не делает Тебе чести!

Похоже, Кришну поймали на горячем!

– Сатъя, пойми Меня правильно: это было всего-навсего письмо с добрыми пожеланиями.

Сатьябхама надулась:

– Да-да, знаем мы Твои письма с благими пожеланиями! Ваша с Рукмини любовная переписка уже стала достоянием всего человечества. Если уж кто и преуспел в сочинительстве любовных писем – так это Ты! Если это было обычное письмо, то зачем было вкладывать его в лотос?

Эта перепалка умножила мой стыд. Какая же подозрительная и по-детски обидчивая эта Сатьябхама! Неужели она совсем не понимает своего мужа? Даже если она и подозревает Его в неверности, зачем разоблачать мужа прилюдно?

Кришна многозначительно сложил ладони:

– Госпожа, пожалуйста, прости Мне былые прегрешения! О чем бы Я ни писал в том письме, Кришна все равно выбросила его, даже не прочтя. К чему теперь все эти слова? Своим поведением Кришна доказала, что Я совсем не достоин любви.

Арджуна, дотолле молча слушавший этот обмен любезностями между супругами, наконец подал голос:

– Волноваться не о чем. Отправленное Тобою письмо дошло до адресата. Кришна по сей день бережно хранит тот лотос среди прочих своих сокровищ. Когда я вернулся из царства *сварги*, она показала его мне. Вдохнув его аромат, она

сказала: «В этих лепестках ясно различимо благоухание Кришны, вот почему я так бережно храню их». Если написанное Тобою письмо все еще сохранилось на тех лепестках, то давайте прочтем, о чем оно.

Кришна прошептал Арджуне на ухо:

– Одна просьба: не показывай его Бхима! Он не оценит глубокий смысл этого письма, Я знаю. Он поймет все превратно и сокрушит Меня одним ударом.

В это время Бхима отошел в сторонку – он поглощал сладости, которые принесла Сатьябхама. Сахадева с Накулой болтали с носильщиками багажа Ядавов. Юдхистхира изучал писания с отшельниками. Арджуна рассмеялся:

– Никто, кроме меня, об этом не знает. Кому же я расскажу, что в мое отсутствие дражайший *сакха* писал моей любимой жене? Стыдно ведь...

Кришна, смеясь, смотрел на меня:

– Какое счастье, что *сакхи* хранила тот лотос так бережно и уловила в нем Мой запах! Очень рад. Увы, даже Рукмини не сохранила Мое первое любовное послание...

Сатьябхама тут же перебила:

– Так значит, Ты все-таки признаешь, что написал Кришне *любовное* письмо!

Арджуна рассмеялся:

– Это Твое письмо затопляет потоком любви цветы и листья в лесу, наполняет реки, фонтаны, людей, птиц и животных – всех и каждого! Если бы *сакха* не писал любовных писем, то не случилась бы эта неурядица с золотыми лотосами. Поэтому простим *сакхе* это оскорбление – Его извиняет любовь. Совершенство *сакхи* в том, что Он жертвует личными интересами ради всеобщего блага.

Чистосердечный восторг Арджуны, излившийся в звонком смехе, глубоко тронул меня. Очевидно, что любовь и абсолютное взаимопонимание между *сакхами* не знали себе равных. Было ли все это в шутку или всерьез – кто бы еще

мог так безоговорочно позволить другу писать любовные письма своей жене?

После обеда, когда все отдохали, я с замиранием сердца раскрыла лепестки благоуханного лотоса. И правда, в нем можно было различить нестираемые слова, начертанные *сакхой*. Переполняемая чувствами, я лепесток за лепестком стала читать письмо: «*Прия-сакхи!* Для тебя Я – слог «ом», который прикасается к душе, возвышает ее, смешивает ее с бесконечностью; который пронизывает созидание, бытие и разрушение. В разгар творения, в смертный час и на протяжении жизни связь между нами нерушима и неразрывна. Посмотри на этот лотос. Солнце в небе, но лотос ждет его – и, наконец, находит – в воде, когда оно отражается в зеркальной глади пруда. Это Я, Я отражаюсь в твоём сердце! Тот, кто не почитает Мое отражение как Меня Самого, не способен найти Меня. Тот же, кто находит Меня, обретает Мое в себе отражение. *Сакхи*, твоя утренняя мантра – то же, что и музыка вечернего поклонения. Я рядом, ничего не бойся. Твой вечный *сакха*».

Читая письмо, я будто сама превратилась в лотос. Мои лепестки покоились на солнечном отражении. Я вручила себя широте любви Кришны. Я написала ответ на лепестках *кетаки*: «*Сакха*, властелин моего сердца! Для Тебя я – цветущий сад. Цветам неведомо, почему они цветут и отчего вянут. Полнота распустившегося цветка и боль увядающего предложены одной и той же Личности, и эта Личность – Ты. Тот, кого я в Тебе ищу, тоже никто иной, как Ты. Ты – мой Кришна, мой Арджуна, Ты пронизываешь Собою весь мир, Ты далеко за пределами надежды и желания. Ты мой *сакха*. Независимо от того, чей Ты, я – Твоя и только Твоя...»

Гонимое умом, письмо на лепестках *кетаки* полетело из моих рук к Его стопам. Подобрал письмо, Он с улыбкой его прочел. Мне стало стыдно. Позже я удивилась, узнав, что послание, которое я написала Кришне, прочел Арджуна. *Сакха* понял все прежде, чем Арджуна закончил читать, и сказал:

– *Сакха*, нехорошо читать чужие письма: Кришна писала его Мне.

– Да, но упало оно к моим ногам, – ответил Арджуна.

Кришна рассмеялся:

– Тогда оно твое, но чувства, облеченные в нем в слова, направлены на Меня. Прежде чем прочесть его, Я впитал его в Себя.

– Каким образом? – спросил Арджуна.

– Этим-то мы с тобой и отличаемся: то, что ты принимаешь на телесном уровне, Я впитываю на тонком. Драупади твоя, но ее изначальная сущность – Моя. Наши с нею взаимоотношения установились давным-давно, и ничего уже не изменишь.

Арджуна сложил ладони:

– Даже знающий человек ведет себя как невежда – такова иллюзия этого мира. Мы знаем, что Пандавы принадлежат Кришне, целый мир принадлежит Кришне, и Кришна тоже принадлежит Кришне. И все же под влиянием иллюзии иногда случается ревновать Кришну к Кришне.

Кришна рассмеялся:

– Эта обманчивость сладостна. Как обида, так и ревность в супружеских отношениях лепят медовые соты. Кроме как создавать медовые соты в твоей семейной жизни, у Меня нет других намерений, поверь Мне, о *сакха*!

В моих глазах Арджуна и Кришна предстали одним целым; потрясенная, я не сводила с них глаз...

Г л а в а 41

Полный фруктов и цветов, лес Камьяка был сказочно прекрасен. В этой мирной обстановке я провела целую неделю с Сатьябхамой; впрочем, ей хотелось задержаться здесь подольше. Две *сакхи*, мы поверяли друг другу радости и беды, смеялись и перешучивались. У меня долго не было

возможности излить душу Харите, Субхадре, Майе или Нитамбини. С Сатьей я наговорилась всласть. Найдя во мне благодарную слушательницу, она тоже разговорила. В течение недели наблюдая мою гармоничную семейную жизнь с пятерыми мужьями, она была потрясена. Более того, Сатью удивило, что ее супруг Кришна – предел мечтаний столь многих женщин – тоже выражал мне Свою симпатию. Думаю, она даже слегка ревновала. Ее поразило, что меня любят пятеро мужей и я, счастливая этим, в ответ дарю счастье им. Помимо всего прочего, мои взаимоотношения с Кришной и наше безграничное уважение и любовь друг к другу находили отклик в благородных сердцах моих мужей – это она вообще понимать отказывалась. Она диву давалась, как мне удается ладить с таким ужасным человеком, как Бхима. Сама она целую неделю ссорилась и пререкалась с *сакхой* Кришной, и всякий раз Кришна звал на помощь меня. В моих взаимоотношениях с мужьями не было и следа угрюмости или сварливости, так свойственных Сатьябхаме; я улаживала семейные дела иначе. Я просто высказывала свое мнение, а мужья опровергали его, если находили ошибочным. Я позволяла себе не согласиться с самим Юдхистхирой; иногда мне приходилось объяснять ему доводы Бхимы. И все же Сатье не удалось заметить никакого гнева, сварливости или недовольства. С другой стороны, мои мужья любые вопросы решали вместе со мной и не принимали никаких важных решений без моего ведома. Наблюдая все это, Сатья была совершенно сбита с толку.

Следуя за мной тенью, она подмечала все, что я делаю. В чем же секрет успеха моей семейной жизни? Она искала ключ к правильному положению жены в семье, но найти не могла. Однажды, когда мужья пригласили *сакху* с собой в камьякскую общину *шабаров* на какой-то праздник, Сатьябхаму разобрало любопытство:

– Сестрица Кришна, как тебе удастся одновременно радовать всех пятерых мужей? Похоже, они готовы исполнить любое твоё желание. Вашу совместную жизнь не омрачает и

ть беспокойств или недовольства. Восемь главных цариц Кришны в Двараке и другие Его жены, которым несть числа, не могут связать Его своей любовью. Мы никогда не знаем, где Он, чем занят. Оставляя нас в неведении, Он влюбляется в кого-то еще, а мы даже не подозреваем об этом. Пять лет Он прожил в лесу, заботясь о тебе. *Сакхи*, быть может, тебе известны какие-то заклинания, или ты умеешь ворожить на травах? Скажи, как тебе удастся держать под каблуком пятерых мужей?

Прикусив язык, я ответила:

– Боже тебя упаси, Сатья! Не говори так. Только глупые и неразборчивые женщины привораживают своих супругов и тем самым подрывают не только их к себе доверие, но зачастую и здоровье. Такие женщины теряют мужей. *Сакхи*, ты возлюбленная супруга Кришны. Прислушайся к моим сестринским увещаниям: даже не думай о таких глупостях, иначе муж твой сочтет тебя ядовитой змеей и больше не подпустит к своему ложу.

– Чем же тогда ты привязала их к себе? – допытывалась Сатья.

Я посвятила простодушную Сатью в таинство своей супружеской жизни:

– Сатья, по возможности следуй тому, что я скажу. Смирив гордыню, я орошаю моих супругов цветочным дождем женственности и душистой водой бескорыстия. Стараюсь никому не завидовать и не злобствовать. Пытаюсь быть естественной. Никогда не ем и не ложусь спать прежде, чем мои мужья. Исполняя их поручения, никогда не ленюсь. Когда они возвращаются издалека, я привечаю их, подавая сиденье, воду, пищу и устраивая место для отдыха. Несмотря на то, что у нас есть слуги, я сама веду хозяйство, собственноручно готовлю и подаю мужьям их любимые блюда. Я не делюсь с ними своими личными волнениями и тревогами; скорее, принимая участие в их делах, я просто высказываю свою точку зрения. Не трачу слишком много времени на отправление естественных нужд, омовение и

одевание. Когда моих мужей нет рядом, я не ношу украшения. Меня не интересует то, что не нравится им, а понять, что им нравится, а что – нет, могу и без слов. Никогда не втягиваюсь в бесплодные споры и бесполезные увеселения. Я умеренна и сдержана в поведении, рассуждениях, поступках, питании и отдыхе. А самое главное – я никогда не сомневаюсь в моих супругах и не надоедаю им беспочвенными жалобами, но при этом и секретов от них не держу. Еще одна важная вещь: в их присутствии я не говорю ни слова об их семье или о Ма Кунти. Я равно отношусь к каждому из них, никогда не обсуждаю никого из них перед другим. Я предвосхищаю их желания и даже распоряжения, которые они отдают слугам. Никогда не хвалюсь перед ними богатством, великолепием и роскошью отчего дома, как и не клеймлю себя проклятием, сравнивая условия нашей жизни с чужими богатствами. Также в присутствии мужей я никого из женщин не называю более удачливой, чем я. Не считаю нужным открывать мужьям свои бесчисленные желания, не остаюсь наедине с другими мужчинами, избегаю хитрых женщин. Перед мужьями стараюсь всегда выглядеть свежей, молодой и красивой. Это мужья делают нас матерями и хозяйками, приносят нам удачу и счастье. Мужья не колеблясь составят женам компанию, позаботятся об их безопасности, общественном положении и материнстве. Поэтому не моя ли обязанность внушать им уверенность в своей глубокой любви? Я могла бы, как и Субхадра, вернуться в отчий дом. Почему я делю с мужьями тяготы лесной жизни? Потому что не только счастье, но и беды – наши общие. Вдохновлять мужа в несчастье и опасностях – *дхарма* женщины. Я посвятила себя этому.

Сатья была в замешательстве:

– Постой, Кришна, хватит! Уже от одних твоих слов у меня голова кругом пошла, что уж говорить о том, чтобы выполнять все это! Я так не смогу. Похоже, без строгой *садханы* даже приличной женой не станешь...

Я рассмеялась:

– В этом твоя ошибка. Почему бы вместо того, чтобы присваивать себе Кришну, не считать себя Его собственностью? Этим-то ты Его и свяжешь! Чандравалигопи горячо любит Кришну. Но чем ее настроение отличается от настроения Радхи? Чандравали считает Кришну своим, тогда как Радха говорит: «Кришна, Я Твоя». Таково же и мое к Нему отношение. Я говорю: «Кришна, Кришна Твоя». С самого рождения я посвятила себя Кришне. Те, кто судят о моем умонастроении превратно, заблуждаются и насчет Кришны. Любовь к Кришне – не мирской роман, и мои мужья понимают это. Напротив, они считают, что им повезло.

С полными слез глазами Сатьябхама сжала мои ладони:

– Сестра, ты покорила не только пятерых своих мужей – ты покорила Кришну. Никто из нас не мог понять моего мужа – но ты постигла Его. Мы, восемь цариц, рвали Его на части: «Кришна мой!» А Кришна – ничей! Оставив нас в Двараке, Он стал твоим! С сегодняшнего дня ты – мой гуру. Я должна следовать твоему совету – лишь тогда Кришна станет моим и только моим.

Я снова рассмеялась:

– Сестра, ты опять сбилась с пути! Не «Кришна станет моим» – скажи лучше: «Я должна принадлежать Ему!»

Не знаю, как долго два друга слушали нашу беседу. Арджуна перебил меня шуткой:

– Довольно, довольно, Кришна! Если ты будешь принадлежать Кришне, то кто же останется с Арджуной? Кто? Отвечай, иначе мне придется позвать Бхиму!

Я не задумываясь ответила:

– Я принадлежу Кришне, а Кришна – Арджуне. Поэтому Кришна и твоя тоже, какие могут быть сомнения?

Закрыв глаза, Сатя повторяла:

– Да, я принадлежу Кришне, я принадлежу Кришне, я принадлежу Кришне...

Она совсем забылась. В глазах ее стояли слезы.

Кришна сказал:

– Похоже, теперь надо отправить к тебе всех восьмерых цариц – только тогда они перестанут рвать Меня на части!

По приезду Сатьябхамы я справилась о благополучии пятерых сыновей и Абхиманью, а перед отъездом еще раз осведомилась об этом. Теперь моя душа была спокойна. Приступили ли они к учебе? Насколько они подросли? Вспоминают ли они за едой и играми свою странницу-мать? Снюсь ли я им по ночам? Когда я задавала все эти вопросы, голос мой прерывали рыдания.

Желая ободрить меня, Сатьябхама сказала:

– С ними Субхадра и все мы, с чего бы им скучать? Они получают все, чего хотят. Не волнуйся, сестра: столько лет уже позади, осталось всего-то три года. Они пышут здоровьем и крепко сложены. Абхиманью теперь кажется младшим братом Арджуны.

Я смахнула слезы:

– Они совсем-совсем по мне не скучают?

Слезы потекли пуще прежнего. Кришна рассмеялся:

– Запомни, Сатья: когда вернемся, надо будет хорошенько мучить племяшек – бить, морить голодом, посылать в лес по дрова! Тогда-то они вспомнят, что у них есть Ма Кришна, а она тоже заживет в лесу припеваючи!

Утерев слезы и держа Сатью за руку, я горестно сказала:

– Сатья, не слушай эти жестокие слова *сакхи*. Он мужчина; откуда Ему знать, что творится в сердце матери? Ты можешь себе представить, какая это боль – разлучиться с сыновьями, когда те совсем еще дети... Не напоминай им обо мне; если они вспомнят меня, то будут скучать и плакать. Скажи Субхадре, что я люблю ее. Передай ей, что я вернула ее мужа из райского царства. И еще скажи ей, что после его возвращения Драупади так и не вкусила радостей супружества. Пока жив Карна, Драупади для Арджуны – неприкасаемая; даже оставаясь рядом, Драупади не может служить ему.

Г л а в а 42

Ашрам великого мудреца Тринабинду был восхитительнее райского сада Нандана. Я спросила Арджуну, так ли это. Зачарованный красотой обители, Арджуна согласился, что сад Нандана меркнет в сравнении с нею. В тот день мои мужья должны были отправиться на охоту в лесные чащи Камьяки. Я выразила желание дожидаться их возвращения в *ашраме*. Оставив меня с жрецом Дхаумьей, Пандавы ушли. Я блуждала по саду, как непоседливое дитя. Мне нечем и не на чем было записать стихи, и они полились из меня сладкой песней. Напевая себе под нос, я, как бабочка, порхала от цветка к цветку.

По ту сторону сада была просека. По ней двигалась какая-то пышная процессия в сопровождении музыки и возгласов. Должно быть, это какой-то царевич; он наряжен, как жених. Привлеченные моим пением, они свернули в сад. Пораженный моей дивной красотой, жених сошел с колесницы. Смутившись, я повернула обратно в *ашрам* с мыслями: «О Господи! Мои мужья далеко. Зачем было бродить по саду как девчонка, громко распевая?»

Немного погодя у ворот обители показался сын царя Суратхи, Котика. Опершись о молодую цветущую ветвь кадамбового дерева, я глядела в голубое небо и слагала стихи. Котика был очарован: «Кто ты, о несравненная? Быть может, ты дочь *нага* или *якши*? Возможно, ты *апсара* со *сварги*? Или одна из богинь? Лесным пожаром полыхаешь ты среди зелени! Сверкая, словно молния среди грозových туч, ты приумножаешь красоту леса. Никогда прежде не видели мы такой красоты. Даже океанские волны пристыжены твоими соблазнительными формами. Твое славное лицо – словно голубой лотос в пруду, а голос напоминает звучание струн *вины* под пальцами богини Сарасвати. Кем бы ты ни была, царь Синдху, Джаядратха, желает встречи с тобой. Супруг Духшалы, единственной сестры Махараджа Дурьйодханы,

могучего правителя цветущего Хастинапура, царь Джаядратха уже собирался было жениться на царевне из страны Шалва, но по пути туда был пленен твоей безупречной красотой. Он не считает возможным продолжать свой путь, не повидавшись с тобой».

Услышав имя мужа любимой невестки, я была восхищена. Нашими врагами были Кауравы, Духшала же была дорогой сестрой Пандавов. Я называла ее Сушила. Уже давно я не видела никого из родственников. Поэтому, с готовностью представившись, я радушно пригласила Джаядратху в гости. Неважно, сколько жен у царя; более того, считается, что чем больше жен – тем престижнее. Поэтому свадебное путешествие Джаядратхи было поводом для радости. Если по такому благоприятному поводу я не дам своих благословений и добрых пожеланий мужу невестки, что скажут люди? Что подумает сестра моих мужей, Сушила? И что скажут сами Пандавы, когда вернутся? Юдхиштхира назовет меня завистницей, Бхима скажет, что я глупая...

Я встретила Джаядратху, раздетого, как подобает жениху, и тепло поприветствовала:

– Ты не признал жену своего старшего двоюродного брата? Зачем ты ведешь себя, как незнакомец, и остаешься вдали, испрашивая разрешения встретиться? Хотя мы виделись лишь пару раз, я тебя запомнила. Ну конечно, ты ведь царь Синдху, двоюродный брат могучего Дурьйодханы! Нет сомнений, ты совсем забыл жену лесных изгнанников Пандавов, Драупади! Все ли в порядке у Сушилы? Помнит ли меня она? Братья могут повздорить, но сестра-то у них одна. Почему бы тебе не известить нас раньше, что ты собираешься в Шалву этим путем? Если бы Пандавы знали об этом, они наверняка бы дождались тебя. Теперь они далеко отсюда, на охоте, и вряд ли вернутся засветло. Прими же мои благословения и пожелания счастья от их имени! На обратном пути, пожалуйста, останься на ночь вместе со своей невестой в *ашраме* Пандавов. Они будут рады.

Джаядратха не ответил. Он уставился на меня, как зачарованный. Наконец, он сказал:

– Я передумал жениться на царевне Шалвы. Милая! Приходишься ли ты мне невесткой или кем-то еще – неважно: именно тебя хочу я сделать своей царицей! Завоевав красавицу, подобную тебе, мужчина становится достоин славы. Пандавы не заслуживают такой драгоценности. Только посмотри, до какой нищеты докатилась ты с ними!

Я вспыхнула гневом:

– Хватит! Довольно! Ни слова больше – иначе тебе не миновать смерти от руки моих мужей! Мерзкий грешник! Не выжить тому, кто оскорбляет замужнюю женщину так, как то позволяешь себе ты! Рано или поздно тебя ждет расплата!

Но разве слушал меня ослепленный похотью Джаядратха? Схватив меня за руку, он потащил меня на колесницу: «По сравнению со мною Пандавы – просто нищие! Что они мне сделают? Милая, с сегодняшнего дня ты будешь царицей Синдху, а сестра оскорбившего тебя Дурьйодханы станет твоей рабыней. Согласись, Пандавам и не снился лучший способ отомстить ему!»

Колесница тронулась. Когда грешник крепко обхватил меня обеими руками, я нанесла ему такой удар, что сама чуть не упала. Беспомощная, я позвала на помощь Кришну и лишилась чувств.

Очнувшись, я увидела взволнованные лица мужей. Опасность миновала – по крайней мере, я высвободилась из лап этого порочного человека. За меня вступился жрец Дхаумья. Ударив его, Джаядратха затащил меня на колесницу. Тогда Дхаумья побежал в лес на поиски моих мужей. Узнав от него, что случилось, те бросились в погоню и спасли меня. Но удалось ли им наказать Джаядратху?

Бхима заверил меня:

– Не волнуйся, Панчали, теперь ты в безопасности.

Я гневно бросила:

– Не желаю видеть даже труп этого грешника! Пусть его гадкое тело сожрут шакалы в джунглях.

Как дождь следует за вспышкой молнии, из моих глаз хлынули слезы.

Юдхиштхира сказал:

– Я не ожидал от тебя такой жестокости, Ягьясени. Спору нет, Джаядратха грешник. Но если за каждое прегрешение наказывать смертью, земля опустеет. Всем мужчинам нравятся хорошенькие женщины, просто рассудительные представители сильного пола обуздывают свое желание. Рассудок Джаядратхи помутился, потому он и оскорбил тебя. Не забывай, что он муж нашей единственной сестры...

В бешенстве я вскочила с постели:

– Похоже, в умении прощать ты превзошел самого порядочного из людей, Раму! За то, что Равана похитил Ситу, Рама убил его, хотя тот и был мудр. А ты не желаешь наказать преступника только потому, что он твой брат! Твою жену оскорбили – и это ничуть не уязвляет тебя и не волнует! Писания гласят, что если похититель женщины или узурпатор власти ищет прибежища, не следует оставлять его в живых: такой человек – заклятый враг всего общества.

Бхима поддержал меня. Арджуна, Сахадева и Накула молчали. Юдхиштхира принялся объяснять важность этого благородного качества – умения прощать. Постепенно я успокоилась. Действительно, человек оскверняет землю таким множеством порочных желаний, что на каждом шагу попирает *дхарму*, справедливость и истину. И правда, если карать смертью любое прегрешение, на земле никого не останется. Наше общество устроено таким образом, что всю свою жизнь женщина страдает. Если Джаядратху приговорить к смерти, то его вдове Сушиле придется мучиться всю оставшуюся жизнь. Таким образом, от наказания пострадает не сам Джаядратха, но Сушила. Наслаждаясь множеством женщин, мужчина не пятнает себя грехом, но лишь подчеркивает свое мужество. Даже если мы считаем поступок

Джаядратхи порочным, никто не расценит его как смертный грех. Мужчины самонадеянны, они частенько покушаются на красивых женщин, поэтому Джаядратха найдет понимание и оправдание в глазах широкой общественности. Он мужчина и к тому же царь. Это царское право!

Теперь меня обуревал гнев на все общество. Сначала я разобиделась на мужей, а потом – на Бога: это Он уготовал красивым женщинам полную превратностей судьбу! Сушила – тоже женщина; она преданна мужу, исполнена любви, безупречна в своем поведении. Почему же безо всякой вины она вынуждена страдать до конца своих дней?

Я была готова разрыдаться:

– Тогда отпустите Джаядратху. Сушила ни в чем не виновата. Если общество считает, что Джаядратха не заслуживает смерти, зачем приносить горе Сушילה? Если бы желать чужую жену было смертным грехом и позором, жизнь целомудренной Ситы не оказалась бы полной несчастий. После гибели Раваны и разрушения Ланки никто больше не отваживался бы насиловать женщин и издеваться над ними. Для мужчин женщины стали чем-то вроде царства или предметов роскоши. Те, кто посильнее, могут забирать себе чужих жен. Мне повезло, что Джаядратха потерпел поражение: если бы он победил, тогда, согласно закону, я стала бы его любовницей...

Простив Джаядратху, я прокляла неравенство полов в обществе.

Обрив Джаядратхе голову, Бхима заставил его признать себя слугой Пандавов, припасть к моим стопам и молить о прощении. В страхе за свою жизнь Джаядратха выполнил все условия. Царь Синдху, совсем недавно красовавшийся передо мною в свадебном наряде, ныне стоял в одной набедренной повязке, с обритой головой! Я отвернулась и презрительно бросила:

– Пусть одно лишь прикосновение похотливого безумца, пусть один лишь взгляд на его тень будет грехом для

целомудренной женщины! Прочь! Ты недостойн даже пыли с моих стоп.

Бритоголовый, полуголый Джаядратха валялся на земле. Бхима и Накула вызывающе хохотали. Я поспешила удалиться.

Пристыженный, разбитый, разочарованный, Джаядратха не вернулся в свое царство. Он отправился в Харидвар – совершать подвижничество, дабы умиловать Шиву. Когда Шива предстал перед ним, он попросил:

– Даруй мне оружие, чтобы я сумел победить Пандавов в битве хотя бы однажды!

Шива ответил:

– Я знаю, зачем ты просишь об этом: тебе желанна Драупади. Но самое могучее оружие я уже подарил Арджуне. Хорошо, однажды тебе удастся победить остальных четверых Пандавов – всех, кроме Арджуны.

Заручившись благословением Шивы, Джаядратха принялся хвастать: «Ну, теперь-то моя мечта сбудется! Карна разделается с Арджуной, а я возьму на себя оставшуюся четверку. Драупади поделим пополам. Ею уже насладились несколько мужчин, так что одним или двумя больше – теперь не важно».

Узнав об этих издевательствах, Бхима язвительно заметил Юдхиштхире:

– Видишь, к чему приводит прощение? Да уж, Драупади сведет с ума любого, а Джаядратха тут не причем!..

А я добавила:

– Так это моя вина?.. Виноваты *шастры*, которые отдают женщину на растерзание тому, кому удалось взять верх над ее мужем. Но кто дерзнет спорить с писаниями?

Г л а в а 43

Ссылка была на исходе. Чтобы развеяться, мы на несколько дней отправились в лес Двайта. Мне было

неспокойно. Красота и юность казались мне проклятием. Арджуна дал обет не прикасаться ко мне. Юдхиштхира был поглощен планами на будущее. Бхима рыскал по джунглям; иногда он навещал Хидимбу. В лесных чащобах уже проложили дороги, так что теперь Бхиме не приходилось немилосердно терзать меня своими домогательствами. Накула совсем забылся в танцах, музыке и шабарских народных гуляниях. Сахадева размышлял о том, как нам провести последний этап нашего изгнания, когда мы будем вынуждены жить неузнанными. Фактически, я осталась совсем одна. Постепенно я возвысилась над желанием и похотью, хотя это всего лишь первый шаг на пути подвижничества и отречения. Во мне накопилось отвращение к мужской похоти и к своему собственному красивому, юному телу. Корнем всех наших мытарств, оскорбления, ссылки Пандавов, утраты царства, было разочарование тех, кому не досталась красивая женщина, и женщиной этой была я – Кришна! Кто знает, какие беды уготованы нам судьбой по возвращении в царство? Взоры Дурьйодханы, Духшасаны, Карны, Джаядратхи и других были устремлены на меня. Но чем, кроме красоты, я провинилась перед ними? Иногда я молилась: «Господи, поменяй мою красоту на покой, умиротвори мужей моих! Да воцарится мир и покой по всей Арьяварте! Отдай мою красоту этой земле и людским сердцам!» Но разве мои молитвы были услышаны? Напротив, молитвы и воздержание сделали меня еще краше. Тело мое лучилось несказанным светом: наперекор моим молитвам Провидение щедро наполняло меня красотой.

Г л а в а 44

Как-то раз, пока я гляделась в воды ручья, меня охватило недоброе предчувствие: мне показалось, будто кто-то может покуситься на мое целомудрие. В конце концов, сегодня мир живет несправедливостью и насилием...

Внезапно один молодой *шабар* бросил мне на бегу: «Ма, в джунглях найден красивый мужчина. Его тело и уши окровавлены. На голове у него корона. Даже истекая кровью, он продолжал охотиться, и с великим мастерством подстрелил тигра. Его укусила ядовитая змея. Все наши травы, корни и заговоры бесполезны – яд уже проник в вены. Мудрец Випрапада говорил, что у тебя есть власть над птицами и зверьми. По слову твоему ядовитая змея высосет яд из его раны, и он спасется. Убив тигра-людоеда в лесу Двайта, этот человек облагодетельствовал нас. Если он погибнет такой бесславной смертью, никто больше не придет в лес Двайта».

Немедля поспешила я к бесчувственному телу. Господи, да ведь это же могучий даритель Карна! Раны от доспехов и серег, которые он срезал со своего тела и отдал в жертвоприношение, не затянулись. Глядя на него, я понимала, что он был жестоким жертвователем: только стойкий и беспощадный человек мог в погоне за славой содрать кожу с самого себя. В моем сердце проснулось расположение к этому человеку, на котором лежала печать проклятия, но уже в следующее мгновение я вспомнила о его клятве: убить Арджуну. Пройдет несколько мгновений – и все тревоги будут позади: яд может сам собой устранить эту занозу из жизни Арджуны; источник силы и высокомерия Дурьйодханы иссякнет. Без Карны Дурьйодхана сам станет искать у нас прибежища. Не одна лишь Индрапрастха – даже царский престол Хастинапура может стать нашим! Арджуне не придется убивать Карну, и, следовательно, причинять боль материнскому сердцу Кунти. Уж не знаю почему, но я застыла в нерешительности. Нежная женщина во мне встревожилась, воображая себе горе, боль и смерть. Во мне проснулось сострадание к Кунти; материнское начало взяло верх: передо мной лежал человек на волосок от смерти, и человек этот – герой исключительной красоты, Карна! Более того, однажды он тоже спас мне жизнь! Я забыла, что этот человек был врагом моих мужей, что это он был виновен в том, что надо

мною надругались. Образ Карны, усыпающего терниями мой путь, растаял; передо мной лежал славный герой, *дхармапутра* праведной Кунти, мой спаситель.

Я принялась заклинать змею. Она словно ждала, когда я ее позову. По моему велению она припала к ране и стала высасывать из нее яд, а затем стремительно скрылась в лесных зарослях. Карна зашевелился. По моему знаку юный *шабар* приложил к его телу целебные травы. Кровотечение остановилось, к Карне возвращалась его чудесная сила. Придя в себя, он поднялся и сел. Прежде чем он открыл глаза и огляделся, я покинула то место. Благодарность эгоиста вроде Карны также пропитана самолюбием; вынести бремя *такой* благодарности было выше моих сил. Он спас мне жизнь – и я вернула ему долг; этого было вполне достаточно. Сзади послышался приятный баритон Карны: «Кто эта женщина? Кем бы ты ни была, мои поклоны тебе! Ты спасла мне жизнь, ты подобна матери. Я никогда не видел свою мать; тем не менее, я чувствую, что моя спасительница наполнила мою жизнь благословениями. Прости этому проклятому ребенку все ошибки и упущения, все оскорбления, ведь ты мать и умеешь прощать! Пусть я не оскорблял тебя – я оскорбил другую женщину. Во мне возросло желание мучить ее, потому что я мужчина и мое мужское самолюбие не могло забыть пережитого оскорбления. Похоже, мне не удастся это до самой смерти. Сегодня я взял с собой Дурьйодхану, чтобы помучить ее, бахвалясь нашим богатством, но мне помешала ядовитая змея. Деви, воплощение силы, приветствую тебя! Я всегда поклонялся силе и красоте, но как же я вернусь домой, не заставив ту женщину мучиться? Прости меня, *деви...*»

Как свицовые тучи проливаются дождем, сами собой потекли мои слезы. Открытая исповедь сердечной боли Карны тронула во мне мать, тронула каждую струну моего сердца. Втайне я простила Карне все преступления и несправедливость в свой адрес. Почему? Только мать может простить ребенку все оскорбления...

Достигнув *аирама*, я принесла вести о прибытии Дурьйодханы и Карны и о спасении последнего. Юдхиштхира и Арджуна в один голос воскликнули:

– Великолепно, просто замечательно!

Юдхиштхира сказал:

– Чудесно! Ягьясени совершила еще один праведный поступок.

Арджуна сказал:

– Благодаря Ягьясени у меня остается возможность убить Карну. Если бы сегодня Карну унесла смерть, я бы лишился радости убить его. Мир по-прежнему не мог бы оценить мою доблесть. Сегодня Ягьясени поступила исключительно мудро и дальновидно.

Бхима разозлился:

– Драупади жаждет почета. Вернув к жизни нашего заклятого врага, она заслужила похвалу, но на самом деле она же и является причиной непримиримой вражды Карны с нами.

Сколь ни больно было слушать трясущегося от гнева Бхиму, я смолчала; в конце концов, он всегда был таким.

Некоторое время спустя пришли вести: царь *гандхарвов* Читрасена пленил Дурьйодхану. Царь *гандхарвов* резвился с *ансарами* в лесном озере. Дурьйодхана начал неподобающе пялиться на них. Заметив его похотливые взгляды, стражи попросили его покинуть место. Тот ослушался, и *гандхарвам* пришлось применить силу. Карна отсутствовал и потому не принял участия в сражении. Дурьйодхану разбили и взяли под стражу. Узнав об этом, пятеро Пандавов отправились к Читрасене; тот был весьма рад встрече со своим другом Арджуной. Пхалгуни попросил его освободить пленника:

– Мы просим прощения за ошибку Дурьйодханы. Наш старший брат Юдхиштхира хочет, чтобы ты даровал ему свободу. В конце концов, Кауравы наши братья. Если мы не поможем ему освободиться, это бросит тень на все семейство. Во имя нашей дружбы, пожалуйста, освободи его.

Читрасена удивился:

– Надо же! Он заявился сюда с вояками, чтобы похвастать богатством и тем самым оскорбить вас! Твой отец Индра, узнав об этом, послал сюда меня, чтобы проучить его. А ты просишь меня освободить его!

– Ты уже наказал его. Довольно! Он хотел похвастаться перед нами богатством, но вместо этого по нашей милости получил свободу – что может быть более тяжелым оскорблением для мужчины? – спросил Арджуна, улыбаясь.

Читрасена отпустил Дурьйодхану со словами:

– Прикоснись же к пыли со стоп добрых Пандавов!

Пандавы, в свою очередь, попросили его прикоснуться к стопам Читрасены. Сгорая со стыда, оскорбленный Дурьйодхана вернулся в Хастину.

Уже в *ашраме* Бхима сказал:

– Хитер братец Карна! Слиял, бросив своего дружка в беде! Да какой он после этого мужчина?!

Сахадева серьезно возразил:

– Нет сомнений в том, что Карна эгоист, но ему не свойственно идти на поводу у похоти, и разгильдяем его тоже не назовешь. Он человек безупречного поведения, каких редко сыщешь в Арьяварте. Он ушел оттуда именно потому, что не похож на грубого, неотесанного Дурьйодхану. Поскольку он ненавидит Драупади, порой он обходится с нею неподобающе, но он чужд похоти.

Хотя Карна был моим заклятым врагом, я преклонялась перед ним.

Г л а в а 45

Все мы – кроме Юдхиштхиры – тревожились в преддверии года, который нам предстояло прожить неузнанными. Мы боялись, что если Кауравы раскроют нас, то нам придется страдать в изгнании еще двенадцать лет. Но Юдхиштхира, казалось, именно об этом и мечтал, – ведь, как

только мы вернемся в Хастину, не избежать войны. Зная об этом, он заверял нас: «Будь что будет. Зачем волноваться об этом сейчас?»

В тот день скитания по лесу Двайта утомили нас. Юдхиштхиру мучила жажда. Сахадева направился за водой для него к близлежащему озеру. Когда тот не вернулся, Юдхиштхира послал за ним Накулу, вслед за которым безвозвратно ушел Арджуна и был послан Бхима. Мы с Юдхиштхирой прождали их с полудня до четырех часов дня. Мой ум наполнился недобрыми предчувствиями. Юдхиштхира был рядом, и все же мир для меня был пуст. Наконец, мы оба отправились к озеру выяснить, что случилось.

Все четверо крепко спали. Какие же они безответственные, подумалось мне, – старшего брата мучает жажда, а они при свете дня завалились спать! Я присела у стоп третьего Пандава, Пхалгуни. Он выглядел очень уставшим и изможденным. Бедняжка, всю свою жизнь он провел в лесах, в воздержании, подвижничестве и треволнениях! А теперь еще дал обет не касаться меня... Я чувствовала себя величайшей грешницей на земле. Юдхиштхира нарушил мои раздумья: «Ягьясени, нам ничего не остается, кроме как признать поражение перед лицом судьбы. Смерть неизбежна. Я скорблю лишь о том, что все они покинули нас так скоропостижно...» Кто кого покинул? О чем он?

Сперва слезы лил Юдхиштхира. Вспоминая благие качества своих братьев, он проклинал свою жажду. Наконец и я поняла, что четверо моих мужей мертвы. Разрыдавшись у ног Арджуны, забыв про его клятву, я прижала к груди его стопы и потеряла сознание.

Юдхиштхира поспешил к озеру, чтобы принести мне воды. Он уже протянул руки к воде, когда сидящая на дереве птица молвила: «Юдхиштхира! Сперва дай верный ответ на мой вопрос, иначе последуешь за братьями. С тобой говорит *якша*, страж этого озера».

Юдхиштхира остановился. Терпеливо, с величайшей осмотрительностью и серьезностью он дал верные ответы на вопросы *якши*. Слушая глубокие ответы Юдхиштхиры, даже посреди жестоких страданий я преисполнилась к нему почтением. Перед его бездонной мудростью мой собственный разум и знание отступали.

Якша остался доволен ответами:

– Ты порадовал меня. Я согласен воскресить одного из твоих братьев. Скажи мне, кого из четверых?

Хотя мужьями мне приходились все четверо, сидя у ног Арджуны, я эгоистично полагала, что к жизни нужно вернуть именно его.

Юдхиштхира ответил:

– Спаси Накулу.

Якша полюбопытствовал:

– Без Бхимы и Арджуны ты как без рук. Они сыновья Кунти. Почему же, забыв о них, ты просишь меня воскресить сына Мадри Накулу?

Тот же вопрос я задавала самой себе.

Подавая пример высочайшей справедливости, Юдхиштхира сказал:

– Я, старший сын Кунти, жив. Я хочу, чтобы старший сын Мадри тоже остался в живых.

Весьма и весьма довольный его участливостью, *якша* тут же привел в чувство всех четверых; казалось, они просто проснулись. Я все еще сжимала в руках стопы Арджуны, увлажняя берега озера своими слезами.

Арджуна отпрянул: «Не один лишь я прихожусь тебе мужем. Ты должна сделать то же самое со всеми. Я всего лишь завоевал тебя, поэтому выказывать любовь мне одному несправедливо. Если сами Пандавы станут проявлять несправедливость, то непременно потерпят поражение. Кришна, избавь меня от этого гороподобного бремени незаслуженной любви».

Я полагала, что моя печаль несколько вдохновит Арджуну. Но, отругав меня за несправедливость, прочитав мне мораль, он снова превратил меня в неприкасаемую. Слезы лились из глаз моих, смывая грех любви к моему супругу.

Г л а в а 46

Странная сцена развернулась в этом трудноисполнимом акте моей жизненной пьесы: в столице государства Матсья мы инкогнито нашли прибежище во дворце Вираты. Условие было таково: если нам удастся прожить год неузнанными, то трагедия заканчивается и занавес закрывается. Но перед заключительной сценой положена кульминация, – размышляя об этом, я пыталась сохранить терпение.

Так или иначе, первые четыре месяца мы прожили инкогнито без особых трудностей. Юдхишхира под псевдонимом Канка назвался мастером игры в кости. Денно и ночью развлекал он царя игрой. С этого наши беды начались, этим должны были и закончиться. Узнав, что брахман Канка был другом Юдхиштхиры, царь Вирата окружил его почестями.

Самый ненасытный из моих мужей, Бхимасена, нашел дело себе по вкусу: он стал царским поваром Валлабхой. Узнав, что некогда он стряпал при дворе Юдхиштхиры под руководством самой Драупади, а также что он – хороший борец, Вирата назначил его главным поваром.

Если бы прекрасный, как сам бог любви, Арджуна сыграл роль моего мужа, это было бы пределом моих мечтаний, но, похоже, судьба связала нас болью: теперь он был учителем танцев и музыки, евнухом Бриханналой. Теперь-то ему игодились уроки музыки и танцев, полученные от *гандхарвов*, равно как и проклятие Урваши. Царица Судешна и царица Уттара, прознав о том, что некоторое время назад он прислуживал Драупади, заметно повысили его в статусе. Лишившись мужества, ныне

Пхалгуни носил сари, под которым скрывал отпечатки тетины на теле и плечах. Заплетя длинные волосы в косу, он убрал их цветами. В ушах у него висели серьги, нос был проколот, пальцы сверкали перстнями, на груди красовались ожерелья, на руках звенели браслеты, а на ногах – колокольчики. Напомаженный, с киноварью на лбу и подведенными тушью глазами он выглядел совсем как женщина. Помимо занятий танцами с царевной Уттарой, на пирах он развлекал царицу и горожанок музыкой и танцами. Я терпимо относилась к лицедейству остальных мужей, но видеть прекрасного Арджуну в платье Бриханналы было невыносимо больно. Наблюдая его искусный танец, зрители рукоплескали; я же, удалившись, горевала. Я знала, что его мужское бессилие, нелепые жесты, женский голос, мимика и походка – не навсегда; но какая женщина вынесет подобное состояние своего мужа, даже во сне? Когда женская половина дворца начинала потешаться над Бриханналой, я пыталась держать себя в руках, скрывая уныние. Типично женское поведение и жесты Бриханналы весьма развлекали представительниц прекрасного пола. Мне же хотелось кричать: «Да знаете ли вы, кто такой Бриханнала?!» Но уже в следующее мгновение, скрепив сердце, я уходила оттуда, чтобы не расплакаться. Если бы на месте Арджуны оказался, скажем, Накула, я бы относилась к этому иначе. Он был щеголем, любителем украшений. Меня бы эта его роль тоже развлекала. Но видеть таковым супруга, который исключительно гордился, славился и был уверен в своей силе, было весьма прискорбно.

Накула назвался Грантхикой. Поскольку в прошлом он был конюхом Юдхиштхиры, Вирата охотно согласился назначить его главным конюхом. Сахадева взялся ухаживать за коровами и представился Тантипалом. Вирата доверил ему заботиться о скоте. Похоже, близнецы играли свои роли с большим удовольствием.

Таковы были роли пятерых Пандавов, сыновей царя Панду, в последний год изгнания, который они должны были прожить неузнанными. А что же несчастная дочь Друпады?

Драупади стала Сайрандхри, парикмахершей царицы Судешны.

Царицу восхищала моя красота, однако она тревожилась, что если она будет держать такую красивую женщину во внутренних покоях, ее пожилой супруг может влюбиться. Я уверяла: «Махарани, я замужем. К сожалению, все пятеро моих мужей-*гандхарвов* в изгнании. Поэтому, чтобы поддержать душу в теле, я обратилась к тебе. Вернувшись, они с почетом заберут меня домой. Пусть тебя не пугает моя красота: я не собираюсь никого соблазнить. А ежели кто и позарится – пусть пеняет на себя: мои супруги-*гандхарвы* не замедлят сурово наказать его. Лишь об одном прошу тебя: не позволяй никому из мужчин командовать мною и не корми меня остатками чужой трапезы». С тех пор я стала наперсницей царицы Судешны. Покрыв свои распущенные волосы *анчалом*, я посвятила себя заботам о прическах царицы Судешны и царевны Уттары.

Юдхиштхира жил в свое удовольствие, днем и ночью развлекаясь с Виратой игрой в кости. Он не отходил от царя ни на шаг и даже обедал вместе с ним.

Арджуна проводил время, забавляя царевну Уттару и царицу Судешну. На женской половине дворца у него была своя комната. Служанки глумились над ним; я багровела от гнева и предлагала им вернуться к исполнению своих обязанностей. Тогда они начинали глумиться надо мной: «Тебе-то что? Тебе было мало пятерых мужей, так ты ушла из дому и переключила внимание на Бриханналу! Здесь, в женских покоях царского дворца, его держат лишь потехи ради! Мужчинам сюда нельзя. Хотя... есть тут отважный муж, брат царицы – Кичака. Кстати, ты ему нравишься. Невестку царя Хастинапура, Драупади, считают целомудренной, хотя она вышла замуж за пятерых. Удовлетворив Кичаку, ты тоже не запятнаешь свою честь. На нас он даже не смотрит, так что нам ничего другого не остается, кроме как заигрывать с евнухом...»

Я вспыхнула гневом и отвращением. Опасаясь, что пламя моего гнева сожжет всю нашу тайну, Арджуна взял меня за руку и отвел в укромное местечко:

– Идем, *сакхи*, поговорим с глазу на глаз. Не обращай на них внимания. Я принадлежу всем и угождаю каждому: царю, царице, тебе...

Служанки пошло захихикали. Я чуть было не расплакалась.

Арджуна ласково продолжал:

– Кришна, принимая игру за действительность, ты страдаешь. Мы здесь всего на несколько дней. Темная ночь наших мытарств уже на исходе...

Я пыталась подавить в себе гнев:

– Невыносимо видеть в такой роли того, чья сила и мужество были предметом моих девичьих грез! Мне нестерпим весь этот маскарад – твоя одежда, жесты, поведение...

Глядя на него, я тонула в пучине горя.

Бхима день и ночь тяжело трудился. С его появлением на кухне остальные повара взвалили на него свою работу, а сами прохлаждались. Бхима принял все как должное. Он служил каждому, стряпая вкусные блюда. Когда все были сыты, он усаживался и доедал остатки. Прежде ему подавали пищу первому. Малейшее промедление вызывало в нем бурю; когда дело касалось еды, его терпению приходил конец, он буквально терял рассудок. Теперь ему приходилось нелегко – ведь нужно было ждать, пока не насытятся все остальные. Молча, обуздав жадность, подавал он пищу другим. Я плакала, вспоминая, с какой любовью кормила я Бхиму только что приготовленными яствами... Что поделать – здесь я всего лишь бесправная служанка...

Когда Бхима принимался за еду, служанки, повара и прочая челядь собирались поглазеть да посмеяться:

– Бедняга никогда не видел таких кушаний! Ему повезло, что он попал сюда, теперь он на седьмом небе!

Мне хотелось надавать пощечин этим служанкам, но я была вынуждена обуздывать свой гнев:

– Я слышала, что у хастинапурского царевича Бхимы тоже неплохой аппетит. Как царевич он гордится своей способностью поглощать много еды. Но Валлабха – повар, поэтому та же способность в его случае выглядит жадностью нищего. Как знать, может, и Валлабха однажды станет царем... Он силен, как царь.

Служанки покатывались со смеху:

– Ну да, Валлабха станет царем, а ты – царицей! Так вот о чем ты мечтаешь! Если с пятерыми мужьями ты докатилась до положения служанки, то с Валлабхой тебе определенно не будет хуже! Неважно, станет ли он царем, – внешность у него поистине царская!

Они показывали непристойные жесты и визгливо хохотали. Полная отвращения и ярости, я вскочила с места и ушла прочь.

Жизнь превратилась в муку, и единственным оазисом в этой пустыне для меня была Уттара. Глядя на нее, я забывала тоску по сыновьям. Ее безупречная нежная красота, юность и невинность охлаждали жгучую боль моего сердца, растапливая его и наполняя нектаром. Обнимая царевну, я порой говорила:

– Если бы мой сын был царевичем, ты бы стала моей невесткой...

По-девичьи любопытная Уттара спрашивала:

– Если ты такая красивая, то как же красив, должно быть, твой сын? Если твои мужья-*гандхарвы* такие могучие, то сколь сильны их сыновья?

Я описывала Уттаре красоту Абхиманью, его удаль и феноменальную одаренность. Она зачарованно слушала:

– Я верю, что только прекрасный смельчак достоин царского трона. Если у царя недостойный сын, какое право он имеет на престол?

Я молча соглашалась с Уттарой. Если бы все было так, как говорит Уттара, Хастинапуром должен был бы править Карна, а не Дурьодхана. Но по воле рока Карна не царевич, вот почему его отвага – предмет насмешек.

Беседы с Уттарой прогоняли мою печаль. Они заряжали меня бодростью, я расцветала и становилась сама собой. В один из дней, когда мы вот так беседовали, появился Кичака и стал дразнить Уттару. Пользуясь Уттарой в качестве посредницы, он стал показывать всяческие жесты, выдававшие его вожделение. Сколь привлекательным для меня в мужчине была сила, отвага и ученость, столь же отвратительной была животная похоть. Поэтому к Кичаке я питала отвращение. Через служанку Малати он послал мне несколько подарков, которые я отвергла. Наконец, он прислал мне записку, свидетельствующую об откровенном вожделении, которую я сожгла, а через служанку передала ответ: «Спроси похотливого безумца Кичаку, зачем он накликает на себя гибель. Для него я подобна яду».

Но Кичака не знал, что такое стыд. Этот разгильдяй был сродни животному, а животному такие понятия чужды. Поэтому он даже не обиделся.

Улучив минутку, я пожаловалась Юдхиштхире на Кичаку, поскольку Арджуна в те дни был лишен силы, мужества и оружия. Если бы я открылась Бхиме, он пришел бы в такую ярость, что скрываться дальше стало бы невозможным. Старшим был Юдхиштхира. Я полагала, что, рассказав ему обо всем, спасусь. Но ему было все равно. Для него честь, безопасность и счастье жены ничего не значили в сравнении со справедливостью, *дхармой*, прощением и благородством. Видя мое замешательство, беспомощность и гнев, он принялся читать мне морали: «Ягьясени, ты разумна и образованна. Если человек не защищает себя сам, ему никто не поможет. Тщательно избегай потакать похотливому Кичаке. Не делай ничего, что может открыть нашу тайну – это грозит опасностью всем нам. Еще не время открывать, кто мы такие. Во дворце Вираты полно красавиц; с чего бы это

вдруг Кичака положил глаз именно на тебя? Надо было с самого начала вести себя осторожнее...»

Я не могла выразить свой гнев, не могла даже вволю покричать. Юдхиштхира был не из тех мужей, перед кем можно изливать свои чувства и давать волю слезам. Я дала себе зарок: это первый и последний раз, когда я позволяю себе плакать перед ним. Смехотворно дуться перед тем, кто не придает никакого значения обидам и совершенно чужд мстительности. Если уж кому и можно было поплакаться, то это простодушному, грубоватому Бхиме. Если он поймет, что я плачу не напрасно, то ради меня свернет горы. Но я боялась: узнав, что Кичака положил на меня глаз, он наверняка убьет его, и тогда все поймут, кто мы такие.

С великим тщанием собралась я с силами, чтобы защищаться самостоятельно. Я вручила себя Господу. Муж – Божество жены. Если он не способен защитить ее, то какой же он Бог? Поэтому, возведя на алтарь сердца *сакху* Кришну, я поклонялась Ему. Этот мой друг никогда не бросал меня в беде, всегда приходил на помощь. Он был Господом моего сердца, которого надлежит вспоминать на заре каждого дня, и моим ближайшим другом. Пусть Он далеко – чувствуя Его в сердце, я спасусь от опасности...

Г л а в а 47

В тот день во внутренних покоях Вираты готовились к какому-то празднику. Судешна лично руководила всеми приготовлениями. После обеда Юдхиштхира играл в кости с Виратой, Бхима колдовал на кухне, Арджуна танцевал, Накула присматривал за лошадьми гостей, Сахадева, как обычно, был в конюшне.

Мы с Утгарой сидели подле царицы Судешны. Все восхищались танцем Бриханналы, одна лишь я задыхалась от горя: Пхалгуни, который превзошел всех воинов на *сваямваре* и завоевал Кришну, нынче развлекает танцами

женщин во внутренних покоях! Какую злую шутку сыграла с ним судьба!

Все смеялись, я же кусала губы и пыталась сдержать слезы. Тут царица Судешна серьезно обратилась ко мне:

– Саирандхри, принеси душистого вина из покоев Кичаки!

– Махарани, я уже говорила Вам ранее, что не буду исполнять никакой черной работы. Кичака нынче пьян. Оскорбительно и опасно женщине появляться в покоях обезумевшего от вожделения мужчины. Простите.

Царица Судешна никогда не обходилась со мною дурно. Она обращалась со мною, как с дорогой подругой. Но в тот день она строго сказала:

– Жена пятерых, Саирандхри! Знаешь ли ты, чем чревато непослушание?

Я поднялась с места. Неужели Судешна замышляет использовать меня, чтобы удовлетворить похоть своего братца? Нам нужно прибежище еще на несколько месяцев. Если нас раскроют, все усилия пойдут прахом. Взывая к Кришне, с сосудом для вина в руках, поплелась я к покоям Кичаки.

Я знала, что вхожу в пламя, бросаюсь в пучину океана, отвечаю на вызов голодного зверя. Кичака гораздо сильнее меня. Хотя пятеро мужей со мною, я вынуждена сама заботиться о своей защите. Моя женская честь в опасности, и все же я должна направить свои стопы в покои Кичаки. Даже преступник вынужден самостоятельно идти на казнь – не по доброй воле, но по приказу царя. Я находилась в точно таком же положении. Между тем, чтобы прыгать в клетку к голодному тигру и показаться в покоях Кичаки, не было никакой разницы.

У дверей Кичаки, ощущая полную беспомощность, я мысленно воззвала к Кришне: «*Сакха*, Ты – мой Господь, мой возлюбленный! Честь Твоей дорогой подруги Кришны – в Твоих руках. Спаси меня!»

Кичака разлегся в предвкушении удовольствий. Увидев меня, он сорвался с места, раскрыв объятия. Я вlepила ему крепкую пощечину. Потеряв равновесие, он упал. Загнанной ланью бросилась я туда, где играли в кости Вирата с Юдхиштхирой. Пьяный Кичака – за мной. На глазах у всех он схватил меня за волосы, швырнул оземь и, разразившись непристойностями, стал избивать. Поразительно – Юдхиштхира продолжал играть в кости, будто не замечая происходящего! Внезапно появился Бхима. В бешенстве позабыв обо всем, он казался большим ребенком, когда Юдхиштхира остановил его: «Господин повар, в чем дело? Что ты тут делаешь? Если тебе нужны дрова, поищи их в джунглях. Не мешай игре». По приказу Юдхиштхиры Бхима совладал с гневом и покинул место происшествия.

Дрожа от ярости и обиды, я обратилась к царю Вирате так, чтобы Юдхиштхира тоже мог слышать:

– Пути к справедливости для женщин отрезаны. Разгильдяи оскорбляют меня на глазах у всех, но, считая это недостойным внимания, вы продолжаете играть в кости. Если царь не защищает женщину, то пусть позволит ей наложить на себя руки.

Царь Вирата молчал. Его Величество зависел от сильных рук Кичаки. Что он мог ответить? Юдхиштхира сказал:

– Саирандхри, нам неизвестно, в чем тут дело. Как же мы можем установить справедливость? Возвращайся во внутренние покои. Царские палаты – не место, где улаживают женские дела. Этим занимаются стражи внутренних покоев. Сейчас все они на празднике. Подожди до утра – быть может, подоспеет кто-нибудь из твоих мужей-гандхарвов. Пойди-ка к Валлабхе, попроси его подать ужин пораньше. Усталые, этой ночью все заснут мертвецким сном. И пусть никто не мешает нам играть!

С этими словами Юдхиштхира вернулся к игре. Утирая слезы, напоследок я сказала:

– Похоже, мужья-*гандхарвы* обратят на меня внимание лишь тогда, когда моему целомудрию придет конец. Тогда они найдут только мой труп. Думаю, выйдя замуж за пятерых, я согрешила, и мои теперешние страдания – расплата за содеянное. Мой старший муж не потерпит ничего, что мешает ему играть в кости. Именно игра испортила мне жизнь, но это его не волнует. Так смеет ли он винить меня в том, что я теряю к нему всякое уважение?

Юдхитхира повесил голову; он не проронил больше ни слова. Поняв его намек, я рассказала все Бхиме. По его совету я попросила у Кичаки прощения и предложила встретиться в полночь. Воспользовавшись возможностью, Бхима убил его. Боготворя Бхиму, я со слезами пала к его ногам. Всю ночь на грязном полу кухни я проливала слезы благодарности на широкой груди Бхимы. Он приласкал, утешил меня, пробудил во мне волю к жизни.

Утром оказалось, что мой муж-*гандхарв* сразился с Кичакой и убил его. В глазах обитателей внутренних покоев я возвысилась. Казалось, ночь бедствий на исходе.

Новости о гибели Кичаки молниеносно облетели всю Арьяварту, распаляя алчность Кауравов. Они напали, чтобы разграбить богатства Вираты. Без Кичаки Вирата был слаб, поражение было неизбежно. Царь уже приготовился было сдаться, но Пандавы мастерски разгромили Кауравов и Карну, отстояв независимость Вираты. Разбитые Кауравы вернулись в Хастинапур; распознав Пандавов, Вирата был в восторге. Та битва положила конец ссылке, но кто знал, что готовит нам будущее?

Г л а в а 48

Первым долгожданным событием после тринадцатилетних тягот стала свадьба Абхиманью и Уттары, которую Вирата поначалу предложил в жены доблестному Пхалгуни. Честный, добродетельный Пхалгуни отказался: «Я прихожусь Уттаре учителем танцев и гожусь ей в отцы, так

что лучше ей выйти замуж за моего сына, Абхиманью». Пхалгуни впервые озвучил тайные желания моего сердца!

С большой пышностью сыграли свадьбу. В торжестве приняли участие Субхадра, Баларама, восемь главных цариц Кришны, пятеро моих сыновей, мой отец, брат и многие другие цари. Не было только матушки Кунти – прикованная к постели болезнью, она осталась в доме Видуры.

Субхадра восхищалась безупречной красотой юной невесты:

– Сестра, хотя тебя красота невестки не удивляет, все же трудно найти другую такую же милашку! Сегодня я слагаю с себя ответственность за то, чтобы искать тебе других невесток. Смотри же, подбирай невест своим пятерым сыновьям со всем тщанием! Пусть эти прекрасные царевны затмят даже тебя!

Слова Субхадры рассмешили всех. Я многозначительно сказала:

– Пусть сперва сами станут достойными людьми. С самого рождения их гоняют туда-сюда. Кто знает, что уготовано им судьбой...

Много дней скитаясь по лесам, я была разлучена с сыновьями, и все же слова Субхадры пробудили во мне целый вулкан материнских чувств. Я начала представлять пятерых моих сыновей в коронах, в окружении безупречных милых царевен. Глаза мои наполнились слезами. Чего еще было желать? Если эти мечты сбудутся, я смогу со спокойной душой вернуться в лес...

После свадьбы, взяв с собой Абхиманью и Уттару, мы с Субхадрой отправились к Видуре за благословениями матушки Кунти. Я надеялась, что Кунти, измученную страданиями сыновей, свадьба внука порадует больше всех. Для нее, прикованной к постели старческой немощью, юная Уттара станет восхитительной игрушкой. Надеюсь, счастливая семейная жизнь Уттары заставит Кунти позабыть трагедию собственного супружества и мучительного материнства.

Ом шантих, шантих, шантих! Усилия по миротворчеству с одной стороны, с другой – вражеский вызов, посередине – все мои мечты о том, чтобы провести остаток своих дней спокойно. Мечты, которые были втоптаны в грязь...

Последний год ссылки Пандавов, который мы должны были прожить неузнанными, завершился. Теперь по закону им должны были вернуть пол-царства, Индрапрастху. Но все усилия получить принадлежавшее им по праву были напрасны; заносчивые, подлые завистники – Кауравы – продолжали строить козни. Оставалось одно: война.

Зачем нужна война, если можно прийти к мирному соглашению? По природе своей человек – существо миролюбивое. Это звери вечно враждуют, бьются и проливают кровь. Война неизбежно влечет за собой смерть, стенания, кровопролитие, разруху. Хотя одна из сторон побеждает, тяжелые потери несут обе. Потери, которые несет общество в результате войны, делают победу в конечном счете равной поражению. Поэтому мы до последнего старались избежать войны – Юдхиштхира искал путь к мирному соглашению.

Отец Друпادا вместе со своим жрецом отправился в Хастинапур с посланием мира, а вернулся в отчаянии: Кауравы непримиримы, война неизбежна. Слушая о подготовке к войне, которую вели Пандавы, Дхритараштра направил Санджаю посланником в лагерь Пандавов с просьбой уладить конфликт. Конечно, это значило, что они должны стать нищими:

– О царь! Добровольно Кауравы не дадут тебе и пяти деревень, потому ты готовишься к битве. Но принесет ли тебе мир завоеванное царство – царство, доставшееся ценою гибели друзей, братьев, благожелателей? Какую радость принесет тебе кровопролитие? Иначе говоря, все это чревато одними лишь страданиями. Если ты готов получить царство такой ценой, то зачем было мучиться в изгнании долгих тринадцать лет? Война поставит под сомнение твое

благородство, лишит тебя добродетели и обесславит. Поэтому, о царь, каким бы великим героем ты ни был – не стоит прибегать к такому гнусному средству, как война. Уж лучше жить, нищенствуя: построить хижину в лесу и вести образ жизни *санньяси*-отшельника.

Юдхиштхира погрузился в раздумья. Ему всегда претила война. Но подобает ли нам, *кшатриям*, сдаваться без боя и возвращаться в лес?

Заметив, что Юдхиштхирой овладело беспокойство, Бхима сказал:

– Жить милостыней – *дхарма* брахмана и *адхарма* для *кшатрия*. Брат, неужели ты забыл несправедливость, чинимую Кауравами – оскорбление Драупади, дом из шеллака, изгнание в бесплодную Кхандавапрастху? Кауравы всегда шли путем *адхармы*. Из-за зависти слепого Дхритараштры наш благочестивый и миролюбивый отец Панду, даже будучи царем Хастинапура, был вынужден большую часть жизни провести в лесу вместе со своими женами. Там же он встретил смерть. Мать Кунти, царица, приняв прибежище у дяди, вынуждена влачить жалкое существование. О нас самих я вообще молчу. С рождения и по сей день мы имеем дело с несправедливостью, *адхармой*, ложью Кауравов. Несправедливо захватывать в битве чужое имущество или чужую жену, но сражаться, чтобы вернуть себе принадлежащее по праву – к чести любого мужчины. По сей день мы оставались неудачниками. Это невыносимо. Если мы упустим возможность отомстить за Драупади, грош нам цена.

Арджуна спокойно сказал:

– Не волнуйся, брат! С нами *сакха* Кришна, мудрейший и справедливейший человек Арьяварты. Ему и решать, как нам быть.

Сакха Кришна слушал молча. Наконец, Своим звучным голосом Он серьезно сказал:

– Я желаю блага как Пандавам, так и Кауравам. Я хочу, чтобы конфликт между ними был исчерпан. Даже сейчас

продолжаются мирные переговоры. На сегодняшний день мир и *дхарма* в Арьяварте под угрозой; наша цель – восстановить их. Если Кауравы не согласны помириться, остается одно: война. Ныне дело не ограничивается личными разногласиями между Пандавами и Кауравами. Теперь это уже не семейные неурядицы, но конфликт между *дхармой* и *адхармой*, идеалами и подлостью, истиной и ложью, благочестием и грехом. Пострадать, если нужно – пролить кровь, пожертвовать своей жизнью и собственностью во имя идеалов, мира и благополучия рода людского – *дхарма кшатрия*. Сейчас под угрозой единство целой Арьяварты. Если она будет разорвана на куски, тогда, уловив момент, на нее набросятся боги или демоны. Арьяварта потеряет себя, растаяв во мгле неволи. Тогда не только Кауравы и Пандавы, но все ни в чем не повинное население Арьяварты потеряет покой, счастье и удачу. Так что сейчас перед нами стоит вопрос единства страны и защиты *дхармы*. Если достойный становится бесправным – будь то Кауравы или Пандавы – то в интересах общества необходима война. Если Пандавы, отринув привязанность к царству, станут лесными отшельниками, это повредит не им – пострадает бесчисленное население Арьяварты. Бразды правления надлежит вручить благочестивому, справедливому, доброму государю. Скот, брахманы, дети, женщины, *дхарма*, традиции – сейчас все это в опасности. Великая война развернется во имя их защиты. Если перемирие невозможно – быть войне.

Все единодушно согласились с Кришной. Я думала о войне с самого начала. Как же иначе грешники получают по заслугам? Если Кауравы будут продолжать свое черное дело безнаказанно, убоятся ли греха грядущие поколения рода человеческого? Нет, в таком случае наши потомки будут раздевать и насиловать женщин среди бела дня.

Подготовка к военным действиям была завершена. И все же по просьбе Юдхиштхиры *сакха* лично отправился в Хастинапур. Он попросил выделить Пандавам хотя бы пять деревень – это положило бы начало восстановлению мира и

дхармы в Арьяварте. Но подлый Дурьйодхана, даже зная о героизме Пандавов, отверг предложение мира, положившись на доблесть Карны, и даже осмелился оскорбить Самого Кришну.

Карна посоветовал: «Отдашь Пандавам пять деревень согласно замыслу их дружка, хитреца Кришны, – и оглянуться не успеешь, как потеряешь трон! Так что не давай им ни клочка земли – пусть не будет у них места, достаточного даже для того, чтобы воткнуть иголку».

Сакха Кришна вернулся ни с чем. Повсюду распространились вести о великой войне. Арьяварта притихла. Победа *дхармы* предрешена, но кто не наслышан о жутких последствиях войн?

Из-за самолюбия и жадности Кауравов опасность нависла над целой Арьявартой. Кришна еще раз попытался убедить Дхритараштру и возложил на него ответственность за грядущую войну. Слепой царь не различал добро и зло и точно так же был слеп в своей любви к сыну. Вот кто был виноват во всех злоключениях Пандавов, вот почему они не вступили в права наследства! Дхритараштра мог бы предотвратить войну, если бы желал этого. Он просто прикрывался упрямством и подлостью своего сына. Вопреки всему сказанному Кришной, Дхритараштра отверг послание мира. Кришна покинул Хастинапур, объявив войну.

Некоторое время Карна провожал Его. Бхишма, Дрона, Крипачарья и другие великие воины отказывались поддерживать Кауравов. Именно Карна был их душой и источником их силы. Кришна сделал последнюю попытку урезонить Карну; согласись он – и Дурьйодхана внял бы своему другу.

Ма Кунти была у Видуры. Узнав, что она захворала, я направилась к ней. Прежде чем доставить вести о неизбежной войне Пандавам в город Упадравью, надо бы поставить в известность Кунти. Кришна попросил Карну тоже сходить с Ним к Видуре.

Зная о том, что война неизбежна, оба – Кришна и Карна – были серьезны. Кришна посоветовал ему пересмотреть свое решение, но получил резкий отказ. Голос Карны дрожал от высокомерия:

– Гороскоп героя не предусматривает отступления. Дурьйодхана уже отказался от перемирия, он и мысли об этом не допускает. Посмею ли я советовать ему что-то подобное?

Затем он глумливо добавил:

– Арджуна насобирал достаточно оружия, бродяжничая по земле, по небу и по низшим мирам. Усилиями Кришны к Пандавам присоединилось все племя *шабаров*. Пандавов поддержат все не-арийские народности. Поддержка кудесника нашей эпохи Кришны тоже им обеспечена. Чего им бояться? Почему они такие трусы?

Видя, что Его попытки вразумить Карну напрасны, Кришна сказал:

– Карна, ты приемный сын Кунти. За всем происходящим кроются безмолвные вопли ее материнского сердца, к которым ты никогда не удосуживался приклонить слух. Кому из женщин в целой Арьяварте выпали на долю такие же страдания? Васусена! Ты был рожден Кунти до замужества. Отец твой – неиссякаемый источник света, грозное божество Сурья. Ты – первенец Кунти. Опасаясь разоблачения и неизбежно последовавшего бы за сим бесчестья, она положила тебя в корзину и пустила по реке. Но всем своим сердцем она была с тобой. Обнаружив тебя у Радхи и узнав, как ты ей достался, она поняла, кто ты. Сделав тебя своим приемным сыном, она попыталась утолить немую боль своего сердца. Ты законный старший сын Панду, старший брат Пандавов. Мой долг открыть тебе эту тайну до начала войны, ибо Я прихожусь тебе двоюродным братом по матери и благожелателем. Знай же, что ты питал вражду к своему младшему брату. Ты неоднократно оскорблял его супругу. И даже сейчас ты тверд в своей решимости сразиться с братьями! Матушка Кунти жестоко пострадает от этого. Рассуди сам: чью сторону ты должен принять?

Карна был потрясен:

– Я – сын Кунти!.. Мой отец – сам бог Сурья! И всю свою жизнь я был лишен законных прав, так как меня считали низкорожденным! На каждом шагу я сталкивался с несправедливостью, позор был моим постоянным спутником. Кунти родила троих сыновей от разных богов. Точно также Карна был рожден от Сурьи, став первым возлиянием на алтарь ее девственности! Позже Кунти родила Юдхистхиру, Бхиму, Арджуну, ею насладились Панду и небожители. В каком-то смысле Карна – безгрешное дитя богов, рожденное по благословию мудреца. Однако, из-за гордыни своих родителей, их привязанности к положению в обществе и доброму имени, он был вынужден, повесив голову, скитаться изгоем. Сегодня, в последние мгновения жизни, эти воспоминания будят во мне гнев, совладать с которым не в моих силах... Брат Кришна открыл эту тайну так поздно, что ничего изменить нельзя...

Видя, в какое плачевное положение попал Карна, Кришна сказал:

– Доблестный Карна! Еще есть время. Встань на сторону Пандавов. Прими благословения матушки Кунти. Вот увидишь, весь мир окажется у твоих ног! Забудь прошлое и сразись за Пандавов. Да что там весь мир – ты обретешь Драупади и утвердишь свое превосходство.

Законное право владеть первой красавицей в мире, желанной для бесчисленных мужчин – Кришной – с одной стороны; с другой – мужская гордость и клятва, разрывали его на части. С одной стороны – райское блаженство, с другой – смерть. Но блаженство было бы подарком Кришны. Что лучше: мужественно пасть на поле брани или спасти свою жизнь, приняв преимущества из рук Кришны и в предпоследний момент предать своих приемных родителей и закадычного друга Дурьйодхану, нарушить собственную клятву, перейдя на сторону бывших врагов? Смерти Карна не боялся, ибо, едва родившись, уже побывал в ее лапах. Карна

боялся трусости, бесславия, самого страха. Поэтому он предпочел смерть:

– Я знаю, что победа там, где Кришна. Принять сторону Кауравов значит обречь себя на смерть. Я вполне уверен в своей доблести и по-прежнему собираюсь разбить пятерых Пандавов, дабы доказать, что своими подвигами обязан лишь собственной отваге. Вместо благословений Кунти, которая, опасаясь за свою честь, удобства и благополучие, бросила меня, новорожденного, в лапы смерти, я жажду благословений той, кто вскормила меня – матушки Радхи. Друг Дурьйодхана, который на каждом шагу поддерживал мое сокрушенное мужество, выручал в несчастьях – даже зная о том, что его поражение предрешено, я не могу в страхе за свою жизнь предать его. И я не откажусь от моей приемной матери из алчности. Поэтому, о Кришна, будь добр: не делай тайну моего рождения достоянием общественности, иначе этот праведник, благородный Юдхиштхира, бросит все к моим ногам. Ты знаешь, что подачки, жалость, сочувствие глубоко ранят меня. Так пусть же победит Юдхиштхира, – как старший брат, я желаю ему победы.

Глаза гордеца увлажнились, а голос задрожал от нежных чувств к Юдхиштхире, но он остался тверд в своем решении. Человеку, который столь горд, что считает благословения и добрые пожелания Кришны жалостью и сочувствием, только смерть может быть лучшим другом.

Вместо того, чтобы радоваться, увидев Карну после долгой разлуки, матушка Кунти пала духом. Обнимая его, она взволнованно спросила:

– Сынок, как бесцеремонно распрощался ты с божественными благословениями в виде панциря и серег! Знаешь ли ты, сколько дурных снов видела я о тебе с того самого дня?

Карна спокойно сказал:

– Ма, тем самым я защитил твоего дорогого сына Арджуну, который забрал их у меня под предлогом жертвования. К чему эти беспокойства?

– Тебе не понять... – сдерживая рыдания, Кунти ласкала Карну. Разделяя тревогу матушки, я подслушивала – мне хотелось знать, к чему приведут переговоры. О, какое таинство разворачивалось у меня на глазах!

Кришна перешел к делу:

– Значит, Карна, ты не согласен с Моим предложением перейти на сторону Пандавов... Что ж, тогда готовься к войне. Через семь дней, начиная от этого, будет новолуние, совпадающее с созвездием Маргаширша. В этот день на берегах пяти озер в прежнем русле святой реки Сарасвати на Курукшетре разразится война между Пандавами и Кауравами. Курукшетра значит «нива труда». Настоящий труд – это добрые дела, посему истинный смысл названия Курукшетра – «нива праведности». Сообщи Кауравам день начала войны.

Услышав о неизбежном, Кунти поникла. Она всегда вдохновляла Юдхиштхиру сражаться, но теперь ощутила сердечную слабость. Едва придя в себя, Ма зарыдала. Мудрая, терпеливая, всепрощающая как сама земля, – найдется ли на свете такое горе, какого бы она не вынесла? Войной *кшатрийку* не испугать; более того, Пандавам обеспечена победа. И все же Ма Кунти плачет! Но ведь не от слабости? Почему она перестала владеть собой? Что за смятение овладело ею?

Опечаленный Карна коснулся стоп матушки, а та пробормотала: «Долгой жизни тебе, сынок!.. Удачи!..» – и из глаз ее снова брызнули слезы.

Сакха проводил Карну к колеснице, пожелав ему счастливого пути. Положив руку ему на плечо, Он сказал:

– Ты видел, каково матушке: ей тревожно за Арджуну, но гораздо больше она переживает за тебя. Ты – ее внебрачный сын, поэтому из стыда и смущения она ничего больше не сказала. Но она очень волнуется за тебя.

– Матушка пожинает плоды собственных поступков. Не зная о том, что Деви Драупади – жена моих младших братьев, я всячески оскорблял ее, и теперь прошу прощения лишь за это. Как жена моих младших братьев, она подобна моей

невестке. Я даже покушался на ее честь! Вот за это прошу меня простить.

Запинаясь, со слезами на глазах, Карна сжимал ладони Кришны.

Кришна сказал:

– Да, Кришна ждет случая, чтобы отомстить за нанесенное ей оскорбление, но даже она простит тебя, узнав, кем ты приходишься ей на самом деле. Она так благородна и мягкосердечна! Придет время, она узнает все и воздаст тебе почести. Карна, Я хотел вручить тебе целую землю. Ты – старший брат Пандавов; по первому слову Кунти Кришна тоже стала бы твоей. Но даже она не соблазнила тебя перейти на сторону Пандавов. Так что же могу поделать Я? Ты не веришь высшим силам, а добрые пожелания и благословения отвергаешь, видя в них жалость. Поэтому напоследок Я скажу: мужество и гордыня – не одно и то же. Пусть победит твое мужество, а гордыня будет сокрушена. Таковы Мои тебе пожелания.

Обняв Кришну, Карна пожелал Ему счастливого пути и отбыл со словами:

– Когда-то я хотел было подружиться с Тобой, но оставил эту затею из-за враждебности к Пандавам. Мне предложили дружбу, но я оказался не готов принять ее, поскольку был обязан Кауравам. О Кришна, если буду жив – непременно подружусь с Тобой, а погибну – буду ждать Тебя в мире ином!

Кришна с состраданием смотрел на Карну. Я поражалась верности и мужеству сына Кунти, Карны, и с восхищением слушала его гордые речи. Глаза мои наполнились слезами. С чего бы это? Почему на глаза Кришны, возлюбленной Пандавов, навернулись слезы по Карне? Я и сама не знала...

Г л а в а 49

Только матери дано понять материнское сердце. Каждой клеточкой своего существа я сопереживала горю Кунти. Видя, в каком она состоянии, я не отправилась с *сакхой* в город Упаплавья. Перед началом войны мне бы надо было пойти к Пандавам. Это я должна была начертать на их лбах знаки победы красной киноварью. Приготовив блюдо с *аргхьей*, это я должна была провести *арати* и с улыбкой на устах проводить их на поле брани. Но необходимо было побыть с матушкой: ее тревога нарастала; зная, что, чем бы ни закончилась битва, ей суждено страдать из-за своих сыновей, она совсем пала духом. Мог погибнуть как Карна, так и Пандавы. В обоих случаях Ма придется оплакивать сыновей. Чье бы сердце не разорвалось на части?

Кунти вечно страдала из-за нищеты и мучений, выпавших на долю Пандавам. Но если Пандавы были ее явной болью, то Карна – тайной мукой. Боль, которую причиняет здоровому телу заноза под ногтем – возможно ли передать, что это такое, тому, кто не изведал подобных мучений? Карна причинял матушке невыносимые страдания. Люди видели здоровое тело, но оно, это тело, изнемогало от боли, вызванной попавшей под ноготь занозой. Я понимала матушку. Мне хотелось уговорить ее поделиться болью со мной, дать мне возможность пострадать за нее и тем самым облегчить ее бремя. Но даже теперь Ма стесняется открыть мне правду. Ее девичьи похождения – величайший позор, который отравил всю ее жизнь, хотя не было в том ничего противоестественного. Если к способности переживать добавить вдохновение, поднимутся волны любви. Волны эти, разбиваясь о берега страха перед общественным мнением, возвращаются в пенистое течение сознания, но иногда увлажняют стопы незнакомого путника. Вода на стопах его обсыхает, и они становятся чистыми, но волны вбирают в себя всю грязь, колючки, камешки, и несут все это в морскую

пучину сердца. На поверхности все кажется ясным, голубым, кристально-чистым. Именно в таком состоянии пребывала матушка, неспособная никому излить душу.

Я следовала за ней тенью, не покидала ее ни на минуту. Мне хотелось сказать: «Ма, я обо всем знаю. Я тоже женщина, супруга пятерых. Я могла бы смешать свое горе с Вашими страданиями. Кто знает боль тайных мучений лучше, чем я? Я чистосердечно приняла своими мужьями пятерых Ваших сыновей. Считаю себя цветком, предложенным с обожанием, я каждое утро расцветала заново и падала к стопам своего божества. Неужели Вы думаете, что у *меня* нет секретов, что *мне* не ведомы разочарования?»

Припав к стопам матушки, я омывала их слезами:

– Ма, о чем Вы скорбите? Могу ли я разделить Вашу печаль? Чем я могу помочь? По первому Вашему слову я вписала в анналы истории новую главу, выйдя замуж за пятерых. Что же еще такого неисполнимого остается для меня? Что Вас мучает? Сердце говорит мне, что Пандавы победят. Поверьте мне. Если колесничим Арджуны будет Сам Кришна, о поражении не может быть и речи.

Из глаз матушки тоже полились слезы:

– Война неизбежна. Погибнут героини-*кшатрии* – это предрешиено. Вот о чем я печалюсь. Мне страшно за доблестного Карну. Если бы он перешел на сторону Пандавов, я бы не горевала...

Я молчала. Несбыточные надежды приносят горе. Кому под силу урезонить того, кто отвергает дар Кришны?

Вдруг матушке вздумалось поехать на берег Ганги. Она была слаба телом и истерзана тревогой и болью. Ее лихорадило. Что тянет ее на берег Ганги в столь неурочное время? Уж не собирается ли она утопиться с горя?.. Я последовала за ней на другой колеснице – могла ли я оставить ее одну в таком состоянии?

Остановив колесницу за деревом и разослав служанок за цветами, я притаилась там, откуда могла видеть и слышать матушку. Она нашла на берегу то укромное место, где,

завершив вечерние возлияния, повторял Веды красавец Карна. В лучах заходящего солнца его великолепная, статная фигура казалась неотразимо привлекательной; словно яркое сияние исходило от всего его существа. Наблюдая подлинную красоту Карны, я была очарована и уже не помнила, что он был нашим заклятым врагом, а сама я – замужней дамой.

Поклонившись солнцу, Карна оглянулся. Увидев Кунти, он омыл ей стопы и поклонился:

– Ма! Что привело Вас сюда в столь неурочный час? Чем может быть полезен сын колесничего Адхиратхи и жены его Радхи?

Ма смело посмотрела на Карну и откровенно провозгласила:

– Сын мой, тот, кто принял прибежище истины, не страдает. Я должна положить конец своему горю, открыв правду. Сын, я родила тебя от бога Сурьи. Радха и Адхиратха тебе не родители. Не делай мне больно, упоминая их имена. Я хочу, чтобы ты был с Пандавами, своими единоутробными братьями. Если ты сразишься с ними, это будет братоубийство, я не переживу этого! Объединившись, вы с Арджунной благословите целый мир. Моя жизнь увенчается успехом. Я буду благословлена, сын мой, Карна! Сыновний долг – угождать родителям. Чтобы сказанное мною сбылось, Драупади стала женой пятерых. Я пришла сюда, веря, что ты тоже поможешь моим словам стать правдой.

С небес раздался голос бога Сурьи:

– Да, Карна! Твоя мать – Кунти, я же – твой отец! Твоя *дхарма* – сделать так, чтобы слова Кунти не оказались напрасными. Будучи моим сыном, ты обязан хранить верность *дхарме*.

Карна неотрывно смотрел на матушку. Наконец, голосом четким и твердым он сказал:

– Родители – *дхарма* и боги сына. Но сделать так, чтобы Ваши слова сбылись – значит нарушить мою собственную *дхарму*. Мои родители – Радха и Адхиратха. Родить ребенка – дело нехитрое, настоящая заслуга – воспитать его.

Пренебрегнув материнским долгом, смеете ли Вы требовать от меня исполнения долга сыновнего? Бог солнца, озаряющий мир, – почему он по сей день не признавался в том, что он мой отец? Где были вы, когда мое мужество, гордость и честь втаптывали в грязь? Сколько обид и унижений пришлось претерпеть мне с самого детства! Кто ответственен за все это? На *сваямваре* Драупади, когда Дхриштадьюмна объявил меня неподходящим женихом, не бог ли солнца свидетельствовал с небес о том же самом? Я устремлял взор горе, ища в небесах разгадку тайны моего рождения, но он все отмалчивался. Как исполнил свой отцовский долг он? Будучи сыновьями Кунти, Бхима и Арджуна получили все привилегии, перед ними открыты все двери. А что получил я? Вы терпели все сыпавшиеся на меня оскорбления, молчали всю свою жизнь. Какой смысл открывать тайну моего рождения теперь, на пороге смерти? Я не нарушу своего обещания, как и сказал о том Кришне. Я отказался от соблазна завоевать целый мир и саму Драупади. Покинув плачущую Яшоду, Кришна уехал в Матхуру, но я не таков. Я многим обязан Кауравам. Будь то *дхарма* или *адхарма*, но отдавать долги человек обязан. Без причины я стал пособником надругательства над Вашей целомудренной невесткой Драупади. Этот грех угнетает меня. Теперь я понял, что всего лишь вымещал на Драупади обиду на свою самолюбивую мать. Простите, Ма, но я Вам не помощник. Я также прошу прощения у Драупади. Пусть ей во всем улыбается удача и да не станет она вдовой! Победы Пандавам!

Ма зарыдала:

– Сын мой, твоя обида и подавленность естественны. Но если ты сразишься с Пандавами, об удачливости Драупади не может быть и речи. С тех пор, как она покинула отчий дом, она знала одни лишь страдания...

– Мать, теперь мне ясно, зачем Вы пожаловали сюда! Хорошо, я обещаю, что не подниму оружия ни на одного из Ваших сыновей, кроме Арджуны. Если я подниму оружие против них – они погибнут. Арджуна – равный мне

противник, мы соперничали с самого детства. Из-за него меня на каждом шагу унижали. Я сражусь только с ним. Это его отец снял с меня доспехи и серьги, поэтому, похоже, мне суждено погибнуть от его руки. Пусть Арджуна останется в живых и насладится царством, я же погибну в бою. Или же, если Арджуна погибнет, я тоже последую за ним. Это особое удовольствие – бросать вызов брату и выходить победителем из состязания. Но, совершив братоубийство, не оберешься бед. Воистину, уж лучше никому не нужному Карне, с рождения брошенному родителями, погибнуть. Карна не боится смерти – он боится жалости, сочувствия, предательства. Ступайте с Богом! Это наша последняя встреча. В последнюю минуту Вы признали меня своим; низкороденный сын Радхи благодарен Вам за это. Теперь мне уже не прославиться как сыну Кунти; все, что осталось – одни лишь сожаления...

Карна коснулся стоп матушки. Обнимая его, Ма приговаривала:

– Сыночек, прими благословения своей незадачливой матери... Завоюй же славу!

Карна рассмеялся:

– Знаю-знаю, Вы не благословите меня победой или долгой жизнью, ведь это помешает счастью пятерых Ваших сыновей! Ради блага пятерых одним сыном можно и пожертвовать. Конечно же, Вашими благословениями я прославлюсь: смерть на поле брани приличествует герою, она приносит славу, – Ваша правда...

В конце концов, обидев мать, отомстив ей за все скрытые мучения своей жизни, самолюбивый Карна уехал. Беспомощная Кунти застыла на месте, проливая слезы. Хватаясь обеими руками за мокрый песок, хранящий следы Карны, она вопила: «Карна, Карна! Сыночек мой Карна!.. Пусть я умру прежде тебя!» Наконец, она повалилась наземь в изнеможении.

Я подбежала к ней. Поддерживая ее горящее лихорадкой тело, я сказала:

– Ма, уже вечер. Вы – мать-царица Хастины. Что скажут люди, если увидят, как Вы стенаете здесь в столь поздний час?

Матушка впала в детство:

– Ну, хотя бы одна душа знает теперь о моих сердечных муках! Пятеро Пандавов, хоть и приходится мне сыновьями, не понимают моих переживаний, потому что они мужчины. Откуда им знать, что такое боль материнского сердца? Я прошу только об одном, Кришна: не открывай Юдхиштхире и его братьям, кто такой Карна...

– Почему же? Узнав эту тайну, они бы сохранили ему жизнь на поле боя! – сказала я первое, что пришло мне в голову.

Ма спокойно сказала:

– Ты не знаешь Карну - он не потерпит ничьей жалости. Более того, битва состоится не лишь между Карной и Арджуной. Грядет мировая война. По одну сторону поля – справедливость, по другую – несправедливость. По одну сторону – вера в высшие силы, по другую – извращенное самолюбие и высокомерие. Речь не о личной выгоде или потерях. *Дхарму* нужно сохранить любой ценой. Если Карна победит, царем станет Дурьйодхана; тогда справедливости и *дхарме* на земле придет конец. Подключаясь к этой великой войне, люди хотят утвердить *дхарму* и справедливость. Во имя всеобщего благополучия стоит поступиться личными интересами; ради мира во всем мире я должна пострадать, – другого не дано.

Из беззащитной девочки Ма Кунти превратилась в величественную мать мира. Мысленно склонясь перед нею, я сочла себя благословленной.

Г л а в а 50

В тот день с самого утра начали готовиться к церемонии поклонения. Было приготовлено множество сладостей и

других блюд – Ма собиралась предложить все это в храме Шивы. Жрец сделал все необходимое для церемонии по случаю дня рождения. Но никто из моих мужей и детей не был виновником торжества. Ради кого же затеяна церемония? Не могла же Ма Кунти ошибиться, собравшись отмечать день рождения безо всякого на то повода!

Заметив, что меня охватили сомнения, Ма с нежностью сказала: «Сегодня день рождения моего старшего сына, Карны. Ежегодно в этот день я совершаю поклонение, – но лишь в храме Шивы. Дома – никаких приготовлений, чтобы никто ничего не заподозрил. Ну, теперь-то бояться нечего: ты все знаешь. Позволь мне хоть раз отпраздновать день рождения сына. Но смотри, чтобы об этом не прознал Видура...»

Голос матушки дрожал от тревоги. Чтобы порадовать ее, я тоже взялась за работу. Раздали *прасад*, жрец помолился о долголетию старшего сына Кунти. Ма не сдержала слез. Когда жрец спросил имя того, о ком нужно молиться, Ма ответила: «Имя упоминать ни к чему. Просто помолитесь о старшем сыне Кунти. Старший сын – глава семьи. Это пойдет на благо всему дому».

После поклонения Кунти обратилась к Видуре:

– Сегодня мне хочется усадить рядом моего приемного сына Карну и накормить *прасадом* его, ведь пятеро сыновей и внуки далеко...

Видура посоветовал:

– Почему нет? Но только пригласи Карну сама, иначе он ни под каким предлогом не посетит мой дом.

Получив приглашение, Карна стал совещаться с Кауравами. Духшасана сказал:

– Будь осторожен, друг мой! Никогда не доверяй женщине, которой успели насладиться многие. Дома у Видуры две такие особы – Кунти и Драупади. Ты – наша главная надежда в войне. Я считаю, что тебя пригласили неспроста: именно ты представляешь опасность для Арджуны. Возможно, это заговор, с помощью которого тебя

пытаются убрать с дороги. Чтобы спасти жизнь сыну, женщина пойдет на что угодно.

Любой бы прислушался к такому предупреждению, но Карна возразил:

– Считаю меня пасынком, Кунти никогда не сделает ничего гнусного. Подозревая ее в этом, ты оскорбляешь ее материнские чувства. Я могу враждовать с ее сыновьями, но, в конце концов, я ведь тоже ей сын! Она никогда не пойдет против *дхармы*.

Духшасана продолжал подстрекать:

– Да, Кунти твоя мать, чего не скажешь о Драупади. Из всех своих мужей она питает особые чувства к Арджуне. Поэтому она твой враг. Она может подмешать яд тебе в пищу.

Карна серьезно сказал:

– Кришна – благороднейшая из женщин Арьяварты. В ее сердце бьет неиссякаемый источник любви даже к птицам, зверям, насекомым и червям. Да будет вам известно, что в лесу Двайта я должен был погибнуть от укуса змеи. Так вот, добрая фея Кришна спасла мне жизнь. Она исчезла, не дожидаясь благодарности. Я узнал ее по распущенным волосам, пышным, свободным, как иссиня-черные океанские волны, и по ее несравненной красоте. Та, кто спасает жизнь, в каком-то смысле тоже мать. Станет ли угрожать моей жизни та, кто однажды спасла ее?

Карна принял приглашение и пришел к Видуре. Ма Кунти с пристрастием подавала Карне пищу. Прежде всего она нанесла ему на лоб знак сандаловой пастой. Положив в ему в рот *прасад*, она со слезами в голосе сказала:

– Сегодня твой день рождения.

Карна удивился:

– День рождения? За всю свою жизнь я ни разу не отмечал его. Зачем отмечать любой другой день, кроме дня, когда мои родители нашли меня в реке? Да, этот день они отмечают.

– А я каждый год в день твоего рождения молюсь в храме Шивы, возжигаю лампаду, раздаю дары и потчую гостей. Просто я тебе об этом не говорила.

Не прекращая жевать, Карна бросил:

– Ну, тогда я разрешаю отпраздновать первый и последний день рождения в моей жизни. Кто знает, останусь ли я в живых...

Матушка умолкла, роняя слезы. От всей души, со всей долго скрываемой нежностью кормила она своего отверженного сына, на котором лежала печать проклятия. Карна тоже молчал; он ел приготовленные матушкой яства, чтобы порадовать ее. Когда он насытился, Ма сказала:

– Сынок, от Видуры я слышала, какими колкими замечаниями встретили Кауравы мое приглашение. Однажды ты спас Кришну из реки. Кришна тоже спасла тебе жизнь в лесу Двайта. Приняв все это во внимание, я пришла к выводу, что вы никогда не питали друг к другу недобрых чувств, никогда не были врагами, какие бы неприятности ни приключались с участием других. Сдружившись с Кауравами, ты стал жертвой чужих интриг. Перед лицом войны нужно положить конец недоразумениям между тобой и Кришной. Она имеет сказать тебе кое-что...

Запинаясь, Карна начал:

– Я уже извинился перед Кришной. К чему все это в последние минуты? Что сделано, то сделано...

Кунти не слушала Карну. С мольбой в голосе она обратилась ко мне:

– Доченька! Узнав, что для облегчения моего горя ты готова на все, я обрела надежду. Меня Карна не слушает, но я верю, что он прислушается к тебе. Его давно влечет к тебе, и это совершенно естественно. Можешь ли ты попросить его в последний раз, ради меня?

Я отказалась. Теперь, когда я знала наверняка, что Карна – старший сын Кунти, мое сердце было полно расположения и почтения к нему. Но унижаться!.. Нет, я не смогу обратиться к нему ни с какими глупыми просьбами.

Видя, что я вопросительно вскинула брови, Ма ласково сказала:

– Ты моя невестка. Твоя честь для меня важнее даже собственной. Я никогда не попрошу невестку династии Пуру ни о чем, что могло бы запятнать ее честь. Просто попроси вот о чем: хотя он, должно быть, не захочет присоединиться к Пандавам, все же пусть найдет предлог не принимать участия в битве. Попроси Говинду найти благовидный предлог. Только это спасет жизнь моему бедному сыну...

Я понимала беспомощность матушки и согласилась обратиться к Карне с просьбой.

Карна ждал меня. Когда он услышал, что я хочу кое о чем ему сказать, биение его сердца участилось. Я появилась в комнате в сопровождении Майи и поклонилась. Едва увидев меня, Карна позабыл все свое раскаяние и сожаления. Похоже, на память ему пришло его поражение на *сваямваре*. Он насмешливо выпалил:

– О чем собирается просить будущая императрица всея Арьяварты сына возничего, Карну, желая сделать его оскорбителем?

Смиренно, при посредничестве Майи, я изложила свою просьбу.

Карна расхохотался:

– Даже зная, что я наверняка погибну на войне, Кришна *а* склоняет меня к самоубийству! Только один день в моей жизни был благоприятен для самоубийства – день ее *сваямвары*. Но, считая самоубийство уделом трусов, я воздержался от этого шага вопреки отвращению к самому себе, порожденному несправедливостью Кришны. А сегодня, в последние минуты моей жизни, Кришна *а* желает мне отказаться геройски покинуть этот мир! Зачем?

Я с обидой сказала через Майю:

– Майя! Какой всплеск эмоций! Смысл не участвовать в войне – прожить дольше. Таково желание Матушки. Зная, что Карне угрожает опасность на войне, Матушка тревожится. Понимая ее скорбь, я обращаюсь с этой просьбой. Война не

вечна: после нее снова будет мир, воцарится *дхарма*. Тогда ничто не помешает Пандавам и Карне вместе править царством. Если хорошие люди действуют сообща, это приносит благо каждому. И это Карна счел самоубийством?

Карна твердо сказал:

– Я слышал, что Кришна – образованная женщина, арийка, сведущая в писаниях. Но я удивлен, что жизнь для нее исчисляется прожитыми годами. Тех, кто стоят в сторонке, под тем или иным предлогом цепляясь за свои жизни, я считаю трусами. Их жизнь хуже смерти. Те, кто избегают битвы, на самом деле губят самих себя. Карна, по крайней мере, не трус. Он способен стереть с лица земли всю династию Пуру и стать царем Хастинапура, но не привязан к царскому трону. Скорее, Карна предпочтет героически погибнуть. Своей просьбой Ма оскорбляет мое достоинство. Я не могу выполнить ее просьбу.

Мне оказалось не под силу справиться с высокомерием Карны. Довольно того, что я согласилась обратиться к нему с просьбой. Как смеет он хвастать тем, что способен стереть с лица земли всю династию Пуру? Неужели ему неизвестна доблесть Арджуны?

– Майя, доблесть и героизм – слава мужчины, но почитать родителей и старших – одна из составляющих, неотъемлемых черт полноценной личности. Арджуна чтит слова матери и позволил своим четверым братьям жениться на завоеванной им невесте. Ужели Арджуна не доблестный воин?

Карна с насмешкой ответил:

– Женщина! Я знаю, твой супруг отважен. Но я никак не могу взять в толк, что он за мужчина. На его месте я бы отказался делиться завоеванной мною женщиной с братьями, – скорее, предпочел бы покинуть царство вместе со своей любимой. Если нынче Ма велит мне как своему сыну взять Кришну в жены, я не задумываясь откажусь – несмотря на то, что готов сложить голову за матушку. Разница между мной и

Арджуной в том, что я не считаю слепое следование неверным указаниям признаком мужества.

Слова Карны обожгли меня. Поклонившись ему, я хотела было вернуться к матушке, когда он окликнул меня – учтиво и даже ласково:

– Женщина! Теперь ты жена моего младшего брата, ты мне словно золовка. Более того, ты спасла мне жизнь и, следовательно, стала мне матерью. Проклятый сын Радхи склоняется перед тобой. Прости мне все прегрешения. Родившись вновь, я буду ждать, когда мне выпадет возможность искупить мои грехи. Удачи тебе!

Сложив ладони, Карна поприветствовал меня и со слезами на глазах попросил позволения удалиться. Какая странная штука – женский ум! Мгновением ранее самолюбие Карны вызывало во мне отвращение, теперь же слезы на его глазах и прерывающийся голос взяли крепость моей гордости. Я всем сердцем желала завернуть в свой *анчал* и спасти этого удивительного человека из когтей смерти!

Со слезами в голосе я ответила:

– Твоя золовка умоляет простить ошибку, допущенную ее братом на *сваямваре*, из-за которой тебя унизили и оскорбили.

– Это наша последняя встреча в нынешнем рождении. Золовок прощают.

С этими словами Карна удалился. Ни разу не оглянувшись, он взошел на колесницу и отбыл.

Г л а в а 51

Четырнадцатая ночь убывающей луны. Огромное круглое поле Курукшетра пяти *йоджан* в поперечнике стало полем битвы. Здесь, на берегах реки Хираньявати, разбили свои лагеря Пандавы и Кауравы. Зловещее молчание, застывшее в воздухе, напоминало затишье перед бурей. На рассвете Курукшетру озарят солнечные лучи. Начнется великая война. Любимый брат Дхриштадьюмна возглавит войско Пандавов, дед Бхишма станет главнокомандующим Кауравов. Мое присутствие в лагере Пандавов было абсолютно необходимо, ведь я была их супругой, их вдохновительницей. Со знаками победы, нанесенными на лбы мною, посмотрев на счастье мне в глаза, они ежедневно выходили в бой. Конечно, после этого я удалялась в безопасное место, отведенное женщинам. В моем подсознании таилась чисто женская гордыня: без меня Пандавы бессильны! Мужья мои женаты неоднократно, и жены у них красивые. У дражайшего Арджуны в числе прочих жен – сестра *сакхи* Кришны, Субхадра. Но никого из них здесь нет, так что я – лучшая среди них, несравненная в своем целомудрии вопреки тому, что у меня пятеро мужей. Гордыня сделала мое лицо надменным.

Сакха смеялся:

– *Сакхи*, Я наблюдаю за тобой с вечера. Ты не боишься войны?

Я гордо ответила:

– Я *кшатрийка*. Более того, я замужем. Неужели неправильно верить, что с ними будет все в порядке? В конце концов, секрет успеха – это вера.

Широкая улыбка обнажила зубы *сакхи*:

– Хотя Я пообещал Арджуне стать его колесничим, в последний момент Я передумал. Пандавам море по колено. Чего им бояться? На их стороне много героев. Рядом с ними

такая вдохновляющая, целомудренная и верная жена как Кришна!

Не успел Кришна договорить, как сидящих вокруг Него Пандавов объял страх и отчаяние. Со сложенными ладонями Арджуна грустно произнес:

– *Сакха*, как случилось, что удача отвернулась от нас? Зачем Ты в последнюю минуту заводишь такие обескураживающие речи? Даже если Ты не будешь сражаться, Ты остаешься нашим прибежищем. Если Ты не с нами, тогда к чему вообще эта война? Чтобы выставить нас на посмешище? Чем я Тебя обидел?

Сакха и впрямь казался обиженным:

– В том нет твоей вины – ошибался Я Сам. Я всегда на стороне *дхармы*. Моя *дхарма* – разоблачать лжецов, Моя обитель – чистое сердце. Но, сдастся Мне, что, собравшись на войну, мы затаили в своих сердцах нечто нежелательное. Ради истины Я готов на все, вот почему Я вынужден проявить жестокость и завтра поутру вернуться в Двараку.

Теперь ладони сложил Юдхиштхира:

– Что за отговорки, Васудева? Что за дружба – выпрыгивать из лодки посреди реки? Чего Ты хочешь на самом деле?

Сакха искоса посмотрел на меня и рассмеялся. К Нему присоединилась Майя. Когда Майя – этот мешок хитростей – смеется вот так, ее смех кажется мне смехом самого Провидения...

Кришна серьезно сказал:

– На пороге священной войны ум должен быть открытым, чистым, ясным. Только тогда буду Я способен вести колесницу Арджуны, иначе буду вынужден уйти.

Бхима вспылil:

– Довольно! Сейчас каждый из нас просто обязан откровенно признаться всем в своей слабости. Я начну первым...

Кришна остановил его:

– Нет-нет, начнем со старшего брата.

Юдхиштхира повесил голову:

– Даже сейчас я не желаю войны. Если бы дело можно было уладить мирным путем, я бы согласился с этим. Лишь для того, чтобы избежать войны, я поставил на кон жену; ради мира и покоя я был готов на все. Если бы мы не ушли в ссылку, Кауравы могли бы напасть на Индрапрастху. Хотя я и рожден *кшатрием*, я питаю отвращение к войне, и в этом моя слабость.

Бхима честно признался:

– Так как мне достается львиная доля пищи, я считал, что наслаждаться Кришной тоже должен больше, чем остальные. Поскольку этого не произошло, я сердился на Кришну и Кришну. Более того, я склонен к обжорству, из-за чего вечно попадаю в переделки. Я виноват перед матушкой и братьями...

Арджуна потупился:

– Чтобы уважить слова Матушки, я согласился делить Кришну с братьями, хотя это и претило мне. Такова моя слабость: я хотел, чтобы Кришна была только моей!

Накула смутился:

– Кришна красивее меня. Я завидовал ее безупречной красоте. Уж лучше, думал я, не быть ей столь привлекательной, чтобы уступить пальму первенства мне.

Голос Сахадевы был полон печали:

– Моя слабость – мать. Мы гордимся тем, что мы – сыновья Кунти. Ее материнская любовь несравненна. Но имя той, кто родила нас, жены Панду – Мадри – постепенно забылось и однажды совсем исчезнет со страниц истории. Порой это задевает меня. Сыновний долг – чтить память своих родителей. Разве эта моя слабость предосудительна?

Кришна звонко рассмеялся:

– Все вы, не колеблясь, сказали правду. Лица ваши сияют, как зеркала. Я очень рад.

– Теперь Тебе ничто не мешает стать колесничим Арджуны, так ведь, Васудева? – спросил Бхима.

Кришна с улыбкой посмотрел на меня:

– Как вам сказать... Ваша любимая Драупади все еще отмалчивается.

От моего имени Майя сказала:

– Почему Ты принуждаешь царицу Кришну к этому? Да будет Тебе известно, что она женщина. Кто поймет, что на уме у женщины? И вообще, как можно публично озвучивать каждую мысль? Более того, какая жена станет говорить вперед своего мужа?

Сакха смеялся:

– Вечно ты, Майя, вмешиваешься! Почему ты становишься препятствием между Кришной и Кришной? Неужели она – обычная женщина вроде Моей сестры Субхадры или прочих жен Пандавов? Она столь же целомудренна и верна, сколь красива и образованна. Ум целомудренной женщины чист, как солнечный свет. В зеркале ее ума не отражается даже тень постороннего мужчины. Что ей скрывать? Скорее, открыв нам свое сердце, она приумножит свою славу, а Я наконец-то соглашусь вернуться на сторону Пандавов.

Попав в неловкое положение, я молча обдумывала. Каким опасным может быть Кришна! Утром начнется великая война. Мужья мои встревожены. Уместно ли сейчас откровенничать? Это может поднять бурю в их раздраженных умах. Как я отправлю их на войну в таком состоянии? Мне действительно нечего скрывать, но надо ответить на брошенный Кришной вызов с умом. С одной стороны, присутствие Кришны необходимо; с другой стороны, мой долг – хранить покой своих мужей... В какое трудное положение ставит меня мой дорогой *сакха*!

Кришна не унимался:

– Почему молчишь, *сакхи*? Неужели твоя слабость так уж непростительна?

Я с любовью глядела в ясные лица мужей:

– Ма Кунти говорила, что Кришна всеведущ, что Он читает мысли и сердца. Я слыхала, что Он сокрушает гордыню, не выносит и тени ее в сердце человека. Вот почему Он затеял весь этот спектакль – чтобы сбить спесь с Кришны. Ум Кришны – открытая книга для Кришны. Но если Он хочет послушать, как я читаю эту книгу вслух, не стану возражать.

Все усталились на меня с любопытством. Майя улыбалась. Кришна делал вид, что никак не возьмет в толк, о чем речь.

Я сказала:

– У меня много слабостей, ведь я простая смертная, а не богиня. Если я начну перечислять их одну за другой, мы просидим здесь всю войну. Поэтому я назову только главную слабость: это мой дорогой друг Мадхусудана! Как только меня нарекли Кришной, я почувствовала тонкую, неземную, незримую, но неразрывную связь с неким чародеем по имени Кришна. Вторая слабость моего сердца совпадает со слабостью Ма Кунти.

– Что же это? – спросил Кришна с видом невинного дитяти.

Я сохраняла спокойствие:

– Моя вторая слабость – сыновья Кунти, ее слабость и печаль всей ее жизни. Я смешала свою собственную печаль с горем матушки. Я люблю каждого из них – начиная со старшего сына Кунти и до младшего. В конце концов, какая женщина не испытает слабость хоть однажды, встретив потрясающего мужчину? Но в этой слабости нет места непостоянству, сторонним мечтаниям или похоти, и Кришне это доподлинно известно. Третья моя слабость – это третий Пандав, Арджуна. Он доблестный и благородный, поэтому вся ответственность за семейство Пандавов лежит на его плечах. Остальные четверо разделяют его славу. Иногда это сердило меня. Когда Арджуне выпало получить божественное оружие, меня, как, впрочем, и любую другую женщину, окажись она на моем месте, удивляло: почему Пандавы не

вызвались разделить с ним эту ответственность, поровну распределив между собой обязанности? Разве справедливо всем четверым наслаждаться тем, что добыто в одиночку? Конечно же, в этом проявилась моя низкая натура. Я посвятила жизнь всем пятерым Пандавам, чтобы сплотить их, но вместо этого, ослепленная любовью к Арджуне, сеяла между ними распри. Однако уже в следующую минуту мною овладевало раскаяние, и я очищалась от слабости, проклиная себя.

Когда я признавалась мужьям в своих слабостях, на глаза у меня навернулись слезы. Глаза моего дражайшего Арджуны тоже увлажнились. Чувствуя себя благословленной этим покаянием, мысленно я выражала Кришне глубокую признательность.

Нежно глядя на меня, Кришна сказал:

– Славься, Кришна! Слова твои удивили Самого Кришну. Сознавшись в своей привязанности к каждому из сыновей Кунти, от старшего до младшего, ты открыла свое чистое сердце. Война закончится, и придет день, когда Я поясню это твое утверждение.

Кришна нежно улыбался. Пандавы тоже были весьма довольны моей откровенностью.

У меня вырвалось:

– Неужели почтеннейшему Кришне нечего делать, кроме как выискивать недостатки? Неужто Сам Он свободен от них? Сегодня, в этот священный час перед началом битвы, Он тоже должен очиститься.

Хлопая в ладоши, Бхима расхохотался:

– Только Кришна может заставить Кришну сделать это! Ну-ка, дитяtko Кришна, признавайся: в чем Твоя слабость?

Кришна смутился:

– Моею слабостью пронизана вся земля, небеса и низшие области вселенной – все сущее. Играть бесконечной вселенной – вот Моя слабость. Особенное удовольствие доставляет Мне изводить тех, кто горячо Меня любит: их я

помещаю в опасные ситуации. Для тех, кто считают Меня своим, Я становлюсь миражом. Но те, кто вручают себя Мне, связывают Меня. А еще Мне нравится разрушать созданное Мною же...

Бхима сложил ладони:

– Ну хватит, хватит, неугомное Ты дитя! Слушая перечень твоих слабостей, наши умы охватывает смятение! Мы ведь любим Тебя. Это Ты создал мир, в котором мы живем. Так что если Ты разрушишь его...

Юдхиштхира поклонился Кришне, над головой которого воссиял ореол неземного света; видя его, все раздражение и тревога покинули ум и сердце. Пандавы так нуждались в этом на пороге войны!

Г л а в а 52

Время невидимо, неуловимо. Всего каких-то восемнадцать дней... По сравнению с вечностью эти ужасные дни подобны мгновению. В океане великого Времени битва при Курукшетре – всего лишь небольшая волна, которая поднялась и исчезла. Война окончилась. С одной стороны – жалкое поражение, с другой – ужасная победа...

Как может победа быть такой жуткой, полной отчаяния? Земля опустела. Друзья и враги, мудрецы и глупцы, смельчаки и трусы, старики и юноши, отцы, братья, учителя, друзья, мужа, сыновья – всех слизнула война своим жадным языком. Время похитило самых дорогих людей: отец Друпادا; братья Шикханди и Дхриштадьумна; сыновья Дхриштадьумны; Вирата и его сыновья; дражайший сын Абхиманью; тот, к кому питала такую слабость Кунти – доблестный Карна, моя сердечная тайна, а также бесчисленные воины, наши сыновья Гхатоткача, Ираван и, наконец, мои собственные пятеро сыновей полегли в битве. Невинные юноши – нежные, еще нераскрытые бутоны – заснули вечным сном, чтобы утолить жажду крови ослепленного яростью живодера. Одиннадцать армий

Кауравов и семь армий Пандавов заснули навеки, утонув в кровавой реке битвы. К концу войны со стороны Кауравов в живых остались лишь Критаварма, Крипачарья и убийца моих сыновей Ашваттхама, а с нашей стороны – Кришна, Сатьяки и сами Пандавы.

Счастье и горе, надежда и отчаяние сменяли друг друга в мгновение ока, радостные вести тут же сменялись печальными. Каждый день войны был в высшей степени тревожным. Я знала, что *дхарма* и победа там, где Кришна. Победа играла со мною в прятки, и все же я была в ней уверена. Счастье, процветание, почет – все это должно было стать моим, поскольку я была супругой благочестивых Пандавов, сестрой Дхриштадьумны, матерью Абхиманью и *сакхи* Кришны.

Я вдохновляла Пандавов воевать, но не стремилась ни к власти, ни к богатству, ни к процветанию. Мне нужно было всего лишь отомстить за оскорбление. Но чего я добилась? Кто сказал, что в священной войне наказывают оскорбителя, а невинные страдать не должны?

В чем был виноват дражайший Абхиманью, унаследовавший от Арджуны всю его красоту, добродетели и удаль? Я была слишком привязана к нему. Он знал, что ему не вырваться из окружения. Почему же, несмотря на это, Юдхиштхира отправил этого невинного юношу в одиночку сражаться против семи *махаратх*, даже не поинтересовавшись, знает ли он, как прорываться через окружение? Почему Арджуну и его сына вечно отправляют на верную гибель? Что натворил бездушный Юдхиштхира! Это ли – благочестие?

Живя вдали от собственных сыновей в столице Вираты, я орошала любовью Уттара и Уттару, как если бы они были мне родными детьми. Я сделала Уттару своей невесткой, рисуя ей самые радужные перспективы. Уттар и его брат погибли в битве. Беременная Уттара, будучи еще совсем юной, потеряла Абхиманью. Это невыносимо... Простодушная Субхадра, которая всегда верила в судьбу,

после смерти единственного сына потеряла дар речи, а Уттара буквально сошла с ума. Арджуна невыносимо страдал. Юдхиштхира же оставался спокойным и молчаливым.

Похоже, чудовищное убийство Абхиманью мучило меня больше всего. Ни много ни мало семь *махаратх* напали на него – семеро на одного! – под предводительством старшего дяди Абхиманью, сына Кунти, Карны! Я тонула в океане скорби, надеясь, что горю моему помогут новости о смерти Карны. Его колесница увязла в грязи. Он спешил, чтобы вытолкнуть ее, и в это время по указанию Кришны мой муж Арджуна убил его, безоружного! Почему Арджуна поступил так? Почему на *дхарма-киштре* имело место убийство безоружного старшего сына Ма Кунти? Смерть Карны не облегчила моей скорби по Абхиманью – скорее, умножила ее, – но, скрепя сердце, я все же пережила это печальное известие. Теперь я надеялась, что скорбь мою облегчит смерть Духшасаны. Когда-то в порыве ярости я жаждала омыться его кровью. Бхима сдержал свое обещание: он омыл мои распущенные волосы еще горячей кровью подлого Духшасаны. Моя душа, все еще пылавшая обидой, была теперь довольна, но не нашла подлинного умиротворения. Каждый волос на моей голове был омыт алой, свежей, горячей кровью. Человеческая кровь стекала по моему лицу, струилась по плечам. Каждая прядь пропахла ею. Казалось, что все мое былое изящество утонуло в ужасающем восторге, но пожар, полыхавший в моем сердце, не погас: напротив, языки пламени взметнулись еще выше.

Когда-то мне казалось, что кровь Духшасаны принесет мир моей душе. Теперь я убедилась, что только зверь насыщается кровью. Любой, кого можно назвать человеком, никогда не умиротворится, проливая кровь своих собратьев. Хотя я и жаждала мести, я была женщиной. Пролитая человеческая кровь принесла мне не мир, но убедила в собственной беспомощности, внушила отвращение, пробудила отрешенность, побудила к раскаянию и причинила

муки. Глядя на гиганта Бхиму и кровь Духшасаны в его пригоршнях, я вся дрожала: он казался мне волком в овечьей шкуре. Такая же алая кровь текла в жилах моего Абхиманью, моего отца, моих друзей и братьев! Земля не приемлет кровавых жертв, ибо она мать, подательница жизни, но ее снова и снова увлажняет кровь героев, и причиной тому – людская ограниченность и самолюбие. Может ли слепец понять муки, которые испытывает Земля, когда людская кровь капает на ее грудь? Ужас кровопролития никому не принесет мира, не облегчит ничьи терзания – вот что поняла я, омывшись кровью Духшасаны. Когда Бхима принес очередную пригоршню крови, я закричала: «Довольно, довольно! Я хочу жить! Уйдем отсюда! Господи, это невыносимо! Кровь Духшасаны пахнет кровью Абхиманью. Похоже, что кровь одинаково пахнет у всех. Я не хочу быть людоедкой...» – и потеряла сознание.

Я пришла в чувство уже в лагере. Кто-то сидел в изголовье, нежно касаясь моего лба. По щекам моим катились слезы, а от волос по-прежнему исходил удушливый, невыносимый запах крови.

Раздался голос Кришны:

– *Сакхи*, ты пришла в себя? Наказание Духшасаны, восстановление справедливости – все это свершилось по законам великого Времени. Смертью подлецов вроде Духшасаны Земля очищается от бремени людских грехов. Однажды на Земле вновь восторжествует *дхарма*. В этом смысл жизни – твоей и Моей. Это по Моей воле великое Время пожирает низких. Не пристало разумной женщине вроде тебя так волноваться по поводу этого.

Я плакала, чувствуя себя совершенно разбитой:

– *Сакха*, где мой сын Абхиманью? В чем его вина? Почему великое Время унесло его? От какого такого греха мир очистился его смертью?

Кришна тяжело вздохнул:

– *Сакхи*, это суровая действительность войны. Ради блага мира и истребления мерзавцев приходится жертвовать

даже святыми и мудрецами, приносить в жертву собственные интересы, а иногда и жизнь. Абхиманью пожертвовал собой ради блага всего мира. Он погиб геройски и вознесся на небеса. Его имя войдет в историю и прославится в веках.

Я сетовала:

– Материнское горе этим не утешить. Ты мужчина, Тебе не понять сердце матери...

Кришна грустно улыбнулся:

– Ягьясени, Я его дядя по матери. Пока ты была в лесу, Я взрастил его, позаботился об его образовании, научил владеть оружием, – приняв на Себя ответственность за все это, я готовил *сакхе* наследника. Я был для него не просто дядей – фактически, Я заменил ему отца, мать, учителя, друга – всех. Я глубоко скорблю о его смерти, но Мне открыт ход времени. Возьми себя в руки. Если ты останешься в таком настроении, кто будет помогать Арджуне и утешать его? Видела бы ты его сейчас – поняла бы, о чем Я...

Я не выдержала:

– *Сакха*, третий из Пандавов любит Тебя больше жизни! Так вот почему Ты причиняешь ему столько боли! Таковы Твои правила?!

Сакха остался спокоен:

– Когда скованный привязанностью отважный Арджуна сел в колеснице, отбросив оружие и объявил, что не станет биться с друзьями, братьями, учителями, дедами, Я, дабы спасти его от заблуждения и развеять уныние, открыл ему таинство бессмертия души, рождения и смерти, добродетели и греха, Творца и творения, раскрыл все истины мира – там же, на поле брани. Это помогло ему постепенно преодолеть скорбь.

Я вспомнила, что уже слышала из уст Арджуны об этом небывалом событии. Чтобы развеять уныние Своего *сакхи*, Кришна явил ему вселенскую форму. Арджуна увидел бесчисленные уста Кришны, Его сияющие глаза, конечности, острые зубы. Сияющее золотом, излучающее энергию тело Кришны простиралось, заполняя Собою все небо. Во рту,

между зубов, ужасных, как всепожирающее пламя, виднелись бесчисленные солнца, луны, звезды, планеты! В той же самой пасти Арджуна увидел всех и каждого. Увидев Кришну в этом образе, Арджуна был потрясен и взмолился: «О Васудева, скрой эту Свою форму!» Затем Кришна предстал перед ним в образе великого Времени! Он был Творцом и Разрушителем – Самим Богом! Ма Кунти давно распознала Его, – вот почему она всегда кланялась Ему, хотя и приходилась Ему тетей!

Если после гибели тела бессмертная душа воссоединяется с Творцом, какой смысл печалиться? Я тут же забыла свое горе, поднялась с ложа и пала ниц перед *сакхой*.

Послышался голос Майи: «Уттара снова без сознания. Еще не время поклоняться Кришне...»

И я опять утонула в пучине горя...

Г л а в а 53

Дурьйодхане перебили бедра. Искалеченный, он считал минуты в ожидании смерти. Война окончилась. Жители Панчалы глубоко скорбели о гибели моего отца. Я отправилась в Панчалу лишь затем, чтобы убедить их: они не сироты; мой отважный брат, победитель Дроны, Дхриштадьумна, остался в живых; как только в Хастинапуре снова воцарится мир и покой, он вернется в Панчалу и позаботится о ее гражданах. Я была рада сообщить невестке о благополучии Дхриштадьумны - измученная разлукой с ним, она не находила себе места.

Всю ночь мы с невесткой, забыв обо всех печалях, мечтали о светлом будущем. Абхиманью, Гхатоткача, Белалсена и прочие сыновья других жен моих мужей погибли, и все же Господней милостью пятеро моих сыновей остались целы и невредимы. Глядя на них, я забывала печаль потери остальных. С самого детства они не знали материнской ласки: я ушла в лес, когда они были еще младенцами. Ныне я могла восполнить им недостаток материнской любви – ничего другого мне больше не хотелось.

Насмотревшись на войну, кровопролитие, смерть, наслушавшись сетований и зная, что все это было затеяно ради царствования, я утратила всякую привязанность к богатству и трону. Корона стала непосильным бременем. Придет время, и сыновья мои вырастут, трон перейдет к ним, а я стану царицей-матерью. Будучи женой пятерых, я натерпелась невзгод. Хотя бы теперь, как мать пятерых сыновей, я вздохну с облегчением, спокойно доживая свои дни! Смыслом жизни для меня был бы их радостный смех, напоминающий о моем любимом Абхиманью...

Всю ночь передо мной стояли смеющиеся лица моих играющих детей, картины их свадеб, коронации, забав со внуками. С небес сошли *ансары*, чтобы увенчать их гирляндами. А может, это мои невестки, прекрасные, как *ансары*? Сон прервался. Сердце учащенно билось. Что бы это значило? Кого бы спросить, к чему этот сон? Еще не рассвело... И вот до нас долетели вести: сын Дроны Ашваттхама под покровом ночи убил Дхриштадьумну и всех пятерых моих сыновей, пока те спали! Безутешные, мы с невесткой обе лишились чувств.

Какое поражение в час победы! Какая злая шутка судьбы, какое невыносимое горе! Я уже была подавлена, лишившись Абхиманью, Гхатоткачи и остальных. Эти жуткие новости буквально убили меня. Похоже, нет горя большего, чем утрата сына. Это неописуемо, помочь такому горю может только смерть.

Они все еще спали, обезглавленные, в море крови, словно безупречные цветы – пятеро моих нежных сыновей: Пративиндхья, Шрутасома, Шрутакирти, Шатаника и Шрутакарма. Улыбка не сошла с их уст – казалось, они видят какие-то сладкие сны, которым не суждено стать явью...

Взяв тела сыновей на колени, я снова и снова вопила и причитала. Прижав голову одного и туловище другого к груди, я потеряла сознание.

Пятеро моих мужей были убиты горем. Сегодня Творец лишил сыновей каждого из нас. Супруги мои избегали

смотреть друг на друга, их слезы смешивались с кровью сыновей. Один лишь Говинда утешал всех и каждого.

Спустя некоторое время я забыла о себе. Пронзительно, как демоница, кричала я, вопила не своим голосом: «Не уничтожив грешника Ашваттхаму, не отомстив этому детоубийце, я не умру спокойно!»

Бхима понимал меня. Отметив мое твердое решение не прикасаться к пище и воде, он поднялся. Тут до нас дошли новости, что, получив вести о гибели пятерых наших сыновей, Дурьйодхана тоже покинул этот мир. Бхима оживился и приготовился задержать Ашваттхаму. Глядя, как он лютует, я отпрянула...

Юдхиштхира, Арджуна и Кришна также отправились на поиски Ашваттхамы. Внезапно в мое сердце закралось сомнение. Жена Дроны Харита все еще жива. Ашваттхама – единственный смысл ее существования. Дрона погиб. После гибели Ашваттхамы Харите тоже придется оплакивать сына. Бесспорно, Ашваттхама грешник, но Харита мне как мать! Минуту назад я вопила: «Господи, пусть даже врагам моим не придется страдать от потери сыновей!» Смею ли я теперь утопить Хариту в скорби? Даже если мы убьем Ашваттхаму, пятеро моих сыновей не воскреснут. Пусть же грешный Ашваттхама останется в живых. Пусть живет долго, терзаемый всеми видами несчастий! Пусть хотя бы одну из матерей Хастины, Хариту, обойдет боль утраты сына. Я позвала Кришну и тихо сказала Ему:

– Прости этого грешника. Скажи Бхиме, что не нужно ловить Ашваттхаму и приводить его сюда. Его все равно настигнет расплата за грехи. От судьбы не уйдешь. Кто я такая, чтобы вершить правосудие?

Кришна улыбнулся:

– Панчали! Тысячи поклонов тебе – несравненному кладезю сострадания и всепрощения!

Раздался голос Бхимы:

– Панчали, мерзкий Ашваттхама здесь. Разорви ему грудь и утоли жажду его кровью.

Я не удостоила Ашваттхаму даже взглядом, чтобы полюбоваться его неволей. Отвернувшись, я сказала:

– Глаза бы мои не видели этого грешника! Сердце мое осквернится одним прикосновением к нему. Муж мой, будь так добр: уведи его с глаз долой! Выгони его из царства – здесь ему не место.

Язык мой изрыгал пламя, но глаза проливали слезы. От нестерпимых мучений я упала в обморок.

Грешник Ашваттхама был недостоин прощения. Помилованный мною и напуганный, он бежал в лес. В конце концов, чтобы уничтожить последнего отпрыска династии Пандавов, сына Абхиманью, ожидающего появления на свет в чреве Уттары, он воспользовался оружием Брахмы. Кришна, друг бедствующих, спас дитя во чреве Уттары, метнув Свой диск. Как дождь превращает в цветы зеленый сок травы на площадке для кремации, так и последняя надежда Пандавов рос в утробе Уттары, питаемый состраданием Кришны.

Г л а в а 54

Смерть благороднее и спокойнее, чем жизнь. Гибель вчерашних врагов увлажняет сердце состраданием. Те, кто при жизни были подлыми, похотливыми грешниками, погибнув, стали покойны, степенны и невозмутимы. Предав огню тела погибших на поле брани врагов, которых теперь считаем никем иным, как братьями, мы совершаем обряды ради их духовного блага.

О, эта душераздирающая сцена встречи обеих семей на поле битвы! Этот океан горя не поддается никакому описанию! Сто сыновей, множество внуков, родные и двоюродные братья – потеряв их всех, Дхритараштра, Гандхари и жены Кауравов искали своих близких среди гор трупов. С ними была и Ма Кунти. Я, пятеро Пандавов и Кришна тоже искали своих родственников.

Ма Гандхари и Кунти рыдали на руках друг у друга. Вся женская половина семейства Кауравов, убитая горем, причитала над сыновьями, мужьями, друзьями, братьями. Красота женщин Хастинапура померкла, бледные лица вдов были полны скорби.

Мое горе терялось в чужих муках, ведь пятеро моих супругов остались в живых. Они были победителями, хотя эта победа праздновалась на площадке для кремации у костров, языки пламени которых поглощали тела погибших.

Я разрыдалась на груди у Кунти:

– Ма, где мои любимые, мои сыновья, мой Абхиманью? Как случилось, что больше я не увижу их? Зачем мне нужно это царство? К чему богатство без детей?

Ма гладила меня по голове, приговаривая:

– Доченька, мы с тобой товарищи по несчастью. Я ищу тело моего отверженного, гордого сына, Карны. До самой смерти его оскорблял мой грех. Он погиб геройски. На протяжении всей войны Бхишма, Шалья, Джаядратха то и дело обзывали его сыном колесничего. Даже такой мудрый человек, как Бхишма, дразнил его обидным прозвищем *ардхаратхи* – половиной воина на колеснице. Мой безоружный любимый сын принял смерть от руки Арджуны...

Слыша эти слова из уст Ма, можно было подумать, что Карна был единственным ее сыном, а Арджуна – врагом. Хотя бы и сто сыновей остались в живых, сердце матери будет полно жалости к одному погибшему чаду...

Онемевшие от горя родственники погибших бродили по полю Курукшетра. Какое это было душераздирающее зрелище! *Лакхи* расчлененных трупов, окровавленные волосы и черепа, обезглавленные тела, горы плоти, костей, внутренностей – что за жуткая картина открывалась глазу на поле боя! Лошадиная, слоновья и человеческая кровь слилась в целое море. Отовсюду слышались только вой и пронзительный плач шакалов, крики стервятников и карканье ворон, раздирающих плоть, лакающих кровь,

растаскивающих тела. Хастинапур превратился в ад, в котором вдовы искали тела своих мужей, отцов, сыновей, братьев, и, найдя их, голосили, прижимая останки к груди.

Посередине поля, презрев ужас смерти, лежал, словно упавшее с небес солнце, блистательный герой Карна. Поскольку он и впрямь был сыном солнца, смерть едва коснулась его; тело прекрасно сохранилось и не подавало никаких признаков разложения. Кунти стояла в ногах усопшего, я – за нею. Своими слезами Ма омывала стопы покойника. Все сомнения, стыд, угрызения совести, страх позора, терзавший ее сердце, унесла смерть. Ослабевшая от горя, Матушка забыла, что Карна был ее внебрачным ребенком и, взяв его тело на колени, громко, во всеуслышание, причитала. Сетования ее достигали небес; преисполнившись сострадания, Сурья покраснел, затем побледнел и начал клониться к закату.

Юдхиштхира наблюдал за происходящим, словно лишившись дара речи. Он и раньше замечал, что стопы Карны как две капли воды напоминают стопы Ма Кунти. Еще во дворце собраний, когда Кауравы надругались над Драупади, Юдхиштхира оторопел, когда его взгляд упал на стопы Карны. Сегодня же он понял: его стопы были стопами Кунти. Ма Кунти оплакивает гибель Карны. Что кроется за этим – неужели он и впрямь ее сын? Глаза Юдхиштхиры сами собой налились слезами. Все были потрясены. Взяв себя в руки, Ма Кунти обратилась к Юдхиштхире: «Сынок, как старшему сыну Кунти тебе досталось больше других. Тебе пришлось возглавить семейство Пандавов, много непосильной ответственности легло на твои плечи. На самом же деле старший сын Кунти – не ты; ее старший сын – тот, кто всю свою жизнь прозябал в бесславии. Теперь он лежит перед тобой. Он твой старший брат, сын Сурьи, могучий герой и щедрый даритель, Карна! Вопреки тому, что он – плод благословений, которыми еще в девичестве одарил меня мудрец, его земная жизнь оказалась сплошным проклятием. В

конце концов ему было суждено принять смерть от руки брата».

Священное поле брани превратилось в крематорий, один на всех – друзей и врагов, богатых и бедных, родовитых и низкорожденных. Все лежали на одном погосте. Стоя на священной земле, Кунти открыла сыновьям величайшую тайну своей жизни. Арджуна, со слезами на глазах глядя на тело Карны, лежавшего, словно заходящее солнце, проклинал себя. Не колеблясь более, я смешала свои слезы со слезами Матушки, оплакивая гордого Карну.

К небу взметнулись бесчисленные костры. Огонь пожирал мертвое тело Карны. Гордость, высокомерие, жажда победы наперекор высшим силам, – все было уничтожено, и только слава его мужества звенела в моем сердце.

Едва я заметила рядом дорогую спутницу Карны, Асмиту, как та прыгнула в огонь и сгорела дотла. Всю свою жизнь Асмите удавалось удерживать Карну близ себя. Сегодня смерть поглотила и ее.

Жизнь не может сломить гордость, но смерть побеждает даже эго. Утратив надменность, лицо Карны, ясное и нежное, сияло, как утреннее солнце в лучах огня. Казалось, передо мной в языках пламени предстал какой-то бог. Ма Кунти и Пандавы сдерживали рыдания. Стоя рядом со мною, Кришна утешал и ободрял их:

– Человек связан двумя силами: божественной энергией и своим человеческим естеством. Если чего-либо недостает, как это было в случае с Карной, то, вопреки тому, что у него есть все, он на каждом шагу теряет. Земное начало Карны бросило вызов его божественной сути. Он не сочетал мужество с молитвой – вот почему его поглотило высокомерие. Пока человек жив, с ним живет эго. Покончить с эго можно, вручив себя Господу. Объединить собственные усилия с молитвой и вручить себя Господу – вот это и будет настоящая жизнь, а иначе – конец всему. Жизнь без эго невозможна, нужно просто отринуть низшее эго и питать благородное: «О Господь, я Твой и горжусь этим!» Гордыня

Карны была продиктована низшим эгоизмом. Арджуна тоже не лишен эго, но гордость его благородна. «Я горжусь, что мною руководишь Ты» – таково настроение Арджуны. Карна сказал бы: «Я велик своими собственными усилиями», а Арджуна: «Великим меня сделал Ты». Вот в чем разница между ними, во всем остальном – в доблести, могуществе, мужестве – они равны. Телами они отличаются, но сила в этих телах одинаковая. Карну погубила гордыня. Искоренив в себе гордыню, Арджуна не только выжил, но и победил. Посему не печальтесь о Карне. Никто никого не убивает, человек сам приближает свой конец.

Убитая горем утраты сыновей, Ма Гандхари, слушая философские рассуждения Кришны, неистово вскричала:

– Кришна! Ты знаток писаний, повелитель мистических сил и близкий друг потомков Пуру. Ты всемогущ. Если бы Ты захотел, Кауравы тоже выжили бы! Нет никакой радости в завоевании царства ценой гибели врагов. Да, Юдхиштхира завоевал царство, но посмотри, как он проклинает себя, потеряв всех своих близких, родственников ему Кауравов! Это Ты виноват в гибели моих сыновей...

Кришна сохранял спокойствие:

– Деви! Алчность к чужому богатству, узурпаторство, зависть, надругательство над женщинами – вот что погубило твоих сыновей. Сколько бед выпало на долю праведного Юдхиштхиры из-за игры в кости! Причем тут Я? Я до последнего ратовал за мир. На войне всегда кто-то погибает, она приносит потери, упадок и печаль. Война вредит зачинщикам и невинным, миролюбивым и жестоким. Кауравы погибли, потому что не вняли Моему предложению уладить все мирным путем.

Стоя среди костров, в которых полыхали тела ее сыновей, Гандхари обрушила на Кришну свой гнев:

– Можешь оправдываться сколько угодно, но это Ты, Кришна, причина всех причин! Призывая все накопленное мною благочестие, ныне я проклинаю Тебя: как сегодня была уничтожена династия Бхараты, точно также придет день – и

будет уничтожено Твое семейство. Через тридцать шесть лет друзья Твои и родичи тоже перессорятся и погибнут. Как и женщины семейства Кауравов, женщины Ядавов огласят округу горестными причитаниями, потеряв своих мужей, сыновей и прочих родственников, а Дварака пойдет ко дну.

Я потеряла дар речи... Зная не понаслышке, что такое разрушение семьи, как смеет эта женщина проклинать других, более того – самого славного из Ядавов, совершенную Личность, Кришну?! И в этом – благородство ее материнского сердца?! Воистину, даже родив сотню сыновей, женщина не становится матерью! Нет, не таково сердце матери – оно широко, как само небо; всеобъемлюще, как земля; как океан, хранит оно сокровище сострадания...

Послышался низкий голос Ма Кунти – она обращалась к Кришне с молитвой:

– О Васудева! Без Твоего на то дозволения ничье проклятие не коснется Ядавов. О Мадхусудана, я и врагам своим не пожелаю такого горя – утратить семью, потерять сыновей. Пусть никого больше не коснется подобное несчастье – я молюсь лишь об этом.

Кришна улыбался:

– Деви Гандхари! Ты и впрямь благочестива, и Я доставлю тебе желанную радость: Мои родственники перебьют друг друга в пьяной драке. Ради *дхармы* пригодится истреблять *адхарму*. Так что если Мои сыновья сойдут с пути истинного, пусть на следующий же день сила времени подрубит их под корень. Ровно через тридцать шесть лет наступает новая эпоха – тогда-то и сбудется твое проклятие.

Сам Бог принял проклятие бессердечной женщины, чтобы доказать силу ее благочестия.

Питаемые возлияниями, языки пламени вздымались все выше, словно пытаюсь пробудить жизнь в жаждущих мести, убитых горем сердцах: «Смотрите на вещи шире, и вы найдете смысл жизни. Забудьте себя в бытии Создателя, и тогда никакие печали и беды не сломят вас».

Г л а в а 55

Тридцатишестилетнее царствование без сыновей и друзей стало для Юдхиштхиры проклятием, возмездием. Его преследовали печальные, полные упрека глаза бездетных вдов Хастинапура: «И это царь Юдхиштхира, воплощение *дхармы!*.. Проиграв свое царство и супругу, он развязал войну. В конечном счете, потеряв все, он наслаждается царствованием! Кроме Махараджи Юдхиштхиры, в страданиях бесчисленных людей винить некого».

Я разделяла их горе. Пятнадцать лет минуло в служении слепому Дхритараштре, Гандхари и Ма Кунти. Позже, решив провести остаток своих дней в лесу, Ма Гандхари, Кунти и Дхритараштра покинули дворец.

Держась за руку Юдхиштхиры, Ма Кунти сказала на прощание: «Сынок! Нет никого несчастнее меня. Даже обретя царство, я никогда не знала радости, какую испытывает царица-мать. Всю жизнь несправедливо пренебрегая таким сыном, как Карна, я в конце концов потеряла его. Это горе разрывает мне сердце. Сейчас, уходя, я прошу: сынок, в годовщину смерти Карны проводи, пожалуйста, *шраддху* по старшему брату. Молись об упокоении его души. Я никогда не отмечала день его рождения прилюдно, теперь же без колебаний прошу тебя отмечать хотя бы годовщину его смерти».

Слезы лились рекой. Ма не печалилась о том, что покидает пятерых сыновей, но, вспоминая о смерти своего брошенного сына, тонула в пучине скорби.

Теперь все дела были сделаны. Не осталось старших, чтобы служить им. Не осталось ни сыновей, ни дочерей, чтобы пестовать их. Жизнь превратилась в тяжкое бремя. Медленно, медленно тянулись дни. Лишь одна опора осталась – *сакха* Кришна! Время от времени Он навещал нас. Мы тоже бывали у Него в гостях. Иногда мы с Арджуной усаживались рядышком и вспоминали *сакху*. Арджуна пересказывал

философию, которую тот изложил ему на поле битвы. Сколько воспоминаний расцвело в саду ума! всю свою жизнь человек постепенно приближается к тому, чтобы жить воспоминаниями...

Вспомнился девятый день битвы, когда дед Бхишма поклялся назавтра уничтожить Пандавов. Ужас объял лагерь сыновей Панду: можно ли спать, рискуя не проснуться?

Сакха Кришна пришел ко мне:

– Колесница подана. Едем, Я покажу тебе одно местечко...

– Куда я должна ехать с Тобой глухой ночью?

Сакха рассмеялся:

– Есть повод, и на самом деле Я должен был сделать это гораздо раньше. Ты все еще не понимаешь *сакху*? Хотя бы сегодня, лунной ночью, прокатимся вместе!

Я поднялась на в колесницу. Мы остановились близ лагеря Кауравов. Ночь... Что я должна сделать там? Может, *сакха* привез меня Кауравам в качестве откупа, чтобы спасти жизнь Пандавов?

Сакха прохаживался во тьме, взяв меня за руку. Наконец, Он сказал:

– Ступай осторожно, на цыпочках, чтобы никого не разбудить. Мы должны пройти прямо к палатке деда. Главное – не разбудить Кауравов. Это опасно.

Разувшись, я хотела было отбросить сандалии подальше, но *сакха* взял их из моих рук:

– Не шуми. Что, если кто-нибудь проснется? Заметив женскую обувь перед палаткой Бхишмы, они заподозрят неладное, и тогда все пойдет прахом.

Передо мной стоял *сакха* с моими сандалиями в руках! Меня захлестнули стыд и смущение, Он же продолжал шутить даже перед лицом опасности:

– Любой отважный царевич Арьяварты сочтет за честь подержать эти сандалии хотя бы в руках, если не на груди или на голове. Сегодня Мне выпала такая удача. Ну же, не медли!

Я простерлась в земном поклоне у стоп деда. В тусклом свете лампадки он не сумел узнать меня и, видимо, решил, что некая женщина пришла к нему с жалобой. С его уст само собой слетело:

– Удачи!

О, теперь я поняла, что имел в виду *сакха*! Откинув с головы *анчал*, я сказала:

– Дед! Да сбудутся твои благие пожелания, я молюсь только об этом!

Узнав меня, Бхишма изумился:

– Доченька Кришна! Кто надоумил тебя прийти в лагерь Кауравов в столь поздний час, чтобы услышать эти слова? Кто еще, кроме Кришны, способен на такое?..

Вспомнив про *сакху*, стоящего снаружи с сандалиями в руках, я смутилась еще больше. Что ответить деду?

Видя, что цель достигнута, *сакха* тоже вошел в палатку:

– Пожалуйста, сдержи свое слово! Ты пожелал Кришне удачи. Справедливо ли будет теперь убивать Пандавов?

Дед рассмеялся:

– Кришна, я слышал о Твоих играх, но сегодня они разворачиваются прямо у меня на глазах! Ты бродишь по окрестностям Хастины с сандалиями Кришны в руках. Вечному девственнику Бхишме не дано понять, какое удовольствие Ты находишь в том, чтобы служить женщинам в качестве носильщика их обуви. Ты сталкиваешься с такими трудностями ради Пандавов, что завтра Тебе не останется ничего иного, кроме как раскрыть им тайну моей неминуемой смерти. А сейчас можешь вздохнуть с облегчением: будь уверен, с Пандавами ничего не случится!

Настал черед рассмеяться Кришне:

– В чем сложность? Именно твоя клятва дала Мне возможность подержать в руках сандалии Драупади. Это так приятно...

Я сгорала со стыда. Ради нас *сакха* был готов на все – Он доел мои объедки, носил мои сандалии, стал колесничим

моего мужа... В тот день я поняла: нет ничего, чем бы ни поступился Кришна ради Своего преданного.

Благоухание поднесенных богам цветов улечувается, когда цветы высыхают, чего не скажешь о ладане и сандаловой пасте. Воспоминания о несчатьях и боли не доставляют удовольствия, но воспоминания о Кришне наполняют ум блаженством, как аромат ладана или сандала. Это стало моей ежедневной медитацией: «Кришна! Я живу Тобой. Сплю я или бодрствую – перед моими глазами Ты. Когда я рядом с Пхалгуни, между нами *сакха*». Карна был убит, Пхалгуни исполнил свою клятву. Мы могли проводить больше времени вместе, но бывые страсти улеглись: утрата сыновей и чувство вины за смерть Карны отвлекали ум от мирских утех. Теперь мы были товарищами по несчастью. Мысли о Кришне объединяли наши души и поддерживали в нас жизнь. Видя, что я закручинилась, Арджуна заводил разговор о Кришне, а когда подавлен был Арджуна, я принимала прибежище в воспоминаниях о *сакхе*. Чтобы порадовать пятерых мужей, время от времени я приглашала Кришну к нам. Кто, кроме Него, мог утешить нас после войны?

Г л а в а 56

Шел год за годом. Чтобы уберечь семейство Ядавов от разложения, Кришна ввел в Своем царстве сухой закон. Даже если Двараку поглотит океан, с Кришной нам бояться нечего, полагаала я. Кто одолеет саморожденного?

Он не появлялся у нас уже много дней, а потом пригласил Арджуну к Себе в Двараку, чем несколько уязвил меня – желает повидаться с *сакхой*, но, похоже, совсем позабыл о *сакхи*!

Но как найти силы сообщить новости, с которыми вернулся Арджуна? Это был гром среди ясного неба; казалось, самой земле не вынести тяжесть этого известия! Напившись, Ядавы перебили друг друга. Баларама покинул

этот мир. Кришна Васудева оставил тело, сраженный стрелой *шабара* Джары. Совершив погребальные обряды по Кришне и Балараме, Арджуна вернулся с внуком Кришны, Ваджрой.

Кришна ушел... Близится конец эпохи. Арджуна утратил силу, а я превратилась в безжизненную куклу. Полагаю, в этом проявилось неумолимое влияние Времени: оно неизбежно настигает каждого. Внушающая страх Кали-юга, похоже, только и ждала ухода Кришны. С ее началом Юдхиштхира, воплощение ненасилия и *дхармы*, решил, что настал час великого прощания, и счел для себя неприемлемым занимать престол. Нет, в Кали-югу верный истине Юдхиштхира не останется императором...

Трон остается, цари сменяют друг друга. Люди приходят и уходят, но Время течет незаметно. В отсутствие Кришны Пандавы были как правосудие без *дхармы*. Все понимали, что настал черед отречься и Юдхиштхире...

Был коронован Парикшит, сын Абхиманью и внук Арджуны; трон Хастины перешел к нему. Вручив бразды правления последним потомкам обоих *сакхов* и оставив им на поруки Субхадру, Юдхиштхира был спокоен. Я же, согласно воле Юдхиштхиры, вместе с пятерыми мужьями отправилась в Гималаи, чтобы достичь *сварги*.

Вознестись на *сваргу* во плоти – весьма заманчивая перспектива. Я отреклась от царства, богатства, имущества, – оставила все. Но оставило ли меня горе?

Обернувшись назад, я увидела бегущую за нами Майю. Она не отпустила меня! Словно связав меня незримыми путами, она тянула меня назад. Зачем?

Живое существо связано веревкой, сплетенной из трех *гун*: *саттвы*, *раджаса*, *тамаса*. Последняя порождает собственно привязанность. *Раджас* вызывает пристрастие и желание. *Саттва* очищает, но все равно связывает. Если *тамас* и *раджас* – стремление завоевать царство – были железными кандалами, то *саттва* – желание достичь *сварги* через Гималаи – золотой цепью. Кто свободен от привязанности? Я? Мои мужья? Может ли тот, кто привязан,

достичь *сварги*? Привязанность ослепляет. Но для того, чтобы двигаться вперед, человеку дана некоторая привязанность, желание. Поэтому, подобно слепцу, не различающему, что правильно, а что – нет, он вступает на путь – совсем как я.

Дорогой я размышляла: «Что я сделала в этой жизни? Что обрела и что потеряла? Зачем я иду туда, куда иду? Какая задача была возложена на меня, и справилась ли я с нею? Еда, сон, совокупление, радости царствования и прочее, – в этой жизни у меня было все, но кажется, будто чего-то по-прежнему недостает. Что есть желание? Почему на мою долю выпало столько горя и боли? Похоже, замужем за Юдхиштхирой любой женщине пришлось бы несладко...» Едва подумав об этом, я поскользнулась на золотой гималайской пыли.

Пятеро мужей, которых я всю жизнь считала пятью своими чувствами, мои вечные спутники из рождения в рождение, даже не оглянулись: они держали путь прямо на *сваргу*. На пороге смерти я осталась одна!

Послышался голос Бхимы: «Брат, Драупади упала!» Юдхиштхира твердо сказал: «Сама виновата: она была слишком привязана к Арджуне. В этом ее грех. Бхима, брось свою булаву! Твоя булава – это твоя заносчивость, которой нет места на *сварге*. Не оборачивайся, вперед!»

По приказу брата Бхима бросил свою булаву и продолжил путь налегке. Путь Пандавов на *сваргу* отмечен булавой Бхимы, которая осталась здесь, в Гималаях. Именно здесь Ма Кунти, Гандхари, Дхритараштра, а также благочестивый Видура провели последние дни жизни, а теперь лежу я. Впереди виднеется храм Бхараты – преданного, покорного младшего брата Рамы, который в одиночку удалился в Гималаи совершать аскезы. Этот храм воздвиг Юдхиштхира во время нашего лесного изгнания; сегодня же, вознеся в нем *пранамы*, все пятеро оставили меня позади и продолжили свой путь.

Гордыня – препятствие на пути к *сварге*. Кто в этом мире свободен от нее? Пожертвовав отцом, сыновьями, братом, друзьями – всеми, – я стала царицей Хастины. Могла ли я сохранить смирение? В моей жизни было чем гордиться, но даже это не принесло мне счастья. Сегодня, на пороге смерти, я осталась одна. Где моя былая заносчивость? Беспомощность ждет, чтобы поглотить меня целиком. Сегодня я поняла, что жизнь – это не только гордость и не одна лишь беспомощность; скорее, жизнь – река, текущая меж двух этих берегов. И гордость, и беспомощность играют в жизни важную роль: первая ослепляет, тогда как вторая наполняет желанием. Но, будучи облагорожены, они делают жизнь полнокровной. Тогда человек думает: «Господи! Я – Твое создание и горжусь этим». Полагая источником своей силы Господа и понимая, что лишь Он один может помочь, душа возвышается, и врата *сварги* распахиваются перед нею. Сегодня я тоже посвящаю мою гордость и беспомощность Тебе, и это облагораживает меня. Без Тебя как гордость, так и беспомощность человека глупы и суетны.

Г л а в а 57

Чья это сладкая флейта? Она очищает мои кровоточащие внутренности, заставляя течь поток чувств. Кто-то жужжит над ухом: «Жизнь не для наслаждений, но для ощущений». Кто указывает мне путь, направляя меня от жизни, растраченной на удовольствия, к жизни ощущений? Этот кто-то зовет: «Сюда, сюда! Я жду тебя!» Кто же этот незримый спутник? Уж не Майя ли это?

Нет, Майя оступилась, пала и умерла далеко позади, у гималайских врат Ганги, что зовутся Майяпури. Едва ступив на ту землю, Майя исчезла. Теперь я свободна – это она держала меня в рабстве. Я страдала от горя, стыда, оскорблений, и не осознавала, что, восхищаясь Майей, говорю: «О *сакха* Кришна, это Ты делаешь мне больно!» И правда, сколько страданий я претерпела от недостатка знания

о Тебе! В чем была моя ошибка? Когда бы я ни пыталась превзойти свое эго и обратиться к Тебе, Майя преграждала мне путь, стягивая мой ум обратно. Сегодня смерть для меня желаннее жизни в служанках у Майи.

Сакха, убей же меня за мои недостатки, уничтожь! Всю жизнь я требовала: дай, дай мне счастье, процветание, мирские удовольствия! Ты дал мне все. Ты же обрушил на мою голову всевозможные страдания. Сегодня я прошу кое о чем еще: прими меня, прими же, о Кришна! Положи конец моему существованию, истоци мои силы! Пусть мы будем неразрывно связаны. Тот, кто неразлучен с Тобой – истинный преданный. Ужели я не предана Тебе, о *сакха*?

Дражайший, Я не прошу ничего для себя. Я прошу лишь ради этой прекрасной земли, и это последняя моя просьба. Ты – Господь. Нет ничего, что Ты не мог бы даровать. Исполнишь ли Ты мою просьбу?

Первое, о чем я попрошу... о Кришна Васудева! Пусть все, что мне довелось пережить, не повторится в жизни никакой другой женщины. Установи закон, согласно которому ни одна женщина не могла бы быть женой одновременно нескольких мужей. Пусть никто из жен не узнает той боли, какую довелось терпеть мне.

Второе... о сострадательный Кришна! Пусть даже враги мои не станут скорбеть по своим сыновьям. Нет в мире величайшего горя. Кто знает об этом лучше меня?

Третья просьба... пусть ни одной женщине на свете не выпадет пройти через боль, которую я испытала тогда, при дворе. Пусть женщины будут прекрасны, но не делай мужчин такими похотливыми!

Четвертое, о чем я прошу – я прошу ради всего мира, ради династий грядущего. О Кришна, верховный благодетель, я пережила одну войну. Даже сейчас материнское сердце в моей груди слышит причитания матери-Земли. Поэтому я прошу: пусть ни одна страна не распадется на части, как Хастина и Индрапрастха! Да не послужит причиной разделения ни национальность, ни религия, ни

язык, ни цвет кожи. Неравенство и разнообразие сотворены Тобой. Да не будет нарушена целостность, единство и чистота ни одного народа. Я пострадала от последствий великой войны, в которой обе стороны понесли потери. Как победители, так и побежденные лишились друзей и родственников. Цивилизация, культура, богатство, жизнь – всему пришел конец. Из уст Господа Вьясы я слышала, что через пять тысяч лет человечество ждет расцвет цивилизации, культуры и науки. С помощью последней люди наладят

связь с иными мирами. Затем, приняв неверное решение, жаждущие власти люди развяжут великую войну, в которой применят страшное оружие, созданное при помощи той же науки. О спаситель и избавитель, Кришна, именно Ты начинаешь новый цикл творения и возрождаешь цивилизацию. О Создатель! В Двапара-югу Ты посетил Хастину с посланием мира. Так почему бы Тебе не донести сладостное звучание Своей флейты – «шантих, шантих, шантих» – до ушей вдумчивых людей эпохи Кали?

А если мирная мелодия Твоей флейты не будет услышана, Ты Сам низойдешь на Землю. Ты приходишь по-разному, принося с Собою то мир, то меч. Человеку хорошо известно, что такое страдание, так почему же он не избирает мирный путь? Моя четвертая просьба – о благополучии мироздания, национальной целостности и мировом союзе.

Пятая просьба касается меня – Панчали, героини пятерых героев, царевны Панчала, матери пятерых сыновей. Этой пятой просьбой я завершаю последнюю главу жизни в теле из пяти начал. О чем же будет моя последняя просьба? О *мокше*? О *сварге*? О спасении? Об этом просит душа, но я прошу об обратном.

Я не хочу *мокши*, растворения. Я не хочу достичь *сварги* в своем нынешнем теле. Я не хочу даже освобождения. Я жажду родиться снова. Ты удивлен, *сакха*?.. Не нужна мне *сварга*, эта обитель богов. Если кому-то и положено достичь *сварги* во плоти – то это Юдхиштхире, поскольку, вопреки всему своему благочестию, он жесток. Он – сверхчеловек, он

бог. Чтобы покинуть Землю и вознестись на *сваргу*, он следовал *садхане* всю свою жизнь. Остальные мои мужья – простые смертные; нет сомнений в том, что один за другим они оступятся и падут.

Сакха! Много в этой жизни было упущений. Хотя и во имя справедливости, но я желала войны, вдохновляла мужей сражаться. Сегодня я думаю, что если бы я с самого начала пообещала установить мир, то невинные жертвы – мужчины и женщины Арьяварты – остались бы в живых. Чтобы исправить ошибки, позволь мне снова родиться на той же самой святой земле – земле, где я приняла рождение в этом бренном теле. Самая душа Бхараты проникнута Кришной, блаженством, любовью. Основа такой милости – сердце, полное любви. Невозможно полюбить Бога, ненавидя человека. Посему, о лучший из любящих, позволь мне из жизни в жизнь рождаться возлюбленной Кришны, любящей целый мир.

Я постигаю сознание Кришны великой Бхараты. Духовность и чувство *дхармы* затронут сознание всего человечества. Однажды целый мир наполнится сознанием Кришны. Кришна значит «темный»; это тьма чрева, порождающего свет. Мир, окутанный тьмой опасности, трудностей и ошибок, может возродиться благодаря духовному сознанию, и тогда Бхарата укажет путь к дружбе и миру для всего мира. О Кришна, Творец! Позволь мне снова и снова рождаться на земле Бхараты, дабы исправить ошибки моей истекшей жизни. Мне не нужно долголетие. Хотя бы мгновение – с руками рабочего, глазами мудреца и сердцем преданного – позволь мне жить для Тебя и умереть за Тебя. *Сакха!* Мир, вселенная – это Ты Сам. Жить и умереть за Тебя значит жить и умереть за мир. Получив такое рождение, я надеюсь тем самым исправить ошибки своего нынешнего рождения. Моя жизнь обретет смысл. Живя и встретив смерть на Земле, моя душа отправится в рай. Я не хочу вознестись на небеса в своем теле – пусть небеса увидит моя душа.

Я не испытываю страданий, поскольку умираю с желанием родиться снова на святой земле Бхараты. Перед лицом смерти на моих устах Твое имя, а в ушах – звучание Твоей флейты: «*ом шантих, шантих, шантих!*» Пусть же в ушах мятежных людей Кали-юги точно так же звучит эта восхитительная музыка.

Конец.

Сакха, я начала письмо с того, что излила Тебе свою скорбь. Я знаю не понаслышке, что такое боль. Для Тебя я – открытая книга, и все же моя история остается недосказанной. Заканчивая письмо, я перечитываю его снова и снова и подумываю: а не начать ли все заново? Начать с конца, закончить с начала... что же я делаю?

Не Ты ли сказал, что жизнь не кончается со смертью, что смерть – это начало, за которым следует облачение в новый наряд? Тогда почему бы не поставить слово «конец» в начале письма, а «начало» – в конце? Мое тело лежит здесь, душа уносится прочь, словно лепесток, – туда, где, пронзенные стрелой *шабара* Джары, цветут Твои окровавленные стопы, напоминающие лотосы с бесчисленными золотистыми лепестками в черном, пустом, но полном Кришны небе. Ты бросил мне однажды именно такой золотистый лотос о тысяче лепестков, полностью расцветший и заставивший лотос моего сердца тоже раскрыться в любви! Скованная *майей*, я не понимала тогда, что не лотос то был, но Твои нежные стопы, которые Ты протянул мне. Бесчисленные осыпавшиеся лепестки расцветут где-нибудь, превратившись каждый в точно такой же лотос с бесчетными лепестками. И снова лепестки облетят, чтобы опять воссоединиться. Очертания лотоса не изменяются, и количество лепестков остается тем же. В лотосе Твоих стоп я вижу лица всех и каждого, кого оплакивала: отец, братья, сыновья, Ма Кунти, Гандхари, друзья и родственники и, наконец, доблестный Карна, – все здесь, все вместе, все они – лепестки! Я уношусь прочь, чтобы войти в тот же цветущий лотос, в котором найду все,

что потеряла. Теперь я поняла, что обрести Твои лотосные стопы – величайшее достижение; для такого счастливца грани между другом и врагом, *дхармой* и *адхармой*, кастами и национальностями стираются. В лепестках этого лотоса я вижу все и понимаю, что пустота – это на самом деле полнота; творение – в действительности уничтожение; начало – по сути своей конец. Поэтому я начала свое письмо словом «конец». В определенном смысле это не письмо – это моя жизнь. Чем мне закончить его? Пусть чарующая песня флейты огласит всю вселенную и пребудет с человечеством: *«ом шантих, шантих, шантих!»*

Начало...

О г л а в л е н и е

Об авторе.....	6
Глава 1.....	7
Глава 2.....	11
Глава 3.....	15
Глава 4.....	21
Глава 5.....	27
Глава 6.....	29
Глава 7.....	55
Глава 8.....	65
Глава 9.....	68
Глава 10.....	75
Глава 11.....	82
Глава 12.....	85
Глава 13.....	99
Глава 14.....	107
Глава 15.....	123
Глава 16.....	134
Глава 17.....	144
Глава 18.....	157
Глава 19.....	166
Глава 20.....	182
Глава 21.....	188
Глава 22.....	203
Глава 23.....	207
Глава 24.....	210
Глава 25.....	219
Глава 26.....	222
Глава 27.....	225
Глава 28.....	246
Глава 29.....	255
Глава 30.....	262
Глава 31.....	266
Глава 32.....	272
Глава 33.....	275
Глава 34.....	277
Глава 35.....	280
Глава 36.....	285
Глава 37.....	287
Глава 38.....	292
Глава 39.....	295
Глава 40.....	299
Глава 41.....	304
Глава 42.....	310

Глава 43.....	315
Глава 44.....	316
Глава 45.....	320
Глава 46.....	323
Глава 47.....	329
Глава 48.....	332
Глава 49.....	343
Глава 50.....	348
Глава 51.....	355
Глава 52.....	361
Глава 53.....	366
Глава 54.....	369
Глава 55.....	375
Глава 56.....	378
Глава 57.....	381

